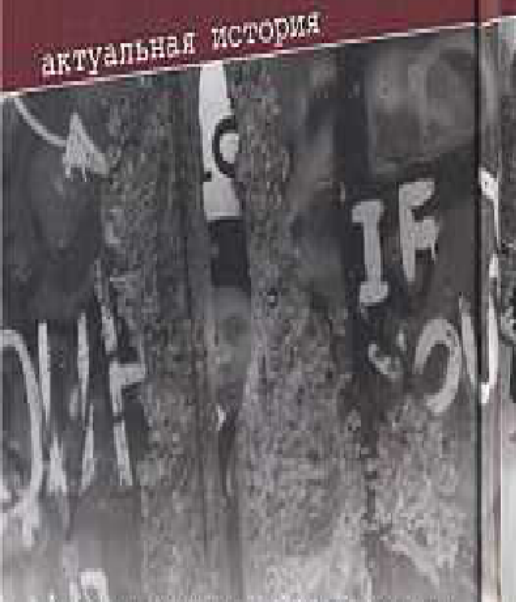
актуальная история

Книга бывшего советника-посланника посольства СССР в Берлине, доктора политических наук, главного научного сотрудника Института Европы РАН И.Ф. Максимычева рассказывает о двух последних годах существования ГДР. Автор подробно, шаг за шагом, прослеживает процесс распада одного из самых благополучных государств социалистического блока, имевшего мощный, самый могущественный спецслужбу государственной безопасности — Штази. Автор подводит неутешительные итоги объединения двух немецких государств.

ISBN 978-5-9533-4701-3

Вече

ПАДЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

актуальная история

Игорь МАКСИМЫЧЕВ

Падение Берлинской стены

Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине

Наталия Нарочницкая представляет...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга бывшего советника-посланника посольства СССР в Берлине, доктора политических наук, главного научного сотрудника Института Европы РАН И.Ф. Максимычева рассказывает о двух последних годах существования ГДР Автор подробно, шаг за шагом, прослеживает процесс распада одного из самых благополучных государств социалистического блока, имевшего, пожалуй, самую могущественную службу государственной безопасности – Штази. Автор подводит неутешительные итоги объединения двух немецких государств.

- Игорь Максимычев
  -
  - Предисловие
  - О тяге к мифам и мифотворчеству
  - Обвал
  - Россия и Германия
  - Первые впечатления
  - Снова в ГДР
  - Западный Берлин
  - Давление в котле растет
  - Чем дальше в лес…
  - Последний звонок
  - Гвоздь в крышку гроба
  - Когда рушатся стены
  - Что же дальше?
  - «Два плюс четыре»
  - Финал
  - Последние недели ГДР
  - «Остальгия»
  - Нет у истории конца
  - Вместо эпилога: Храм российской дипломатии в Берлине
  - Приложение I
  - Приложение II
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138

- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214

Игорь Максимычев
ПАДЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

Из записок советника-посланника посольства СССР в Берлине

Фото Антони Суаву (США) «Огонёк» 1990 №15

Предисловие

Читатель, вы взяли в руки полезную и интересную книгу. Полезную – потому что она посвящена отношениям между Россией и Германией, между русскими и немцами. Мы все исходим из того, что XXI век станет столетием мира и сотрудничества в европейском и глобальном масштабе. Но мир в Европе возможен только в том случае, если русские и немцы будут вместе, а не друг против друга. Вражда проистекает по большей части из незнания. Чтобы быть вместе, нужно располагать как можно более исчерпывающей информацией друг о друге и о мире вокруг. Это поможет распознать причины, по которым русские и немцы по-разному реагируют на события, которые, как считается, должны вызывать схожую реакцию. Необходимо иметь представление об историческом опыте, который у каждого народа свой собственный, не похожий на опыт соседей. Отдавать себе отчет в том, о чем мечтали и к чему стремились люди старших поколений каждой из стран: это даст возможность разобраться в том, с каким багажом ваши сверстники из страны-партнера вступали во взрослую жизнь. А это в свою очередь будет содействовать пониманию того, почему многие конкретные вещи устроены в Германии по-иному, чем у нас, причем не могут быть устроены иначе. Такое понимание требуется не для того, чтобы что-то перенимать или осуждать, а для того, чтобы уважать друг друга. Там, где есть уважение, есть и готовность прощать друг другу мелкие слабости во имя великой общей цели – мира и благополучия для человечества, частью которого являются оба наших великих народа.

Одновременно это очень интересная книга, потому что ее написал человек, жизнь которого с младых ногтей была связана с жизнью немцев и политическими реальностями послевоенной Германии (и по служебной необходимости, и по научным интересам, и по личным симпатиям). Первый контакт с германской действительностью состоялся у автора книги более полувека назад, в 1956 году, когда И.Ф. Максимычев, только что получивший диплом выпускника исторического факультета Московского государственного института международных отношений (с отличием), прибыл в свои неполные 24 года к месту назначения в Консульство СССР в Лейпциге. С тех пор контакт не прерывался. Долгие годы Максимычев проработал на разных должностях в советских посольствах в Бонне (ФРГ) и Берлине (ГДР). Даже во время работы в посольстве во Франции (1966-1971 гг.) он не отрывался от германской тематики, занимаясь прежде

всего проблемами франко-западногерманских отношений, которые становились в этот период основой и мотором западноевропейской интеграции. Позже, в 1988 году, под псевдонимом М.К. Симычев вышла в свет его книга «Соседи по Рейну», посвященная изобиловавшей острейшими моментами истории многовековых отношений между французами и немцами. Немного ранее, в 1981 году, появилось исследование советско-германских отношений в 1933-1939 гг. («Дипломатия мира против дипломатии войны»), в основу которого легли материалы кандидатской диссертации автора. После выхода в отставку в 1992 году и последующего перехода в Институт Европы РАН он продолжает разрабатывать германскую тему в более широких рамках европейской безопасности, выпустив полтора десятка завоевавших признание исследований. При этом он опирается на личный полувековой опыт общения с немцами и их институциями, на согни знакомств среди граждан обоих германских государств, на беседы с десятками друзей на Востоке и Западе Германии, на горы изученных им изысканий немецких, французских, английских и американских авторов. Все это делает настоящую книгу неповторимо интересной для российского читателя вне зависимости от степени его информированности о германских делах.

Тема взаимоотношений русских и немцев неисчерпаема. Эти отношения зародились в седой древности, развиваясь и расширяясь на протяжении веков. В них было все – равноправное участие Великого Новгорода во всемогущей Ганзе, диктовавшей свою волю всей Северной Европе, и попытки Тевтонского ордена захватить русские земли; приглашение немецких крестьян для освоения освобожденных от турецкого ига территорий Поволжья и Новороссии и вступление русских войск в Берлин во время Семилетней войны (1756-1763); активное участие «российских немцев» в общественной жизни России и бесчеловечная практика оккупационных властей гитлеровской Германии, направленная на уничтожение русского народа. И все же нормальное, добрососедское, партнерское преобладало в отношениях между русскими и немцами вплоть до XX века, когда из Германии на Европу и все человечество обрушились одна за другой две мировые войны. Научный анализ причин и обстоятельств возникновения этих катастроф важен и необходим. Но сделать прошлое близким и понятным для каждого могут только те, кого называют свидетелями времени. К их числу относится автор настоящей книги, германист по образованию, по роду служебной деятельности, по профессиональным интересам и душевной склонности.

Приобретя эту книгу, вы приняли правильное решение. Она объединяет в себе и анализ исследователя, и умозаключения историка, и личное восприятие международных событий на протяжении полувека, и повествование очевидца и участника многих из этих событий. Она содержит рассказ о фактах и эпизодах, упоминания о которых вы не найдете больше нигде. Последние пять лет на дипломатической службе Максимычев занимал пост советника-посланника посольства в Берлине (заместителя посла) и стал очевидцем, пожалуй, самого драматического периода наших отношений с Германией в послевоенный период, когда Советский Союз, а затем и Россия сдавали без всякой нужды свои позиции в центре Европы. Об этом и идет его рассказ.

Прочтите внимательно книгу, которую вы держите в руках. Вы не пожалеете – она стоит того.

профессор Ал. Ан. Громыко, доктор политических наук, заместитель директора Института Европы РАН

О тяге к мифам и мифотворчеству

9 ноября 2009 года в Германии шумно и торжественно отпраздновали 20-летие падения Берлинской стены. Задолго до знаменательного дня все средства массовой информации приступили к публикации материалов самого различного свойства, посвященных этому событию. Охотно публиковались воспоминания даже тех людей, которых тогда в Берлине не было. Телевидение практически ежедневно передавало кадры документальных съемок с места событий и ток-шоу с самым разнообразным (и иногда удивительным) составом участников; университеты проводили конференции и «круглые столы» на заданную тему; в Берлине состоялась официальная церемония, на которую были приглашены главы государств и правительств четырех держав-победительниц Второй мировой войны, а также М.С. Горбачев и Джордж Буш-старший в качестве «духовных отцов» сноса стены; в германскую столицу приехали главы всех государств – членов Европейского союза; готовилось всенародное празднество, которому помешал лишь проливной дождь, продолжавшийся весь день и вечер; политики воспользовались случаем, чтобы произнести огромное количество вдохновенных речей; была задумана и осуществлена симуляция ликвидации стены – на более чем километровом участке ее прохождения, обозначенного особой кладкой на мостовой, выстроили цепочку гигантских поролоновых костяшек домино, украшенных детскими рисунками, которые затем были опрокинуты избранными гостями (к их числу относился и бывший польский президент Лех Валенса, повредивший при этом себе спину).

Но вот незадача: главная церемония в честь 20-летия, растиражированная телевидением на весь мир, состоялась перед Бранденбургскими воротами, которые открылись только месяц с лишним спустя, 22 декабря 1989 года. Мало того, 20 лет назад падения стены как такового 9 ноября вообще не было – она продолжала стоять на своем месте еще довольно продолжительное время. Возможно, организаторы празднества нарекли «падением» открытие контрольно-пропускных пунктов стены. Но это также весьма неточное обозначение – КПП стены исправно работали и раньше, и позже исторической даты. Что бесспорно изменилось в указанный день, так это правила, по которым гражданам ГДР разрешалось пересекать границу республики с ФРГ и секторальную линию разграничения в Берлине. Об изменении указанных правил и было объявлено вечером четверга 9 ноября 1989 года. Конечно, в ночь на пятницу

и затем до понедельника 13 ноября граждане покидали территорию ГДР и возвращались на нее, как правило, без всяких разрешений. Однако это было временное явление. С началом рабочей недели порядок был полностью восстановлен. Люди в соответствии с постановлением правительства ГДР получали в полицейском участке по месту жительства разрешительный штамп в своем удостоверении личности, которое они затем предъявляли пограничникам. Как и уличные демонстрации, посещение Западного Берлина происходило в выходные дни и нерабочее время, так что производственный ритм предприятий ГДР не нарушался. На революцию, хотя бы и мирную, это было не очень похоже.

По существу, самый важный момент состоявшихся 9 ноября 1989 года изменений заключался в том, что власти ГДР отменили объемистый список ограничений и исключений, которые ранее препятствовали получению разрешения на выезд в ФРГ. Теперь такое разрешение выдавалось практически автоматически и независимо от того, является ли выезд временным или постоянным. Принципиальным являлось также то, что указанное решение было принято ГДР самостоятельно и без давления извне. Советский Союз был проинформирован об одном из вариантов предстоящего решения за два дня до его принятия и возражений не высказал. Днем 10 ноября Москва публично одобрила действия властей ГДР, а М.С. Горбачев через советского посла в Берлине направил руководству республики устное послание с поздравлениями и пожеланием и дальше действовать так же смело и решительно.

Нельзя не признать, что поведение руководителей ГДР 9 ноября и сразу после него носило сумбурный характер и вызывало подчас впечатление глубокого политического и административного обморока. Совершенно неожиданно, без предварительного согласования с Москвой и даже с собственным министерством иностранных дел, постановление о либерализации режима выезда из ГДР было распространено на секторальную линию разграничения в Берлине, хотя все, что касалось Западного Берлина, относилось, в соответствии с Четырехсторонним соглашением от 3 сентября 1971 года, к компетенции СССР, а не ГДР. Разумеется, советское правительство не стало бы возражать, но наверняка посоветовало бы не спешить с Западным Берлином: простая вежливость требовала заранее предупредить осуществлявших высшую власть в городе военных комендантов трех держав, а также западноберлинский сенат о предстоящих изменениях, которые несли с собой критическую нагрузку на транспортную,

социальную и финансовую инфраструктуру Западного Берлина в связи с легко прогнозируемым массовым наплывом посетителей и переселенцев из Восточного Берлина.

Но это были детали, хотя и достаточно важные (взрыв страстей случился вечером 9 ноября как раз у КПП стены в Берлине; на КПП германо-германской границы все время было тихо и безлюдно). Главным было то, что решение упростить условия выезда в ФРГ отвечало настроениям общества ГДР. После знаменитого «Народ – это мы!» требование свободы поездок было, пожалуй, самым распространенным лозунгом демонстрантов, заполнявших улицы и площади городов республики. Однако эффект от энергичного шага навстречу пожеланиям населения был скомкан, и он не принес того позитивного результата, которого следовало ожидать. Информация о принятом правительством ГДР решении была выдана мимоходом, под конец пресс-конференции, посвященной совсем другой проблематике, а именно работе проходившего в те дни пленума ЦК СЕПГ. О судьбоносном постановлении объявили скороговоркой, без упоминания ряда существенных деталей нового урегулирования и, самое главное, с ошибочным указанием даты его вступления в силу. Западным СМИ была предоставлена полная возможность воспользоваться возникшими недоговоренностями и призвать жителей Восточного Берлина немедленно идти к КПП стены, которые якобы уже открыты для свободного прохода. В действительности пограничники ГДР даже не были предупреждены о грядущем изменении режима пересечения секторальной линии разграничения. К счастью, охрана КПП приняла единственно правильное решение и подняла шлагбаумы. Народ хлынул в Западный Берлин, которого не видело целое поколение граждан ГДР (стена просуществовала более 28 лет).

Другой провальный момент заключался в том, что политических руководителей республики не было с народом перед КПП; не удосужились они и выступить с пояснениями или комментариями на телевидении. В последующие дни вождей также не было видно. Первым представителем власти, показавшимся на публике, был присутствовавший в воскресенье 12 ноября на открытии нового КПП на Потсдамер-плац обер-бургомистр Восточного Берлина Эрхард Крак – политик, прямо скажем, далеко не первого плана (с западной стороны там был президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер). Тогдашнее руководство ГДР своими руками дало недругам повод утверждать, будто свобода поездок была ему навязана против его воли. Это явилось одним из основных факторов скорого исчезновения после-хонеккеровских деятелей с политической арены. В открытии

Бранденбургских ворот в декабре 1989 года – наряду с Гельмутом Колем – принял участие новый председатель Совета министров ГДР Ханс Модров (он был избран парламентом ГДР на эту должность 13 ноября). Однако это не могло исправить политического ущерба, уже причиненного добровольным «затворничеством» реформаторского руководства республики.

До всех этих деталей действительно состоявшихся событий организаторам празднеств 20-летия не было дела. Они сосредоточились на задаче навязать свою трактовку событий, которая состояла в том, будто открытие стены было концом ГДР (отсюда назойливое повторение тезиса о том, что 9 ноября состоялась «мирная революция») и поражением Советского Союза, утратившего все позиции в Центральной Европе, которыми он владел в итоге Победы во Второй мировой войне (отсюда славословия в адрес «новых» победителей – Соединенных Штатов Америки и Западной Германии). На самом же деле демократическая оппозиция в ГДР шла к власти под лозунгами совершенствования республики, а не ее ликвидации. Целью оппозиции являлась «улучшенная ГДР», которая была бы, естественно, тесно связанной с ФРГ, но не растворялась бы в ней. Эта концепция опиралась на солидную социальную и экономическую базу, существование которой было проигнорировано при включении ГДР в ФРГ. Оппозиция сформулировала требование о проведении в ГДР референдума по вопросу об объединении и его условиях. Спешка в деле объединения, отвечавшая интересам Гельмута Коля и его партии, привела к тяжким, иногда катастрофическим последствиям для «новых земель», как сегодня официально называется территория бывшей ГДР (в отличие от «старой ФРГ», существовавшей и до 1990 года).

С 6 по 8 ноября 2009 года по приглашению Академии политического образования в Тутцинге[1] мне довелось участвовать в проводившейся там научной конференции на тему «Германия – единое отечество?»[2]. Общий тон дискуссии определялся как раз тем вопросительным знаком, который был включен в название конференции. В центре внимания всех докладчиков, выступления которых отличались высоким уровнем научной объективности и богатством привлеченного фактического материала, стояла проблема: почему 20 лет спустя после объединения не удалось создать однородного общества в масштабе всей страны и можно ли предсказать тот момент, когда это произойдет? Наиболее впечатляющим, с моей точки зрения, было выступление Райнхарда Хепнера, бывшего премьер-министра восточногерманской земли Саксония-Ангальт[3]. Хепнер

справедливо отметил, что Западу издавна присуща стойкая традиция смотреть свысока на все, что делается на Востоке, не давая себе труда вникнуть в существо реально существующих проблем. Он назвал следующие десять фундаментальных моментов, которые определяли и определяют наличие значимых различий между Восточной и Западной Германией.

1. Обе части Германии ощутимо различаются по социальному составу своего населения; процесс дифференциации начался в ходе последней фазы военных действий и усилился после мая 1945 года, когда восточнопрусские дворяне и помещики, крупные промышленники, а также мелкие нацисты побежали из Советской зоны оккупации на Запад; в результате к 1961 году (момент возведения Берлинской стены) для населения Восточной Германии стало характерным преобладание мелкобуржуазного и пролетарского элемента; к тому же в конфессиональном отношении население ГДР было однородно протестантским.

2. В первые годы после разгрома нацистской Германии наличие основ противоположного общественного строя на Востоке и на Западе страны воспринималось как своего рода соревнование: кто построит лучшую Германию? Многие видные деятели германской культуры, испытав на себе холодное бездушие капитализма, эмигрировали в Восточную зону; их настроения характеризовало убеждение в том, что сохранение мира «важнее свободы».

3. В дальнейшем психологический фон для сравнения Востока и Запада Германии изменился; восточная зона оккупации выплачивала репарации Советскому Союзу и Польше, а западные зоны, наоборот, получали помощь в виде «плана Маршалла»; это воспринималось как гарантия, что в будущем в западных зонах будет жить лучше; в результате начался постоянный отток высококвалифицированной рабочей силы и специалистов с Востока; возведение стены предотвратило экономический коллапс ГДР вследствие ухода рабочей силы; помешать строительству стены могло бы согласие Запада рассмотреть возможности, открывавшиеся «Сталинской нотой» 1952 года (СССР предлагал тогда объединение Германии на основе свободных выборов в том случае, если она не будет участвовать в военных союзах, направленных против кого-либо из участников антигитлеровской коалиции), однако этого не было сделано.

4. Участие ГДР в разделении труда в рамках СЭВ привело к высокой специализации ее предприятий; кризис советской экономики вызвал неплатежеспособность СССР, что привело к банкротству целых отраслей народного хозяйства ГДР (например, вагоностроения, которое было целиком ориентировано на

советский рынок); в крахе таких предприятий часто винят объединение, но это неверно – по сути, это последствия глобализации.

5. Для общественного сознания ГДР были типичны настроения коллективизма; там на деле происходил переход от «я» к «мы», члены так называемых «социалистических бригад» на производстве встречаются друг с другом до сих пор; создававшиеся под сильным нажимом сверху сельскохозяйственные кооперативы стали затем чрезвычайно популярны среди своих членов; эти кооперативы существуют и поныне, только под другим названием; всеобщее одобрение вызывало приблизительное равенство доходов для всех.

6. После ликвидации стены разница в материальном положении западных и восточных немцев сохранилась; «западники» по-прежнему богаты, «восточники» по-прежнему бедны; до сих пор «восточники» получают за равный труд меньшую заработную плату, чем «западники», восточноберлинцы стремятся работать в Западном Берлине, чтобы больше зарабатывать.

7. Сохраняются и различия идеологического характера: для населения Восточной Германии характерен атеизм, влияние церкви падает, число прихожан не растет, а если не передавать традиции от поколения к поколению, то они умирают; с другой стороны, в «новых землях» не приходится бороться за равноправие женщин – в ГДР все женщины работали на равных основаниях с мужчинами.

8. Беспокоят масштабы приобретающего массовый характер переселения восточных немцев в «старые земли» уже после объединения Германии; бежит в первую очередь молодежь и интеллигенция; причины – рекордная безработица, отсутствие возможностей карьерного роста в Восточной Германии; эта проблема экономического порядка, но она обостряет все остальные.

9. ГДР была государством, заботившимся о своих гражданах (вполне в традициях Бисмарка); отношение к ней – это одновременно и отношение к демократии; по существу, дело идет об ответе на вопрос, какая система лучше – старая или новая? И, если судить по результатам опросов, многие на Востоке отвечают: новая система – дерьмо!

10. Настроения в «новых землях» характеризуются одним словом: ностальгия; критиковать подобную ситуацию бесполезно: любовь к родине – это всегда положительный фактор; видимо, приходится рассчитывать на библейский рецепт: Моисей водил свой народ по пустыне, пока не вымерли старшие поколения,

помнившие, как они жили до начала исхода; в то же время отвращение к политике ширится и в Западной Германии, а это также признак кризиса демократии[4].

В других докладах на конференции, а также в дискуссиях подтверждался тот факт, что реализованный в 1990 году способ установить германское единство оставил за бортом мнение значительной части населения ГДР. Прежде всего не было учтено его право участвовать в формировании облика единой Германии. Подчеркивалось, что во время самого массового за всю историю ГДР митинга 4 ноября 1989 года на Александер-плац в Берлине (почти 1 миллион участников) не было ни одного лозунга или транспаранта в пользу объединения с ФРГ. Профессор Бременского университета Макс Каазе высказал предположение, что будь соотношение между численностью населения германских государств не 60 миллионов к 17, а более уравновешенным, не было бы их объединения, во всяком случае в тех формах, в каких оно произошло. Большинство участников конференции считало, что сближение между «новыми» и «старыми» землями налицо, но происходит оно медленно и не приведет к выравниванию ситуации в них в обозримом будущем. Определенным пессимизмом повеяло от констатации, что сегодня в Германии обсуждаются те же самые вопросы, что и 20 лет назад. В целом мнение немецких специалистов по изучению общественного мнения разительным образом отличалось от праздничных фанфар организаторов юбилейных торжеств, для которых «все обстоит к лучшему в этом лучшем из миров».

Обратило на себя внимание, что за рамками дискуссии в Тутцинге остался вопрос о политике Советского Союза в сфере германских дел в период глубокого политического кризиса в ГДР. Правительство Ханса Модрова, а затем и кабинет Лотара де Мезьера, сформированный после парламентских выборов 18 марта 1990 года, полагали, что смогут опереться на определенную поддержку Москвы в сложных переговорах с ФРГ, которая с нажимом вела дело к скорейшему присоединению Восточной Германии, используя как приманку обещание оказать ей материальную помощь. Для подобных предположений восточногерманских политиков имелись определенные основания: ГДР была важнейшим союзником СССР в Европе и основой всей существовавшей на тот момент системы обеспечения его безопасности на европейском направлении. Советское прикрытие для ГДР представлялось таким же естественным, как американская «крыша» для ФРГ. Однако 10 февраля 1990 года руководство СССР заявило о том, что занимает «нейтральную» позицию в спорах между Бонном и Берлином,

предоставляя «немцам самим решать свои проблемы». На практике это означало неизбежность развития ситуации по западногерманскому сценарию. Следует отметить, что и «самонейтрализация», и решение о выводе из ГДР Западной группы войск были результатом собственной инициативы Москвы, без всякого давления извне. В начале 1990 года не было и не могло быть речи о каком-либо «поражении» Советского Союза.

Вряд ли указанные фундаментальные факты были неизвестны организаторам торжеств по случаю 20-летия падения стены. Однако они предпочли идеологическое истолкование событий, другими словами – мифотворчество. Это целиком относится и к другой эпохальной идее, которую в дни юбилея упорно пытались навязать недостаточно информированной общественности. Эта идея присутствует практически во всех речах и печатных материалах, посвященных указанной дате, но, на мой взгляд, наиболее обстоятельно и откровенно ее суть сформулировал французский писатель Жан д'Ормессон в статье, опубликованной в парижской «Фигаро» 8 ноября 2009 года (в последние годы французы частенько подыгрывают немцам, даже не ожидая просьбы с их стороны; они, видимо, убеждены, что тем самым укрепляют франко-германский тандем). Смысл довольно пространного текста д'Ормессона, состоявшего в основном из общих мест и благоглупостей, заключался в следующем пассаже, связанном с риторическим вопросом автора относительно причин, по которым полиция ГДР не разогнала уже упоминавшийся митинг 4 ноября в Берлине. (Вопрос действительно чисто риторический, поскольку власти ГДР дали официальное согласие на проведение митинга). «Так что же произошло?» – пишет по этому поводу д'Ормессон и отвечает самому себе: «А произошло нечто потрясающее, остававшееся долгое время незамеченным: Соединенные Штаты и свободный мир выиграли эту Третью мировую войну, которая так и не состоялась. Они выиграли холодную войну». И дальше следует перечень имен «героев» этой войны – президент США Рональд Рейган, папа римский Иоанн-Павел II, Солженицын, Горбачев… Конечно, французы большие специалисты по части выигрывания войн, но, наверное, даже д'Ормессону было бы при желании несложно понять, что дело не в мнимом поражении Советского Союза, а в банкротстве его тогдашнего руководства, какими благими намерениями оно ни пыталось бы объяснять свои действия или бездействие. В конце концов, после всех потрясений 90-х годов новая Россия, неизмеримо более слабая, чем прежний СССР, сумела благодаря разумному правлению добиться в начале

XXI века восстановления уважаемого места в мире. Впрочем, и д'Ормессон вынужден к концу своей статьи признать фиаско политики перестройки: «История движется очень быстро. Стена пала 9 ноября 1989 года. Менее чем год спустя, 3 октября 1990 года, канцлер Гельмут Коль провозглашает объединение Германии. Еще годом позже Горбачев покидает власть. СССР стерт с карты мира»[5].

Весь немалый пропагандистский потенциал Запада был мобилизован на то, чтобы представить Берлинскую стену только как средство пресечь бегство населения из ГДР. К сожалению, российские СМИ почти полностью переняли подобную интерпретацию. Запомнился показанный в дни юбилея фильм Владимира Кондратьева на телеканале НТВ, в котором ГДР походя именовалась «огромным концлагерем». Особенно обидно, что Кондратьев действительно бывал в те времена в ГДР и был знаком с тогдашней ситуацией в республике. Бесспорно, у стены была функция, направленная «вовнутрь», но она не была единственной. Стена имела также весомое защитное предназначение. Об этом сегодня почему-то не принято говорить, но в условиях холодной войны Западный Берлин на деле превратился в важнейший центр враждебной деятельности против ГДР, СССР и других социалистических стран. Город буквально кишел агентами самых разнообразных спецслужб и секретных организаций, большая часть которых финансировалась из частных источников и не контролировалась никем, даже тайной полицией «собственного» государства. На деятельность многотысячной агентуры возлагались большие надежды, причем не только по части шпионажа и вербовки потенциальных изменников. Считалось вероятным, что глубоко законспирированная сеть агентов в ГДР сумеет при случае организовать вооруженное восстание, которое затем перекинется на соседние Польшу, Чехословакию, Венгрию. Лишь после возведения стены был окончательно поставлен крест на этих авантюрных планах, осуществление которых грозило стать прелюдией реальной Третьей мировой войны. Именно после появления стены Запад сделал из нужды добродетель: ФРГ пересмотрела свою линию на силовое уничтожение ГДР, германо-германские отношения были нормализованы, ООН единогласно приняла оба германских государства в свои члены. Ситуация в Европе приняла, наконец, стабильный характер. Было бы ошибочно забывать, что стена сыграла в истории не только отрицательную роль.

Сразу после юбилея 20-летия падения стены мне в руки попалась любопытная статья в еженедельнике «Русская Германия», издающемся в Берлине для русскоязычной диаспоры в

ФРГ[6].

Текст, написанный сотрудницей редакции еженедельника Светланой Бильской, привлек мое внимание своеобразным углом зрения, под которым она рассматривала не только минувшие празднества, но и само событие двадцатилетней давности, очевидцем которого она была. Судя по всему, автор был то ли членом семьи военнослужащего Советской армии, то ли вольнонаемным служащим Западной группы войск (возможно, преподавателем в одной из средних школ при ЗГВ в Потсдаме), и у него сложилось собственное мнение обо всем случившемся. Мне кажется, что ради полноты картины стоит привести эту статью полностью.

Бильская начинает свой рассказ так: «Ангела Меркель в тот четверг сходила в сауну, выпила пива в баре; Горбачев «хорошенько выспался»; Франсуа Миттеран «испугался»; Гельмут Коль был застигнут врасплох. А вот что делала в день падения Берлинской стены ты?» – с улыбкой спросил меня знакомый. Ну, я в тот день еще ничего не знала, а вот на следующий сидела у телевизора в «своем» Потсдаме после работы и с любопытством, тревогой и растерянностью смотрела репортажи. Помню, испытывала стыдящуюся жалость к людям, которые – пусть уж они меня простят! – как стадо из загона, давясь, ринулись то ли на волю, то ли к яслям-кормушке. Казалось, что они телами своими способны сокрушить стену, пройти сквозь нее, лишь бы ворваться. Осознавала ли я, что падение стены – это конец ГДР? И чем это оборачивалось для ее жителей, для страны в стране – Группы советских войск, для меня лично? В тот миг – нет. Смутно лишь понимала, что день падения стены стал первым днем вывода советских войск из Германии».

И далее: «Об этом времени можно рассуждать-рассказывать томами, а у меня «под рукой» всего горсть абзацев. Падение стены – действительно эпохальное событие: нелепость и мерзость бетонированного загона не поддается сомнению. Как не поддается уже сомнению и проигрыш того социализма, который пытались построить за стенкой СССР и его «братья». Единственно, в чем я по-прежнему сомневаюсь, так это в цене. А она – это погребенные под стеной судьбы маленьких людей что в Германии, что в бывших странах Союза. Людей, которые не были готовы к глобальным встряскам, которые – пусть и слабовольно – не хотели никаких изменений, боялись их и вполне довольствовались тем, что имеют. Кто обращает внимание на летящие щепки, когда из срубленных, обтесанных бревен строится новый дом, правда? Только вот жаль Франка, попавшего под жернова истории и не сумевшего остаться, как при ГДР,

уважаемым инженером. Труд-то любой почетен, на заработанные деньги можно теперь купить много бананов, но куда деть память и опыт проклятого инженерского прошлого, выброшенного стеной в мусор, который он теперь старательно убирает? Или же Ингрид, которая, упрямо наклонив голову, обещала: «Мы еще покажем западникам, как умеют работать гэдээровцы! Мы еще заставим себя уважать!» А фирму ее сжевали через два года: мешала осваивать «дикий Восток». Ладно, чиновники, номенклатура – те, как известно, народ мимикрирующий, затерли середку прежнего флага[7] и снова у дел. А вот тысячи неподтвержденных дипломов по одной только причине, что для их получения в обязательном порядке учили и сдавали идеологически «неправильные» предметы?[8]. И соответственно тысячи профессионалов, оставшиеся без работы (которые потом и по этой причине пополнили ряды НДПГ[9])? А выброшенные за борт – будто в страхе за бунт на корабле – офицеры гэдээровской армии, полицейские? А в день оказавшиеся нерентабельными сотни предприятий с их тысячами людей? А в миг ставшие ненужными детсады, молодежные лагеря, профсоюзные, как тогда говорили, здравницы?»

Бильская продолжает: «Молодежи было легче, это факт. А тем, кто прожил в ГДР 30-40 лет? Возьмите одну крохотную жизнь 60-летнего, в день падения стены, человека. Подсчитайте по годочкам. Родился в 1929-м, первый «приход в сознание» – Гитлер, детство-хайль, потом война, бомбежки, голод, послевоенная разруха – и раздел. Но после этого – наконец-то работа, скромный, но уверенный достаток. Да, чужие солдаты в нелепых шинелях-мешках, ворующие яблоки и велосипеды[10]; да, грохот чужих танков, ползущих на полигон и с полигона; да, первый на деревне лоботряс, ставший при новой власти чванливым начальником; да, тупые лозунги, за которые и по сегодня стыдно; да, стена в Берлине – от своих же, немцев; да, мир, сузившийся до СССР, Польши, Чехословакии, ну еще Болгарии… Зато работа, домик, по пролетарскому блату отданный тебе государством (и отобранный в 89-м прежним хозяином-весси[11]), спокойное будущее детей и даже гордость за самую крутую среди «социалистов» страну: сами смогли, сами построили, немец – он при любой власти построит и газон разобьет! После «предисловия» юности не так уж и мало. Тем более что ряд «да – зато» можно продолжить. Только вот все снова обрушилось, и в 60 лет – навсегда».

О самом наболевшем: «Ну, ладно, предположим, это немецкие внутренние разборки. А вот тех российских офицеров и их жен-детей, которых вывозили из Группы в чистое поле, в

палатки, спешно гнали, как заключенных, по этапу, разламывая судьбы по хребту и наживаясь политически, финансово на хаосе, – их не жаль? Сами немцы не верили, что так неприлично быстро и так мизерно дешево «отделались» от полумиллионного войска победителей».

И совсем грустная концовка: «Словом, 9 ноября – день, конечно, торжественный. И все же, мне кажется, честнее было бы не воспевать его, ставшего результатом внешнего и внутреннего толчка и давшего в свою очередь толчок тектоническим подвижкам на огромном мировом пространстве, безоблачно благородным и красивым. Не все прошли сквозь стену»[12].

Мне кажется, комментарии здесь излишни.

Париж был единственной из столиц иностранных государств, где 9 ноября 2009 года также было официально отмечено падение Берлинской стены. Возможно, этим сегодняшние французы хотели загладить весьма сдержанное отношение своего тогдашнего президента Франсуа Миттерана к перспективе возрождения германского гиганта в центре Европы. Поскольку президент Николя Саркози был в Берлине, возглавлял торжество в Париже французский премьер-министр. Сама церемония была попроще, но не без претензии. На площади Согласия, у Луксорского обелиска, перед гостиницей «Крийон» и посольством США был поставлен десяток гигантских надолбов с большими затемненными окнами, в которых время от времени появлялись освещенные лучами прожекторов виолончелисты, сообща исполняющие произведения современных композиторов. Все это должно было символизировать память о факте музицирования Мстислава Ростроповича у Берлинской стены (правда, музицирование состоялось 11 ноября, но кому интересны лишние детали?).

Немцы реваншировались через два дня, когда французы по традиции праздновали День перемирия (11 ноября 1918 года немецкое командование подписало в Компьенском лесу под Парижем завершивший Первую мировую войну акт о перемирии, который означал фактическую капитуляцию рейха). Для французов Первая мировая до сих пор остается «Великой войной» («La Grande Guerre»), и 11 ноября носит характер всенародного празднества. Все движение на широченных Елисейских полях перекрывается, и кортеж президента республики беспрепятственно следует по ним из Елисейского дворца к Триумфальной арке на площади Этуаль с развевающимся гигантским французским триколором, где президент возжигает огонь у Могилы Неизвестного Солдата. Впервые на этой церемонии присутствовал канцлер ФРГ. Ангеле Меркель выпала

честь рука об руку с Николя Саркози зажечь огонь под Триумфальной аркой в знак вечного примирения французов и немцев (в свое время Гельмут Коль и Франсуа Миттеран, также держась за руки, почтили под Верденом память солдат обеих наций, павших в самом кровопролитном сражении Первой мировой войны, но церемония с участием Меркель была более эффектной). Сцена была действительно величественной и трогательной. Но на политику трудно произвести впечатление символическими жестами.

Влиятельная французская «Монд» отмечала в этой связи: «Складывается впечатление, что обе столицы подписали пакт о ненападении, не располагая каким-либо совместным проектом. Эта анемия объясняется также чувством глубокой неудовлетворенности, характерным для последних двадцати лет: германское и французское общества становятся с каждым днем все более чуждыми друг для друга. Инициативная активность 60-х годов – породнение городов и административных единиц, а также лингвистические обмены – затухла. Все больше сокращается знание языка и культуры партнера. Между тем Рейн не должен становиться границей угрюмого безразличия»[13]. От такой унылой перспективы не спасает, как мы видим, даже совместное мифотворчество, которым столь активно занимаются в Берлине и в Париже.

Переписывание истории, подгонка истолкования исторических событий под сиюминутные политические потребности, отсутствие желания (и смелости) взглянуть в лицо реальностей даже недавнего прошлого, память о которых еще жива у многочисленных свидетелей времени, – все это не свидетельствует о мудрости властей предержащих и об их уверенности в прочности своего положения в современном мире. Очень часто такая тяга к искажению истории ведет к ошибочным решениям, принимаемым сейчас, в условиях реальностей, возникших на базе событий недавнего прошлого. Вспомним, как упорно в 90-е годы Запад хотел окончательно «закопать» Россию, считая ее проигравшей стороной, которая утратила всякое значение для глобальной политики. И как российские правители «сдавали» все, считая, что иного выхода для потерпевшей поражение страны просто нет. И как шаг за шагом, преодолевая сильнейшее сопротивление, России удалось в начале XXI века обратить подобное негативное развитие вспять.

Сейчас у гуру международного прогнозирования стало модой при перечислении глобальных факторов грядущих десятилетий называть только США, Китай и (совершенно безосновательно) погрязший во внутренних дрязгах Европейский союз. Иногда к

ним причисляют стремительно развивающиеся Индию и Бразилию. Россию помещают при этом по большей части в какое-то межеумочное положение: ей предрекается неизбежное присоединение либо к Европейскому союзу, либо к азиатскому блоку под большим или меньшим влиянием Китая. Если российское руководство станет ориентироваться на подобные пророчества, прогнозы легко могут стать самореализующимися. Именно уверенность в неизбежном и скором экономическом и политическом крахе, предсказанном светилами научного прогнозирования, толкало перестроечных и послеперестроечных руководителей на политику, которую потомки откровенно назовут капитулянтской.

Конечно, трудности и опасности всегда были, они есть и сегодня, вот только непреодолимыми они никогда не являлись и не являются. Для того чтобы начать хоронить себя, большого ума не надо. Могильщиков вокруг более чем предостаточно – активно помогут! Большой ум и воля нужны для мобилизации, для нейтрализации негативных тенденций, для организации перелома в развитии. Стоит лишь попристальнее вглядеться в события недавней истории, чтобы понять это. Мифы и мифотворчество призваны помешать учиться у истории. К ним нельзя относиться безразлично. А кто может объективнее и убедительнее сформулировать уроки истории, чем причастные к ней свидетели времени? Именно по этой причине я не могу молчать, тем более что судьба определила мне место на переднем краю важнейшего для моей страны внешнеполитического направления – германского и европейского.

Обвал

Иногда история снисходит до намеков или подсказок, которые впоследствии воспринимаются как предвестники дальнейшего развития. Кончина 2 июля 1989 года Андрея Андреевича Громыко, в прошлом почти три десятка лет руководившего Министерством иностранных дел СССР, была, вне всяких сомнений, мрачным предзнаменованием. Это сейчас послевоенный Советский Союз предстает в наших воспоминаниях по большей части как неизменный и эквивалентный противовес американскому гиганту. Однако в том далеком 1957 году, когда Громыко заступил на пост советского дипломата № 1, положение на земном шаре было далеко от полномасштабного «биполярного мира», который в зависимости от своих устремлений славят или проклинают нынешние политики. Тогда в одинаковую с США весовую категорию Советский Союз только начинал входить, а ведь затем надо было еще закрепиться в ней. Весь путь к равенству сил с США был пройден СССР с Громыко в качестве руководителя главного внешнеполитического ведомства набирающей международный вес страны. Андрей Андреевич категорически отказывался заниматься саморекламой, «пиаром», как принято выражаться сегодня, когда значение того или иного политика определяется по частоте его появлений на телевизионных экранах. Он не заигрывал с журналистами – ни со своими, ни с иностранными, – всю жизнь следуя своему железному правилу: «Лучше сто раз не сказать то, что нужно, чем один раз сказать то, что не нужно». Он как будто намеренно делал свое пребывание на вершинах власти как можно менее заметным для широкой публики, к которой можно отнести и рядовых сотрудников МИД.

В итоге он не стяжал репутации политической звезды, острослова, души общества, «яркой личности» – эти лавры его явно не прельщали. Но в народе знали его самого и его работу; разве только, может быть, не всегда по достоинству оценивали титанический объем его вклада в общее дело. Самым важным для Громыко было при любой погоде на глобальном уровне оставаться надежной опорой осмотрительной политики СССР, которая с гранитной твердостью защищала интересы страны, ее безопасность, перспективы ее развития, ее будущее. Когда Громыко шел на компромиссы (а это случалось часто, несмотря на унаследованный от В.М. Молотова почетный титул «мистер Нет», которым его наградили западные средства массовой информации), они были сбалансированными: сумма шагов

навстречу позициям партнеров компенсировалась в общем и целом суммой ответных уступок с их стороны. Именно эти фундаментальные стороны личности Андрея Андреевича оказались невостребованными, когда страна вступила в полосу поспешных новаций. Лидеры перестройки отказались смириться с тем, что Гром, обладавший огромным опытом и авторитетом в кругах специалистов как внутри страны, так и за ее пределами, будет контролировать их любительские эксперименты на международной арене и исправлять неизбежные при этом промахи и ошибки. Внешняя политика СССР была «отставлена» от Громыко, а немного погодя он был вообще отправлен на пенсию. Похороны Андрея Андреевича, на которых не присутствовал никто из тогдашнего руководства Советского Союза, обозначили по времени и по существу начало периода катастрофической утраты нашей державой своих международных позиций, что обусловило крушение возглавлявшегося ею военно-политического блока, а затем и ее самой.

Так случилось, что время моей службы в МИД СССР почти полностью совпало с периодом, когда его возглавлял А.А. Громыко. В этом смысле мое поколение и несколько следовавших за ним поколений советских дипломатов заслуживают названия громыкинцев. Во всех наших шагах на дипломатическом паркете мы осознанно или подсознательно чувствовали за спиной мощную поддержку руководства министерства, которое уверенно становилось внешнеполитическим штабом страны. Нельзя сказать, что мы сразу и полностью сумели отдать себе отчет в значимости спокойной, неброской, кропотливой, идущей вглубь деятельности Андрея Андреевича Громыко для нашей внешней политики, для исторической и политической науки, для дипломатической теории и практики, для каждого из нас. Нужно было время, нужна была возможность сравнения, сопоставления, анализа результативности. Однако когда такая возможность представилась, оказалось, что сравнивать не с кем и не с чем. Персонажа, занявшего в 1985 году кабинет Громыко на 7-м этаже высотного здания на Смоленской площади, нельзя было назвать его преемником. Это был один из сторонних людей, представитель тех расплодившихся в эпоху судорожных реформ дилетантов, которые не имели понятия о том, чем им предстоит заниматься на очередном посту. Главным для них были не интересы страны, а одобрение «хозяина» (такого же дилетанта, как и они сами), стремление импонировать именитым иностранным коллегам, поразить мир готовностью перевернуть все вверх дном в сфере внешней политики великой державы, впечатлявшей до сих пор всех партнеров умением выстраивать

свое поведение на международной арене продуманно, последовательно, концентрированно и эффективно.

Слов нет, перемены были нужны стране, степень внутренней напряженности в которой не могла не беспокоить всех, кому было дорого благо Отечества. Необходимо было кончать и с затянувшейся холодной войной, не нами развязанной и вредной для нас. Неудивительно, что лозунги внутреннего обновления и возрождения, а также углубления разрядки, с которых началась перестройка, встретили отклик и поддержку со стороны большинства населения, в том числе со стороны всегда критически настроенной интеллигенции. К середине 80-х годов на Советский Союз одновременно обрушилось множество кризисов, больших и малых, значительных и менее существенных, но все из той категории, что неизменно вызывают раздражение, недовольство и возмущение граждан. У каждого кризиса были свои причины и, следовательно, свой индивидуальный способ преодоления. Требовалась умелая терапевтическая стратегия, тщательно продуманная комплексная программа воздействия на занедуживший организм, точно рассчитанные дозы соответствующих болезням медикаментов. Однако взявшиеся за восстановление здоровья пациента лекари стали глушить его лошадиными дозами снадобий, полезных, может быть, для других больных и при других обстоятельствах, но губительных в данной конкретной обстановке. Продуманная программа действий была заменена «методом тыка», прогноз последствий – радостной констатацией: «Процесс пошел!» При этом оставалось совершенно безразличным, о каком именно процессе идет речь и куда вывезет кривая. Вместо излечения получилось обострение, болезнь перешла из вялотекущей стадии в накаленную драматическую фазу, перспектива кончины пациента стала вполне осязаемой. До поры до времени самозваные медики могли делать вид, что все идет «по плану». Как в известном анекдоте, когда лечащий врач спрашивает родственников покойного: «Больной перед смертью икал?» и, получив утвердительный ответ, заявляет с удовлетворением: «Тогда все в порядке!» Истина, однако, заключается в том, что, как отмечает Н.А. Нарочницкая, «реформы привели к деиндустриализации и демодернизации страны»[14]. Е.М. Примаков уточняет: «Общие потери российской экономики за время проведения либеральных реформ 1992-1998 годов превысили более чем в 2 раза потери советской экономики в годы Второй мировой войны»[15]. А если к этой цифре приплюсовать еще ущерб, нанесенный экономике страны в ходе горбачевских реформ 1985-1991 годов, получится совсем мрачная картина.

Влияние подобной «перенастройки» на внешнюю политику СССР оказалось чрезвычайно болезненным, так как именно в международных делах убежденность в решимости партнера всерьез защищать свои интересы играет едва ли не большую роль, чем наличие у него возможностей для этого. Подобную убежденность, сложившуюся у наших партнеров под влиянием уверенной линии Громыко, подрывало забегание вперед новых советских руководителей и их энтузиазм в плане готовности идти на уступки в переговорах. Известный публицист Максим Соколов различает три формулы улучшения отношений между странами: коалиция, когда налицо очень сильный общий противник; разрядка, когда при сохранении соперничества стороны решаются отступить от опасной черты, за которой возникает угроза потерять контроль над развитием событий; капитуляция, когда одна из сторон осознает безнадежность своего положения и надеется через сдачу позиций получить хотя бы на первое время более или менее «почетные» условия мира[16]. В середине 80-х годов прошлого века у СССР и Запада не было общего врага типа нацистской Германии, война с которой создала в свое время условия для организации глобальной антигитлеровской коалиции. В то же время наличествовала и развивалась разрядка, предотвращавшая опасность прямого столкновения ядерных держав. Таким образом, у СССР и в помине не было нужды капитулировать. Тем не менее под лозунгом торжества общечеловеческих ценностей вожди перестройки взяли курс именно на капитуляцию. У прошедших огонь, воду и медные трубы западных политиков поначалу даже возникли подозрения, что они имеют дело с особо хитроумной и коварной тактикой Кремля. В интервью американскому журналу «Ньюсуик» в октябре 1986 года канцлер ФРГ Гельмут Коль сравнил Горбачева с Геббельсом на том основании, что они оба «талантливые демагоги»[17]. Однако постепенно на Западе стала крепнуть надежда, что лидер перестройки собирается делать, о чем говорит, и в результате многое, если не все, удастся получить от СССР по «нулевому тарифу». «Заслуги» западных политиков, о которых трубят сегодня авторы славословящих их биографий, состояли на деле лишь в том, что они не упустили шанс воспользоваться подброшенными им возможностями.

Деструктивный эффект новой политики советских верхов сразу сказался в практическом плане. Во-первых, началась бесконечная реорганизация самой дипломатической службы – прежде всего центрального аппарата МИД, а затем и посольств. В результате силы и внимание дипломатического состава переключались на второстепенные организационные вопросы и

отвлекались от главного – от проблем определения и защиты национальных интересов в стремительно меняющейся (в том числе и вследствие поспешных решений Москвы) обстановке. Дезорганизации подверглось и германское направление в рамках МИД. При Громыко, которому проблемы отношений с обоими германскими государствами докладывались лично, ответственность за этот участок нес целиком 3-й Европейский отдел с референтурами по ГДР, ФРГ и Западному Берлину (помимо германских дел отдел занимался и Австрией, которая также не была «чужаком» в германском контексте). В отделе сложился коллектив высококвалифицированных специалистов по всем аспектам ситуации в обеих Германиях, а также в особой политической единице Западный Берлин с ее сложными проблемами и немалыми возможностями. У этого коллектива были твердые представления насчет того, как можно и как нельзя поступать в германских делах. При новых порядках у отдела отобрали восточногерманскую республику, включив ее во вновь созданное Управление социалистических стран Европы, где она вошла в отдел Польши и ГДР. В результате такого внутриведомственного «раскола Германии» была утрачена единая система контроля за развитием событий на германском пространстве, а замедленность принятия решений, свойственная любым бюрократическим структурам (акцентированная в советской действительности еще и необходимостью дополнительного согласования с партийными органами), превзошла все разумные масштабы. Также по этой причине реакция Москвы на нарастающие кризисные явления в ГДР отставала от реальной обстановки в республике, как правило, на целую эпоху.

Во-вторых, всей дипломатической деятельности был придан совершенно несвойственный ей конвульсивный и скоропалительный стиль. Создавалось впечатление, будто Москва решила завоевать мировое первенство в качестве наиболее активного проповедника христианской морали в политике. Она приступила к тому, чтобы постоянно формулировать предложения, направленные на перевоспитание «несознательных» западников в духе библейских десяти заповедей. Формальной целью значилось закрепление разрядки и партнерских отношений с Западом, но сбалансированность в плане взаимного характера уступок сторон по большей части отсутствовала. Считалось, что важен «добрый пример», которому партнеры будут поневоле следовать. Ударение ставилось не на заботе о том, чтобы результатом текущих переговоров, начавшихся еще в доперестроечные времена, не стало дальнейшее ослабление

внешнеполитических позиций страны (из столь широко разрекламированного как «успех миролюбивой политики Советского Союза» Заключительного акта Хельсинки 1975 года Запад сумел, как показала последующая практика, извлечь существенные односторонние выгоды), а на количестве и «всеохватности» обращений, воззваний, речей лидера на темы мировой политики, которые должны были продемонстрировать несравненную открытость и активность советского руководства. От дипломатов непрерывно требовали «свежих» идей для новых внешнеполитических «инициатив», которые оглашались, не дожидаясь ответа партнеров на предшествующие «инициативы». В итоге все дело свелось к практике «упреждающих уступок», когда Запад бесплатно получал то, на что он вчера не мог надеяться даже в своих самых смелых мечтах, включая то, о чем вообще никогда не просил.

Самое обидное заключается в том, что результатом такой «морально-педагогической дипломатии» стало невообразимое даже для периода холодной войны одичание нравов в международной политике: вместо движения вперед явственно обозначилась архаизация интернациональной жизни. Трудно не согласиться с В.Т. Третьяковым, одним из самых проницательных наших аналитиков, который саркастически характеризует сложившуюся в результате перестройки ситуацию следующим образом: «…По сути, международные отношения во все времена, включая и сегодняшние, немногим отличаются от норм поведения организованных преступных группировок. То же право на насилие, включая убийство. Та же ставка на силу как на решающий аргумент в споре. Тот же инстинкт нанесения упреждающего удара. То же преимущество не у самого умного, а у самого наглого, беспринципного и лучше вооруженного. Та же власть победителя над побежденным, в том числе и в части завладения его имуществом, в свободе победителя судить побежденного задним числом. То же право победителя устанавливать новые, более выгодные для себя правила дальнейшего порядка на подконтрольной ему территории. Наконец, тот же императив периодического публичного избиения кого-то из окружающих, демонстрация своей силы. Дабы каждый знал: не станешь подчиняться – будешь бит или убит. Словом, власть силы и страха». И далее: «…Правда только одна – вычисленная и сформулированная в Вашингтонском обкоме партии. Все тотальное тоталитарно. Даже тотальный гуманизм. Даже тотальная демократия. Тем более – тотальное право судить и наказывать»[18]. Это было сказано в марте 2003 года по поводу интервенции США в Ираке, но сохраняет актуальность и за

пределами указанной темы. В качестве примера может служить подготовленная с помощью США агрессия Грузии против Южной Осетии в августе 2008 года. Не стоит забывать, что нынешняя ФРГ остается одним из самых близких американских союзников.

Удар по германскому направлению советской внешней политики, которое на всем протяжении послевоенного периода являлось одним из самых чувствительных аспектов ситуации в Европе и в мире, повлек за собой непоправимые последствия. Прочность международного положения Советского Союза зависела не только от состояния его отношений с США, но и от стабильности в европейском предполье СССР, а эта последняя определялась главным образом обстановкой на германском пространстве, представленном в основном двумя самостоятельными государствами – Федеративной Республикой Германией, занимавшей ведущие позиции в интегрированной части Европы и в НАТО, и бесконечно более слабой Германской Демократической Республикой, выступавшей в центре континента в роли аванпоста объединений восточноевропейских социалистических стран. Именно в сфере германских дел решалось, сумеем ли мы оказаться достойными наследия Победы, доставшейся нашему народу неимоверно тяжелой ценой. В 1945 году возможные в будущем угрозы для СССР с Запада были в военно-политическом и географическом плане отодвинуты от европейских границ страны. Организация Варшавского договора была той «подушкой безопасности», которая создавала уверенность в том, что даже самые отпетые политические авантюристы трижды задумаются, прежде чем под любым предлогом пытаться оказывать давление или шантажировать СССР. Роль несущей опоры ОВД выполняла ГДР, западная граница которой была линией соприкосновения обоих мощнейших военных альянсов XX века.

После того как Западом были сорваны все послевоенные попытки Москвы добиться восстановления единства Германии на условиях ее невхождения в союзы, направленные против кого-либо из участников антигитлеровской коалиции, жизненный интерес СССР и всего социалистического сообщества состоял в том, чтобы обеспечить внешнюю стабильность, внутреннюю устойчивость и экономическое процветание ГДР. Но именно к судьбе ГДР новое руководство СССР проявило полнейшее равнодушие. Дело дошло до того, что новый глава МИД перестал брать с собой на переговоры по германским делам специалистов соответствующего профиля из своего министерства, которые «надоедали» ему квалифицированными советами и возражениями против безграмотных решений. Известный российский дипломат

и политолог О.А. Гриневский вспоминает, как С.П. Тарасенко, помощник министра иностранных дел СССР и его доверенное лицо, объяснял отсутствие германистов в делегации, вылетевшей в Оттаву в феврале 1990 года (где намечалось принятие основополагающих решений по «германскому вопросу»): «Без них даже лучше. А то будут под ногами путаться и на все отвечать только «нет»»[19]. Но именно в Оттаве, в отсутствие экспертов МИД СССР по германским делам, было принято решение о порядке ведения переговоров об условиях объединения Германии по формуле «два плюс четыре» (то есть достижение договоренностей между обоими германскими государствами с последующим одобрением их четырьмя великими державами) вместо намеченной первоначально формулы «четыре плюс два» (выработка урегулирований четырьмя державами при равноправном участии обоих германских государств). В итоге созданная в Оттаве переговорная система предоставляла односторонние преимущества ФРГ и сводила к минимуму возможности СССР оказывать определяющее влияние на формирование будущего статуса объединенной Германии. Одновременно переживающая глубокий кризис ГДР утратила всякие шансы отстоять свои интересы. Бонн получал восточногерманскую республику в дар на блюдечке с золотой каемочкой.

Мне никогда не доводилось входить в число экспертов, сопровождавших (или не сопровождавших) великого перестроечного дипломата, но я знаю, что мнение посольства СССР в ГДР, включая и мое личное, он не ставил ни в грош точно таким же образом.

Россия и Германия

Свободно ориентироваться в германских делах может лишь тот, кто хорошо знает историю взаимоотношений России с Германией, которые всегда занимали особое место во внешнеполитической сфере жизнедеятельности нашей страны. Нет ни одного другого государства в Европе, с которым нас связывали бы столь тесные и противоречивые связи. Вся российско-германская история полна крутых поворотов и неожиданных изломов. XX век, в начале которого добрососедские традиции российско-германского общения стали уходить в прошлое, можно без преувеличения назвать российско-германским столетием. Характер отношений между двумя странами определял политическую атмосферу в Европе и, следовательно, в мире. Исход обеих мировых войн решался на Восточном фронте, где в смертельной схватке сходились лицом к лицу вооруженные силы Германии и России. Даже для второй половины века, заполненной единоборством между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки, контекст российско-германских отношений не потерял своего судьбоносного значения. Интеграция одного из послевоенных германских государств в западный альянс гарантировала сохранение НАТО во главе с США, что цементировало раскол Европы. Точно так же включение другого германского государства в геостратегическую систему безопасности СССР в Европе обеспечило завершение формирования социалистического лагеря и Организации Варшавского договора под советским патронажем.

Развал Советского Союза через год после присоединения ГДР к ФРГ на условиях, сформулированных Западом, вряд ли можно считать случайностью. Восстановление единой Германии шло рука об руку с глубочайшим кризисом Советского Союза, а затем России; «новая» ФРГ, выступив одним из инициаторов расширения НАТО на Восток, внесла свой вклад в сохранение кризисного состояния отношений между Россией и Западом. Знать, что на самом деле происходило в эти переломные годы, необходимо хотя бы для того, чтобы сознательно и без очень грубых ошибок строить будущее независимой и суверенной России. 20 лет – это довольно много времени. Наверное, пора уже разобраться в том, почему столь бездарно были сданы позиции мировой державы, завоеванные Советским Союзом невообразимо дорогой ценой.

Человеческая память – вещь капризная. Иногда она здорово подводит, если полагаться только на нее. В 2008 году

«Литературная газета» опубликовала воспоминания о Пражской весне В. Большакова, посетившего Прагу в августе 1968 года в качестве корреспондента «Комсомольской правды». Очевидец Большаков засвидетельствовал: «Параллельно немецкой колонне по второму автобану в первый день операции «Влтава» входила колонна Советской группы войск[20]. […] Немцы поступили совершенно иначе. Их колонна тоже остановилась. От нее отделился бронетранспортер с громкоговорителем, и оттуда послышалось: «Ахтунг! Ахтунг! Немедленно разобрать баррикаду!» На свист и проклятия, прозвучавшие в ответ, из бронетранспортера дали очередь поверх голов толпы. Из репродуктора предупредили, что следующая очередь будет дана уже по толпе. Баррикаду разобрали мгновенно, и немецкая колонна двинулась дальше. Немцы мыслили логично. Военная операция означает соответствующие действия. Но в штабе объединенного командования операции «Влтава» эту логику не оценили, и войска ГДР из Чехословакии вывели. Во избежание неприятных ассоциаций»[21]. Не правда ли, яркий и запоминающийся эпизод, оживляющий повествование? Но совершенно законно возникает вопрос, с какой целью автор выставляет на поругание ГДР, уподобляя ее гитлеровской Германии, оккупировавшей Чехословакию в марте 1939 года? Ведь главный изъян указанного пассажа воспоминаний В. Большакова состоит в том, что Национальная народная армия ГДР не участвовала во вводе войск Варшавского договора в Чехословакию – ни в 1968 году, ни позже, никогда.

В следующем номере «Литературной газеты» была предложена несколько подправленная версия указанного момента. В статье А. Фурсова на ту же тему говорилось: «В отличие от них [советских солдат, которые вели себя сдержанно] представители других стран, испытывавшие к чехам давние «братские» чувства и уважавшие «орднунг», пресекали провокации огнем на поражение, и местное население это быстро уяснило. Кстати, именно эта «братская любовь» стала причиной, по которой советское руководство отказалось от ввода в ЧССР уже приготовленных Ульбрихтом пяти дивизий»[22]. Даже признавая, что солдат ГДР в Чехословакии не было, автор не может удержаться от выпада в адрес восточногерманской республики. Между тем, активно поддерживая план операции «Влтава» (ГДР оказалась бы в подвешенном состоянии в случае выпадения ЧССР из единой системы коллективной обороны социалистического содружества), Берлин с самого начала не оставлял сомнения в том, что не пошлет свои войска в ЧССР – именно с учетом сложной истории взаимоотношений немцев и чехов.

Национальная народная армия ГДР ни разу не воевала и не принимала участия в военных операциях за пределами республики; этим она в корне отличается от бундесвера объединенной Германии. Однако бундесвер у наших мемуаристов на хорошем счету, а в сторону ГДР бросает камни всяк кому не лень.

Упомянуты эти эпизоды здесь для того, чтобы было ясно, как опасно поддаваться искушению «украшать» мемуары деталями, которые «могли бы быть», но которых не было в действительности. Во избежание подобных ляпсусов любые утверждения, содержащиеся в воспоминаниях, подлежат перепроверке с привлечением записей, если таковые сохранились, и документов эпохи.

И все-таки, несмотря на возможные ошибки и пробелы, свидетельства очевидцев необходимы. Без них история навсегда останется серым скопищем безликих фактов, вряд ли способным пробудить интерес подрастающего поколения, для которого события десятилетней давности уже седая древность. Но если молодежь не будет знать истинной истории своей страны – живой истории хотя бы последнего полувека, – она не сможет построить гражданского общества, она не сможет сохранить Россию. В.О. Ключевский справедливо писал в начале XX века: «Определяя задачи и направления своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином»[23]. В.Т. Третьяков развивает этот тезис: «Общество есть его история, хуже или лучше им осознанная, и планируемое им будущее. Плохо, неправильно или разноречиво осознанная собственная история не менее губительна для общества, чем невнятно или никак не прогнозируемое будущее (отсутствие целеполагания). Не зная, куда идти, но зная, кто ты, можно случайно или инстинктивно найти правильный путь. Не помня, не понимая пройденный путь, теряешь не нужную дорогу (производное), а самого себя. А это уже приговор»[24]. Разумеется, при этом недопустимо «обогащение» памяти о пройденном пути фантазиями или фантасмагориями.

В нижеследующих заметках я постарался сохранять максимальную близость к действительности – такой, какой она была и воспринималась в то время. Многие годы моей дипломатической службы я вел записи, которые теперь позволяют с достаточной степенью надежности восстанавливать атмосферу и события в сфере отношений СССР-России с германскими государствами. Я и сейчас в качестве главного научного сотрудника Института Европы Российской академии наук

продолжаю заниматься проблемами прошлого и настоящего российско-германских отношений, а также европейской безопасности (оба эти направления тесно связаны между собой). Мне выпала высокая честь быть сопредседателем Научного совета Российско-германского музея Берлин-Карлсхорст («Музей капитуляции»), в деятельности которого играет определяющую роль проблематика Великой Отечественной войны, а также российско-германских отношений предвоенного и послевоенного периодов. В возглавляемом Н.А. Нарочницкой Фонде исторической перспективы, в состав Экспертного совета которого я вхожу, мы пытаемся восстановить историческую истину, слишком часто искажаемую в угоду сиюминутным потребностям политической конъюнктуры, стараемся беспристрастно анализировать нынешнее состояние международных дел и тенденции будущего развития. Членство в Экспертном совете Комитета по международным делам Совета Федерации Российской Федерации позволяет глубже проникать в глубинные процессы формирования внешней политики. Мне кажется, что с учетом этих моментов я могу гарантировать надежность сообщаемых мной сведений.

Надеюсь, что мои воспоминания будут востребованы, поскольку на наших глазах происходит переписывание совсем недавней истории, которую вроде бы должны помнить хотя бы те, кто, достигнув возраста осмысленного восприятия действительности, был свидетелем эпизодов перелома ситуации в мире. Когда в июле-сентябре 2009 года в российской столице, в центральном выставочном зале «Манеж» по соседству с Кремлем, состоялась организованная правительством Москвы, департаментом культуры города Москвы, музеем «Московский дом фотографии», посольством ФРГ в России при финансовой поддержке Германского автогиганта «Фольксваген» выставка «Падение Берлинской стены», хотелось верить, что она с необходимой объективностью раскроет для посетителей все грани этого многослойного исторического события, которое в свое время осталось почти не замеченным гражданами СССР, поглощенными внутренними потрясениями в стране. Однако оказалось, что выставка целиком и без всяких отклонений воспроизводит атмосферу и вокабуляр западной пропаганды времен холодной войны, не останавливаясь перед искажением фактов и повторением досужих домыслов. Это и неудивительно, поскольку за основу экспозиции были взяты материалы пресловутого частного «Музея Чекпойнт Чарли», филиал которого на месте бывшего американского КПП был в свое время закрыт городскими властями Берлина как раз за откровенную

фальсификацию действительности. Традиции фальсифицирования фактов этот «музей» остался верен. Чего стоит, например, подпись под одной из фотографий, вошедших в главную часть экспозиции в «Манеже»: «Берлинская стена была открыта 9 ноября 1989 года под давлением знаменитой речи президента США Рональда Рейгана у Бранденбургских ворот – «Г-н Горбачев, откройте эти ворота, снесите эту стену!»». Рейган действительно произнес указанные слова, но это случилось в июне 1987 года, причем его речь ввиду ее откровенно пропагандистского характера не вызвала тогда особого отклика ни в ГДР, где были сильны антиимпериалистические настроения, ни даже в ФРГ. Два года спустя никто о ней не вспоминал. И все остальные экспонаты подобраны тенденциозно, чтобы «доказать», что в ноябре 1989 года победу одержал Запад, главным образом США, хотя Берлинскую стену открыли и приступили к ее слому власти самой ГДР. В результате выставка в «Манеже» способствовала не столько прояснению, сколько замутнению действительной картины случившегося. Очень жаль, что среди экспертов высокочтимых учреждений, выступивших в роли организаторов выставки, не оказалось сведущих в новейшей германской истории людей, поскольку падение Берлинской стены относится к числу событий, реально определивших дальнейший ход истории.

Нижеследующие записки, конечно, не претендуют на то, чтобы быть истиной в последней инстанции или исчерпывающей картиной событий (у других очевидцев мог быть свой сектор обзора, подчас более широкий, чем у меня), но как «зеркало эпохи» они, думается, вполне презентабельны.

Первые впечатления

С неблагополучием в европейском предполье Советского Союза я столкнулся сразу же после того, как в 1956 году, после шестилетнего курса обучения на историческом факультете МГИМО МИД СССР[25] был зачислен на дипломатическую службу и направлен в советское консульство в Лейпциге. Мой первый выезд за границу сразу привел меня на немецкую землю. Название «дипломатическая служба» звучало гордо, но до получения диппаспорта было еще далеко – моя первая должность именовалась «референт», и она не входила в перечень дипломатических. «Служебный» паспорт не давал каких-либо существенных преимуществ по сравнению с «общегражданским». Единственным утешением служило то, что он был переплетен в натуральную телячью кожу и красиво выписан от руки – в Консульском управлении МИД имелся тогда каллиграф, который заполнял паспорта сотрудников, направлявшихся за рубеж. Такой же паспорт был выдан и моей жене. Нашей дочери, которой к моменту пересечения границы ГДР еще не исполнилось двух месяцев, паспорта не полагалось, однако она была полноправным членом семьи сотрудника консульства. Вела себя дочка ответственно и почти всю дорогу от Москвы до Берлина спокойно спала.

18 июля 1956 года мы вступили на перрон Восточного вокзала столицы ГДР. Из путевых впечатлений запомнилось одно – способная вызвать ночные галлюцинации сцена в Познани. На рассвете 17 июля наш поезд сделал короткую техническую остановку в этом польском городе. Перрон познанского вокзала был забит людьми, ожидавшими свою электричку. Стена бледных, невыспавшихся лиц. Гробовое молчание. Все в упор рассматривали московские вагоны. Нельзя было сомневаться в выражении лиц поляков – ни следа доброжелательности. По Москве ходили разные слухи об осложнениях в Польше, официальной информации почти не было. Но эта сцена красноречивее всяких коммюнике подтверждала: в этой стране неспокойно, и русских там не слишком жалуют.

В ГДР все выглядело совершенно нормально. Тишина и порядок. Встретивший на вокзале водитель из посольства доставил нас в роскошное здание на Унтер-ден-Линден, откуда мы на присланной из лейпцигского консульства машине (кстати, сильно опоздавшей) отправились к месту несения службы. В тот раз мы почти не видели наше дипломатическое представительство в Берлине изнутри. Сохранились только

впечатления об окрестностях. Здание посольства стояло «в чистом поле»: вокруг находились расчищенные от развалин площадки, на которых только-только начинали возводить строения; отсутствовал железный крест в венке богини победы, правящей квадригой на закопченных, со следами от пуль и осколков Бранденбургских воротах, возвышавшихся практически рядом с посольством; вдали виднелся продырявленный и прогоревший купол рейхстага; на самой аллее «Под липами» деревьев не было и в помине. Впрочем, и в последующие приезды в Берлин времени на ознакомление с настоящим дворцом, каким является наше посольство, практически не оставалось. Как следует изучить его нам удалось лишь после 1987 года, когда я тридцать с лишним лет спустя был назначен советником-посланником посольства СССР в ГДР.

В промежутке мне довелось пять лет (1966-1971 гг.) поработать в нашем посольстве во Франции (французский у меня второй иностранный язык), почти десять лет (в два приема: 1958-1960 и 1976-1984 гг.) в Бонне; в 1986 году я был советником советской делегации на переговорах о разоружении с американцами в Женеве. Что касается женевского эпизода, то сильное впечатление на меня произвела американская манера вести переговоры: представители США упорно и настырно стояли на своем, отклоняя любые наши попытки нащупать взаимоприемлемое решение; однажды на мой прямой вопрос, почему не идет поиск компромисса, мой американский собеседник с улыбкой ответил: «У нас такая сильная позиция, что нет причин ее менять». И действительно, дала слабину и изменила позицию Москва.

В Париже мы стали очевидцами драматических студенческих волнений 1968 года. Однако и тогда, и позже как-то не верилось, что происходившее во французской столице является чем-то более серьезным, чем театральное действо и бунтующие студенты смогут хоть в чем-то изменить общественный строй страны. Так и случилось – бунтари поколения западноевропейских «шестидесятников» превратились в добропорядочных бюргеров, оставшись по неясным для меня причинам почти сплошь откровенными русофобами. В Западной Германии в конце 70-х и начале 80-х годов мы застали острейший внутриполитический кризис, вызванный террористическими актами левацкой организации «RAF» («Rote Armee Fraktion» – «Фракция Красной Армии»). Было страшновато, но основы западногерманского государства представлялись также чем-то абсолютно непоколебимым. Впечатление оказалось верным. Террористическое интермеццо осталось без последствий. Вслед за

Ремарком можно было бы сказать: «На Западном фронте без перемен». (Кстати, никто не лез к западным немцам с советами, как можно и как нельзя бороться с террористами, хотя поводов для этого хватало.)

Другое дело – ГДР. Вопреки всей внешней обыденности обстановки, мы с женой, находясь на территории восточногерманской республики, никогда не могли отделаться от ощущения, что почва под нашими ногами сотрясается от подземных толчков приближающегося политического землетрясения. (Жена, по профессии учитель немецкого языка, преподававшая в советской школе в Лейпциге, также поддерживала многочисленные контакты с немцами.) Каждый новый день ГДР воспринимался как еще одна схватка за ее существование, как еще одна битва с неясным исходом за то, чтобы республика выстояла в вихре разнообразных кризисов, поочередно охватывающих социалистический лагерь в целом и каждую из составлявших его стран в отдельности. Так было не всегда. Насколько я мог понять старших коллег, первые годы после провозглашения создания ГДР в октябре 1949 года она представляла собой вполне конкурентоспособную альтернативу ФРГ, поскольку стремилась стать основой новой Германии, которую после проигранной войны большинство немцев представляли себе как антифашистское и миролюбивое государство, не враждующее ни с одной страной антигитлеровской коалиции и продолжающее лучшие демократические традиции германской истории. Этим традициям соответствовало и то, что ГДР взяла на себя последовательную заботу о социальных нуждах своего населения. Однако быстрый экономический подъем («экономическое чудо») в Западной Германии, наступивший после сепаратной денежной реформы 1948 года, отставание ГДР в хозяйственном развитии[26], а также решение руководства СЕПГ ускорить построение социализма советского образца в целях закрепления своей монополии на власть в корне изменили ситуацию и даже привели к открытому взрыву. В июне 1953 года в ГДР начались волнения, которые очень быстро потеряли свой первоначальный экономический характер и переросли в политические выступления против существующего строя. Пришлось выводить на улицы восточногерманских городов танки Группы советских оккупационных войск в Германии, продолжавшей нести ответственность за поддержание общественного порядка в бывшей Советской зоне оккупации, – оккупационный режим еще не был отменен; такая отмена состоялась лишь в 1957 году. Чрезвычайно активная западногерманская пропаганда получила

возможность утверждать, что ГДР опирается на иностранные штыки. Призрак повторения 17 июня навис над республикой, как дамоклов меч. Он постоянно подспудно присутствовал также в нашем видении ситуации в ГДР, в анализе и оценках перспектив ее развития.

Наши контакты с восточными немцами не ограничивались официальными рамками. Все сотрудники консульства привлекались к мероприятиям Общества германо-советской дружбы, работа которого была много разнообразнее, чем только организация встреч туристических групп из СССР с местным населением или выступлений с докладами в Доме ОГСД. При этом доме под руководством обладавшего абсолютным слухом секретаря консульства В.И. Мазаева, отлично знавшего все песенное богатство старой и новой России, был организован советско-германский хор (среди немцев оказалось много почитателей русской песенной культуры), который, случалось, с успехом выступал и на предприятиях Лейпцига. Как участник этого хора («Masajew-Ensemble»), могу засвидетельствовать, что подобные контакты были много эффективнее для обеих сторон, чем десятки сухих докладов. Дружбу с четой Мазаевых мы сохранили и после возвращения из ГДР.

Валерий Иванович Мазаев (1927-2000) стал впоследствии одним из крупнейших советских германистов и самым компетентным экспертом по истории внешней политики России до 1917 года. Выпускник сельской школы в деревне Поим под Пензой, он не был призван в армию из-за врожденного порока сердца. В 1946 году поступил в только что созданный МГИМО, который окончил в 1951 году, после чего был направлен в Берлин в отдел информации Советской военной администрации в Германии (СВАГ). С 1955 по 1957 год работал в консульстве СССР в Лейпциге. По возвращении из командировки был назначен на пост директора Архива внешней политики дореволюционной России, на котором оставался до своей отставки в 1989 году. Для меня общение с Мазаевым было тем более ценным, что я смог получить из первых уст сведения о начальных годах ГДР, информация о которых была скудной или вообще недоступной. Не будет преувеличением сказать, что именно Мазаев стал для меня ментором в освоении фактов непростой истории советско-германских отношений.

В частности, именно от него я узнал подробности волнений 1953 года в ГДР, получивших позже название «события 17 июня». Поскольку по распределению обязанностей он первым получал телеграммы с отчетами о происходящем в округах республики, он не только был очевидцем событий в Берлине, но и владел

аутентичной информацией о положении в ГДР в целом. Рассказы Мазаева были очень важны для меня потому, что вокруг 17 июня нагромождено такое количество небылиц и домыслов, что уже тогда, три года спустя, было трудно разобраться, где правда, а где разгулялась безудержная фантазия стратегов холодной войны. После исчезновения ГДР окончательно возобладали версии ее противников. Похоже, что нынешнее поколение скорее всего просто не сможет докопаться до истины.

Как вспоминал Мазаев, 16 июня 1953 года во всех крупных городах ГДР началась заранее тщательно подготовленная всеобщая забастовка, инициаторами которой выступили строительные рабочие Восточного Берлина. Причиной стали планы «ускоренного строительства социализма», которые вылились на практике в увеличение норм выработки, отмену льгот на проезд и повышение цен на пластовый мармелад, который составлял основную часть завтрака немецкого строителя. Забастовка сразу выплеснулась на улицы. Митинги и манифестации носили в основном мирный характер. Бастующие требовали от президента ГДР Вильгельма Пика отправить в отставку правительство и заменить его людьми, которые уважали бы интересы рабочих. Раздавались призывы не провоцировать оккупационные войска и предотвратить их вмешательство в конфликт между рабочими и правительством. Мазаева вместе с группой сотрудников отдела информации начальство направило в центр Берлина, чтобы смешаться с толпой и послушать, о чем говорят люди (руководитель гражданской части аппарата СВАГ В.С. Семенов всегда был сторонником нетрадиционных форм работы). Группа присоединилась к манифестантам в районе Сталин-аллее (ныне это Франкфуртер-аллее), натерпевшись при этом страха – некоторые члены группы плохо владели немецким, у других была явно не нордическая внешность. Когда манифестантов стала разгонять полиция ГДР, группа согласно ранее разработанному плану разбежалась по окрестным переулкам, чтобы затем встретиться у похоронной конторы рядом с поворотом на Карлсхорст (берлинский район Карлсхорст был охраняемой нашими войсками «советской территорией», где располагались центральные органы СВАГ). Один из группы, однако, решил пойти навстречу полицейским, предъявить им свое удостоверение и договориться, чтобы его пропустили. В результате он получил удар резиновой дубинкой по шее, по нему прошлись ногами, и он едва добрался до места встречи, сильно помятый и весь в грязи (во время разгона начался сильный ливень).

Во второй половине дня Мазаев не отходил от телетайпа.

Почти везде стачка проходила не более бурно, чем в Берлине, но были исключения. В Дрездене, Герлице, Магдебурге произошли вооруженные стычки отдельных демонстрантов с полицией, а затем и с нашими солдатами. В Дрездене были выпущены на свободу отбывавшие тюремное заключение военные преступники и уголовники, многие из которых присоединились к наиболее агрессивной части манифестантов. Ночью командование Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) приняло решение в порядке предосторожности ввести в основные города ГДР бронетехнику и пехотные подразделения. На рассвете 17 июня советские танки вошли в Берлин. Солдаты расположились во всех стратегических пунктах города. Улицы патрулировали бронеавтомобили и армейские джипы. За несколько часов Карлсхорст был опутан проводами военно-полевых телефонов. В кабинете Семенова разместился главнокомандующий ГСОВГ маршал В.Д. Соколовский, который обычно находился вместе со своим штабом в местечке Вюнсдорф в 30-40 километрах от Берлина. Гражданскую войну в ГДР удалось предотвратить.

С распечаткой приказа о введении осадного положения вышла заминка: бастовали все типографии, в том числе и типография газеты СВАГ «Тэглихе рундшау». По совету Мазаева военный комендант Берлина генерал-майор Диброва запросил у войскового командования танк и направил его к типографии, после чего печатники немедленно приступили к работе. Вообще стачка пошла на убыль, как только стало ясно, что советские военные шутить не собираются. В городе был объявлен комендантский час, вечером наступила непривычная тишина, кое-где в отдалении постреливали: потом говорили, что были отдельные нападения на наших часовых, но массового характера эти инциденты не носили. Никаких войсковых операций по этому поводу не проводилось. Приблизительно такой же была обстановка и в других городах ГДР. Самое главное – столкновений между войсками и населением удалось избежать практически полностью.

Из рассказанных Мазаевым деталей событий тех дней мне запомнился следующий эпизод. 17 июня одному из референтов отдела информации срочно потребовалось переговорить с кем-то в правлении ХДС (ГДР), располагавшемся в центральной части города. На набережной реки Шпрее его машину окружила толпа немцев, которые начали ее раскачивать, чтобы сбросить в воду. В этот момент из-за поворота, ведущего к Красной ратуше, где размещался городской магистрат, показались два советских танка, и машину референта тотчас же оставили в покое. Вместе с этими танками, то выходя вперед, то оказываясь между ними, по

берлинским улицам шел генерал-майор Диброва – один, в полной генеральской униформе и без оружия – и уговаривал берлинцев по-немецки с неважным произношением: «Расходитесь, пожалуйста, по домам!» («Gehen Sie bitte nach Hause!»).

Не могу не помянуть добрым словом старушку фрау Анни (ее фамилия была Ланге, но все ее звали только фрау Анни). В качестве няньки и «домоправительницы» фрау Анни была своего рода палочкой-выручалочкой для тех семей сотрудников консульства, где были маленькие дети. Нам она досталась «по наследству» от людей, которых мы сменили. Через ее судьбу мы вплотную познакомились с теми несчастьями, которые развязанная Гитлером война обрушила в конечном счете на самих немцев. Беженка из Богемии (Судетская область) фрау Анни потеряла в конце войны и уже после нее всех родных и все свое имущество (новые чешские власти выселяли немцев в приказном порядке, оставляя им денежную сумму в 5 марок и столько, сколько они могли унести на руках). На территории Советской зоны оккупации полумертвых от голода и холода людей (женщины, старики и дети; мужчины были почти поголовно мобилизованы в гитлеровскую армию) принимали военные коменданты и распределяли их по населенным пунктам Восточной Германии, которые по случайности не были сметены с лица земли бомбардировками союзников и прорывавшимися к Берлину частями Красной Армии. Каким-то образом фрау Анни добралась до Лейпцига, где ее приютили в городской комендатуре в качестве уборщицы. Оттуда она и попала в консульство, когда после завершения периода оккупации в округах ГДР стали открываться наши представительства дипломатического типа. Фрау Анни так и не заговорила по-русски, но в совершенстве освоила саксонский (точнее, лейпцигский) диалект. В результате мы часто не могли понять, о чем с таким деловым видом наша двухлетняя дочка беседует с мастеровым людом, посещавшим нашу или соседние квартиры. Нам с женой редко доводилось в жизни встречать таких добрых, порядочных, сердечных, обязательных и надежных людей, как фрау Анни.

Кстати, жили мы в самой гуще немцев, в обычном немецком доме, с соседями-немцами, в полукилометре от здания консульства. (Такой порядок был скорее исключением из правила – во время последующей работы в Бонне, Париже и Берлине мы жили в более или менее крупных «дипломатических гетто».) В Лейпциге ни о какой самоизоляции не было и речи. На работу и с работы мы ходили пешком, иногда по дороге домой заходили в немецкую пивную, где подавали неплохое пиво («Radeberger» –

оно не в пример другим сортам в целом благополучно пережило объединение). Естественно, начинались разговоры; мы расспрашивали, нас расспрашивали. Такая информация оказывалась подчас точнее, чем официальная. Точно так же наши разъяснения действовали убедительнее, чем газетные статьи.

В наш консульский округ входил Дрезден, об англо-американской бомбардировке которого я знал еще со времен учебы в МГИМО. Даже спустя 11 лет центр города лежал в руинах. Из рассказов выживших в те дни людей и сведений наших военных складывалась следующая картина. Воздушный налет на Дрезден, состоявшийся 13-14 февраля 1945 года, за два с половиной месяца до окончания войны, был одним из самых трагических событий ее завершающей фазы. Город находился сравнительно далеко от линии советско-германского фронта и лежал в стороне от направления главного удара Красной Армии, устремившейся к Берлину. Если налет англо-американской авиации 3 февраля на Берлин (более 22 000 погибших) имел какое-то военное значение в плане деморализации частей вермахта, сконцентрированных для обороны столицы рейха, то авиаудар по Дрездену был начисто лишен такого значения. В Дрездене не было ни военной промышленности, ни значительных сил вермахта, зато было около полумиллиона беженцев с территорий, занятых советскими войсками.

Авиаудар по Дрездену не был согласован с командованием Красной Армии; он был произведен исключительно по инициативе западных союзников. «Политкорректные» германские историки стараются либо не акцентировать внимания на этом обстоятельстве, либо утверждают, что советские военные просили предпринять «акции устрашения» в тылу немецких войск. На самом деле советское командование было заинтересовано в разрушении предприятий военной промышленности, нарушении немецких коммуникаций за линией фронта, уничтожении живой силы вермахта и просило союзников именно об этом. Воздушные удары по перенаселенным городам не отвечали пожеланиям советских военных. Сами англичане и американцы видели в ударах по городам «акт возмездия» за германские бомбардировки Великобритании в 1940 году («Битва за Англию») и выдавали их за средство подорвать моральный дух защитников рейха. Однако гибель гражданского населения не облегчала советского наступления на Берлин. Скорее наоборот – она подкрепляла утверждения геббельсовской пропаганды о том, что целью антигитлеровской коалиции является истребление немцев как нации.

Вечером 13 февраля 1945 года над Дрезденом появилась

первая волна британских и канадских бомбардировщиков типа «Ланкастер». Их бомбы обрушились на исторический центр города, где начался так называемый «огненный смерч», в котором горит асфальт, плавится железо и превращается в прах камень. После полуночи 14 февраля подошла вторая волна самолетов, которые бомбили жилые районы, остававшиеся до того незатронутыми. В огне гибли пожарные команды и медики скорой помощи. Была полностью нарушена подача электроэнергии. В полдень третья волна сбросила еще 783 тонны бомб. «Огненный смерч» стал неуправляемым. Он продолжался четыре дня. От пожара не было спасения ни в бомбоубежищах, ни на берегу реки Эльба. Точное число жертв среди гражданского населения так и не удалось установить. Предполагается, что оно составляет не менее 245 тысяч человек. Исторический центр столицы саксонских королей с его всемирно известными дворцами и музеями («Цвингер») был полностью разрушен и выгорел дотла.

«Флоренция на Эльбе», как на протяжении веков называли Дрезден, перестала существовать. Дрезденский «огненный смерч» стал провозвестником атомного ада Хиросимы.

К 1956 году, когда я впервые посетил Дрезден, завалы в центре города были расчищены, но остовы домов продолжали стоять – настоящий лунный пейзаж. Не хватало денег и рабочих рук; в первую голову нужно было жилье. В последующие годы власти ГДР восстановили практически все, что было разрушено в 1945 году. В том числе «Цвингер», в котором размещена знаменитая Дрезденская галерея с «Сикстинской мадонной» Рафаэля. Развалиной оставался лишь храм Девы Марии (Frauenkirche), который решили оставить в таком состоянии как напоминание о войне (в Западном Берлине с такой же целью не стали восстанавливать храм Поминовения, Gedächtniskirche, в самом центре города). После присоединения ГДР к ФРГ храм Девы Марии был реконструирован по старым чертежам, и сейчас посетители Дрездена могут вновь любоваться этим изумительным памятником германского зодчества.

Не прошло и полугода с момента нашего приезда в Лейпциг, не успели мы еще как следует приспособиться к совершенно непривычной для нас обстановке, как осенью 1956 года грянули венгерские события. В ноябре дело в Венгрии дошло до реального применения вооруженной силы. Жители ГДР (и мы вместе с ними) были благодаря истерическим передачам западногерманских радиостанций в курсе всех деталей происходившего. Тогда граница между обоими германскими государствами была по большей части чисто номинальной. В

Берлине границы между западными секторами и восточным сектором вовсе не существовало. Что уж говорить о «границах» в радиоэфире! Глушить «вражеские голоса», как это происходило в СССР, здесь было бесполезно – нечего и думать перекрыть работу радиостанций целого государства. О возможности нового 17 июня никто не говорил вслух, но о ней все помнили. В период пика венгерских событий ночью по улицам Лейпцига стали демонстративно ездить бронетранспортеры Группы советских войск в Германии – «для профилактики». Впервые ночной грохот успокаивающе действовал на меня и моих коллег – и не только на нас. Беспорядков в ГДР не случилось, однако настроение людей оставалось неважным. Мы с женой сами слышали во время посещений киносеансов в городе, как выходящая из кинотеатров немецкая молодежь выкрикивала: «Russen raus!» («Русские вон!»).

Протестный настрой части населения ГДР не выплеснулся на улицы. Он выразился в феномене, который западногерманская пресса назвала «голосованием ногами». Растущее число граждан восточногерманской республики бросали все и уходили на Запад. Бурно развивающаяся экономика Западной Германии нуждалась в рабочих руках, поэтому бежавших из ГДР там принимали с распростертыми объятиями, им выплачивались пособия, выдавались льготные ссуды, у них не было проблем с гражданством ФРГ (любой немец, вступив на территорию ФРГ, автоматически становился ее гражданином в соответствии с законодательством страны). Существовала и официальная возможность для восточных немцев переехать на жительство в Западную Германию. Как правило, подобные разрешения выдавались по мотивам воссоединения семей. Война и эвакуация, выселение с утраченных немцами по Потсдамским соглашениям территорий, общее послевоенное неустройство – все это раскидало людей по разные стороны границы между обоими германскими государствами. Раскол Германии еще более осложнил поддержание семейных связей. Но официальный путь был долгим и не очень надежным, особенно для молодых людей, – чиновники всегда могли сказать: «Пусть лучше твои родственники приезжают к тебе». Преобладал неофициальный и противозаконный путь – люди собирали самое необходимое, что могли унести с собой, добирались до Берлина, садились в вагон метро или городской электрички и выходили из него уже в другом государстве. Пересечь границу можно было и в иных местах, но самым простым и поэтому популярным способом была именно «берлинская тропа».

Результат был катастрофическим для ГДР, причем не только для ее экономики. По традиции, заведенной еще в

оккупационный период, лейпцигское консульство продолжало ежедневно получать полицейские сводки о происшествиях за сутки. Все большее место в них занимали сведения о гражданах ГДР, ушедших на Запад. Бежали прежде всего квалифицированные специалисты – инженеры, врачи, юристы, учителя, бухгалтеры, рабочие высших разрядов. Ряду предприятий, учреждений, поликлиник, школ грозило скорое закрытие из-за нехватки кадров. Лейпциг не был исключением. Точно такая же ситуация царила и во всех остальных округах ГДР. Это не могло не сказываться на психологии людей, постепенно теряющих веру в будущее. Все понимали, что надо что-то делать, но никто не знал, что именно. До готовности отказаться от идеологической догмы еще не доросли, хотя и видели, что она заводит в тупик.

Вот в такой обстановке в окружении Н.С. Хрущева возникла концепция, согласно которой для укрепления положения ГДР стоило рискнуть определенным обострением международной обстановки, чтобы в ходе урегулирования усугубленного по нашей воле кризиса перекрыть пути ухода населения республики через Западный Берлин – островок чуждого мира в глубине территории ГДР. Дело в том, что кризис уже был налицо – практическая политика ФРГ, поддерживаемая в официальном порядке остальными державами Запада, была нацелена на ликвидацию Германской Демократической Республики, в защиту которой был готов выступить всей своей мощью Советский Союз. Непризнание ГДР со стороны западных держав и ФРГ, выливавшееся на практике в непрерывное вмешательство во внутренние дела республики, угрожало стабильности на континенте. Претензия ФРГ на то, что Западный Берлин «принадлежит» ей, также расшатывала ситуацию, поскольку противоречила послевоенным межсоюзническим соглашениям об особом статусе этой территории.

Ко времени второго берлинского кризиса[27] состоялся мой перевод в посольство СССР в ФРГ. Мы прибыли в Бонн в мае 1958 года прямо из Лейпцига, без заезда в Москву. Вскоре посол Андрей Андреевич Смирнов сделал меня своим личным переводчиком. В принципе он не нуждался ни в какой лингвистической помощи, поскольку владел немецким языком лучше, чем все переводчики вместе взятые. Однако посол считал, что при важных встречах присутствие переводчика полезно: во-первых, пока тот переводит, появляется время для обдумывания ответа; во-вторых, если ответ вызовет нежелательную реакцию собеседника, всегда можно сказать, что перевод был неточным; в-третьих, переводчик готовит черновую запись состоявшегося

разговора, экономя тем самым время посла. В качестве «толмача» я стал свидетелем интереснейших бесед посла с западногерманскими деятелями, в частности с первым федеральным канцлером Конрадом Аденауэром, личность которого произвела на меня сильное впечатление: это был политик, что называется, от Бога. Из разговоров советников посольства в моем присутствии я узнал также, что идею перекрыть «берлинскую тропу» путем придания Западному Берлину статуса «вольного города» подсказал именно Смирнов, видевший, что без радикальных мер по пресечению оттока населения из ГДР единоборство за центр Европы будет Советским Союзом безнадежно проиграно.

Логика предложений Смирнова была такова. Создание двух германских государств поставило под вопрос право западных держав держать свои войска в Западном Берлине и управлять им, ибо, расколов Германию, они нарушили четырехсторонние договоренности военного и послевоенного времени, исходившие из принципов единства германской территории и общего управления ею со стороны четырех держав. Эти договоренности перестали существовать на практике, хотя каких-либо решений об их денонсации не принималось. Военное присутствие трех западных держав в Западном Берлине базировалось именно на четырехсторонних договоренностях, так как «первоначальными правами» на присутствие в данном регионе обладали только советские войска, взявшие Берлин штурмом в апреле-мае 1945 года и безраздельно осуществлявшие оккупацию всего города в первые месяцы после штурма. (Войска трех западных держав разместились в «своих» секторах Берлина лишь в июне-июле 1945 года, параллельно с отводом американских войск из Саксонии в порядке реализации достигнутого ранее соглашения о разграничении зон оккупации). Новые реальности ситуации в Германии (ее фактический раскол вследствие политики Запада) давали Советскому Союзу определенное основание потребовать вывода войск западных держав из Берлина. Такой шаг можно было бы предпринять в юридических рамках подписания мирного договора с Германией, который оставался все еще незаключенным. С тем чтобы заранее отвести обвинения в том, что СССР намерен попросту захватить западную часть Берлина, предусматривалось не добиваться ее возвращения в состав ГДР (что было бы логично), а наделить ее статусом «вольного города» под присмотром ООН. В интересах поддержания безопасности в центре Европы «вольный город Западный Берлин» должен был сохранять свой демилитаризованный характер (по настоянию западных союзников в нем с самого начала не действовал закон

ФРГ о всеобщей воинской повинности). Таким образом, ликвидация западноберлинского гордиева узла должна была одновременно способствовать закреплению послевоенного статус-кво на континенте.

В речи Хрущева 10 ноября 1958 года западным державам был предъявлен ультиматум – им отводилось полгода на ликвидацию оккупационного статута Западного Берлина и его преобразование в самостоятельную политическую единицу «вольный город». 27 ноября 1958 года МИД СССР детализировало предъявленные Хрущевым требования, направив правительствам США, Великобритании и Франции ноту с предложением в течение 6 месяцев заключить мирный договор с обоими германскими государствами и предоставить Западному Берлину статус демилитаризованного «вольного города». Пояснения к предложению о статусе «вольного города» подразумевали введение для Западного Берлина «нормальных» государственных границ, контроль и охрану которых взяла бы на себя ГДР, поскольку других соседей у Западного Берлина не было и не могло быть. Естественно, ни мирный договор, ни «вольный город» не были самоцелью советской политики. Предпринятая операция имела целью принудить Запад вступить в переговоры с СССР для нахождения определенного модус-вивенди в Центральной Европе, который, будучи приемлемым для обеих сторон, ослаблял бы западное давление на СССР и ГДР. Понимавший это Запад отклонил советские предложения.

В январе 1959 года МИД СССР разослало ноты, в которых несколько смягчались заявленные первоначально жесткие сроки подписания мирного договора и выдвигалось предложение о создании конфедерации ГДР и ФРГ, а также о запрете на производство в ФРГ и ГДР ракетно-ядерного оружия и на оснащение им вооруженных сил обоих германских государств. В случае несогласия Запада СССР пригрозил подписать отдельный («сепаратный») мирный договор с ГДР и передать ей контроль над стратегическими коммуникациями, связывавшими Западный Берлин с территорией ФРГ, что западные державы сочли неприемлемым для себя, поскольку это не соответствовало их пониманию своего статуса победителей во Второй мировой войне. В ходе последовавших контактов СССР принял предложение Запада о проведении совещания четырех министров иностранных дел для обсуждения германского вопроса (Женева, 11 мая – 20 июня и 13 июля – 5 августа 1959 года[28]). На май 1960 года в Париже намечалась четырехсторонняя конференция на высшем уровне с той же повесткой дня (она не состоялась, поскольку СССР потребовал от США извинений за полет американского

разведывательного самолета над советской территорией). В июне 1961 года в Вене прошли двусторонние встречи Хрущева и нового президента США Джона Кеннеди. Несколько раз нащупывались возможности компромиссного решения, однако все раунды переговоров не дали практических результатов. И Женева, и Париж, и Вена были провалены в результате бездарной «личной дипломатии» советского вождя, проявившего заносчивость и неоправданное высокомерие. В итоге загнавший себя в тупик Хрущев был вынужден прибегнуть к «запасному» варианту решения неотложной для ГДР проблемы ухода населения на Запад, гораздо более проигрышному в пропагандистском отношении для социалистического содружества, чем все остальные.

Этот вариант состоял в возведении перекрывшей свободное сообщение между западными и восточным секторами города стены, которая появилась в Берлине 13 августа 1961 года[29]. Берлинскую стену возводили строительные отряды ГДР под охраной солдат Национальной народной армии республики (солдаты ННА стали затем выполнять функции пограничников), но само решение о строительстве стены принималось руководителями всех социалистических стран сообща. Стена решила задачу-минимум, которая с самого начала преследовалась выдвижением предложения о «вольном городе», однако разрядку в отношениях Запада и Востока пришлось отложить на потом. В то же время строительство стены было встречено западными столицами, включая Бонн, с явным облегчением, поскольку в атмосфере нарастающего обострения обстановки в ход были пущены не танки, а всего лишь строительные краны. Это, однако, не помешало Западу развернуть острую пропагандистскую кампанию против СССР и ГДР, которая затем превратилась в постоянную составную часть пропагандистской войны против СССР и ГДР. Инциденты у стены, через которую отдельные граждане ГДР время от времени пытались прорваться в Западный Берлин, подогревали эту кампанию. (Трудно сказать, чего было больше в этих попытках – склонности к риску, желания побравировать, бросить вызов властям или стремления привлечь к себе внимание западной прессы; к несчастью, дело иногда заканчивалось смертельным исходом для смельчаков.) Стена превратилась в помеху для нормализации отношений между обоими военно-политическими блоками.

Впрочем, в одном, причем немаловажном, пункте немцы должны быть благодарны стене: объективные исследователи на Западе признают, что в известном смысле она предотвратила гражданскую войну в Германии. Английский историк Фредерик

Тейлор констатировал недавно, что из трех стран, испытавших раскол после Второй мировой войны (Корея, Вьетнам, Германия), только последняя избежала кровавого братоубийственного конфликта: «Строительство стены покончило с размышлениями западных держав на тему о том, как следует относиться к Восточной Германии»[30]. Действительно, появление Берлинской стены предопределило признание ГДР со стороны ФРГ и всего Запада.

К моменту возведения стены я уже вернулся в Москву на работу в Центральный аппарат МИД. В качестве атташе 3-го Европейского отдела (референтура по ФРГ) я с лета 1960 года следил за перипетиями германских дел с высоты 9-го этажа небоскреба на Смоленской площади. Надо признаться, острота восприятия при этом значительно снизилась. Одно дело жить на вулкане, другое – наблюдать за его активностью с безопасного расстояния. Берлинскую стену я впервые увидел в январе 1966 года, когда мы всей семьей (теперь с нами было трое детей) проследовали через «фронтовой город» по пути в Париж, где я, по наметкам посла Валериана Александровича Зорина, должен был вести в посольстве вопросы франко-западногерманских отношений. Из окна железнодорожного вагона стена не выглядела такой уж страшной; впечатляло лишь полное безлюдие как на ярко освещенной границе, так и на прилегавших к ней улицах Восточного Берлина (поезд Москва-Париж пересекал границу поздно вечером). Поражал также контраст между слабым уличным освещением в восточной части города и морем света в западной – гораздо более бедная ГДР экономила на электричестве; кичащийся своим богатством Западный Берлин пускал пыль в глаза.

В ГДР продолжал действовать механизм выдачи официальных разрешений на переселение в ФРГ, и число таких разрешений росло год от года. Однако существовал целый ряд ограничений, так что выезжать на постоянное жительство в другое германское государство могли, как правило, лишь пожилые граждане ГДР, достигшие пенсионного возраста. Сама же стена была на практике настоящей строго охраняемой межгосударственной границей. Юридически, однако, Западный Берлин оставался не государством, а особой политической единицей, носившей до октября 1990 года все правовые признаки оккупированной территории – высшей властью в городе оставались военные коменданты трех держав. В то же время ФРГ практически считала его своей землей, и в нем действовали все обычные для ФРГ органы муниципального и земельного уровня.

С тем, как на практике функционировали контрольно-

пропускные пункты германо-германской границы и Берлинской стены, мне довелось познакомиться много позже, когда я в начале 80-х годов несколько раз приезжал в ГДР из Бонна по медицинским делам вместе с очередной группой страждущих из посольства СССР в ФРГ. Дело в том, что услуги медиков и особенно дантистов на Западе фантастически дороги, и для экономии государственных средств МИД предписало нам пользоваться возможностями, которыми располагали медицинские учреждения Группы советских войск в Германии, лечившие нас, естественно, бесплатно. Договоренности о дате приема достигались через коллег в нашем посольстве в Берлине. Военные врачи обладали высочайшей квалификацией, и поэтому направление к ним воспринималось не как «дискриминация», а как редкая удача. Центральный госпиталь ГСВГ в Беелитце заслужил репутацию, не уступающую лучшим клиникам Москвы и Ленинграда.

На КПП государственной границы и внешнего обвода Западного Берлина нашу автомашину с ее дипломатическими номерами пропускали вне очереди, а очереди были, как правило, немалыми. Для нас в этом смысле никаких проблем не возникало. Достаточно было вразумительно объяснить, что мы едем из одного советского посольства в другое. Проверяли документы пограничники ГДР внимательно, но без излишних придирок. Трудности начинались в Берлине, где наши водители, не знавшие города, не всегда сразу находили нужный контрольно-пропускной пункт стены. КПП было довольно много, но пограничники ГДР требовали, чтобы мы пользовались только одним – «Checkpoint Charlie» («Чекпойнт Чарли») на Фридрихштрассе[31], через который в Восточный Берлин въезжали расквартированные в Западном Берлине военнослужащие США, Великобритании и Франции, а также граждане ФРГ (остальные КПП теоретически предназначались для жителей обоих Берлинов). Мотивировка: «У вас боннские номера». Предъявление советских паспортов не помогало, формализм неизменно одерживал верх. Формализм побеждал и в другом – при посещении в Берлине ресторанов, чтобы позавтракать или поужинать (мы останавливались в гостевых помещениях посольства в ГДР или в заранее забронированных номерах гостиниц), мы не могли отделаться от ощущения, что за нами достаточно открыто ведется наблюдение. Когда мне позже говорили, что госбезопасность ГДР (Штази) не верила даже самой себе, я был склонен принимать это за истину. Тем не менее мы чувствовали себя в ГДР значительно более спокойно, чем в ФРГ, которая, при всей своей стабильности, воспринималась где-то в подсознании все-таки как территория

«вероятного противника».

Снова в ГДР

Многие детали прибытия нашего поезда Москва-Берлин на Восточный вокзал столицы ГДР днем 9 мая 1987 года напоминали нам первое соприкосновение с Германией 31 год тому назад. То же мрачноватое закопченное здание вокзального ангара, такой же встречавший нас хмурый водитель из посольства, то же ощущение, что вступаешь на политическое минное поле. Но были и существенные различия. Во-первых, должность посланника (заместителя посла) обещала не только неизмеримо более высокую степень информированности, но и теоретически кое-какие возможности влиять на принимаемые внешнеполитические решения в области отношений с нашим важнейшим союзником в Европе. Во-вторых, опыт дипломатической работы, а также объем моих знаний о Германии и об истории отношений с этой страной не шел ни в какое сравнение с тощим багажом, с которым в свое время приехал в ГДР вчерашний студент (наличие «красного диплома» не могло гарантировать обратное). Кое-что было сделано и в научной сфере. «Без отрыва от производства» я защитил диссертацию, мне была присвоена степень кандидата исторических наук, в 1981 году я опубликовал книгу о советско-германских отношениях в период 1933-1939 годов (она была затем переведена на немецкий язык), подготовил к печати исследование истории франко-германских и франко-западногерманских отношений (оно вышло в свет в 1988 году). В-третьих, хотя нас снова было трое, но сопровождал нас на этот раз четырехлетний внук Павел, родители которого (переводчики французского языка) находились в долгосрочной командировке в Алжире по линии Спорткомитета СССР.

С послом «сферы деятельности» были разграничены таким образом, что В.И. Кочемасов поручил мне практически полностью ведение проблематики Западного Берлина и поддержание контактов с представителями трех западных держав в нем, а также с действовавшими достаточно автономно западноберлинскими властями. Посол изредка встречался с послами трех держав, приезжавшими из Бонна: по традиции, сложившейся в первые послевоенные годы, вопросы «Германии в целом и Берлина» входили в компетенцию западных послов в ФРГ и советского посла в ГДР. На меня возлагалась также работа с дипкорпусом в ГДР (включая послов западных держав) и все, что касалось внешней политики ГДР и внутреннего положения в республике, за исключением контактов с правительством и высшим руководством правящей Социалистической единой

партии Германии.

Поддержание связей с руководством республики, с верхами СЕПГ посол оставил за собой и тщательно следил за соблюдением установленного им порядка. В МИД ГДР «потолком» для меня были заместители министра, в ЦК СЕПГ – заведующие отделами и их заместители (связи я поддерживал в основном с сотрудниками Международного отдела).

Поводом для встреч служили, за редчайшим исключением, информационные сообщения из Москвы, которые следовало довести до сведения коллег из ГДР. Подразумевалось, что о реакции собеседника на эти сообщения, если таковая была, надо было сразу же докладывать той инстанции, которая направила информацию. Реже были поручения проконсультироваться с друзьями. Для серьезных консультаций (по разоруженческой тематике, по взаимодействию в ООН, СБСЕ, отношениям с Румынией, Польшей и т.д.) приезжали, как правило, эксперты из Москвы. Они встречались с коллегами своего уровня. Так что участие в таких консультациях не выводило меня за пределы моих привычных контактов. Исключение составляли лишь случаи поступления информации срочного характера во время отсутствия посла (он редко и не надолго уезжал в отпуск, но часто выезжал в Москву на пленумы ЦК КПСС и различные совещания). Одному из таких случаев я обязан уникальной возможностью обстоятельной беседы с Эрихом Хонеккером, которая состоялась у меня в 9.30 утра 25 января 1988 года в огромном здании ЦК СЕПГ недалеко от Дворца республики.

Поводом для этой встречи была информация из Москвы об итогах только что состоявшегося визита министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе в Бонн. Отношения наших стран с ФРГ были весьма щекотливой темой для обеих сторон, и поэтому надо было как можно скорее передать генсеку ЦК СЕПГ наш анализ обмена мнениями с западными немцами, чтобы не дать закрепиться всяческим домыслам, на которые так горазды западные СМИ. Хонеккер не ограничился обычной благодарностью за информацию, а предпринял своего рода *tour d'horizon,* общий обзор международных проблем. Он начал с того, что рад наличию прогресса в вопросах разоружения, и добавил: «Это началось еще во время моего визита в ФРГ [в сентябре 1987 года]. Важно, что [Франц-Йозеф] Штраус изменил свою позицию. Он опасался «сговора» СССР и США, но быстро понял, что так ничего не добьешься. Визит Штрауса в Москву привел к изменению позиции и федерального правительства. Поворот федерального правительства (практически переход на позиции СДПГ) затронул проблемы ракет среднего радиуса действия,

запрещения химоружия, договора по ПРО. ФРГ занимает особую позицию в НАТО – в том, что касается ракет радиуса действия менее 500 км, оружия многоцелевого применения, модернизации ядерного оружия, она находится в определенной изоляции в альянсе. По этой причине она выступает за то, чтобы согласиться на оставление какого-то количества такого оружия. Два дня назад председатель фракции ХДС/ХСС в бундестаге Альфред Дреггер обратился к членам фракции с письмом, в котором впервые выражается поддержка тезисов моего послания Гельмуту Колю, но одновременно предлагается оставить объем размещенного в ФРГ оружия на прежнем уровне, поскольку США настаивают на модернизации и сохранении этого оружия».

Хонеккер продолжал: «Задача активизировать отношения с ФРГ остается; надо, чтобы она оказывала соответствующее влияние на своих союзников. В Западной Германии происходят большие изменения: идет жесткая дискуссия в ХДС/ХСС (противостояние Вернер – Штраус; первый проводит линию Пентагона на наращивание обычного оружия, а Штраус заявляет: «Москва не угрожает»). Штрауса поддерживает ХСС. Сдвиги наблюдаются и в ХДС, и в федеральном правительстве. Это вызвано разочарованием в позиции США. После встречи [М.С. Горбачева и Рональда Рейгана] в Рейкьявике начался процесс переосмысления, который захватил 80% населения ФРГ. Ширятся сомнения в Нидерландах, Норвегии, Бельгии, Дании. Нам следует продолжать работу в этом направлении». Другой причиной начавшегося переосмысления Хонеккер считал кризисные явления в экономике ФРГ – «самые сильные по сравнению с другими странами (вследствие сокращения производства стали и угля, а также безработицы). Опубликованный в ФРГ доклад экспертов предсказывает нулевой рост экономики и реальный рост безработицы. Отсюда авансы Бонна в сторону СССР и Китая в надежде получить восточные рынки сбыта».

Особо остановился Хонеккер на противоречиях в отношениях между ФРГ и Францией. Он подчеркнул, что его визит в Париж «вовсе не зависел от милости Коля. Франсуа Миттеран специально уточнил, что пригласил меня самостоятельно, не запрашивая чьего-либо соизволения. Вообще мои связи с Миттераном, который находился во время войны в лагере для французских военнопленных в Рудольштадте, лучше, чем у Коля. Миттеран жаловался на заносчивость ФРГ, на недооценку ею французской промышленности. Он с удовольствием процитировал Франсуа Мориака, сказавшего: «Я так люблю Германию, что рад, что их две». Приглашение посетить ГДР Миттеран принял без всяких оговорок».

Далее Хонеккер подробно остановился на разногласиях в Европейских сообществах и НАТО относительно дальнейших шагов в сфере разоружения. Он подчеркнул, что Рейган намерен восстановить единство Запада в вопросах политики безопасности на основе сохранения ядерного компонента в Западной Европе, компенсации грядущих сокращений в ядерной области за счет усиления сектора обычных вооружений, возобновления ядерной гарантии, предоставляемой США западноевропейским государствам. «Мы должны этому противодействовать», – добавил он.

В заключение Хонеккер затронул вопрос о так называемой «берлинской инициативе» западных держав, в отношении которой наметились определенные расхождения в мнениях между внешнеполитическими экспертами СССР и ГДР[32]. Он отметил, что недавно посетивший Москву [член политбюро ЦК СЕПГ] Герман Аксен дал пояснения по поводу позиции ГДР в этой связи. ««Берлинская инициатива», – продолжал Хонеккер, – является попыткой подорвать основы Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину.

Этот город играет особую роль в подходе ФРГ к восточным делам. Бонн всеми правдами и неправдами старается прибрать его к рукам, но он лежит на территории ГДР. Мы за то, чтобы развивать отношения с Западным Берлином, но не согласны с «правами» ФРГ на него. В то же время без помощи ФРГ Западный Берлин нежизнеспособен. В нем уже сейчас насчитывается 200 тысяч иностранцев; еще 200 тысяч его жителей имеют «двойную прописку», то есть проживают одновременно и на территории ФРГ. С нашей точки зрения, во-первых, не следует позволять подрывать Четырехстороннее соглашение; во-вторых, Западный Берлин не должен вызывать осложнений ни в каком смысле. [Министр иностранных дел ГДР] Оскар Фишер готовится к визиту в Москву, он еще раз подробно изложит там нашу позицию».

В принципе Хонеккер не сказал мне ничего нового. Он лишь повторил то, что нам (и посольству, и Москве) давно было известно. Я даже не стал подробно излагать сказанное им в моем отчете о беседе, ограничившись лишь рабочей записью в блокноте. Однако встреча с Хонеккером запечатлелась в моей памяти. Руководитель ГДР разительно отличался от нашей геронтократии, да и от более молодых вождей тоже. Конечно, он проявлял склонность к переоценке своей роли в истории. В то же время не было сомнений, что он отлично владеет материалом. Хонеккер говорил свободно, не заглядывая в бумажку, не спотыкаясь и не делая пауз. Во время беседы мы были наедине, Хонеккеру не ассистировали ни советники, ни помощники, ни

эксперты. Тем не менее он ни разу не потерял нити разговора, не испытывал трудностей с аргументацией, не упускал случая выставить свою позицию в выгодном свете, точно формулировал свою мысль, одним словом – понимал, о чем и зачем говорит. Я сочувствовал Кочемасову, который после каждой встречи с Хонеккером (встречались они часто, познакомившись еще в 1951 году, когда в качестве руководителей молодежных организаций своих стран проводили Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Восточном Берлине) возвращался в посольство так сказать «распропагандированным», и проходило некоторое время, прежде чем он вновь мог представлять те позиции, которые нам определила Москва.

Разумеется, приехал я в Берлин страстным сторонником перестройки – период брежневского «застоя» казался мне и моим современникам самым скверным, что могло произойти со страной, поэтому новаторский энтузиазм ставропольского механизатора «со товарищи» получил спонтанную поддержку населения. Тогда никому в голову не приходило, к чему может привести перестройка на практике. Много позже Юрий Поляков с едкой иронией описывал это время: «Свобода уже проникла в Отечество, но вела себя еще довольно скромно, точно опытный домушник: осторожно, бесшумно она обходила ночное жилище, примечая, где что лежит, прикидывая, что брать в первую очередь, а что во вторую, и нежно поигрывала в кармане «ножом-выкидушкой» – на случай, если проснутся хозяева…»[33] Осознание того, что дело идет к крушению, пришло значительно позже.

Мы почувствовали колебания политической почвы под ногами, которые стали еще более заметными по сравнению с прошлыми временами, практически сразу по прибытии в Берлин. Первые раскаты грома раздались через месяц после нашего приезда в Берлин. На Пасху, которая пришлась в тот год в Германии на 7-8 июня, на обширной лужайке перед зданием рейхстага в Западном Берлине проводился большой фестиваль рок-музыки, на который съехались наиболее популярные группы со всей Западной Европы. Поводом для фестиваля были празднества по случаю 750-летия Берлина, которые отмечались в обеих частях города, причем с гораздо большим размахом в столице ГДР. Организаторы концертов у рейхстага развернули часть мощнейшей акустической аппаратуры, смонтированной у Бранденбургских ворот, в сторону Восточного Берлина, чтобы, по их словам, «дать насладиться» также любителям рока из столицы ГДР, которые не могли присутствовать на фестивале физически. Успех был поистине оглушительным – и в посольстве, и в наших

жилых домах после начала концертов мы практически не слышали друг друга и были вынуждены либо кричать, либо обмениваться записками. Спасало только то, что суббота 6-го, когда начался фестиваль, и воскресенье 7 июня были выходными днями, что позволяло на время отлучаться из посольства, но нечего было и думать заснуть до завершения выступления музыкантов, затягивавшегося каждый вечер далеко за полночь. В понедельник 8 июня пришлось отменить традиционное утреннее совещание дипломатического состава под руководством посла.

Что же касается восточноберлинских любителей рока, то поначалу их интерес к концертам был не очень велик, несмотря на назойливую рекламу фестиваля по радио и телевидению Западного Берлина. Вечером 6 июня у Бранденбургских ворот собирались разрозненные группки молодежи, которые послушно расходились после того, как усиленные наряды Народной полиции ГДР разъясняли им, что они находятся в приграничной зоне. 7 июня группы молодежи стали гуще и многочисленнее, но трудностей у полиции, требовавшей соблюдения правил поведения в полосе безопасности, по-прежнему не возникало. Ситуация круто изменилась вечером 8 июня, когда кому-то из начальников в Восточном Берлине пришла в голову гениальная мысль совсем блокировать подступы к стене. (Впрочем, возможно, что полицейские верхи располагали сведениями о готовящихся провокациях; не исключено также, что такую информацию им подкинули.) В силу того что Бранденбургские ворота считаются символом Берлина, они рассматривались в качестве наиболее уязвимого участка стены и привлекали особое внимание как противников режима, так и правоохранительных органов. Заградительный барьер на Унтер-ден-Линден был выставлен как раз напротив нашего посольства, почти на уровне моего рабочего кабинета. Так что у меня была возможность хорошо видеть все происходящее. К 9 часам вечера аллея с восточной стороны полицейской цепи была, насколько хватал глаз, запружена многотысячной толпой. Многоголосый хор, заглушая транслируемую музыку, повторял: «Долой стену!» («Die Mauer muss weg!») и «Горби, Горби!» Рассеять демонстрацию удалось где-то к полуночи. Впечатление от случившегося было самым тяжелым. На душу легло ощущение неблагополучия, зыбкости, надвигающейся катастрофы.

Четыре дня спустя прояснились глубинные взаимосвязи всего происходившего. В пятницу 12 июня у Бранденбургских ворот (с западной стороны) состоялось публичное выступление прибывшего в Западный Берлин Рональда Рейгана, тогдашнего президента США. Американский визит высшего уровня должен

был компенсировать «отставание» Западного Берлина по части масштабности проводимых по случаю городского юбилея торжеств. Особое значение придавалось речи американского президента на митинге у стены (на самом деле это был не митинг, а скорее «торжественное заседание» под открытым небом, поскольку присутствовала лишь тщательно отобранная публика; вся аллея, служащая западным продолжением Унтер-ден-Линден и в 1953 году нареченная «улицей 17 июня», была герметически перекрыта). Рейган оправдал ожидания и допустил несколько эпатирующих высказываний. Наибольшую известность приобрел его призыв, адресованный советскому лидеру: «Г-н Горбачев, откройте эти ворота! Снесите эту стену!» Спонтанная демонстрация жителей Восточного Берлина практически под этими же лозунгами, состоявшаяся несколько дней назад в каком-то полукилометре от трибуны, на которой стоял сейчас президент США, как бы подкрепляла притязание Рейгана на право говорить от имени всех берлинцев.

Правда, реакция немцев на слова американского президента была не совсем такой, на какую он рассчитывал. Разумеется, ему похлопали, тем более что он с самого начала вспомнил о плане Маршалла 1947-1948 годов, который стал разгонным толчком западногерманского «экономического чуда», и о заявлении Джона Кеннеди «Я тоже берлинец!», сделанном по-немецки в Берлине в разгар хрущевского кризиса. Оба эти момента были чрезвычайно популярны в Западной Германии, где с ними связывалось «спасение» ФРГ от давления со стороны Советского Союза. Однако в 1987 году все знали, что стена продолжает стоять не потому, что этого хотят вожди перестройки, а потому, что руководство ГДР и прежде всего генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Эрих Хонеккер были категорически против каких бы то ни было послаблений в режиме границ ГДР. По этой причине речь Рейгана привычно зачислили в разряд «шоу-эффектов», на которые он был так горазд. «Нью-Йорк таймс» сообщила на следующий день о разочаровании советников президента той «тепловатой реакцией», которую вызвала его речь в ФРГ[34]. Еще меньше отклика она встретила в ГДР, где точно знали о расстановке сил в социалистическом сообществе и связывали свои надежды на позитивные изменения в республике с либеральными новациями Горбачева.

С каким вниманием на Западе следили за советским посольством и всем, что в нем происходило, показывает опубликованный 24 июня 1987 года одной из самых крупных западногерманских газет правого толка «Вельт» в рубрике «Об этом говорят» материал по случаю начала моей работы в

посольстве. В статье, озаглавленной почему-то «Интерес к технике» и украшенной моей фотографией (с подписью «Наблюдатель в Восточном Берлине: Максимычев»), говорилось: «Еще не были распакованы привезенные из Москвы чемоданы, как из окна, выходящего на Унтер-ден-Линден, Игорь Федорович Максимычев уже кое-что услышал о молодежных настроениях в стране своего пребывания. Впрочем, новый посланник СССР в Восточном Берлине в своих контактах с коллегами не раскрывает, удивили ли его эти настроения или он уже знал о них из проводившихся советскими секретными службами опросов мнения молодежи в Средней Германии[35]. В секретных донесениях этот русский с серебристой сединой, 1934 года рождения[36] разбирается хорошо. Для Бонна он не является незнакомцем. В столице ФРГ на протяжении его двух многолетних служебных командировок неплохо изучили многогранные интересы сотрудника посольства. В начале своей дипломатической карьеры он был атташе в возглавлявшемся тогда Андреем Смирновым посольстве в Роландсеке[37]. Там новичок на дипломатической службе наблюдал за разнообразной реакцией [западно] германских политиков на угрожающие жесты Хрущева по отношению к Западному Берлину. Затем он был переведен в генеральное консульство СССР в Лейпциге. В саксонском городе ярмарок он воспользовался многочисленными возможностями контактов с производителями и торговцами в сфере технологий. Первая большая загранкомандировка привела Максимычева в 1966 году в Париж. Принимавшие его французы вспоминают, что в ходе своего пятилетнего пребывания этот русский постоянно проявлял внимание к техническим новинкам на ежегодном авиационном салоне в Бурже, а также при случае охотно присматривался к танковым гусеницам и аналогичным интересным изделиям. При повторной аккредитации в Бонне в 1976 году он представился в качестве советника посольства как по политическим вопросам, так и по вопросам образования и спорта. Поначалу его шефом был Валентин Фалин, ныне консультирующий Михаила Горбачева. Затем Максимычев работал под началом посла Владимира Семенова. Первоначально широкий спектр деятельности позволял советнику посольства больше, чем другим товарищам из советского дипломатического представительства, разъезжать по всей территории Федеративной Республики Германии. Однако с 1980 года он выступал только как ответственный за культурные связи – вплоть до 1984 года, когда он снова покинул Бонн. Теперь он в Восточном Берлине на посту посланника и заместителя посла. Когда в дипломатических кругах размышляют над тем, какие причины побудили Москву

направить в Берлин этого дотошного русского с ученой степенью, то указывают на его тесные связи с Генеральным штабом. Доверенное лицо военных, к тому же, как и его предшественник[38], знаток Германии занимает свой пост на Унтер-ден-Линден на важном втором месте после посла Кочемасова, человека партии»[39].

(Помню, пронизывавшая статью тенденциозность подачи фактического материала, к тому же безбожно перевранного, меня тогда сильно покоробила. Никаких интриг ни с чьей стороны в связи с моим назначением не было: случилось так, что в тот момент, когда мой предшественник срочно понадобился в Москве, «под рукой» не оказалось другого специалиста по Германии. Такое на дипломатической службе случается – и довольно часто. К счастью, поведение официальных представителей ФРГ и Западного Берлина не соответствовало тону статьи в «Вельт»; им было важно иметь собеседника, умеющего излагать позицию своей страны и передающего без искажений в Москву то, что ему говорится.)

В верхах ГДР и СССР недооценили знакового значения демонстрации 8 июня 1987 года на Унтер-ден-Линден и постарались поскорее забыть о ней. О том, чтобы извлечь из случившегося какие-либо политические уроки, даже речи не было. Все было сочтено «недоразумением». Посольство честно доложило в Москву об обстоятельствах ЧП, получило из окружения Горбачева очередное указание «Не драматизировать!» и тоже предало инцидент забвению. Это было ошибкой, похоже, с самыми трагическими последствиями.

Точно так же был пропущен мимо ушей кризисный сигнал, прозвучавший в начале 1988 года в связи с ежегодно отмечавшимися в ГДР днями памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург, убитых германской военщиной 15 января 1919 года. Во время многотысячной официальной демонстрации в Берлине в воскресенье 17 января несколько примкнувших к ней диссидентов развернули транспаранты с требованиями уважения прав человека (на одном из них воспроизводились слова Розы Люксембург: «Свобода – это всегда свобода для инакомыслящих»). Участники акции протеста были быстро изолированы, их транспаранты свернуты, траурное шествие продолжалось свои чередом, мало кто вообще заметил этот инцидент. Однако о нем в полную силу протрубили средства массовой информации ФРГ и Западного Берлина. Они утверждали, что в акции участвовало более ста человек (их представили как членов некоей подпольной группы «За мир и права человека») и что 30 человек были задержаны полицией. Эти данные были воспроизведены в обзоре

печати, которым по традиции открылось очередное утреннее совещание дипломатического состава посольства в понедельник 18 января. Однако посол в своем выступлении на совещании обошел указанную тему молчанием.

У меня сохранился черновик аналитического доклада для Москвы, подготовленного в начале февраля 1988 года по следам январских событий. Не могу сказать точно, был ли этот доклад направлен в Центр и если да, то в каком виде (скорее всего посол, не желая «драматизировать», наложил на него свое вето). Привожу текст проекта для того, чтобы продемонстрировать, как эксперты посольства на тот момент оценивали ситуацию в стране пребывания и какой образ действий они пытались подсказать Москве:

«Нынешняя позиция [руководства СЕПГ] выражает глубокое неверие в прочность социализма в ГДР, будущность которого надо-де обеспечивать прежде всего методами принуждения и талмудизма. Отсюда подсчеты, какой процент населения стоит на стороне режима: 40% или 50%. Какой-то период (а именно период ярко выраженной внешней опасности) настроения и образ действий типа «осажденной крепости» имели права гражданства. Обстановка гарантированного мира в Европе требует принципиально нового понимания перспектив развития социалистического общества в ГДР. Эта работа сейчас не ведется. Представление о том, что социалистическое общество в ГДР сформировалось окончательно и любые изменения в нем исключаются, противоречит не только основному закону диалектики общественного развития по Марксу и Ленину, но и простой логике здравого рассудка. Такие представления отталкивают от режима людей даже левых, марксистских убеждений. [В ГДР] позже, чем в других соцстранах и не в столь острой форме появились и нарастают экономические трудности. Это объясняется тем, что как раз в экономической области ГДР раньше всех реализовала некоторые важные элементы перестройки (в том числе использование кооперативной и индивидуальной форм трудовой деятельности населения). Видимо, при достаточной гибкости системы можно было бы предотвратить превращение указанных трудностей в серьезную угрозу для экономического развития страны. Однако гибкость в экономической области возможна только при соответствующей гибкости в политических вопросах. Вместо того, чтобы искать пути для необходимого совершенствования режима (в рамках национальных особенностей и специфики геополитического положения ГДР), [друзья] пошли по пути отгораживания от перестройки в СССР. «Антиперестроечный» комплекс нашел свое

крайнее выражение в запрещении ряда советских изданий для [восточногерманского] населения. Таким образом, цензура из национальных масштабов переходит в международную плоскость, причем фактически ставится знак равенства между СССР, другими соцстранами и капиталистическими государствами. Получается та же «осажденная крепость», только в еще более ухудшенном варианте: полная самоизоляция. А дальше что? Албанский путь для ГДР совершенно неприемлем. Урегулирование вокруг событий 17 января показало, что и в руководстве ГДР полицейские методы признаются неподходящими[40]. Однако на практике [происходит] шараханье, что подрывает уважение к власти. Именно аресты придали 17 января то политическое звучание, которое они приобрели. Репрессивные методы не должны отвергаться априори, но они требуют дополнения позитивной программой дальнейшего политического развития общества. Момент для выдвижения подобной программы не так уж плох – успокоение в глобальном масштабе дополняется явным нежеланием правительства ФРГ доводить дело до кризиса в ГДР. Перспектива «чрезмерного сближения немецких государств» (не говоря уже о «воссоединении») вызовет взрыв в ЕС, как бы ни были сильны настроения классового реваншизма. В то же время [наступил] весьма ответственный для дальнейших судеб ГДР момент. Никто не пытается подменить друзей в принятии решений. Но они должны знать – нашу армию мы пустим в ход только для отражения внешней угрозы или при возникновении опасности для самих наших войск. 17 июня 1953 года (советские танки против демонстраций) не повторится. Поэтому нужен вентиль для выражения критических настроений, а также четкая программа совершенствования общества. Многопартийная система ГДР дает возможность для осуществления этого проекта без потрясений – нужно только ослабить формализм существующих урегулирований. Не обойтись и без демократизации в экономической области – каждый человек должен ощутить свою причастность к управлению предприятием. [В итоге] как всегда, формы развития разные, но основные принципиальные моменты общие для всех соцстран. Друзья имели возможность убедиться в том, что перестройка у нас – это долговременный курс. [Им] надо подстраиваться, делать практические выводы. Противодействовать перестройке сегодня значит способствовать возникновению кризиса завтра – кризиса с очень опасными для социалистического режима в ГДР и, следовательно, для всего соцсодружества последствиями. Именно сейчас, когда руководство ГДР (Эрих Хонеккер) обладает бесспорным

авторитетом как внутри страны, так и в международном масштабе, лучше всего начать поворот к перестройке. Преемникам будет гораздо труднее».

Даже если доклад вышеизложенного содержания не дошел до Москвы, текущие сообщения из посольства выдерживали линию, положенную в его основу. В середине марта 1988 года мы докладывали в Москву: «Западноберлинская печать сообщила о «марше молчания», который провели в центре Лейпцига около 300 молодых людей вечером 14 марта. Марш состоялся после богослужения в одной из лейпцигских церквей. Полиция рассеяла демонстрантов, среди которых было много лиц, желающих выехать в ФРГ. До крупных столкновений дело не дошло. Явная цель – MusterMesse[41]. Ранее были отдельные попытки развернуть оппозиционные лозунги во время демонстраций 8 марта. По сведениям из ЦК СЕПГ, обстановка в округах продолжает оставаться довольно нервозной. Аресты активистов «движения выездников» ослабили возможность проведения им массовых акций, однако полностью предотвратить их пока не удается. Из округов сообщают, что в некоторых местах в окнах вывешиваются плакаты с оповещением о том, что проживающие в доме подали ходатайства о выезде из ГДР. Пропагандисты [СЕПГ] получили указание разоблачать так называемый «трехфазный план» оппозиционных действий, подсказанный из ФРГ: создание «базовых групп» борцов за охрану окружающей среды и права человека при отдельных церковных общинах; слияние их с «движением выездников» в окружном масштабе; создание объединения в национальном масштабе, которое должно добиться статуса «официальной оппозиции». Одновременно ужесточается борьба с лозунгами перестройки, которыми зачастую пользуются оппозиционеры. В одной из ориентировок для парторганизаций после речи Эриха Хонеккера перед секретарями райкомов в начале февраля подчеркивалось: тот, кто сегодня продолжает взывать к гласности, демонстрирует лишь, что не желает учитывать реальности в нашей республике и хочет чего-то иного, чем социализм. В беседе с Йоханнесом Рау[42] в Лейпциге Эрих Хонеккер говорил, что в настоящее время изучается возможность принять постановление по вопросам выезда [из ГДР]. Такой шаг соответствовал бы и пожеланиям евангелической церкви, высказанным епископом Ляйхом на встрече с Эрихом Хонеккером в начале марта. На самом деле в округах уже получены указания из Центра о резком ограничении приема заявлений о переселении в ФРГ ([исключение делается] только в случае воссоединения семей или для близких родственников). Например, в округе Росток из 3300 поданных

ходатайств будут ныне приняты к рассмотрению 20-25. Власти стараются вести дело гибко. В ряде случаев, идя навстречу ходатайствам церкви об «отпущении грехов заблудшим», активных зачинщиков митингов и демонстраций собираются выпустить на свободу под обязательство не совершать впредь противозаконных актов и уплату штрафа в 4-5 тысяч марок. В целом принятые меры (аресты активистов, проведение обысков, усиление масштаба проводимых разъяснительных бесед) привели к нормализации обстановки в большинстве районов республики». Боюсь, что последняя успокоительная фраза была продиктована выполнением все того же указания «Не драматизировать!».

Ни в политике руководства ГДР, ни в позиции руководства СССР по отношению к ситуации в важнейшей союзной стране в Европе изменений не наступало, а если они были, то носили отрицательный характер. Например, в ноябре 1988 года было запрещено распространение в ГДР дайджеста советской прессы на немецком языке «Спутник». Опубликованное в печати ГДР официальное сообщение министерства почт и телеграфа республики на этот счет гласило: «Журнал «Спутник» удален из списка доставляемых по почте изданий; он не вносит вклада в укрепление германо-советской дружбы; напротив, он публикует искажающие историю материалы»[43]. В январе 1989 года последовали новые инциденты в рамках траурных мероприятий, посвященных гибели Карла Либкнехта и Розы Люксембург, – на этот раз в Лейпциге, который постепенно превращался в средоточие сил внесистемной оппозиции.

Кризисы никогда не приходят внезапно. У них всегда есть предвестники. По-настоящему слеп не тот, кто не видит, а тот, кто не хочет видеть. «Демонстрации по понедельникам» в Лейпциге, которые в сентябре 1989 года открыли процесс крушения ГДР, не были первыми в своем роде – предупредительные сигналы поступали заблаговременно. Но никто не захотел (или не смог) принять их к сведению.

Западный Берлин

Обычно считается, что та часть Берлина, которая до 1990 года продолжала оставаться оккупированной тремя западными державами территорией, была безусловным злом для ГДР и СССР, поддерживавшего восточногерманское государство. Это действительно было так, пока бушевали бури холодной войны и открытая секторальная граница в Берлине подпитывала у западных держав иллюзию, будто со временем удастся взорвать ГДР изнутри или «обезлюдить» ее. Возведение стены и начавшаяся затем разрядка международной напряженности, включавшая в себя постепенную нормализацию отношений между обоими германскими государствами, изменили роль Западного Берлина. Оставаясь формально «фронтовым городом», он превратился одновременно в своеобразный термометр, показывавший изменения температуры отношений между Востоком и Западом. Более того, Западный Берлин стал своего рода площадкой для конструктивного обмена мнениями между державами-победительницами Второй мировой войны.

По мере того как германские государства набирали силу и их влияние в рамках соответствующих военно-политических блоков росло, у четырех держав укреплялся интерес к непосредственным контактам друг с другом по германским делам и прежде всего по вопросам, касающимся обстановки вокруг Западного Берлина (даже если эти контакты вызывали порой глухое недовольство у тех и у других немцев). Три группы соображений сближали позиции сторон. Во-первых, сохраняющаяся нерешенность германской проблемы, вследствие чего в соответствии с Потсдамскими соглашениями державы-победительницы юридически продолжали нести ответственность за Берлин и Германию в целом (это положение безоговорочно признавалось ФРГ и – с некоторыми оговорками – ГДР). Во-вторых, совпадение германо-германской границы с линией водораздела между НАТО и Организацией Варшавского договора многократно увеличивало потенциальную опасность инцидентов на этой границе, возможность которых нельзя было исключать в связи с наличием множества конфликтных моментов в отношениях между ФРГ и ГДР. В-третьих, нарастающая интенсификация германо-германских отношений, о ряде аспектов которых немцы предпочитали не информировать даже самых близких союзников, грозила потерей контроля над ситуацией со стороны сверхдержав. Все подводные течения, придававшие обстановке в центре Европы сложный и многослойный характер, соединялись в Западном

Берлине в единый поток, делая этот город и пороховой бочкой континента, и одновременно перспективной точкой для контактов, которые могли и должны были подготавливать принимаемые на более высоком уровне принципиальные решения в области европейской безопасности. Состояние конфронтации в Европе чем дальше, тем больше не устраивало европейцев – всех европейцев.

Рональд Рейган не мог игнорировать эту сторону дела, хотя его уже упоминавшееся выступление у Бранденбургских ворот отнюдь нельзя было назвать служащим разрядке. Он был вынужден включить в свою речь конструктивные элементы. После пассажа о стене и снова обращаясь к Горбачеву, президент США призвал: «Давайте еще больше откроем Берлин для всей Европы, Восточной и Западной. Расширив жизненно важный доступ к этому городу по воздуху, мы сможем сделать коммерческие полеты на Берлин более удобными, выгодными и экономичными. Мы уже видим тот день, когда Западный Берлин станет одним из важнейших центров воздушного сообщения во всей Центральной Европе». Надо, впрочем, признать, что Рейган постарался обставить свой демарш такими оговорками, которые до предела затрудняли положительную реакцию на него. Предложение о расширении воздушного сообщения было помещено в контекст «расширения связей ФРГ с западными секторами Берлина», против чего возражали и ГДР, и СССР. Кроме того, Рейган сформулировал ряд проектов, реализация которых требовала согласия ГДР (проведение международных конференций в обеих частях города, обмен молодежью между Западным и Восточным Берлином, организация совместных спортивных мероприятий), ни словом не упомянув о восточногерманском государстве. Речь у него постоянно шла только о США и «их друзьях» англичанах и французах, с одной стороны, и Советском Союзе, с другой. Как будто ГДР просто не существовала[44]. Разумеется, подобная постановка вопроса не могла быть приемлемой ГДР и, следовательно, для Москвы. Немудрено, что первая реакция советской стороны на речь Рейгана сводилась к тому, что все это – чистая пропаганда и потому не заслуживает внимания.

Однако в последующие месяцы западногерманская и западноберлинская печать то и дело возвращалась к «берлинской инициативе» Рейгана, намекая на то, что три западные державы и ФРГ готовят дипломатический демарш с целью попытаться добиться ее реализации. Это подтверждали в беседах со мной представители западных администраций в Западном Берлине (поддержание рабочих контактов с ними, а также с немецкими властями города входило в сферу моих служебных обязанностей).

Постепенно сложился пропагандистский термин «берлинский воздушный перекресток» (Luftkreuz Berlin), который должен был передать суть американского плана – это название начинает фигурировать в моих записях с сентября 1987 года. Становилось ясно, что проблема воздушного сообщения с Западным Берлином попала в речь Рейгана не случайно, что в ее продвижении заинтересованы серьезные экономические круги, в том числе западногерманские (прежде всего мощная западногерманская авиакомпания «Люфтганза»), которые через свои каналы оказывали давление на западное политическое руководство. Разумеется, если бы стремление «Люфтганзы» участвовать в приносящем солидную прибыль воздушном сообщении с Западным Берлином расходилось с интересами трех держав, то оно так бы и не вышло из разряда благих пожеланий. В частности, западные авиакомпании совсем не огорчались по поводу отсутствия немецкой конкуренции в этой сфере. Однако у трех держав были свои причины считать желательной некоторую модернизацию существовавшей организации авиарейсов на Западный Берлин.

Дело в том, что условия воздушного сообщения с Западным Берлином были определены в послевоенном 1945 году и с тех пор не менялись. Проблема связи между секторами, выделенными для вооруженных сил трех держав в Берлине и соответствующими оккупационными зонами в Западной Германии, встала сразу после того, как американские, английские и французские солдаты появились в бывшей столице бывшего рейха: Берлин расположен гораздо ближе к новой германской границе с Польшей, чем к линии, отделявшей западные зоны от восточной. Главнокомандующие союзными оккупационными войсками в Германии достигли в июне 1945 года устной договоренности о том, чтобы выделить на территории советской оккупационной зоны три коридора (по одному для каждой из трех держав) для воздушных, автомобильных и железнодорожных перевозок военного характера между западными зонами и западными секторами. Основной линией наземных коммуникаций стала выделенная для США автострада Хельмштедт-Берлин. Кстати, советские военные представители, направлявшиеся в Западную Германию (при штаб-квартирах западных оккупационных войск были аккредитованы советские военные миссии связи), пользовались теми же КПП, что и западные военные.

В ноябре 1945 года четырехсторонний Союзнический Контрольный Совет для Германии утвердил условия, на которых западные державы могли использовать три воздушных коридора – Гамбург-Берлин (аэродром Гатов) для англичан, Франкфурт/

Майн-Берлин (аэродром Темпельгоф) для американцев и Бюкебург-Берлин (аэродром Тегель) для французов[45]. Только эта договоренность была оформлена в письменном виде. Среди включенных в документ условий значилась и высота полетов («эшелон»), которая с учетом тогдашнего состояния авиации была значительно ниже той, которую используют современные самолеты. Регулировать движение в воздушных коридорах, которые оставались неотъемлемой частью воздушного пространства советской зоны оккупации и продолжали в полном объеме использоваться военно-воздушными силами Группы советских оккупационных войск в Германии, поручалось Берлинскому центру воздушной безопасности (БЦВБ), в котором были представлены военные авиадиспетчеры от всех четырех держав. Этот центр бесперебойно функционировал с 1945 по 1990 год, в том числе и во время так называемой «блокады Берлина» в 1948-1949 годах. Тогда было не так уж сложно без каких-либо прямых «враждебных действий» с советской стороны сделать невозможным использование берлинских воздушных коридоров западными державами – стоило лишь отозвать советских офицеров из БЦВБ. В воздушных коридорах возник бы хаос, упорядочить который у западных держав не было средств без помощи со стороны органов Советской военной администрации в Германии. Только непрерывная работа центра воздушной безопасности создавала условия для функционирования того самого «воздушного моста», который во всех учебниках истории на Западе подается как американская победа над злокозненными замыслами Кремля подчинить себе вольнолюбивых западноберлинцев.

То, что СССР воздержался тогда от введения ограничений на воздушных путях сообщения между Западным Берлином и западными зонами оккупации, лишний раз свидетельствует о его нежелании «загонять в угол» западные державы, которые в итоге могли бы пойти на необдуманные шаги. Москва вовсе не хотела меряться силами с Западом – наоборот, как и позже, в случае с Берлинским кризисом 1959 года, она лишь намеревалась заставить Запад приступить к переговорам, чтобы добиться взаимоприемлемых урегулирований для существовавших в сфере германских дел проблем.

Возведение Берлинской стены и достигнутое десять лет спустя Четырехстороннее соглашение по (Западному) Берлину[46] от 3 сентября 1971 года сняли остроту этих проблем. СССР и ГДР могли считать достигнутое компромиссное урегулирование более или менее приемлемым для себя. В основном были удовлетворены и западные державы. Однако они были бы непрочь

«подправить» некоторые детали договоренностей почти полувековой давности. Они хотели бы, например, летать из Западного Берлина не только в Западную Германию. В частности, летом 1987 года были подброшены в печать сведения о том, что американская авиакомпания «ПанАм» в сотрудничестве со скандинавской «САС» собирается открыть воздушную линию Западный Берлин – Стокгольм. Последовали советские демарши в столицах трех западных держав и в Стокгольме. 16 октября статс-секретарь МИД ГДР (первый заместитель министра иностранных дел) Герберт Кроликовский сообщил мне, что ГДР также собирается заявить протест в Стокгольме. «Однако перспективы достижения успеха, – продолжал он, – не очень обнадеживающие: «САС» в большой степени зависит от американцев в плане поддержания сообщения с США и Латинской Америкой. Но даже если удастся, то это мало чего изменит. Ситуация в воздушном сообщении с Западным Берлином развивается таким образом, что возникает необходимость подумать вместе над тем, что нам можно сделать. До сих пор все попытки проанализировать ситуацию в МИД ГДР заканчивались ссылкой на то, что главное заинтересованное лицо здесь – СССР, пусть он и решает. Протесты не дают никаких результатов, обманывать себя не стоит – какие-либо решительные меры невозможны, поскольку они противоречили бы нашей коренной заинтересованности в укреплении мира и безопасности. Не исключено, что «Люфтганза» скоро начнет летать на Западный Берлин через подставную фирму, которая получит разрешение союзников. И мы не сможем этому помешать. Возможно, что какое-либо многостороннее соглашение по воздушному сообщению с Западным Берлином было бы для СССР и ГДР предпочтительнее, чем терпеть нынешний подрыв существующего режима тихой сапой. Нужно взять все, что мы имеем (или должны иметь) и то, что нам хотелось бы (и что мы можем) получить, и подумать над тем, как действовать. Лучше это сделать на специальной встрече, отдельно от обычных межмидовских консультаций, с привлечением специалистов и обеспечением полной секретности. А на межмидовских консультациях хорошо было бы подумать о том, что делать с пережитками четырехстороннего статуса «всего Берлина». С полным учетом советских интересов следует задуматься, например, о таких вещах, как развившаяся в последнее время практика приезда в столицу ГДР автобусами рядового и сержантского состава оккупационных сил США, Англии и Франции с семьями для закупок дефицитных товаров на марки ГДР, купленные на черном рынке в Западном Берлине (по курсу 1 к 13 при официальном курсе 1 : 1). С точки зрения всей

экономики ГДР это, может быть, и не так много, но порядок все же нарушается. Вводить для них принудительный обмен по официальному курсу? Это как будто непрестижно для столицы ГДР. Но поискать решений в этой области все же нужно».

Западные державы были также недовольны тем, что сохраняется оговоренная в свое время незначительная высота полетов – это чем дальше, тем больше означало сверхнормативный расход горючего, что чувствительно било по рентабельности воздушного сообщения с Западным Берлином. Коридоры уже давно использовались для обычных пассажирских перевозок гражданскими самолетами авиационных компаний трех держав (участие авиакомпаний третьих стран, в том числе ФРГ, в «берлинском гешефте» пока не допускалось), а они внимательно калькулировали доходы и расходы. Западные предложения повысить эшелон неизменно отклонялись руководством Группы советских войск в Германии под различными техническими предлогами. По сути же наши военные исходили из простой логики – чем выше эшелон, тем больше возможностей наблюдать за деятельностью ГСВГ вне пределов оговоренных коридоров. В том, что западные самолеты (и военные, и гражданские) напичканы разведывательной аппаратурой, никто не сомневался.

В декабре 1987 года послами трех западных держав в Москве был передан в МИД СССР меморандум, воспроизводивший основные моменты позитивной части берлинской речи Рейгана вкупе с предложением приступить к переговорам о «практическом улучшении ситуации в Берлине». Если вопросы проведения совместных конференций, расширения молодежных контактов, увеличения числа спортивных мероприятий и интенсификации культурного сотрудничества между обеими частями Берлина совершенно очевидно относились к исключительной компетенции ГДР, то воздушное сообщение с Западным Берлином касалось непосредственно СССР. Мы считали возможным, что декабрьский демарш трех держав отражал тот факт, что Запад готовится к предстоящим потрясениям в ГДР, которые он считает рано или поздно неизбежными. Не исключалось, что в этой связи он хотел создать площадку для постоянного контакта с СССР непосредственно в гуще грядущих событий, поскольку предполагалось, что переговоры будут вестись в Берлине по давно апробированной схеме – между послами (или посланниками) трех держав в ФРГ и послом (или посланником) СССР в ГДР.

Подобная перспектива не противоречила нашим интересам. Новая площадка для поддержания контактов была бы полезна не только западникам, но и министерствам иностранных дел СССР и

ГДР, исходившим из того, что лишняя возможность для постоянного и быстрого зондажа намерений западных держав «не помешает». Само собой разумелось, что позиция советских представителей на переговорах согласовывалась бы с ГДР и учитывала ее интересы. Оба министерства исходили из того, что в ответе на западный меморандум МИД СССР не оставит сомнений в том, что молодежные, спортивные и культурные проблемы Западного Берлина следует обсуждать напрямую с ГДР, но выразит готовность в соответствии с предложением США, Великобритании и Франции обменяться мнениями по вопросам улучшения условий для воздушного сообщения с этим городом. Кроме политических моментов, определенную роль при этом играла и заинтересованность «Аэрофлота», который был бы непрочь получить право использовать западноберлинский аэропорт Тегель, недавно модернизированный и соответствующий высшим мировым стандартам (восточно-берлинский аэропорт Шенефельд, на который летал «Аэрофлот», находился за городской чертой и отставал от Тегеля по части технического оснащения).

Однако соответствующий проект директивы, внесенный МИД ГДР на рассмотрение политбюро ЦК СЕПГ в январе 1988 года, был отклонен Хонеккером по предложению первого секретаря берлинского окружкома и члена политбюро ЦК СЕПГ Гюнтера Шабовского с мотивировкой, что если Западу что-то нужно в Берлине, то пусть он разговаривает с ГДР. Конечно, решающую роль при этом сыграли воспоминания об оскорбительном для ГДР тоне речи Рейгана. С другой стороны, руководство ГДР к этому времени явно переоценивало международный вес республики, а также ее внутриполитическую устойчивость. Хонеккер все чаще вел себя как главный авторитет социалистического сообщества по германским делам, как правило, игнорируя мнение Москвы[47]. Наверное, Горбачев или Шеварднадзе могли бы повлиять в положительную сторону на Хонеккера, каприз которого лишил советскую (и восточногерманскую) дипломатию полезного инструмента для отслеживания эволюции в подходах Запада к центральноевропейским проблемам и возможного незамедлительного оказания влияния на его действия. Но руководители перестройки так и не сумели понять значения Западного Берлина для активной политики в Европе[48].

Из-за табу, наложенного Хонеккером, западное предложение зависло. Послы США, Великобритании и Франции в Москве время от времени напоминали о ней, но МИД СССР мог лишь ссылаться на то, что «вопрос продолжает изучаться». Позиция ГДР изменилась в лучшую сторону только после отставки Хонеккера

18 октября 1989 года. Это позволило, наконец, дать положительный ответ трем державам. Но к этому времени обстановка в корне изменилась – ГДР вступила в полосу глубочайшего кризиса, завершившегося в конечном счете исчезновением республики.

Давление в котле растет

После начала советской перестройки основным вопросом внутрипартийных, а также околопартийных дискуссий в ГДР стало – следовать примеру СССР или нет? Наиболее дальновидные представители политического класса ГДР отвечали на этот вопрос с оговорками, но в принципе положительно: недовольство широких слоев населения республики существующим положением было очевидным. Насколько мы могли судить, сторонники перестройки в ГДР не собирались слепо копировать действия советских инициаторов, которые слишком часто приводили к провалам, чреватым опасностью для дальнейшего существования даже Советского Союза. Поскольку существование ГДР было во много раз менее прочным, чем у СССР, ей требовалась особая осторожность при проведении социальных и внутриполитических экспериментов. Однако большинству ответственных политических деятелей ГДР было ясно, что оставлять все, как есть, было еще опаснее, поскольку дело явственно шло к катастрофе.

«Внутренняя оппозиция», как иногда называли людей в руководстве СЕПГ, которые призывали учитывать опыт СССР, оказалась не в состоянии преодолеть инерцию политического мышления верхнего партийного эшелона, прежде всего Эриха Хонеккера, который упорно повторял, что республика уже провела свою перестройку после ухода Вальтера Ульбрихта с поста генерального секретаря СЕПГ и не нуждается ни в каких новых реформах. Главный идеолог СЕПГ, член политбюро Курт Хагер заявил в 1987 году в интервью для западногерманского журнала «Штерн»: «Вы ведь не будете переклеивать у себя обои только потому, что ваш сосед делает то же самое». Говорили, что данную фразу собственноручно вписал в текст интервью сам Хонеккер.

Бессилие «внутренней оппозиции» объяснялось не только ее неорганизованностью, но и нежеланием Горбачева недвусмысленно сформулировать свое отношение к линии каждой из соперничавших в руководстве ГДР группировок. Он неоднократно и публично, и в закрытом порядке заявлял, что правящие в социалистических странах партии должны самостоятельно решать возникающие у них проблемы и нести ответственность за принимаемые решения. Это была единственно верная позиция в смысле отказа от силового вмешательства во внутренние дела других по типу ввода войск ОВД в Чехословакию в 1968 году. Однако явным перебором было отказываться от того,

чтобы отчетливо дать понять, какое у нас складывается мнение относительно платформы той или иной группы политиков в союзных странах[49]. В результате у наших союзников возникало стойкое ощущение, что Москве все равно, что будет происходить в социалистическом содружестве – «пусть каждый умирает в одиночку». Такая ситуация парализовала волю к действию даже у наиболее энергичных представителей «внутренней оппозиции», поскольку она состояла из людей, однозначно связавших свою судьбу с СССР как главной силой преобразования общественных отношений и больше всего опасавшихся навредить старшему союзнику несанкционированными им шагами.

Кроме того, «внутренняя оппозиция» никак не могла представить себе, что Советский Союз может просто так оставить ГДР на произвол судьбы: помимо первостепенного военно-стратегического значения опорного пункта в центре Европы, маленькая ГДР выполняла роль важнейшего экономического партнера СССР; на нее приходилось 10-15% советских внешнеэкономических обменов, причем из ГДР Москва зачастую получала замену той продукции высоких технологий, которую отказывался поставлять нам Запад. Когда же эти люди почувствовали, что дальше медлить нельзя, было слишком поздно. Увольнение в отставку Хонеккера 18 октября 1989 года не смогло переломить негативного характера развития. Четкой программы реформ не было к этому моменту подготовлено, а времени на ее разработку уже не оставалось.

Ситуация дополнительно обострялась экономическими трудностями, с которыми в 80-х годах столкнулась ГДР. Программа, с которой пришел к власти Эрих Хонеккер, предусматривала повышенное внимание к обеспечению социальных нужд населения (в свете уроков 17 июня 1953 года). И, действительно, ГДР времен Хонеккера представляла собой почти идеальный образец социальной организации государства. Отличная система дошкольного воспитания детей, которая позволяла почти всем женщинам участвовать в трудовой деятельности; высококачественное школьное и высшее образование с гарантированным предоставлением рабочего места по окончании учебы; полное отсутствие безработицы; высокие темпы жилищного строительства; получение квартир молодыми семьями практически без стояния в очередях; приличные пенсии по старости. Остальные соц-страны могли только позавидовать таким достижениям. В то же время на практике оказалось, что подобные расходы на социальные нужды превышают реальные возможности экономики ГДР. В начале 1989 года в посольстве подсчитали, что за истекший год у республики сложился

платежный дисбаланс как минимум в 4 миллиарда марок ГДР.

Руководство ГДР осознавало опасности, крывшиеся в перенапряжении экономики республики. Однако оно не решалось отказаться от реализации беспримерной для всего социалистического содружества программы социального развития страны: в принципе эта программа должна была позволить более слабой Восточной Германии устоять в соревновании с ФРГ в условиях все большей экономической открытости социалистического содружества. Берлин попытался решить проблему с помощью «старшего брата». В мае 1987 года Хонеккер обратился к Горбачеву с просьбой об экономической поддержке ГДР. Он ходатайствовал о следующем: «Нельзя ли за счет экономии нефти в Советском Союзе увеличить ее поставки в ГДР на 2 млн тонн в год и довести тем самым до того уровня, который у нас был согласован, прежде чем вы сократили свои поставки. Мы построили большие мощности специально под вашу нефть. К тому же на нашей территории находятся ваши войска, которые мы снабжаем нефтепродуктами»[50]. Действительно, близ Шведта на границе ГДР и Польши был построен огромный нефтеперегонный завод, смысл существования которого заключался в том, чтобы продукты переработки нефти, поступавшей из СССР по более низким ценам СЭВ (корректировка внутренних цен с ориентацией на мировые всегда запаздывала), поставлялись в ФРГ по ценам мирового рынка, а разница поступала в основном в бюджет ГДР.

Эта простая схема значительно облегчила бы положение в восточногерманской экономике, но Горбачев отказался выполнить просьбу Хонеккера. Правда, его ответ не был прямо отрицательным (он сказал: «Нам понятны ваши заботы. Если будет какая-то возможность увеличить вам поставки нефти, то мы это непременно сделаем»), но предпринято ничего не было. Более того, советское руководство стало подталкивать ГДР к сближению с ФРГ, у которой были деньги, возможности и, главное, желание привязать восточных немцев к себе. Выступая на заседании политбюро ЦК КПСС 11 июня, Горбачев сообщил: «Хонеккеру я сказал: находите общий язык с ФРГ. Она в этом нуждается»[51]. Объясняя нам причины отказа поддержать ГДР, В.И. Кочемасов ссылался на то, что «если давать нефть немцам, то надо давать ее и всем остальным соцстранам», – просили ведь все без исключения. Подобная «уравниловка», однако, была грубейшим стратегическим просчетом. Непрерывно воевавший прусский король Фридрих II (немецкая историография величает его обычно Великим) говорил своим генералам: «У того, кто хочет защитить все, не останется ничего, что можно было бы защищать». Впрочем,

чем дальше, тем больше складывалось впечатление, что перестроечный СССР вообще никого не собирается защищать. ГДР была стержнем советской оборонительной системы на западном направлении, и запрошенная Хонеккером плата за предотвращение экономического коллапса главного союзника в Европе представлялась отнюдь не чрезмерной. В связи с тем, что СССР не согласился помочь в заполнении прорех бюджета республики, ей пришлось обращаться за займами к ФРГ, хотя нетрудно было догадаться, что Бонн преследует какие угодно цели, только не укрепление ГДР.

В отличие от пассивного поведения «внутренней оппозиции» в ГДР чрезвычайно активно действовала внесистемная оппозиция, которая стремилась к изменению государственной системы республики, а то и просто к ее ликвидации. Напористости этой части оппозиции отнюдь не мешало то, что она не отличалась массовостью, была разобщенной и лишенной единой долговременной цели. Ее разношерстный характер определялся тем, что в нее входили и представители пользовавшейся особым влиянием в Восточной Германии евангелической церкви, и мечтавшие о «чистом социализме» деятели культуры, и выступавшие против непроницаемой перегородки между ГДР и ФРГ интеллигенты, и люди, которым просто надоела назойливая и часто безграмотная «опека» со стороны аппарата СЕПТ и Штази, и прямая агентура западных спецслужб. Объединяло же все эти центробежные силы, подкармливавшиеся по различным каналам из Западной Германии, практически лишь одно – стремление как можно скорее разрушить сложившуюся в ГДР систему управления, что означало прежде всего оттеснение от власти СЕПТ параллельно с упразднением министерства госбезопасности.

Однако участники протестного движения избегали требования отказаться от ГДР как таковой. Их лозунгом было усовершенствование государственной системы республики. Восточногерманский диссидент Штефан Волле вспоминал позже: «В 80-е годы оппозиционные группировки никогда не выдвигали требования о ликвидации ГДР. До поздней осени 1989 года они рассматривали национальный вопрос в чисто исторической перспективе. По их мнению, было бы безответственным ставить под вопрос глобальную стабильность, опирающуюся на дуализм сверхдержав. Господствующее настроение во внутренних дискуссиях сводилось тогда к следующему: сначала нужно добиться свободы и демократии в ГДР, а затем уж можно будет в один прекрасный день обсудить отношения с Федеративной Республикой»[52].

Сближение обоих германских государств, происходившее во второй половине 80-х годов, облегчило для внесистемной оппозиции проведение пропагандистских акций, направленных на расшатывание основ ГДР. Главной сенсацией визита Хонеккера в ФРГ, состоявшегося в сентябре 1987 года и подробнейшим образом отраженного в передачах телевидения обеих стран, было то, что он прошел в обстановке «всенародного ликования» – лидера ГДР повсюду в Западной Германии встречали как лучшего друга. В результате сложилось впечатление полной нормализации отношений между германскими государствами[53]. После этой поездки Хонеккер поверил, что его положение как внутри ГДР, так и в отношениях с СССР стало незыблемым. В то же время как раз со ссылкой на боннский вояж Хонеккера внесистемная оппозиция ГДР, чья деятельность отныне не встречала прежних препятствий, всячески разжигала ожидания населения в отношении грядущей демократизации республики, а также либерализации условий посещения родственников в другом германском государстве. Действительно, после объятий федерального канцлера и генерального секретаря ЦК СЕПГ население ГДР никак не могло взять в толк, почему ограничения для поездок в Западную Германию остаются все такими же суровыми. В итоге хонеккеровское посещение ФРГ послужило дополнительным толчком к дестабилизации внутриполитической обстановки в ГДР.

На протяжении всего 1988 года восточные немцы терпеливо ждали, когда же условия контактов с ФРГ для «человека с улицы» станут соответствовать сердечности германо-германских контактов на высшем уровне. Однако уже с первых дней 1989 года стало ясно, что запас терпения у людей кончается. Накануне традиционной демонстрации в память Карла Либкнехта и Розы Люксембург (исполнилось 70 лет со дня их убийства) кружок диссидентов, пользовавшийся прикрытием церкви Св. Марка в Лейпциге, напечатал 10 000 листовок с призывом провести акцию протеста в воскресенье 15 января. За четыре дня до назначенной даты началась расклейка листовок и распределение их по почтовым ящикам жителей города. Почти сразу же полицией были произведены первые задержания; всего приводу подверглись 11 человек – практически все организаторы. О произошедшем были по каналам протестантской церкви немедленно извещены околоцерковные круги по всей стране. В Берлине, Эрфурте, Цвикау и Бауцене стали раздаваться протесты против действий полиции. Подключились диссиденты из Польши и Чехословакии. Тему подхватили западногерманские СМИ. 15 января «Вельт» вышла с аршинным заголовком: «Полиция ГДР производит аресты

правозащитников». В этот день в Лейпциге у Старой Ратуши собрался митинг протеста. По явно завышенным оценкам организаторов, в нем приняли участие около 800 человек; 53 человека были задержаны. Одновременно в Вене заканчивалась сессия Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая подтвердила обязательства всех членов организации по соблюдению прав человека и гражданских прав. Выступившие на церемонии закрытия сессии госсекретарь США Джордж Шульц и министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер осудили принятые полицией ГДР меры по охране порядка. 24 января все участники акции в Лейпциге были освобождены[54].

Постепенно диссидентское движение ЩР набиралось опыта в проведении кампаний, направленных против существующего режима. Сентябрьские «демонстрации по понедельникам» 1989 года возникли не на пустом месте. Параллельно Запад тренировался в акциях поддержки оппозиции в ГДР Лишь руководство республики, похоже, не училось ничему. (Впрочем, и действия Москвы не становились более мудрыми.)

В конце января 1989 года центральный орган СЕПТ «Нойес Дойчланд» опубликовала заявление Хонеккера, в кагором он, отвечая на вопрос о том, сколько времени еще простоит Берлинская стена, подчеркнул, что она простоит и 50, и 100 лет – до тех пор, пока не изменятся условия, вызвавшие необходимость ее возведения» (то есть пока существуют два германских государства). Это заявление было повсеместно воспринято как крушение надежд на скорое облегчение поездок в ФРГ в условиях, когда на улицах восточногерманских городов то и дело встречались автомашины с белой ленточкой на антенне, означавшей, что ее владелец подал официальное заявление на выезд в ФРГ на постоянное жительство. Возникла и окрепла психологическая основа той волны бегства людей из ЩР, которая захлестнула республику осенью 1989 года. Не обошлось, разумеется, без целенаправленного воздействия СМИ ФРГ, особенно западногерманского телевидения, передачи которого принимались практически на всей территории ГДР[55]. Однако главным были все же зазнайство и промахи власти, считавшей свое положение непоколебимым.

Чем дальше в лес…

Открытый разговор на высшем политическом уровне с вождями ГДР, который я и мои коллеги в посольстве считали необходимым, так и не состоялся. С обеих сторон накапливалось взаимное непонимание, раздражение и недоверие. Отношения между руководством СССР и ГДР за фасадом звонких и пустых фраз о нерушимой дружбе и социалистической солидарности становились все более напряженными. После «телемоста» между Москвой и Бонном 24 марта 1988 года с участием депутатов Верховного Совета СССР и бундестага мы сообщали в МИД: «Из отдела международных связей ЦК СЕПТ нас предупредили, что в партийном и государственном руководстве ГДР очень болезненно восприняли некоторые высказывания, прозвучавшие с советской стороны в ходе телемоста, передававшегося западногерманским телевидением. Политически безграмотные оценки перспектив «воссоединения Германии», [существования] берлинской «стены» и т.д. дают возможность тем людям в руководстве и около него, которые по тем или иным причинам заинтересованы в углублении трудностей между нашими партиями, вновь поднять визг насчет того, что СССР ведет дело «к изменению нынешнего положения в германских делах». В эмоционально перегретой атмосфере, которую эти люди постоянно поддерживают, используя хорошо продуманные инсинуации из Бонна и неловкие фразы из советской печати, рациональные доводы и логические объяснения остаются, как правило, без воздействия. В доверительном порядке нам сообщают, что даже самые безобидные высказывания советских представителей (как, например, недавнее заявление В.М. Фалина о том, что возможности, заключенные в Четырехстороннем соглашении [по Берлину] еще далеко не исчерпаны) воспринимаются «на самом верху» совершенно предвзято: «Ага, значит, планы использования Западного Берлина как разменной монеты в торге с Западом все-таки имеются!» Тем более тяжелым будет впечатление [у Хонеккера] от отдельных мест в телемосте».

То, что телемост произвел в ГДР «самое гнетущее впечатление», подтвердил Эгон Кренц, который на следующий день сказал мне в краткой беседе на приеме у греческого посла: «Позиция советских участников была настолько оборонительной, настолько бесцветной и слабо аргументированной, что оправдан вопрос: кому нужны такие мосты? Тот факт, что провокационные вылазки западных немцев насчет «воссоединения Германии», «стены», «освобождения земляков в ГДР» остались без ответа, не

может не волновать немецких товарищей».

Начальник управления информации МИД ГДР Вольфганг Майер обратил мое внимание на то, что журналист, ведший телемост с советской стороны, обращался одновременно «к зрителям и друзьям в ФРГ и ГДР», и это, разумеется, было подхвачено западногерманским ведущим. «Неужели в среде московских журналистов начисто атрофировался классовый подход к реальностям международной политики? – спрашивал Майер. – Неужели мало вреда, нанесенного телемостом Ленинград-Майнц в прошлом году?[56] Для СССР подобные инциденты остаются в целом без заметных последствий, но для ГДР можно опасаться самых тяжелых результатов. Пора, чтобы в Москве поняли, наконец, взрывоопасность легкомыслия в отношении подобных тем. Самые искренние сторонники вашей перестройки, а их в ГДР немало, приходят в полное отчаяние. Пора принимать меры». Но в Москве упорно не желали слышать призывов к сдержанности по проблемам, представлявшим фундаментальный интерес для ГДР. По сообщению В.И. Кочемасова 21 июля 1989 года, Кренц попросил его после очередного телемоста СССР-ФРГ, состоявшегося накануне, «вновь ясно высказать нашу позицию по «германскому вопросу»». Официальные советские заверения в солидарности с ГДР стремительно теряли достоверность.

В начале августа 1988 года (посол был в отпуске) я решился направить в МИД еще один сигнал предостережения. Текст был таков: «Ряд неточных высказываний по германским делам продолжается. В ГДР привлекла большое внимание статья «Немцы и мы» Л. Почивалова (здесь она не опубликована, но стараниями западногерманской пропаганды достаточно широко известна). Ее главный тезис: немцы – один народ. Можно понять желание наших публицистов (а также историков, даже некоторых политиков) порассуждать о германских делах – роль и ГДР, и ФРГ в нашей европейской политике исключительно велика. Но непонятно, почему и зачем главной темой этих рассуждений делается основа существования нашего важнейшего союзника, играющего роль краеугольного камня соцсистемы в Европе? Мы же находим в себе силы и разум не вмешиваться в споры венгров и румын по правам нацменьшинств, в расхождения между ГДР и ПНР по разграничению территориальных вод. Какую же цель мы преследуем, ставя под вопрос нашу лояльность по отношению к ГДР, ведущей очень сложную борьбу за выживание перед лицом во много раз превосходящей ее по всем параметрам ФРГ? Нет сомнений, что возникновение обоих немецких государств произошло в ходе холодной войны, что основой их раздельного

существования была забота об обеспечении мира. Сейчас они оба находятся в процессе превращения в «нормальные государства», занимающие свое неоспоримое место в Европе и в мире в условиях, когда мирное сосуществование постепенно становится все более обеспеченным фактом. ФРГ проходит этот процесс, не отказываясь окончательно от конечной задачи («сверхзадачи») поглощения ГДР. ГДР же решает задачу отстоять свою «отдельность» и на будущее, что в значительной степени осложняется не только всепроникающим характером западногерманской пропаганды, но и широким распространением «общегерманских настроений» в массах населения республики. Наше философствование на тему о «едином германском народе» является по существу ударом в спину друзьям. Разъяснения о том, что подобного рода высказывания являются выражением «личного мнения» авторов, идущего вразрез с нашей официальной политикой, все больше теряют убедительность. В условиях сохраняющегося «синдрома 1952 года» (нотой от 10 марта 1952 года мы [без консультаций с ГДР] дали согласие на воссоединение Германии на основе свободных выборов при условии ее нейтрализации) такие высказывания неизбежно воспринимаются как подготовка общественности к каким-то поворотам в нашей политике в сторону уступок притязаниям ФРГ за счет интересов ГДР. Необходимо, чтобы наши публицисты, вообще все, кто берется рассуждать о германских делах, поняли раз и навсегда, что интересам СССР соответствует закрепление независимого существования ГДР и ее самая тесная привязка к нам, к соцсодружеству. Если Бонн, не стесняясь, провозглашает тезис: «Мир в Европе остается ненадежным в условиях раскола Германии», то нам надо не искать путей к выдаче с головой ГДР, а постоянно отстаивать [контр] тезис: «Главным условием надежного мира в Европе является самостоятельное существование ГДР»».

И вновь ни ответа ни привета из Москвы. Вернувшийся из отпуска посол привез уже знакомое главное руководящее указание окружения Горбачева: «Не драматизировать!» И в дальнейшем в поведении наших средств массовой информации ничего не менялось. Хотя бы завязалась открытая дискуссия на тему «Нужна нам или не нужна нам ГДР?», а то ведь господствовало либо молчание на германскую тему, либо провозглашение неизбежности включения ГДР в ФРГ! Даже самые стойкие сторонники союза ГДР с СССР стали терять веру в будущее. 12 августа 1988 года в Берлине в беседе с заведующим отделом печати МИД СССР Г.И. Герасимовым Герберт Кроликовский напрямую обратился к нему с просьбой выяснить у

советских верхов, по-прежнему ли СССР заинтересован в существовании ГДР. Он сказал: «Мы просим лишь об одном – сказать нам ясно, каковы ваши намерения в отношении нас. Сегодня есть социалистическая Германия. Вопрос в том, надо ли ее сохранять, как, например, Австрию, или ждать момента, когда можно будет отделаться от ГДР? Это наше государство, мы его выстроили и любим. Наш западный партнер – не самый глупый и не самый слабый. Не надо облегчать ему достижение цели, которая состоит не в усилении ГДР. Однако если вы нам скажете, что мы вам больше не нужны, что вы можете обеспечить мир в Европе и без нас, мы постараемся найти выход из новой ситуации. Мы возродим прежнюю концепцию конфедерации в Германии, начнем переговоры с Бонном по этому вопросу и будем добиваться максимально выгодных условий для людей, живущих здесь. Скажите нам открыто, в чем еостоит ваша цель, и мы будем действовать в соответствии с этим. Мы не драматизируем, не собираемся поднимать вселенский плач. Но надо принимать меры, думать о следующем и дальнейших этапах». Герасимов, один из наиболее талантливых и мудрых советских дипломатов того периода, понял значение обращения Кроликовского и сразу из Берлина направил в Москву информацию об этой беседе.

Демарш Кроликовского также был проигнорирован. Постепенно и у нас складывалось впечатление, что вопреки всем геостратегическим резонам Москва действительно «ждет момента, когда можно будет избавиться от ГДР». Без прояснения позиции руководства СССР сторонники реформ в ГДР не решались переходить от слов к делу. К тому же они опасались, что раскол на вершине властной пирамиды немедленно будет использован силами, стремящимися к ликвидации республики. (К сожалению, подобные опасения полностью оправдались после отставки Хонеккера 18 октября 1989 года.) В то же время правящая группа вокруг генерального секретаря ЦК СЕПГ не останавливалась перед попытками ослабить позиции сторонников реформ.

В ноябре 1987 года сгустились тучи над 1-м секретарем Дрезденского окружного комитета СЕПГ Хансом Модровым, являвшимся одним из наиболее влиятельных представителей реформаторского крыла партии. Посол получил соответствующий сигнал из аппарата ЦК СЕПГ, и мы решили хотя бы силами посольства продемонстрировать поддержку Модрову. 17 ноября в Дрездене начинались Дни Ленинграда, на которые прибыл секретарь Ленинградского обкома по промышленности Д.Н. Филиппов. Несмотря на сравнительно невысокий уровень советской делегации я бросил все дела и помчался в Дрезден, где

целый день присутствовал на торжественных мероприятиях, всячески подчеркивая советскую солидарность с Модровым. Жест достиг своей цели. Модрова не сняли с должности и оставили в покое. Нам удалось сохранить его для критически важного «послехонеккеровского» периода ГДР.

Бездействие «внутренней оппозиции» вело к тому, что ситуация постепенно выходила из-под контроля. Отказываясь от каких бы то ни было реформ, хотя они назрели во всех областях жизни ГДР, хонеккеровское руководство шло на открытый конфликт с населением республики. Ради того, чтобы у людей не оставалось никаких иллюзий в отношении решимости СЕПГ ничего не менять в ГДР, Хонеккер и его соратники не останавливались перед эскалацией недружественных жестов в отношении СССР. Был свернут лозунг «Учиться у Советского Союза значит учиться побеждать», с первых дней существования республики сопровождавший ее «политпросвет». Продолжался запрет на распространение в ГДР ряда советских изданий. Слов нет, перестроечная печать выносила на поверхность много тины и даже нечистот. Например, конкретным поводом к запрещению «Спутника» послужили включенные в него статьи, ставившие знак равенства между Гитлером и Сталиным, с чем абсолютное большинство советских людей согласиться не могли. Однако запреты – не метод в отношениях между союзниками, связанных к тому же идеологическими узами. Кроме того, было ясно, что указанные статьи были, по существу, предлогом, чтобы помешать продвижению идей перестройки, которой были посвящены основные материалы дайджеста.

«Контрмерами» оказались затронуты и сотрудники посольства. 13 февраля 1989 года меня пригласил к себе заведующий отделом агитации ЦК СЕПГ Хайнц Геггель (событие само по себе необычное, поскольку контактами с руководящим звеном СЕПГ занимался лично В.И. Кочемасов) и, по существу, потребовал отзыва из ГДР советника посольства, который в беседе с каким-то функционером Национал-демократической партии якобы критиковал политику СЕПГ. Доклад об этой беседе, сообщил Геггель, лежит на столе у Хонеккера, поскольку недопустимо обсуждать политику СЕПГ с другими существующими в ГДР партиями. В ходе спешно проведенного внутреннего расследования выяснилось, что с представителем НДПГ разговаривал не советник, а 2-й секретарь посольства с похожей фамилией, который не столько критиковал СЕПГ, сколько защищал советскую перестройку. Посол все равно устроил ему разнос и предложил впредь осторожнее выбирать собеседников[57], а я не смог отказать себе в удовольствии вновь

посетить Геггеля (в сопровождении советника посольства, о котором шла речь) и изложить ему действительное положение дел. Инцидент был улажен, но остался очень неприятный осадок. Похоже было, что руководители СЕПГ не остановятся перед открытым ухудшением отношений с нами. Конечно, внутренняя ситуация в республике действительно обострялась, но не Советский Союз нес ответственность за это. В такой атмосфере рассуждения о «товарищеских отношениях» становились фарсом. За десять лет моей работы в Бонне я ни разу не сталкивался с подобными ситуациями.

Мина замедленного действия

Судьба ГДР (и не только судьба ГДР) зависела от того, насколько быстро на смену людям, заведшим республику в тупик, смогут прийти новые руководители, более чуткие к духу времени и понимающие, как можно поправить дело. Но это была внутренняя проблема ГДР – здесь я был целиком согласен с М.С. Горбачевым, хотя и считал ошибочным и вредным для будущности наших взаимоотношений скрывать мнение по поводу разногласий в СЕПГ. Я был убежден в том, что существование ГДР – сильной, стабильной и уверенной в своем будущем ГДР – является необходимым условием процветания и даже сохранения союза государств под руководством СССР и в конечном счете самого СССР. В приветственном слове на приеме по случаю конференции окружной организации Общества германо-советской дружбы в Лейпциге в апреле 1988 года (это был один из редких случаев, когда мне удавалось вырваться из Берлина, чтобы почувствовать пульс страны) 2-й секретарь окружкома СЕПТ Йохен Поммерт повторил распространенную в недалеком прошлом в ГДР формулу: «Невозможно представить себе ГДР без Советского Союза». В ответ я отметил: «Так же невозможно представить себе Советский Союз без ГДР». Это было сказано не для красного словца. Геостратегическое значение дружественного нашей стране восточногерманского государства для сохранения позиций в Европе и международного статуса СССР было настолько ясно, что не видеть этого требовало больших усилий. К сожалению, многие в советском руководстве оказались пораженными политической слепотой – и не только по отношению к ГДР.

На всех этажах здания сотрудничества между СССР и ГДР расползалась некогда плотная ткань контактов и взаимопонимания. Представители Общества германо-советской

дружбы нам по секрету рассказали, что низовым организациям ОГСД запрещается приглашать с докладами об СССР владеющих немецким языком офицеров Группы советских войск в Германии. Эта многолетняя практика была отменена из-за опасений распространения «перестроечной заразы». К командованию ГСВГ постоянно поступали претензии по поводу содержания передач радиостанции «Волга», вещавшей на русском языке для советских солдат. Причина была все та же – пропаганда идей перестройки и гласности, привлекавшая внимание и граждан ГДР. В юбилейной брошюре авторов из СЕПГ «Социализм национальных цветов ГДР»[58], вышедшей в СССР в переводе на русский язык к 40-летию республики, оправдывалась линия на размежевание с КПСС: «Это [официальная поддержка ГДР решений о перестройке] не означает, что можно соглашаться со всем, что говорится в дискуссиях или печатается в прессе [СССР]. Естественно, можно не соглашаться, если советские художники выступают в Западном Берлине и заявляют о своей надежде, что единство немецкой нации якобы скоро будет восстановлено, или если один историк выступает в Бонне и заявляет, что [Берлинская] стена является якобы реликтом холодной войны и должна вскоре исчезнуть, или если в «Спутнике» принижается и ставится под вопрос вина Гитлера и фашизма»[59].

Нарастающие трения между хонеккеровской командой и руководством СССР не могли остаться без влияния на советских представителей на самых разных уровнях. Я мог это видеть на примере сотрудников посольства в Берлине, на нервы которым чем дальше, тем сильнее действовали неловкие, на грани фола, акции руководства СЕПГ, символизирующие стремление «отгородиться» от советского влияния. Между тем советские дипломаты-германисты были, так сказать, генетически предрасположены к тому, чтобы при любых обстоятельствах способствовать улучшению атмосферы в отношениях с германскими государствами. Надо было многому случиться, прежде чем они стали требовать «ответных действий». Запрет на распространение «Спутника» был одним из наиболее сильных раздражителей.

В докладе 1-го секретаря посольства (экономический отдел) О.В. Юрыгина на совещании ведущих специалистов посольства (оно называлось по традиции «референтским»)» 21 апреля 1989 года (тема: «Перспективы развития внутриполитической обстановки в ГДР») отмечалось, в частности:

«В том, что касается отношения к перестройке, друзья кое в чем правы: они начали [реформы] раньше, многого добились, а наша перестройка не дала убедительных результатов. Но главное

в другом – в оппозиции друзей гласности, политической реформе. Они наносят основной удар по децентрализации, по введению рынка. Их поддерживает руководство ЧССР, которое также делает ставку на передовые технологии. Обе страны не приемлют критику Сталина. Почему мы молчим в ответ на нападки? Запрет «Спутника», черный список советских авторов в ЦК СЕПГ создают новую ситуацию. Нам нужно реагировать». Завершил Юрыгин следующим выводом: «Стабильность ГДР неустойчива, это стабильность на фоне нестабильности. ГДР нужно поддерживать, но нужно и писать о проблемах с ней. Оценивать перспективы развития следует в более широких рамках „германского вопроса“».

В своем заключительном слове на совещании посол оспорил некоторые тезисы докладчика. В частности, Кочемасов сказал: «СЕПГ – сильная партия с квалифицированными кадрами, хорошо организованная, дисциплинированная. У нее мощный административный аппарат, гарантирующий стабильность республики. Эволюция идет, ее темпы могут определяться только друзьями ([внесены] предложения ГДР о культурном сотрудничестве [с СССР] до 2000 года). Многое зависит от того, как пойдут дела у нас. Наша основная задача – сохранить отношения с ГДР, так как они имеют стратегическое значение. Связи ГДР с ФРГ и немецкий менталитет [порождают общегерманские настроения]. Но что остается делать ГДР, если нужное ей не можем дать ни мы, ни другие соцстраны? Возражать потому только, что они и те, и другие немцы?! В целом – это цена за экономическое процветание ГДР. По вопросам германского урегулирования нужно думать, не застывать на позициях 40-летней давности. Не по принципам, но подвижки возможны».

Дальнейшее похолодание в отношениях между СССР и ГДР задокументировал ход «референтского совещания» 25 мая 1989 года, посвященного теме «Содержание лозунга «Социализм в цветах ГДР»». В докладе 1-го секретаря посольства П.В. Меньшикова (внутриполитический отдел) содержались следующие тезисы: «Смыслом указанного лозунга является прежде всего размежевание с определенной моделью социализма, конкретно – той моделью, которая строится в СССР. Уже в конце 1988 года руководство СЕПГ приняло решение закрепить общество ГДР на «старых, проверенных историей» позициях. В речи по случаю 70-летия КПГ Хонеккер объявил, что «правильный» социализм – это только социализм ГДР. Существо ее «национальной модели» формулируется по принципу противопоставления модели, принятой в СССР и других соцстранах, прежде всего с помощью утверждения о

несовместимости рынка и социализма. Вводимые в ГДР ограничения демократии могут поставить под вопрос стабильность республики. У СЕПГ болезненное неприятие критики в свой адрес». Вывод докладчика: «Нам целесообразно сосредоточить усилия на сотрудничестве в экономической и идеологической областях. Возможна конфронтация в области культуры».

Еще более резким был тон выступлений в дискуссии. Подводя ее итоги, я (посол был в это время в Москве) был вынужден обратиться с призывом не забывать о том, что ГДР – наш ближайший друг и союзник: «Было много несправедливой критики в адрес ГДР, черной краски. Наоборот, хорошо, что друзья не торопятся [подражать нашей перестройке]. Иногда о ГДР говорили как о «вражеской» стране, но ведь это же не так! Вопрос в том, может ли ГДР вообще себе позволить повторять наши эксперименты (например, по алкоголю)? Замечания о парадности пропаганды и официальной науки правильны. Но сдержанности в идеологическом сотрудничестве как будто нет. Надо искать: где те точки, где мы можем сотрудничать? Мы не можем позволить себе «расплеваться» с друзьями. Друзья [кое в чем] пересматривают свои позиции, движение происходит. Это вопрос темпов. Есть общий поток развития соцстран. ГДР стоит пока в стороне».

О том, что кое-какие сдвиги «на самом верху» действительно происходили, свидетельствует эпизод, связанный с именем популярного в ГДР министра культуры Ханса-Иоахима Хоффмана. В июне 1988 он дал западногерманскому журналу «Театр сегодня» интервью под заголовком «Самое надежное – это изменения». Впервые министр ГДР не согласовал заранее текст интервью с ЦК СЕПГ и очень откровенно рассказал о проблемах в культурной жизни республики, так что редакция журнала дала интервью подзаголовок: «Перестройка в ГДР?» В октябре ответственный за идеологию член ПБ Курт Хагер созвал совещание, где в отсутствие Хоффмана было осуждено его поведение. После возвращения Хоффмана из командировки он был вызван к Хагеру для «беседы», после которой слег с сильнейшим сердечным приступом. На пленуме ЦК СЕПГ 1-2 декабря атака на Хоффмана была продолжена. Однако его поддержали деятели искусств, входившие в состав ЦК. Во избежание публичного скандала «твердолобые» удовлетворились формальным заявлением Хоффмана: «Результаты, к которым привело интервью, были нехорошими и непреднамеренными. Я извиняюсь». Он остался министром культуры и сохранил свою популярность.

Возможности посольства как-то повлиять на развитие

обстановки были весьма ограниченными, тем более что посол, хотя и видевший, что развитие идет в неприемлемом для нас направлении, не решался все же выходить за рамки получаемых инструкций. Со своей стороны, я со всей необходимой осторожностью попытался поспособствовать оживлению партийно-политической жизни в ГДР. Почти у всех партий республики, входивших в «демократический блок» под руководством СЕПГ, был политический аналог в ФРГ. Восточногерманский ХДС даже по названию не отличался от своего западногерманского родственника, либеральная ЛДПГ по партийной программатике была очень близка к СвДП, установки Демократической крестьянской партии, отстаивавшей интересы сельского населения ГДР, перекликались с платформами соответствующих фракций в ХДС/ХСС и СДПГ ФРГ. Это означало, что в гипотетическом случае присоединения ГДР к ФРГ данные партии теряли, конечно, свою самостоятельность, но в остальном могли влиться в уже существующие западногерманские политические формации. (Нечто подобное действительно произошло в период, предшествовавший присоединению ГДР к ФРГ 3 октября 1990 года.) Оставалась Национально-демократическая партия Германии (НДПГ), у которой не было в ФРГ «брата-близнеца» и которая в силу этого обстоятельства должна была быть особенно заинтересована в сохранении существования ГДР. Именно поэтому я попытался убедить руководство национал-демократов в необходимости переосмыслить отношение к национальной проблеме немцев. 24 мая 1988 года, во время возложения венков к мемориалу советских воинов-освободителей в Трептов-парке по случаю 40-летия с момента основания НДПГ, мне удалось найти возможность для краткого разговора с глазу на глаз на эту тему с председателем партии Генрихом Хоманом. Хоман сделал вид, что не понял, о чем я говорю.

Сейчас я думаю, что он не только отлично понял смысл моих слов, но и доложил о них «куда следует». У меня сложилось твердое впечатление, что после этого разговора тогдашнее руководство СЕПГ окончательно внесло мое имя в список «ненадежных лиц». Оно с самого начала сомневалось в моей лояльности по отношению к восточногерманскому руководству, поскольку я долго работал в ФРГ и мое назначение в Берлин состоялось в период перестройки, в которой верхушка СЕПГ усматривала заговор против себя. В ноябре 1987 года, когда на традиционном приеме в посольстве по случаю годовщины Октябрьской революции я был впервые представлен членам политбюро ЦК СЕПГ и сопровождавшим их женам, министр

народного образования Маргот Хонеккер, всесильная супруга руководителя ГДР, неожиданно спросила меня: «Вы друг ГДР?» Она не стала скрывать скептического отношения к моему утвердительному ответу – для нее, как и для других членов «старческой команды», быть «другом ГДР» значило вслепую поддерживать Хонеккера и его соратников. Этого я действительно не делал, хотя я никогда ни словом, ни тем более делом не выступал против Хонеккера и его стиля правления.

Было похоже, что руководство ГДР опасается, что именно НДПГ – партия, включившая в свое название понятие «нации», – может доставить наибольшие неприятности властям в плане нового осмысления взаимоотношений с ФРГ. Известная логика в этом была. Германские государства возникли на пике конфронтации обеих расколовших мир систем и поэтому имели с самого начала характер взаимоисключающих государственных образований. Разрядка международной напряженности и, как следствие, нормализация отношений ГДР и ФРГ отодвинули прежнюю антагонистическую основу их сосуществования на задний план. Однако о создании другой основы, заменяющей идеологическую, «классовую» направленность на соревновательную, но совместимую с сосуществованием, руководители ГДР не позаботились, пока еще было время. Тем временем нерешенный национальный вопрос немцев никуда не делся. Если отколовшаяся от «германской общности» Австрия смогла дать своим гражданам самостоятельное наименование «австрийцы», то население и ГДР, и ФРГ называло себя по-прежнему «немцы». Сохранявшееся подспудно в германо-германских отношениях максималистское отрицание правомерности существования друг друга устраивало только ФРГ, которая не отказалась от планов присоединения ГДР и лишь отложила их на сравнительно дальнюю перспективу. Однако, как показала последующая практика, актуализировать эти планы можно было в любой удобный момент.

Такая ситуация требовала не замалчивания национального вопроса, а поиска решения, которое гарантировало бы соблюдение государственных интересов ГДР, прежде всего обеспечение ее существования. Разумеется, решение этой задачи было непростым делом, требовавшим пересмотра многих догм господствовавшего в верхах ГДР заскорузлого «классового» мышления. Неспособное реагировать на требования времени руководство СЕПГ наотрез отказалось заниматься национальным вопросом, спрятавшись за притянутую за волосы формулу существования «капиталистической» и «социалистической» немецких наций, каждая из которых располагает-де своим

«национальным» государством. Однако формирование нации-дело длительное и политикам неподвластное, хотя, как показали двадцать лет существования объединенной Германии, определенные элементы «восточногерманской нации» уже были налицо.

Инертность хонеккеровского руководства ГДР усугублялась бездействием перестроечного руководства СССР. Отсутствие продуманной, четко определенной, взвешенной линии советской внешней политики в германских делах лишало нас шансов выйти из надвигающегося кризиса с наименьшими потерями. Безынициативность германской политики СССР особенно остро воспринималась в берлинском посольстве.

2 февраля 1989 года состоялось «референтское совещание», которое было посвящено теме: «Отношения ГДР с ФРГ и Западным Берлином и концепция общеевропейского дома». Выступая на нем, один из ведущих германистов, руководитель отдела внешней политики посольства советник В.Н. Гринин, справедливо констатировал: «Нет у нас германской и берлинской политики. Смыслом такой политики должно являться сохранение самостоятельности ГДР и ФРГ. Между тем количество проблем в этой сфере нарастает. Если взять наш лозунг вывода войск с территории чужих государств, то встает вопрос – как быть с ответственностью четырех держав, от которой мы не можем отказаться? То же самое касается лозунга заключения мирного договора с Германией. В сфере внутриполитического развития ГДР обращает на себя внимание усиление общегерманских настроений. Как повлияла бы в таких условиях на дальнейшую судьбу республики перестройка [в советском духе]? Весьма вероятно, что результатом стала бы ревалоризация национальных моментов и девальвация социалистических ценностей. При этом остается императив – исключить сближение любого рода между ГДР и ФРГ в рамках каких-либо военных союзов. На практике возможны лишь сепаратные мирные договоры с каждым из германских государств при запрещении им обоим заключать между собой военный союз. Если говорить серьезно, то прообразом «общеевропейского дома» являются Европейские сообщества. Но готовы ли мы в них вступить? И готовы ли нас туда принять? Не пора ли снять лозунг, реализация которого немыслима? По Западному Берлину главной для нас является необходимость предотвратить возникновение конфликта вокруг него. Но гарантии непринадлежности Западного Берлина к ФРГ есть, а как обстоит дело с гарантиями его непринадлежности к ГДР? В этой связи надо продумать вопрос о том, выступаем ли мы все еще против присутствия западных держав в Западном Берлине

или уже в какой-то мере заинтересованы в таком присутствии? Скорее всего – второе, хотя нужно продолжать подталкивать западников к отказу от концепции «Большого Берлина». На случай отмены оккупационного режима в Западном Берлине следует вести дело к тому, чтобы опутать его сетью международных соглашений, которые сохранились бы и после такой отмены. Западный Берлин должен так сильно отличаться и от ФРГ, и от ГДР, чтобы ни у кого не возникало и мысли о возможности его интеграции либо туда, либо сюда. Надо бы использовать «берлинскую инициативу» Запада в наших целях – дополнить Четырехстороннее соглашение вышеизложенными положениями».

24 мая 1989 года на совещании дипломатического состава посольства выступил старший научный сотрудник Института мировой социалистической системы АН СССР профессор В.И. Дашичев, бывший в столице ГДР проездом в связи с чтением лекции в Западном Берлине. К тому времени он пользовался в обоих германских государствах репутацией пропагандиста воссоединения Германии. В ФРГ утверждали, что у Дашичева есть покровители «на самом верху» в СССР. В апреле 1989 года он опубликовал в правоконсервативной газете «Райнише пост» (ФРГ) статьи «Пакт обоих бандитов» (о советско-германском пакте о ненападении 1939 года) и «Сталин хотел войны». Я пригласил его в посольство, чтобы наши дипломаты могли напрямую ознакомиться с используемой им аргументацией. Основное положение выступления Дашичева (тема: «Общеевропейский дом и ФРГ») гласило: «Пока существуют два немецких государства в нынешнем виде, будут продолжаться американское военное присутствие в Западной Европе, НАТО, конфликты в Восточной Европе. Статус-кво не соответствует нашим интересам и не может быть сохранен. Германский вопрос должен быть закрыт». Тезисы профессора не встретили понимания у присутствовавших. Когда он закончил свое выступление, воцарилось враждебное молчание. Стремясь сгладить неприятную ситуацию, я сказал: «Вряд ли стоит воскрешать термин «германский вопрос»; правильнее было бы говорить о германских делах. Если речь идет о преодолении раскола, то надо иметь в виду прежде всего сближение обеих частей Европы. Преодоление статус-кво не может означать «исчезновения» ГДР – это цена безнравственная и поэтому неприемлемая. Возможно лишь изменение системы обеспечения безопасности в Европе. Возрождение реваншизма нам не нужно. «Европейский дом» не может строиться на ликвидации одного из членов европейской семьи. В любом случае подобные идеи не должны исходить от нас».

Если из Москвы не поступали «правильные» с нашей точки зрения сигналы, то «неправильных» было хоть отбавляй. Например, весной 1989 года по решению руководства СССР началось одностороннее сокращение советских войск в Европе. К середине августа из социалистических стран выводились три танковые дивизии, в том числе две из ГДР. Из восточногерманской республики на территорию СССР перемещались около 2 700 танков, 24 установки тактических ракет, значительное количество других вооружений, в том числе ядерных. 17 мая состоялся митинг на вокзале Ютербога по случаю отправления советского воинского эшелона с боевой техникой и личным составом. 18 мая прошел аналогичный митинг на вокзале Пренцлау. Эти события самым широким образом освещались в СМИ германских государств и за их пределами: в Ютербоге и Пренцлау побывали сотни иностранных корреспондентов. Мировое общественное мнение восприняло эти события как сигнал готовности СССР по своей инициативе отказаться от размещения войск вне советских границ, не дожидаясь каких-либо встречных шагов Запада. Задним числом можно констатировать, что односторонний вывод советских войск из ГДР начался, по существу, уже в 1989 году[60].

Последний звонок

7 октября 1989 года ГДР исполнялось 40 лет. К этой дате готовились и друзья, и недруги республики. Если подготовка властей и официальных кругов союзников ГДР носила во многом формальный характер (разрабатывались планы организовать на предприятиях столько-то соревнований по повышению производительности труда, провести столько-то тожественных заседаний и т.д.), то контрподготовка оказалась куда более эффективной. Впервые был опробован и показал впоследствии неплохую результативность метод обвинения властей в подтасовывании результатов голосования на выборах (все равно каких и независимо от того, имели ли подтасовки место в действительности или нет). Сразу после выборов в местные органы власти 7 мая 1989 года в разных концах страны появились группки диссидентов, которые начали соответствующую кампанию, немедленно получившую мощную информационную поддержку из ФРГ. Наибольшей известностью стала пользоваться группа, сформировавшаяся вокруг общины церкви Св. Николая в Лейпциге и в резкой форме требовавшая «расследования нарушений законности» в ходе выборов 7 мая.

Общеизвестно, что в политической системе «реального социализма» выборы, да еще на коммунальном уровне, не имели практического значения (обращалось внимание разве только на процент принявших участие в голосовании, который в идеальном случае должен был приближаться к 99%). Таким образом, у руководителей ГДР (главным по выборам 7 мая от СЕПГ был назначен «номер 2» в партийной иерархии Эгон Кренц, который стал председателем Центральной избирательной комиссии) не было особых оснований заниматься приписками и подчистками на выборах в местные органы власти, равно как и у избирателей голосовать «не так». Однако для удара по системе, уже достаточно скомпрометированной в глазах широких масс населения, были хороши все средства. Прием сработал. На протяжении всех последующих этапов кризиса клеймо «фальсификаторов» получало все большую убедительность, несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств. Это клеймо сыграло немаловажную роль в окончательном демонтаже репутации Эгона Кренца, возглавившего СЕПГ и ГДР после отставки Эриха Хонеккера. Вместе с личной репутацией Кренца был заодно окончательно разрушен авторитет возглавлявшихся им институтов власти (политбюро ЦК СЕПГ и Государственный совет ГДР).

Однако решающим ударом по ГДР стало «открытие шлюзов» для ухода граждан республики в ФРГ. После возведения стены в 1961 году отдушиной для заложенной в генетическом коде немцев страсти к путешествиям стали поездки в социалистические страны, с которыми у ГДР были специальные соглашения. Визы для взаимных поездок не требовалось, но оговаривалось, что для выезда в капиталистические страны нужно соответствующее разрешение страны, выдавшей загранпаспорт. Такой порядок мог функционировать, только пока все участники соглашения выполняли свои обязательства. Между тем реформы в духе советской перестройки становились в странах – членах СЭВ все более радикальными, что означало, в частности, растущую потребность в капиталовложениях из-за границы. Деньги у ФРГ, в круг интересов которой исторически входила Центральная Европа, были. Это создавало условия для оказания влияния на социалистические страны в направлении достижения стратегических целей Бонна. На первом месте среди них стояло: «прибрать к рукам» ГДР. Отсюда негласное предложение союзникам восточногерманского государства – займы они получат, но взамен должны проторить «тропу на Запад» для восточных немцев. Первыми откликнулись венгры, которых не нужно было долго уговаривать; они дальше остальных продвинулись по пути к рынку, и деньги им нужны были позарез[61].

Удару в спину ГДР была придана вполне респектабельная форма. Венгерские власти объявили, что приступают к практическому строительству «общеевропейского дома» и готовятся либерализовать режим своей границы с Австрией – убрать пограничные сооружения, упростить паспортный контроль. Эти меры должны были относиться не только к венгерским гражданам, но и к гражданам третьих стран. 19 августа в рамках так называемого «панъевропейского пикника» на участке границы у Шопрона был на три часа отменен контроль за въездом и выездом всех желающих. Официальной целью этой меры было объявлено облегчение контактов между венгерской и австрийской молодежью. Однако в назначенный час у границы собрались только отдыхавшие в Венгрии граждане ГДР. Начался массовый переход отдыхавших в Венгрии восточных немцев на австрийскую территорию без соответствующего разрешения властей ГДР. Жарением шашлыков «на природе» занялись исключительно организаторы акции с обеих сторон, которые констатировали, что их замысел реализован. На радостях было объявлено, что «пикник» – это только начало.

Дело было поставлено на широкую ногу – Австрия отказалась

требовать въездные визы для беглецов из ГДР, на австрийской стороне границы их встречали на комфортабельных автобусах (границу разрешено было пересекать только пешком, поэтому автомашины с восточногерманскими номерами оставались на венгерской территории). Автобусы доставляли людей (разумеется, бесплатно) к границе с ФРГ, где они передавались баварским властям. Телевидение ФРГ подробнейшим образом информировало мировую общественность о том, что австро-венгерская граница стала «проницаемой». 24 августа власти ВНР разрешили «в порядке исключения» выезд в ФРГ через Австрию гражданам ГДР, находившимся в западногерманском посольстве и в специально созданных лагерях для беженцев. 28 августа западная пресса сообщила, что через Венгрию на Запад уже ушли 4 тысячи граждан ГДР. 11 сентября венгры окончательно открыли границу с Австрией для находившихся на их территории граждан ГДР. В церемонии устранения последних пограничных заграждений приняли участие министры иностранных дел Австрии и Венгрии, что обеспечило акции прайм-тайм в мировых телевизионных новостях.

Далеко не все граждане ГДР, находившиеся в Венгрии, воспользовались предоставленной им возможностью сменить место жительства: летом там отдыхали обычно свыше 300 тысяч восточных немцев одновременно. Однако телевизионная «картинка» и комментарии к ней создавали впечатление, будто восточногерманское население уходит поголовно. Этот эффект подкреплялся широко освещавшимися в западногерманских СМИ акциями по «оккупации» посольств ФРГ в соцстранах со стороны желающих выехать на Запад граждан ГДР, требовавших предоставления им «политического убежища» и свободного проезда в Западную Германию. Посетители, пропущенные в здания посольств самым обычным порядком, отказывались покинуть его, пока им не будет гарантирована возможность эмигрировать. Первым объектом оказалось, естественно, постоянное представительство ФРГ в ГДР[62]. 8 августа оно закрылось для посетителей, так как в нем скопилось 130 граждан ГДР, попросивших политического убежища; половина кабинетов сотрудников была спешно приспособлена для проживания людей; ощущалась острая нехватка туалетов и душевых комнат. 14 августа по аналогичным причинам закрылось посольство ФРГ в Будапеште, в котором находились 180 восточных немцев, желающих выехать в Западную Германию. Впрочем, венгры оборудовали временный лагерь для таких лиц вне стен дипломатического представительства; лишь условно считалось, что они «оккупировали» посольство. 22 августа закрыло свои

двери западногерманское посольство в Чехословакии. Чехи не последовали примеру венгров, и «выездники» из ГДР находились в саду посольства в условиях, далеких от всяких санитарных норм. Тем не менее приток людей в пражское посольство ФРГ не прекращался. Западногерманское телевидение многократно показывало драматические сцены, когда молодые супружеские пары из ГДР перелезали через не очень высокую решетку, окружавшую посольство, просовывая своих грудных детей сквозь прутья забора. 19 сентября был прекращен допуск посетителей в посольство ФРГ в Варшаве. На следующий день печать ФРГ сообщила, что общее число беженцев из ГДР перевалило за 17 тысяч человек.

Вся эта цепь событий не прошла бесследно для состояния нервной системы у людей по обе стороны германо-германской границы. Около полуночи 18 августа с территории земли Гессен, ФРГ, была обстреляна восточногерманская деревушка Вальхаузен на берегу пограничной реки Верра. Обошлось без пострадавших, были зафиксированы лишь многочисленные следы попадания пуль в жилые дома, хозяйственные постройки и даже деревенскую церковь. Печать ГДР опубликовала сообщения об обстреле, аналогичная информация появилась в московской «Правде», постоянное представительство ГДР в Бонне заявило официальный протест против «тяжкого провокационного покушения» и потребовало принять меры по недопущению подобного впредь. 1-й секретарь СЕПГ округа Эрфурт Герхард Мюллер посетил пострадавшую деревню и передал ее жителям слова сочувствия от Эриха Хонеккера.

На Западе немедленно поднялся крик о том, что все случившееся является «провокацией» МГБ ГДР, стремящегося-де отвлечь внимание от проблемы бегства из республики. Однако направленные к месту, откуда велся обстрел, сотрудники криминальной полиции ФРГ действительно обнаружили 91 стрелянную гильзу от патронов для малокалиберной винтовки. Расследование обстоятельств инцидента зашло в тупик из-за отсутствия свидетелей и недостаточного служебного рвения западногерманской полиции, оставившей без внимания анонимный звонок, раскрывавший закулисную сторону происшествия.

Дело в том, что в этот день на западном берегу Верры отмечался праздник урожая, на который собрались со всей ФРГ родственники бывшего хозяина имения Вальхаузен, крупного землевладельца, лишившегося своей собственности в восточной зоне в результате земельной реформы, осуществленной советскими оккупационными властями. Три молодых человека и

одна девица из числа упомянутых родственников в состоянии сильного подпития решили «отомстить» новым владельцам и начали обстрел противоположного берега. У всех этих «мстителей» были охотничьи билеты и, следовательно, разрешение на ношение оружие. Слава богу, они ни в кого не попали. Но что было бы, если бы имелись жертвы и пограничники ГДР открыли ответный огонь, на что имели полное право? По реке Верре проходила не только германо-германская граница, но и линия соприкосновения НАТО и Организации Варшавского договора. В феврале 1991 года, уже после присоединения ГДР, полицейское расследование было прекращено[63].

25 августа Кочемасов рассказал нам о состоявшейся накануне беседе с председателем Совета министров ГДР Вилли Штофом[64], который назвал ситуацию с «выездниками» сложной ввиду отсутствия поля для маневра. По словам посла, Штоф говорил: «Прервать выезд туристов в ВНР нельзя. Попытаемся сузить масштабы, хотя это сложно. Венгры нас не понимают, но и им непросто. [Ведется] активная диверсионная работа из ФРГ по разложению и заманиванию в ФРГ; это планировалось давно с прицелом на 40-летие ГДР». Посол комментировал слова собеседника следующим образом: «Друзья судорожно ищут выход. Пока дано указание усилить работу с каждым в индивидуальном порядке. Штоф ситуацию не очень драматизировал. Причины ухудшения обстановки – невнимание к людям, бюрократизм, невозможность высказать свое мнение (как в экономике, так и в политике), засилье догматизма. Нужна перестройка идеологической работы». И в последствии руководство ГДР «не драматизировало» положение, хотя никто не видел путей выхода. Просто надеялись, что все как-нибудь «уладится» само собой.

Пока же решили без большой огласки в печати дать разрешение тем, кто находился в посольствах ФРГ в соцстранах, без проволочек выехать в Западную Германию с тем, чтобы эта проблема не помешала отпраздновать 40-летие республики. (Естественно, от огласки воздерживались или отделывались несколькими ничего не говорящими строчками только СМИ ГДР; западногерманская печать трубила об этом во всю мощь.) 8 сентября постпредство ФРГ в Берлине покинул последний «оккупант»; вскоре все они выехали в Западную Германию. Правда, это не означало, что постпредство вернулось к нормальной работе: посетители по-прежнему не допускались в здание, поскольку западногерманские дипломаты не без оснований опасались, что «оккупация» возобновится с участием других «выездников». 30 сентября прилетевший в Прагу министр

иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер объявил тамошним восточногерманским «сидельцам», что все они получили согласие властей ГДР на выезд в Западную Германию. Умело срежиссированная сцена выступления Геншера перед собравшимися в посольстве ФРГ в Праге людьми неоднократно передавалась всеми западногерманскими телевизионными каналами и была доведена практически до сведения каждого жителя ГДР. С тем чтобы «сохранить лицо», власти республики потребовали формального возвращения «выездников» на территорию республики, прежде чем они поедут в ФРГ (официально считалось, что они выдворяются из ГДР по гуманитарным соображениям).

Однако это странное урегулирование привело лишь к отрицательным последствиям. Уже состоявшаяся 1 октября первая волна выездов из Праги (6000 человек) и Варшавы (800 человек) поездами особого назначения через Дрезден сопровождалась попытками «посторонних» (которых не было ни в Праге, ни в Варшаве, но которые хотели уехать в ФРГ) присоединиться к выезжающим по пути следования железнодорожных составов. Когда же 3-4 октября пошла вторая волна выездов, возникли серьезные столкновения между полицией и толпой, пытавшейся штурмом взять вокзал в Дрездене[65]. Банальное головотяпство партийной бюрократии привело в ГДР к первому открытому столкновению между силами поддержания правопорядка и недовольными гражданами. Затем стычки народной полиции с демонстрантами стали почти нормальным явлением. Временами они приобретали ожесточенный характер – как, например, во время празднеств 7 октября, когда демонстранты пытались прорваться к Дворцу Республики, где проходило торжественное заседание с участием иностранных гостей. Нам рассказывали, что во время двухдневного заседания политбюро ЦК СЕПГ 10-11 октября Хонеккер поставил в неформальной обстановке (за обеденным столом) вопрос о возможности вывести на улицы танки ННА («Просто вывести!»). Его никто не поддержал. Реакция Хонеккера: «Нет так нет!»[66]. 3 октября, после того как Чехословакию покинули все желавшие выехать в ФРГ восточные немцы, власти ГДР временно отменили безвизовый выезд своих граждан в социалистические страны. Таким образом, накануне 40-летия республики границы ГДР были закрыты. Скопившихся в Варшаве «выездников» переправили в ФРГ без заезда в ГДР двумя специальными рейсами польской авиакомпании «Лот» 17 и 20 октября.

Судя по всему, ситуация явно выходила из-под контроля.

Позволительно усомниться в том, что даже полномасштабная перестройка внутренней политики СЕПГ могла бы на тот момент обеспечить перелом в настроениях населения. Слишком много времени было потеряно в бездействии, которое к тому же продолжалось. Из-за болезни Хонеккера республика на два месяца (август-сентябрь) оказалась в определенном смысле обезглавленной. Впрочем, возвращение вождя к исполнению своих обязанностей отнюдь не улучшило взаимоотношения между правителями и управляемыми. В комментарии на тему о «выездниках», опубликованном 1 октября АДН, официальным информационным агентством ГДР, говорилось, что они «своим поведением попрали наши моральные ценности и сами исключили себя из нашего общества. Поэтому никто по ним не заплачет». Утверждали, что последнюю фразу собственноручно вписал в текст Хонеккер. Трудно было представить себе что-либо более неуместное и провокационное в условиях, когда из республики бежали тысячи молодых людей.

Параллельно с акциями «выездников» выплеснулось на улицу и недовольство людей, требованием которых стали радикальные реформы в ГДР под лозунгом: «Мы остаемся здесь!» С 4 сентября каждый понедельник после вечернего богослужения в церкви Св. Николая в Лейпциге начались уличные шествия, которые очень скоро превратились в коллективного выразителя чаяний протестной части общественного мнения ГДР. Эти «понедельничные демонстрации», для участия в которых со временем стали собираться люди со всей республики, формулировали те конкретные требования, на удовлетворение которых властям предстояло пойти. В первой демонстрации участвовали всего лишь 1200 человек (позже счет шел на десятки и сотни тысяч), но выдвинутые ими требования поддерживались большинством населения. На первом месте были: «Свобода поездок вместо массового бегства!» и «Долой Штази!» Скоро на транспарантах демонстрантов появилась цитата из Бертольда Брехта: «Если вождей не устраивает народ, пусть поищут себе другой»[67]. Наибольшей популярностью пользовался лозунг: «Народ – это мы!» («Wir sind das Volk!»). Именно он стал боевым кличем осени перемен в ГДР[68].

Нерешительность и неуверенность в себе руководства ГДР были без промедления использованы внесистемной оппозицией, которая поспешила организоваться, чтобы подготовиться к грядущим политическим битвам. 9-10 сентября в Грюнхайде под Берлином на базе движения сторонников мира оформился «Новый форум», задуманный как политическая платформа для всей ГДР – «крышевая» организация объединенных

оппозиционных сил республики. Главной целью «Нового форума» были провозглашены «демократический диалог о реформах и содействие преобразованию общества» под девизом: «Время созрело!» 12 сентября было опубликовано программное воззвание гражданского движения «Демократия – сейчас!», опиравшегося в первую очередь на околоцерковные круги. Платформа нового движения исходила из того, что эра государственного социализма подошла к концу, нужна его мирная и демократическая перестройка, но руководство СЕПГ не в состоянии мыслить по-новому. 1 октября образовалась оппозиционная группа «Демократический прорыв» с социальным и экологическим уклоном; 30 октября ей был придан характер партии; ее окончательное оформление как партии было завершено 16-17 декабря. 7 октября, в разгар празднеств по случаю 40-летия республики, в деревушке Шванте под Ораниенбургом (близ Берлина) была учреждена Социал-демократическая партия ГДР. Ее целью была провозглашена «последовательная демократизация государства и общества» для построения «экологически ориентированной социальной демократии».

Параллельно началась трансформация «блоковых» партий, направленная на ликвидацию монополии СЕПГ на власть[69]. Глава ЛДПГ Манфред Герлах стал одним из народных трибунов, открыто требовавших пересмотра политической системы ГДР. В ХДС сменился лидер – им стал до того малоизвестный адвокат Лотар де Мезьер, который взял курс на обеспечение политической самостоятельности партии. 28 ноября состоялось последнее, носившее чисто формальный характер заседание «блока демократических партий»; выход ХДС из блока 4 декабря открыл процесс его окончательного упразднения.

К концу осени 1989 года была завершена новая расстановка внутриполитических сил ГДР, которым предстояло решить судьбу республики. Общественность стала привыкать к вчера еще неизвестным именам десятков людей, впервые вышедших на политическую арену. Внесистемная оппозиция получала постоянно растущую пропагандистскую и материальную поддержку из ФРГ. СЕПГ «потеряла улицу» – ей не удавалось больше вывести людей на демонстрации в поддержку социалистического строя. Близился момент последней и решительной схватки, исход которой определял, будет ли ГДР продолжать существовать в дальнейшем.

Гвоздь в крышку гроба

С начала 1989 года В.И. Кочемасов стал настаивать на том, чтобы М.С. Горбачев приехал в Берлин для участия в торжествах по случаю 40-летия ГДР. Юбилеи восточногерманской республики обладали значением, несравнимым с годовщинами любой другой социалистической страны. Никто не мог поставить под вопрос существование Польши, Венгрии, Болгарии в случае смены в них общественного строя. Однако для ГДР смена строя, на которой настаивала оппозиция, немедленно вызвала бы сомнения относительно смысла дальнейшего отдельного существования республики. Гарантом самостоятельности ГДР был и оставался Советский Союз. Отсутствие лидера СССР на юбилее республики было бы сразу же истолковано как отказ поддержать ГДР. Приезд Горбачева – этот, казалось бы, совершенно понятный и необходимый жест солидарности СССР с его важнейшим союзником в Центральной Европе – потребовал тем не менее многих усилий со стороны посла и посольства. В конце июля Кочемасов смог информировать нас, что визит генерального секретаря ЦК КПСС в Берлин, предположительно, состоится, но только 16 сентября он сообщил: «Вопрос о визите М.С. Горбачева решен окончательно. Из Москвы просят материалы к визиту».

20 сентября побывавший в Москве посол был принят Горбачевым. По возвращении Кочемасов передал слова генсека: «ГДР сейчас для нас настолько важная страна, что ни при каких обстоятельствах нельзя позволить, чтобы ее расшатали». Посол добавил: «В Москве большое беспокойство по поводу обстановки в ГДР. Одна забота – удержать ГДР». В преддверии визита посольство постоянно информировало Центр о том, как развиваются события в республике. О тональности наших сообщений дают представление сообщения посла на утренних совещаниях дипсостава.

3 октября он говорил: «Оценка обстановки с беженцами [тревожная] – ошибка друзей в том, что они затянули принятие решения. […] Друзья несут существенные потери экономически и политически. Прогноз: за год будет более 100 тысяч «выездников». Их состав: молодежь (до 40 лет), рабочие, инженерно-технический состав. До возведения Берлинской стены уходило ежегодно 160 тысяч человек. Налицо нажим психологического порядка со стороны западных СМИ. Способны ли друзья выработать концепцию преодоления создавшегося положения?» 5 октября, то есть накануне приезда Горбачева: «Положение в республике – общество в состоянии напряженного

ожидания. […] Есть подготовка к эксцессам в Берлине, в том числе у Бранденбургских ворот. Предсказать что-либо трудно. При политбюро ЦК СЕПГ действует штаб по поддержанию общественного порядка в республике. Подобного не было с 1953 года».

В ночь на 5 октября мне позвонил заместитель заведующего отделом международных связей ЦК СЕПГ Бруно Малов, входивший во «внутреннюю оппозицию», и попросил срочно передать в международный отдел ЦК КПСС для В.М. Фалина следующую информацию: «Советская делегация на 40-летии ГДР должна знать: ситуация здесь приобретает чрезвычайный характер. После того, как весь мир оповестили о согласии на выезд 10 тысяч граждан ГДР из Праги в ФРГ, Э. Хонеккер взял свое решение обратно. Сейчас идет экстренное заседание политбюро. Чехи боятся, что у них будут события типа пекинских. Важно учитывать: руководство [ГДР] недееспособно. Это происходит в момент, когда чрезвычайная обстановка требует чрезвычайных мер. Желательно, чтобы речь М.С. Горбачева [на торжественном заседании в Берлине] содержала развернутый тезис о том, что немецкие товарищи могут положиться на КПСС, на СССР. Это поможет тем здесь, кто еще колеблется. Изложенные выше оценки – это не отсебятина. Но никто не решается дать сигнал к действию». Я немедленно передал сообщение Малова по нашей закрытой телефонной линии ВЧ в Москву ночному дежурному международного отдела. Наутро выяснилось, что Хонеккера удалось-таки уговорить не менять решения о «выездниках» из Праги. Однако остальные проблемы не только остались, но и обострялись с каждым часом.

С учетом ежедневных информационных сообщений в Центр о развитии ситуации в ГДР (в Москву независимо от посольства шла также информация из представительства КГБ СССР при МГБ ГДР) поражает, насколько приблизительно представлял себе Горбачев остроту кризисного положения в стране, в которую он приехал. Отчасти это объясняется тем обстоятельством, что его окружение тщательно фильтровало поступающую информацию. Именно так следует, видимо, понимать следующий пассаж из мемуаров Горбачева: «Первого октября через Раису Максимовну работники Советского фонда культуры, только что вернувшиеся из ГДР, передали мне информацию о беседе в Культурбунде, вызвавшей у них большое беспокойство. Их собеседники из ГДР охарактеризовали сложившуюся в стране политическую ситуацию как «без пяти минут двенадцать». В обществе назрел политический кризис, население выражает недовольство. Представители интеллигенции выходят из СЕПГ. Обращение

Культурбунда к руководству с выражением озабоченности происходящим остаются без ответа. Люди ждут, что во время празднования 40-летия будет открыто заявлено о существовании острых проблем в развитии общества и необходимости публичной дискуссии в стране. Если этого не произойдет, Культурбунд сразу после праздников намерен обсудить положение в стране и принять критическое публичное обращение к властям ГДР. Зная об авторитетности Культурбунда, я с большим вниманием отнесся к этой информации»[70]. Разумеется, Горбачев был волен считать свое посольство в ГДР и свою разведку менее авторитетными источниками информации, чем Культурбунд, но и сведения, полученные им от Культурбунда, никак не сказались на его поведении во время визита в Берлин.

Это и понятно, поскольку высокий гость был занят не поисками средств и путей поддержать союзника, переживающего опаснейший кризис, а желанием поскорей «отбыть номер». Горбачев вообще охотно не поехал бы на празднества 40-й годовщины ГДР, но отказаться оказалось невозможным. 5 октября его советник по внешней политике А.С. Черняев записал в своем дневнике: «М.С. [Горбачев] завтра летит в ГДР, на 40-летие. Очень ему не хочется. Два раза звонил сегодня: вылизал, говорит, текст (выступления) до буквы – в микроскоп ведь будут смотреть… В поддержку Хонеккера не скажу ни слова. Республику и революцию поддержу». Это происходило в момент, когда тот же Черняев констатировал: «Вся западная пресса полна статьями о воссоединении Германии»[71].

В ходе поездки в Берлин Горбачев воздержался от того, чтобы публично выразить безусловную поддержку ГДР. Уникальную возможность напрямую обратиться к гражданам ГДР в связи с 40-летием республики советский руководитель использовал не самым лучшим образом. В речи на торжественном собрании вечером 6 октября 1989 года в Берлине он совсем некстати процитировал часть стихотворения Ф.И. Тютчева, написанного в 1870 году под впечатлением победы Пруссии над Францией и подготовки первого объединения Германии:

> «Единство, – возвестил оракул наших дней, –
> Быть может спаяно железом лишь и кровью»…
> Но мы попробуем спаять его любовью, –
> А там увидим, что прочней…[72]

Отсылка к известной формуле Отто фон Бисмарка, добившегося первого объединения Германии именно «железом и кровью», оставляла странное впечатление. Как будто Горбачев

приглашал немцев к объединению их государств, но на этот раз без применения военных средств. К концу XX века, однако, экономические и политические методы воздействия вполне сравнялись по своей эффективности со столкновениями армий прошлых эпох. Если верить заключительному замечанию Горбачева в беседе с Кочемасовым перед возвращением в Москву относительно отрицательной реакции советского народа на возможную «утрату ГДР», такая перспектива его не устраивала. Генсек заявил тогда: «Народ нам не простит, если мы потеряем ГДР». Получается, что тютчевская цитата была очередной несуразицей в речах верховного вождя перестройки. Но кто может наверняка утверждать это?

В памяти у немцев от последнего визита Горбачева в ГДР осталось его высказывание на незапланированной встрече с группой журналистов днем 7 октября: «Когда мы опаздываем, жизнь нас наказывает»[73]. Эта в общем бесспорная сентенция, которую можно считать парафразой меткого народного словца «Кто не успел, тот опоздал», была воспринята в ФРГ как директива, как руководство к молниеносному действию[74]. Во время беседы с членами политбюро ЦК СЕПГ 7 октября Горбачев выразил мнение, что в ГДР будет легче начать перестройку, чем это было в СССР: «У вас нет такой напряженности в социально-экономической сфере[75]. Но принять решение о политических переменах – это тоже очень нелегкое дело. Вас ожидают времена, которые потребуют мужественных решений». Далее он повторил употребленную в разговоре с журналистами накануне формулу относительно «наказующего времени».

На пути в аэропорт вечером 7 октября 1989 года Горбачев счастливо избежал встречи с антиправительственными демонстрациями. Однако тот факт, что люди вышли на улицы в переполненном полицией и сотрудниками МГБ Берлине, показал, что кризис приобретает необратимый характер. После визита Горбачева в Берлин руки у посольства оставались связанными – перед отлетом генсек передал через Кочемасова указание: не надо подталкивать друзей; они сами за все отвечают; пусть обсуждают и решают.

В итоге приезд чрезвычайно популярного среди населения ГДР Горбачева не стал вкладом в стабилизацию обстановки в республике. На утреннем совещании дипсостава 9 октября посол констатировал: «Положение серьезное и продолжает ухудшаться. [Происходит] политизация оппозиционных выступлений. Друзья очень обеспокоены. В Дрездене [было] 4 тысячи манифестантов. У них [преобладало] агрессивное поведение. Понадобилось 7 батальонов внутренних войск, чтобы успокоить толпу. В Плауэне,

Карл-Маркс-штадте начиналось с малого, а потом собрались огромные толпы. [Налицо] тенденция к консолидации оппозиционных групп. Набирает силу «Новый форум». Лозунги «Горби, Горби!» имеют двоякое значение. В ГДР самая серьезная обстановка с 1953 года». Отличительной особенностью этого совещания было то, что после сообщения посла слово неожиданно взял 1-й секретарь О.В. Юрыгин, заявивший: «Для СЕПГ поезд ушел. Ей придется делиться властью. Нам надо находить возможность выхода на людей, близких к новым оппозиционным структурам». Дискуссии не последовало. Присутствовавшие были несколько ошарашены непривычной прямотой этого заявления, но, по существу, согласны с высказанной точкой зрения. Посол тогда не стал возражать, но 11 октября последовало его указание: «Советов друзьям не давать. Слушать, но не комментировать. Жен в магазины [в городе] не пускать. Мы не вмешиваемся. Надо присмотреться к оппозиционным силам, знать точно расстановку сил. Нужно быть абсолютно точными в отображении и анализе положения. Никаких непроверенных фактов в Москву не сообщать». Правда, осталось неясным, каким образом можно «присматриваться» к оппозиционным силам, если ограничивались контакты даже с СЕПГ.

«Понедельничная» демонстрация в Лейпциге, состоявшаяся 9 октября, показала тщетность надежд на то, что обстановка успокоится «сама собой». Вечером на улицы Лейпцига вышли 70 000 человек. Ставший впоследствии премьер-министром Бранденбурга социал-демократ Матиас Платцек (в 1989 году он был одним из руководителей экологического движения «зеленых» в ГДР) вспоминал уже в наши дни: «Перелом в ситуации произошел не 9 ноября, а 9 октября. Именно тогда всем стало ясно, что народное движение остановить нельзя». В то же время Платцек подчеркивал, что он и его «зеленые» коллеги добивались не ликвидации ГДР, а ее преобразования в духе «социализма с западными деньгами». По оценке Платцека, лишь митинг с участием Гельмута Коля 18 декабря 1989 года в Дрездене вызвал поворот основной массы населения республики от сочувствия программе демократической оппозиции к поддержке сторонников присоединения ГДР к ФРГ[76].

16 октября в посольстве состоялось «референтское совещание», посвященное анализу сложившегося в ГДР положения, получившего единодушную оценку как чрезвычайно опасное. Я сказал на совещании следующее: «Ситуация перешла в новое качество: заговорил народ. У режима нет большинства в народе. Конфликт может обостриться в любой момент. А что будет, если большинство потребует воссоединения? Нам надо

готовиться к этому моменту. Прошлое не вернется. Придется искать связи с оппозицией. От концепции «европейского дома» мы отказаться не можем. Имеются три возможности развития: а) неподвижность руководства ГДР или «китайский вариант»; предвидимый результат – крах в течение полугода; б) искренний диалог, глубокие реформы, появление национальной идентичности ГДР; предвидимый результат – взрыв оттягивается на неопределенное время; в) затягивание времени в расчете на крах СССР; предвидимый результат – взрыв очень скоро. Нам предстоит сосредоточиться на том, чтобы удержать ГДР как самостоятельное государство – совместно с западными державами, через Западный Берлин (в данном вопросе они не против нас)».

В.М.Гринин подтвердил опасность разрастания общегерманских настроений в республике и продолжал: «Это государство искусственное и очень молодое. Традиции слабы, гражданское самосознание имеет во многом идеологическую основу и подвержено колебаниям. Райнгольд [утверждает даже]: «ГДР = социализм». [Налицо] проблема национальной идентичности (самобытности). Режиссер развития – Бонн, а не ЦК СЕПГ. Надо договариваться с оппозицией по национальному вопросу, пока это возможно. Усиленно продвигать тезис о том, что [в случае объединения] жители ГДР навсегда останутся «немцами второго сорта». Не давать ГДР и ФРГ обгонять общеевропейский процесс – здесь [лежит точка соприкосновения] с западными державами». В выступлении О.В. Юрыгина содержались следующие тезисы: «В ГДР налицо внутриполитический кризис. Причины – долгосрочные (просчеты в организации экономики: страна проедала свое будущее) и краткосрочные (ситуация в ВНР и ПНР, «ошибки» с выборами 7 мая, открытие австро-венгерской границы). Изменения, возможные в краткосрочном плане (сменить руководство, организовать диалог), не решат проблемы. «Китайский вариант» приведет к немедленному краху режима. СЕПГ придется делить власть. Вопрос – с кем? Лучше бы с блоковыми партиями. Но нужно давать место и оппозиции. Свободные выборы могут привести к отстранению СЕПГ от власти. Однако главную проблему надо решать в экономике. Концепции такого решения нет ни у кого. Вероятнее всего движение в сторону рыночной экономики – и сближения с ФРГ. Темп может быть очень высоким. Воссоединение Германии уже идет – люди едут туда. Нам надо влиять на него. Вести дело к нейтральной Германии или к двум нейтральным Германиям».

В своем заключительном слове посол призвал внимательно

изучать кризисные явления и не спешить с крайними выводами. Он сказал: «Все было бы хорошо, если бы у нас дела шли в гору. Но у нас трудности растут. Наша помощь ресурсами маловероятна. Выход у ГДР один – экономическая реформа + сотрудничество с Западом. Нужна также и политическая реформа: решительная перестройка партии (демократизация) + подлинное народовластие. Диалог с блоковыми партиями и неформальными организациями в рамках закона. Практика выездов должна быть приведена в соответствие с Веной. Нам нужно продумать концепцию нашей работы на ГДР. Как быть с «германским вопросом»?»

Ответ Горбачева на продолжающееся обострение кризиса в Восточной Германии состоял в отказе считать его поводом для принятия каких-либо решительных мер. При встрече с Брандтом 17 октября 1989 года в Москве он опровергал опасения ряда руководителей западных стран в отношении ожидаемых результатов политики Москвы в германских делах (они боялись, что СССР «станет «крестным отцом» воссоединения Германии»), но не скрывал своей обеспокоенности положением дел в ГДР («там теряют время»)[77]. Выводы, которые он из этого делал, сводились к призывам к Западу не расшатывать ГДР. 18 октября в Москву поступило долгожданное известие из Берлина: политбюро ЦК СЕПГ решилось, наконец, сместить Хонеккера. Однако радость Горбачева и его окружения, считавших, что кризис теперь преодолен, оказалась преждевременной. Конечно, посетивший СССР 1 ноября новый генеральный секретарь ЦК СЕПГ Эгон Кренц подтвердил готовность применять опыт советской перестройки. Однако одновременно он жаловался на неослабевающее напряжение в экономике ГДР. С советской экономикой дело обстояло еще менее благополучно, и поэтому, советуя Кренцу «действовать так, чтобы решения, касающиеся ГДР, принимались в Берлине, а не в Бонне», Горбачев не мог обещать каких-либо эффективных действий в поддержку союзника. Это был косвенный ответ на главный вопрос, с которым Кренц приехал в Москву и который он облек в следующую форму: «Хотелось бы яснее представить себе, какое место Советский Союз уделяет ФРГ и ГДР в общеевропейском доме? Это очень важно для нас. Мы исходим из того, что ГДР – это дитя Советского Союза, а ведь порядочные люди всегда признают своих детей, по крайней мере позволяют давать им свое отчество». Горбачев обещал продолжить линию на сосуществование двух немецких государств, добавив: «Сегодня вопрос об объединении Германии не актуален»[78].

Несмотря на довольно мрачные прогнозы экспертов

посольства, никто из них не мог предполагать, что объединение Германии станет в высшей степени актуальным менее чем через месяц. 9 ноября 1989 года перестала функционировать Берлинская стена, которая в течение 28 лет служила своего рода мембраной, предохранявшей республику от ледяного дыхания Западной Германии.

Когда рушатся стены

Непосредственная предыстория падения стены началась 1 ноября 1989 года, когда новое руководство СЕПГ во главе с Эгоном Кренцем отменило запрет на выезд граждан республики в социалистические страны без специального разрешения властей. Упрощение условий для поездок в ФРГ занимало одно из первых мест в списке требований демонстрантов на улицах городов ГДР. После отмены запрета на выезд в соцстраны Кренц поручил спешно подготовить новый текст закона о выездах, который должен был в большей степени учитывать пожелания населения и привнести успокоение в растревоженный политический улей Германской Демократической Республики. Между тем восстановление безвизового режима выезда привело к возобновлению бегства населения – на этот раз через территорию Чехословакии. Этот маршрут был короче венгерского; кроме того, эмигранты могли забрать с собой автомашины. С 4 по 6 ноября границу ЧССР с Баварией пересекли 23 200 граждан ГДР, не запрашивавших разрешения властей на переезд в ФРГ. Дороги на севере Чехословакии от Дрездена до Западной Германии оказались блокированными бесконечным автомобильным потоком из ГДР, что вызывало недовольство местного населения. Пражское руководство потребовало от Кренца «навести порядок»; в противном случае оно пригрозило закрытием границы с ГДР с чехословацкой стороны. Осуществление этой угрозы могло бы вызвать самые серьезные последствия для ГДР, внутриполитическая обстановка в которой все более накалялась. Надо было действовать – и действовать быстро.

7 ноября послу В.И. Кочемасову позвонил Кренц; затем посол был приглашен к министру иностранных дел ГДР Оскару Фишеру (я присутствовал на этой беседе). И Кренц, и Фишер, ссылаясь на ненормальную ситуацию, сложившуюся в северной части Чехословакии, объявили о предстоящем принятии ГДР срочных мер. Фишер уточнил, что политбюро ЦК СЕПГ склоняется к следующему решению проблемы: на территории ГДР близ схождения границ ГДР, ФРГ и ЧССР будет открыт контрольно-пропускной пункт специально для лиц, выезжающих в ФРГ на постоянное жительство; этим лицам не придется добираться до Западной Германии через третьи страны; при этом формальности будут сведены к минимуму. Данную часть будущего закона о выездах предполагалось ввести в действие немедленно, не дожидаясь его принятия Народной палатой в целом. Но прежде чем принять окончательное решение, политбюро ЦК СЕПГ хотело

бы выяснить мнение советского руководства на этот счет.

Вернувшись в посольство, Кочемасов информировал по телефону Э.А. Шеварднадзе об обращении Кренца и Фишера. Министр иностранных дел СССР сказал: «Если друзья считают это возможным, то возражений с нашей стороны не будет», однако дал указание проработать вопрос на уровне экспертов. 8 ноября в посольстве состоялось совещание старших дипломатов для обсуждения идеи, высказанной Кренцем и Фишером. Как и можно было ожидать, общее мнение сводилось к тому, что нам ни в коем случае нельзя вмешиваться и предписывать руководству ГДР, как оно должно справляться с кризисом, возникшим не без его собственной вины. Советник посольства В.М. Гринин констатировал, что в результате реализации идеи Фишера фактически открывается граница с ФРГ, и высказал предположение, что обращение к нам вызвано желанием Кренца «разделить ответственность», если что-либо пойдет «не так»; однако и в этом случае наш ответ не может быть отрицательным. На том и порешили. Об итогах совещания мы сообщили в Москву, где еще продолжался двухдневный праздник по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Между собой мы называли фишеровский проект «дыркой в границе».

В этом месте обращаюсь к читателю с просьбой проявить снисхождение к тому, что я на время несколько меняю стиль изложения моих воспоминаний. Я хотел бы дать почувствовать накал атмосферы решающих ноябрьских дней 1989 года тем, кто не присутствовал при самом факте падения стены и лишь постфактум узнал о нем. Для этого я решил привлечь также свидетельства других, в первую очередь немецких, очевидцев событий 9 и 10 ноября[79]. Только последовательно проследив все звенья цепи больших и малых эпизодов случившегося за эти два дня, читатель сможет составить себе более или менее ясную картину той гигантской лавины, которая пришла в движение из-за оплошности нескольких политиков, оказавшихся неготовыми к управлению сложным восточногерманским государством. Получилась своеобразная хроника, которую я сейчас и предлагаю вниманию читателя.

9 ноября 1989 года, четверг *7.00* Прозрачное и холодное утро в Берлине предвещает отличную погоду – солнечную и сухую. Берлинская осень бывает, как правило, очень приятной. По старой традиции берлинцы называют ясную осеннюю погоду «императорской» («Kaiserwetter»). Несмотря на превосходные метеорологические перспективы, на сердце у меня, что называется, кошки скребут – в «стране пребывания», как именуется ГДР на нашем бюрократическом языке, зашкаливает

внутриполитическая напряженность, не предвещающая ничего хорошего. Из Москвы на все наши тревоги один ответ: «Не надо драматизировать». Я стараюсь не менять привычного распорядка дня и сразу после подъема и короткой зарядки направляюсь в наш плавательный бассейн, расположенный напротив тыльной стороны дворца советского посольства на красивейшей берлинской аллее Унтер-ден-Линден. Как рассказывают старожилы, здание культурного центра, в котором размещается бассейн, было преподнесено в дар посольству совместным советско-германским предприятием «Висмут» (добыча урана в горах Тюрингии) в те времена, когда послом в ГДР был всемогущий П.А. Абрасимов. Как бы там ни было, возможность плавать по утрам в нашем бассейне (в утреннее время суток он, как правило, практически пуст) позволяет хоть как-то поддерживать необходимую физическую форму. Все остальное время проходит на заседаниях, совещаниях, в процессе чтения и составления бумаг, изредка встреч и бесед, а также прочей повседневности дипломатического бытия. Безлюдная Беренштрассе, которую надо пересечь, чтобы попасть в бассейн, не может отвлечь от тревожных раздумий. Эта улица, отделяющая основное здание посольства от панельного многоквартирного жилого дома и культурного центра, по соображениям безопасности с самого начала закрыта для движения всякого транспорта, за исключением посольских автомашин, и является, по существу, внутренней территорией советского дипломатического городка. Городок расположен на расстоянии менее 300 метров от линии секторального разграничения с Западным Берлином, то есть от той самой пресловутой Берлинской стены, название которой стало известным всему миру. Территория нашего посольства является практически частью приграничной полосы. Вплотную к жилому дому для сотрудников посольства примыкает угрюмый комплекс зданий министерства внутренних дел ГДР, часть которого размещается в тяжеловесной постройке довоенной эпохи, реставрированной после войны.

8.00 – Просмотр утренних телевизионных новостных программ во время непродолжительного завтрака не дает оснований ожидать каких-либо резких перемен в обстановке. Почти миллионный митинг 4 ноября на Александер-плац прошел без эксцессов, которых очень опасалось руководство ГДР. Понедельник с его традиционной массовой демонстрацией оппозиции в Лейпциге, лозунги которой задают тон протестного движения на всю последующую неделю, также миновал без крупных неприятностей. От все еще жестко контролируемого

телевидения ГДР нельзя ожидать какой-либо будоражущей информации, поэтому надо особенно внимательно следить за телеканалами ФРГ. Западногерманское телевидение и радио играют огромную роль в формировании внутриполитической обстановки в ГДР. Самые радикальные идеи советской перестройки доносят до граждан ГДР не столько советская пресса или контакты с представителями СССР, сколько средства массовой информации ФРГ. На этот раз на западногерманском телевидении не наблюдается истерических припадков. Не приходится ожидать экстраординарных импульсов и из Москвы – только вчера закончились празднества по случаю очередной годовщины Октябрьской революции, и высокое начальство берет «тайм-аут».

8.30 – Путь от квартиры посланника до рабочего кабинета в здании посольства занимает от силы пять минут – надо только пересечь двор, прилегающий к Унтер-ден-Линден. И квартира (в левом крыле здания), и кабинет (в правом крыле) находятся на одном уровне – второй этаж при довольно высоком цокольном основании. Окнами оба помещения выходят на центральную аллею столицы ГДР. В роде занятий, для которых оба помещения служат, большой разницы нет – и в кабинете, и в квартире наготове стоит бесчисленное множество разнообразных телефонов. Как заместитель посла я должен постоянно находиться в пределах досягаемости – прежде всего для руководителя учреждения. В этом кроется один из парадоксов моей должности: с одной стороны, мне необходимо иметь свое собственное мнение о происходящем в республике, что предполагает регулярные контакты с представителями всех политических сил ГДР; кроме того, мне поручено поддержание связей с администрациями трех держав в Западном Берлине и западноберлинским магистратом; с другой – каждый раз, когда я отлучаюсь из посольства, посол В.И. Кочемасов недоволен, хотя у него под рукой остается полный набор советников.

Кстати, для качественной работы за рубежом очень важна «погода в доме», которая отнюдь не сводится лишь к надежно отрегулированному домашнему хозяйству. У нас в Берлине часто гостят внуки. Это в какой-то степени сужает для моей жены возможности полностью выполнять обязанности второй дамы посольства. Но и в урезанном объеме ее участие в контактах с иностранцами важно. В хорошо отлаженном механизме дипломатической деятельности на жен старших сотрудников посольств ложится немалая часть профессиональных забот; нередко информация, полученная на дамских встречах за чашкой чая или кофе, существенно корректирует и дополняет сведения,

почерпнутые из официальных бесед или из сообщений средств массовой информации.

9.00 – Огромный Гербовый зал посольства (на стенах размещены гербы всех 16 союзных республик, существовавших на момент завершения строительства здания в 1951 году) набит битком. На традиционную утреннюю «летучку» (на деле она длится 2-2,5 часа) собирается весь дипломатический состав, начинающие референты, руководство торгпредства и корреспонденты ведущих советских органов печати. Традиция столь представительной «летучки» восходит опять-таки к временам П.А. Абрасимова; только тогда она была, говорят, короче. Посол считает своим долгом ежедневно доводить до сведения элиты советской колонии в ГДР последние перестроечные веяния из Москвы: он поддерживает постоянный телефонный контакт с помощниками М.С. Горбачева и Э.А. Шеварднадзе, иногда говорит с ними непосредственно (высокочастотная телефонная сеть «ВЧ» защищена от прослушивания). Такая манера вести дела обеспечивает всем нам уверенность в том, что мы излагаем сегодняшние, а не вчерашние позиции советского руководства. Одновременно посол ставит конкретные задачи, которые предстоит выполнять сотрудникам посольства, а также делится своими оценками ситуации. Поскольку все это излагается лишь один раз и больше не повторяется, я стараюсь как можно подробнее записать указания посла в толстый рекламный ежедневник «Аэрофлота»[80] (посольство экономит на канцтоварах). Указания предстоит выполнять, и их формулировка должна быть точной.

Обычно открывает летучку довольно поверхностный обзор печати ГДР и Западного Берлина, который по очереди готовится младшими дипломатическими сотрудниками. Но сегодня посол начинает с того, что оглашает конкретные поручения руководителям отделов посольства в связи с начавшимся вчера трехдневным пленумом ЦК СЕПГ. Он требует ежедневно направлять в Москву информацию о работе пленума, а также сводку о событиях за прошедший день, собирать отклики на пленум из округов, особо уделяя внимание тому, как воспринимается приход к власти нового руководства СЕПГ. Посол поручает составить справку о только что легализованном «Новом форуме», а также подготовить информацию о влиянии пропаганды ФРГ (включая сообщения о дебатах в бундестаге по посланию федерального канцлера «О положении нации») на настроения населения восточногерманской республики. Пресс-отдел посольства должен отслеживать ежевечерние пресс-конференции члена политбюро ЦК СЕПГ Гюнтера Шабовского,

который информирует журналистов о ходе пленума. Следует подумать над предложениями о налаживании совместной работы с администрациями трех держав в Западном Берлине, также обеспокоенными развитием событий в ГДР (это уже прямо касается моего участка работы).

Докладывающий обзоры печати атташе констатирует, что пресса ГДР сосредоточила внимание на следующих моментах: начало работы трехдневного X пленума ЦК СЕПГ; состоявшийся перед зданием ЦК СЕПГ, где проходит пленум, митинг членов берлинской организации партии с требованиями обновления руководства, наказания виновных и созыва партконференции; выступление Шабовского на пресс-конференции по итогам первого дня пленума, в котором упоминается, что за текущий год зарегистрированы 66 тысяч случаев выхода из партии; публикация доклада Эгона Кренца на пленуме; созыв заседания президиума Народной палаты[81]. В газетах появились статьи о положении в профсоюзах и в ХДС (ГДР); объявлено о регистрации в МВД ГДР заявки «Нового форума» на допуск в качестве общественной организации; в газетах ЛДПГ и ХДС (ГДР) размещены материалы «Нового форума»[82]. В обзоре западноберлинской печати упоминается о дебатах в бундестаге по посланию канцлера «О положении нации», а также о том, что 645 человек из числа беженцев из ГДР вернулись в республику.

Затем выступил посол: «Процесс создания нового руководства СЕПГ, а также разработки концепций преодоления осложнений проходил трудно. Тактически заседание пленума 8 ноября было проведено правильно: сначала состоялись выборы. Это помогло избежать дискуссий по персональным вопросам. В остальном состоялась констатация глубокого политического и экономического кризиса в ГДР. Результаты голосования: [меньше всех получили голосов] Х. Долюс – 12 «за», Мюллер (Эрфурт) – 23 «за», Г. Кляйбер – 39 «за». Г. Зибер будет 1-м секретарем Берлинского окружкома, Г. – Й. Виллердинг возьмет под контроль отдел международных связей ЦК – вместо Г. Аксена. (Вне рамок пленума прошли митинги протеста против того, что в ЦК остались Кемницер и Беме). Секретариат ЦК: Кренц, Хергер, Ланге, Лоренц (ответственный за кадры, вместо Долюса), Шабовский, Зибер, Виллердинг, Кемницер (сельское хозяйство). Комиссию по культуре возглавит К. Хепке, комиссию по науке – Г. Ширмер[83]. Накануне пленума каждый член ЦК получил информацию о беседе М.С. Горбачева с Э. Кренцем[84]. Создана комиссия по подготовке итогового документа пленума – программы действий. Важна ежедневная пресс-конференция Шабовского. Шабовский набирает силу на глазах. Требование о

проведении партконференции разумно – она нужна для обновления партии. Появились неприятные нюансы в СМИ – газеты блоковых партий и окружные газеты СЕПГ стали выступать с резкой критикой партии и ее руководства. Всем сотрудникам советских учреждений необходимо работать не считаясь со временем! Нужны оценки работы пленума. Заместитель министра иностранных дел СССР Абоимов И.П. даст сегодня ответ по вопросу о «дыре» в границе для беженцев из ГДР».

9.00 – Одновременно с началом нашей «летучки» по два представителя от МВД и МГБ ГДР собираются в здании министерства внутренних дел на Мауэрштрассе, в рабочем кабинете Герхарда Лаутера, начальника отдела паспортов и регистрации[85]. Они приступают к окончательной доработке либерализирующего условия выезда граждан ГДР текста, которому решено придать форму постановления Совета министров. При этом по не вполне ясным причинам значительно расширяются рамки урегулирования, намеченного в поручении[86]. Подготовленный проект предписывает свести к минимуму (практически отменить) все формальности при выдаче разрешений на выезд для всех категорий поездок и через все контрольно-пропускные пункты границ ГДР. Главные пункты проекта постановления гласят: а) «Заявки на заграничные поездки частных лиц могут подаваться без предпосылок для поездки (повод и степень родства). Разрешения будут выдаваться в сжатые сроки. Основания для отказа будут применяться лишь в исключительных случаях»; б) «Выезд на постоянное место жительство может осуществляться через все КПП ГДР на границах с ФРГ или с Берлином (Западным)». Именно в последнем случае остро сказалась спешка при подготовке текста, из-за которой к работе не были привлечены компетентные сотрудники МИД ГДР. Не проконсультировавшись с коллегами-дипломатами, полковники допускают грубейшую юридическую ошибку: статус секторальной границы в Берлине отнюдь не тождественен статусу границы между ГДР и ФРГ. Лишь последняя находится в сфере компетенции ГДР (с некоторой поправкой на общие интересы Организации Варшавского договора, поскольку эта граница является линией непосредственного соприкосновения обоих военно-политических блоков). Но в отношении секторальной границы между Восточным и Западным Берлином действует Четырехстороннее соглашение от 3 сентября 1971 года, согласно которому все вопросы, касающиеся Берлина в целом, остаются в ведении четырех держав – США, Франции, Англии и Советского Союза. Это означает, что ГДР не обладает здесь решающим голосом. Конечно, официально СССР стоит на той позиции, что

Четырехстороннее соглашение «не касается» Восточного Берлина, являющегося столицей ГДР. Стену на секторальной границе строила восточногерманская республика, и охраняет ее Национальная народная армия ГДР. Однако на практике любые шаги, затрагивающие в той или иной мере Западный Берлин, допустимы только по согласованию с Москвой, за которой сохраняется «последнее слово». В результате творческого порыва авторов текста постановления Совета министров ГДР возникает ситуация, при которой не только отсутствует согласие Москвы, но она даже не знает о намерении ГДР «открыть» стену.

Дело совсем не в том, что советское руководство стало бы возражать против «ликвидации» стены. В пропагандистском отношении стена в Берлине наносит Советскому Союзу, пожалуй, еще больший ущерб, чем самой ГДР. Полгода назад, в середине июня 1989 года, во время визита в Бонн М.С. Горбачев ответил на прямой вопрос журналистов о стене в том духе, что «ничего нет вечного под Луной» и «стена может исчезнуть, когда отпадут предпосылки, которые ее породили». Он закончил свой ответ словами: «Не вижу тут большой проблемы». Большую проблему тут видели Хонеккер и его коллеги, считавшие, что без стены дни ГДР будут сочтены. Но и после отставки Хонеккера остаются элементарные правила межсоюзнических отношений. Нельзя было допускать, чтобы СССР «потерял лицо», будучи поставлен перед свершившимися фактами. Следовало бы дать ему возможность заранее предупредить представителей трех западных держава, а также партнеров в Западном Берлине о предстоящей либерализации режима перехода секторальной границы. Ведь ясно, что такая либерализация неминуемо приведет к резкому росту числа эмигрантов из ГДР, которых необходимо будет перевозить, размещать, снабжать западногерманской валютой и т.д. – все это входит в компетенцию администрации Западного Берлина, в функциях которой причудливо переплелись полномочия оккупационных властей и местных выборных органов.

12.00 – Посол, которого стали одолевать звонками из ЦК СЕПГ с просьбой ускорить информацию о реакции Москвы на проект либерализации порядка пересечения германо-германской границы, связывается по телефону с И.П. Абоимовым, чтобы получить «добро» на положительный ответ друзьям. Абоимов сообщает, что не смог разыскать никого из высокого начальства, но поскольку никаких возражений против изложенного Оскаром Фишером проекта открытия «дыры» в границе не поступало, можно информировать Эгона Кренца о том, что у нас возражений нет. Это посол делает немедленно по телефону.

12.00 – Правящий бургомистр Западного Берлина[87] социал-демократ Вальтер Момпер председательствует на первом заседании комиссии «Рабочие места для Берлина», проходящем в бывшем здании рейхстага, расположенном практически на демаркационной линии двух Берлинов. Свирепствующая в Западном Берлине безработица продолжает оставаться основной социальной проблемой города. Во время заседания ему сообщают со ссылкой на «знакомого журналиста», что уже сегодня на пленуме ЦК СЕПГ должно быть принято важное решение по проблеме выездов из ГДР: видимо, готовится введение «свободы поездок»[88]. Момпер решает в осторожной форме информировать о такой перспективе управление городского транспорта и полицию. Он говорит сенатору по вопросам труда, транспорта и предприятий: «В ГДР что-то затевается. Возможно, что мы очень скоро получим свободу поездок. Предупреди транспортников, что они должны быть готовыми к чрезвычайным событиям уже сегодня». Чуть позже информация о предстоящем в ГДР «большом событии» в сфере выезда поступает от корреспондентки западногерманского радио в Восточном Берлине. Предчувствие серьезных изменений начинает сгущаться в ожидание непосредственно предстоящих акций руководства ГДР.

12.00 – Известный восточноберлинский адвокат Вольфганг Фогель, специализирующийся на германо-германских переговорах по деликатным проблемам, наносит неожиданный визит шефу сенатской канцелярии Западного Берлина (главе администрации правящего бургомистра) Дитеру Шредеру и информирует его о том, что в ГДР, судя по всему, будет вот-вот введена «свобода поездок».

16.00 – В огромном здании ЦК СЕПГ близ Дворца Республики на берегу Шпрее продолжает свою работу начавшийся вчера пленум ЦК. Кренц прерывает обсуждение пунктов повестки дня и просит присутствующих утвердить постановление об изменении режима пересечения границ ГДР, прошедшее апробацию членов политбюро несколькими часами раньше[89]. Название постановления гласит: «Решение об изменении ситуации с выездами граждан ГДР на постоянное место жительства в ФРГ через территорию ЧССР». Короткая дискуссия касается лишь второстепенного вопроса о том, надо ли оставлять в сообщении для средств массовой информации, которое должно быть опубликовано 10 ноября (это предусматривается специальным пунктом постановления), формулу о введении «переходного урегулирования временно, впредь до принятия Народной палатой соответствующего закона» или можно убрать слова «временно» и «переходное», которые грозят смазать эффект нововведения.

Вызывающие сомнения слова вычеркиваются. Информация для печати начинается теперь так: «Как сообщает пресс-служба министерства внутренних дел, Совет министров ГДР решил, что впредь до введения в силу постановлением Народной палаты соответствующего законодательного урегулирования будет действовать следующий порядок поездок и выезда на постоянное место жительства из ГДР за границу». Далее следуют четыре пункта, излагающие существо новых правил, включая пункт 2, устанавливающий, что для пересечения границы по-прежнему требуется выездная виза, которая должна отныне выдаваться отделами по паспортной работе и регистрации Народной полиции «незамедлительно» и без требовавшихся до сих пор «предпосылок для поездки», а также уже упоминавшийся пункт 3 о «всех КПП ГДР на границах с ФРГ или с Берлином (Западным)». Дата передачи информации о постановлении в печать подтверждается – это должно произойти, как и предлагалось разработчиками, на следующий день, поскольку необходимо время, чтобы дать соответствующие указания пограничникам, которые абсолютно не в курсе дела. В сопроводительном документе уточняется, что публиковать эту информацию можно не ранее 4.00 часов утра 10 ноября.

17.00 – В соответствии с программой начавшегося после полудня пятидневного официального визита канцлера ФРГ в Польшу Гельмут Коль встречается в Варшаве с главой профсоюза «Солидарность» Лехом Валенсой и председателем фракции «Солидарности» в сейме Бронеславом Геремеком. Собеседников канцлера волнуют два вопроса: не оттеснят ли для Бонна события в ГДР польско-германские отношения на второй план и что будет делать Коль, если ГДР откроет стену – «не придется ли ему тогда самому возводить стену в ответ?» Валенса заявляет, что «удивлен тем, что стена все еще стоит. Она будет устранена через неделю или самое позднее через две. Но что дальше? Положение в ГДР очень опасно, и можно ожидать, что там возникнет революционный хаос». Коль пытается рассеять страхи Валенсы в отношении того, что Польша «вновь окажется жертвой истории».

17.30 – Понтер Шабовский появляется в зале заседаний ЦК СЕПГ, чтобы получить у Эгона Кренца последние инструкции для своей пресс-конференции, которая должна начаться через полчаса. Его не было при обсуждении на политбюро и на пленуме постановления о новом порядке выезда, и он не знаком с его текстом. Вопреки установленному 7 ноября порядку, в соответствии с которым обязанность информировать прессу о правительственных постановлениях лежит на представителе правительства по связям с общественностью Вольфганге Майере,

несмотря на то, что решение пленума было формально лишь утверждением проекта постановления правительства, который еще предстоит внести на его рассмотрение, и в нарушение намеченных сроков публикации документа Кренц дает Шабовскому поручение сразу же огласить содержание принятого решения. Со словами: «Это настоящая сенсация!» он передает ему листок бумаги с текстом постановления. В машине по дороге к месту проведения пресс-конференции в Международном пресс-центре на Моренштрассе (в двух шагах от посольства СССР) Шабовский пробегает глазами переданный ему листок. Времени вникать в детали у него нет.

18.00 – Корреспондент западногерманской «Франкфуртер рундшау» в Восточном Берлине Карл-Хайнц Баум спрашивает заведующего отделом печати постоянного представительства ФРГ в ГДР Эберхарда Грассхофа, с которым он столкнулся в кулуарах Международного пресс-центра за несколько минут до начала пресс-конференции Шабовского: «Не скажешь ли ты мне, как СЕПГ сможет на этот раз выйти из положения?» Ответ: «Я не знаю, сможет ли. Знаю только, как это будет происходить. Ты когда-нибудь катался на санках?» – «Конечно». – «Случалось, что санки выскальзывали из твоих рук?» – «Да» – «Вот и здесь такой же случай: они изо всех сил догоняют санки, но всякий раз, когда, выбившись из сил, они решают, что поймали санки, на самом деле они только отталкивают их от себя. Вот сейчас и произойдет такое отталкивание!»

18.50 – Пресс-конференция Гюнтера Шабовского, полностью передаваемая телевидением ГДР в прямой эфир, подходит к концу. Настало время для вопросов присутствующих. Глава корпункта итальянского информационного агентства АНСА Рикардо Эрман, получивший до начала пресс-конференции от своих коллег из ГДР намек на возможную сенсацию, спрашивает, не считает ли Шабовский ошибкой опубликованный на днях проект закона о выездах[90]. Тот вспоминает про поручение Эгона Кренца, отыскивает в груде бумаг нужный листок, еще раз пробегает его глазами и оглашает основное содержание документа. Шабовский говорит о будущей быстрой выдаче разрешений и о возможности выезда через «все КПП». Один из ошеломленных иностранных журналистов задает вопрос: «Когда это постановление вступает в силу?» Повертев в руках листок, Шабовский не совсем уверенно отвечает: «Насколько я понимаю – тотчас, немедленно». На него сыпется град вопросов относительно деталей нового урегулирования. Шабовский признается: «Я выражаюсь осторожно, потому что не был постоянно в курсе проблемы. Эту информацию мне сунули в руки

перед самым моим приходом к вам». На этом пресс-конференция подходит к концу[91].

19.00 – За несколько минут до начала пресс-конференции В.И. Кочемасов сообщил мне, что постановление о выездах будет оглашено Шабовским (посол узнал об этом, видимо, от Кренца). По этой причине я в своем рабочем кабинете в посольстве слежу за пресс-конференцией Шабовского по телевизору – мне важно знать, как он обставит свое заявление.

Та небрежность, с которой эта важнейшая информация преподнесена публике, буквально потрясает меня. Я не в состоянии понять, почему этот без преувеличения судьбоносный для восточногерманской республики вопрос затронут под занавес и сопровождается такими неквалифицированными комментариями? Почему обговоренный с нами вариант без какого-либо предупреждения заменен на совершенно другой? И самое главное – по какой причине в решение об открытии границ ГДР включена секторальная граница между двумя Берлинами, режим которой на протяжении всех 40 лет существования второго германского государства был его болевой точкой? Все это подводит к убеждению, что новое руководство ГДР действует по-дилетантски, не способно владеть ситуацией и осуществлять солидную политику. Встает вопрос: как можно вести дела с такими людьми?

Сразу по окончании пресс-конференции, за которой посол также следил по телевизору, он звонит мне, чтобы выяснить мое впечатление от произошедшего. Я не могу скрыть своего смятения. Кочемасов советует сохранять спокойствие. Он говорит: «Самое главное дело сделано – решение принято и доведено до сведения общественности». Я убираю бумаги в сейф, запираю кабинет и возвращаюсь в квартиру, где продолжаю следить за развитием событий по телевизору – теперь уже по западногерманским каналам, которые находятся в высшей степени возбуждения. (Телевидение ГДР, как всегда, невозмутимо.) Меня одолевает предчувствие, что сюрпризы этого вечера еще не закончились.

19.00 – Генеральный директор АДН Гюнтер Печке после заявления Шабовского (реакция Печке на него такова: «Он с ума сошел! Что же он делает?!») принимает совместно с Вольфгангом Майером решение немедленно снять запрет на публикацию до завтрашнего дня сообщения о новом режиме выездов за рубеж для граждан ГДР. Такие сообщения были разосланы в средства массовой информации ГДР (но не в зарубежные СМИ!) еще до начала пресс-конференции Шабовского. Уже через четыре минуты АДН публикует точный текст постановления правительства ГДР, с

которым теперь могут ознакомиться все. Поначалу зарубежные информационные агентства опираются на переданный АДН официальный текст, однако затем их интерпретация сдвигается в сторону фразы Шабовского «тотчас, немедленно». Действительно, ГДР в очередной раз оттолкнула от себя санки.

19.00 – Заместитель министра иностранных дел ГДР Эрнст Крабач, который в общих чертах знаком с содержанием нового проекта закона о выездах и только что прослушал заявление Шабовского, звонит Оскару Фишеру: «Что происходит?» Министр явно расстроен, он не в состоянии дать вразумительного объяснения поведению Шабовского. Оба дипломата понимают, что допущенная ошибка может привести к очень серьезным последствиям, но ее уже не исправить.

19.00 – До начала и во время пресс-конференции Шабовского руководитель центральной координационной группы по вопросам переселения министерства госбезопасности ГДР генерал-майор Герхард Ниблинг работает с коллегами над проектом телеграфных указаний персоналу КПП относительно работы в новых условиях. Он знает о предстоящем ускоренном обнародовании постановления о выездах и считает, что в принципе это неплохо, поскольку остающегося времени должно хватить, чтобы оповестить пограничников. Генерал внимательно следит по телевизору за откровениями Шабовского. Фраза насчет «тотчас, немедленно» меняет в его глазах обстановку коренным образом. Ниблинг говорит помощнику: «Кончай трудиться и предупреди своих ребят: люди уже побежали к границе». Позже Ниблинг признается, что его сразу охватило чувство отчаяния и единственным утешением была для него мысль: «Пока существует Советский Союз, не может случиться самого плохого».

19.00 – К Момперу, присутствовавшему на приеме в высотном доме издательства «Аксель Шпрингер», расположенном почти на самой секторальной границе, подходит главный редактор западноберлинской газеты «Берлинер моргенпост» со срочным сообщением западногерманского информационного агентства ДПА о заявлении Шабовского. В информации нет речи об открытии стены или о свободе пересечения границы; со ссылкой на АДН говорится лишь о заявлениях на поездки, которые следует подавать в органы Народной полиции, и о возможности выезда на постоянное место жительства через все КПП. Но главный редактор уверенно говорит: «Вот она, наконец, свобода поездок. Начинается!» Момпер подходит к окну на 18-м этаже здания. Позже он вспоминал: «Я смотрю из окна на границу. Внизу все как всегда. Сгустилась туманная дымка. За стеной различим блеклый свет. Эту пустую полосу, бывшую несчастьем для нас,

немцев, могут видеть из космоса астронавты. Западный Берлин – единственный город в мире, контур которого точно обозначен освещенным обводом. Сплошным обводом. Стена лежит внизу, беззвучная и мертвая, грозная как смерть. Как это было все минувшие 28 лет. Как будто она поставлена навечно». Момпер дает указание привести в повышенную готовность полицию и отправляется в телестудию канала «Свободный Берлин» (СФБ), чтобы напрямую обратиться к населению обеих частей города.

19.30 – Ведущий новостной программы СФБ повторяет показ сенсационной сцены финала пресс-конференции Шабовского и просит Момпера прокомментировать ее. Момпер говорит: «Этого дня мы ждали, очень ждали 28 лет. Все граждане ГДР могут приехать к нам, посетить нас. Это день радости для Берлина. Нам придется нелегко, и многие в нашем городе обсуждают, что это им принесет. Но мы должны принять у себя с распростертыми объятиями всех посетителей, потому что мы понимаем, что это значит, когда люди на протяжении 28 лет не могли приехать к нам». И далее: «У Берлина вновь будут совершенно нормальные отношения с прилегающей территорией. Берлинцы также смогут легче путешествовать. Укрепится разрядка во взаимоотношениях между Востоком и Западом в целом. Это великий шанс для нас. Берлин стоит на пути к тому, чтобы стать подлинным центром в Европе». Момпер закончил так: «Перед Берлинским управлением городского транспорта стоит сложная задача. Я прошу всех граждан ГДР, которые захотят нас посетить, пользоваться линиями метро и городской железной дороги. И, конечно, нужно много новых пропускных пунктов. Иначе мы не будем в состоянии справиться со всем этим». Сухой, прагматический тон обращения Момпера оказывает на жителей ГДР более сильное воздействие, чем эмоции, которые через несколько часов захлестнут эфир Западного Берлина и ФРГ. Число людей, собирающихся перед КПП стены, чтобы посетить Западный Берлин, стремительно растет. Дитер Шредер будет позже вспоминать: «Когда я увидел и услышал это [выступление Момпера], у меня сложилось впечатление, что он подталкивает восприятие путанного выступления Шабовского в нужном нам направлении».

19.30 – В Варшаве вернувшийся в свою резиденцию Коль связывается по прямой телефонной линии с Бонном и узнает о заявлении Шабовского, а также о гражданах ГДР, собирающихся перед КПП стены. Столпившиеся вокруг канцлера члены германской делегации потрясены. Ими овладевают попеременно чувства надежды на скорый конец ГДР и опасения по поводу возможных осложнений. Однако времени для анализа сложившейся ситуации нет – впереди официальный обед с

польским руководством. Исподволь члены делегации начинают обсуждать вопрос о возможном досрочном возвращении канцлера в ФРГ.

19.50 – В связи с учащающимися звонками восточноберлинцев, желающих получить разъяснения по поводу заявления Шабовского, заместитель шефа Народной полиции («полицай-президента») Восточного Берлина по оперативной работе рассылает циркулярную телефонограмму следующего содержания:

«1. При поступлении запросов от граждан о возможностях реализации объявленного порядка выездов сообщать гражданам, что, начиная с 10 ноября, их заявления будут приниматься отделами паспортов и регистрации в приемные часы.

2. В зависимости от развития обстановки повысить обеспечение безопасности в глубине КПП путем усиленного привлечения нарядов полиции, включая службу патрулирования и радиофицированные машины. Товарищам вежливо и предупредительно влиять на граждан и информировать их о приемных часах отделов паспортов и регистрации.

3. Руководителям отделов паспортов и регистрации подготовиться к участию в совещании по порядку работы, которое состоится в [полицай]президиуме в течение вечера или ночи. Дорожной полиции обеспечить их доставку в [полицай]президиум».

20.00 – Легендарный Маркус (Миша) Вольф, бывший шеф восточногерманской разведки (одной из лучших в мире), открыто примкнувший после выхода на пенсию к реформаторам, заканчивает дискуссию в Клубе деятелей культуры в Потсдаме на темы текущего развития событий в республике. Внезапно распахивается дверь, кто-то громко объявляет: «Граница открыта!» и сразу же исчезает. Возвращаясь в Берлин, Вольф слушает передачи западноберлинского радио, из которых явствует, что ограничения на выезд в ФРГ и Западный Берлин сняты. По радио часто звучит самое употребительное у граждан ГДР выражение этой ночи и последующих нескольких дней – «Обалдеть!» («Wahnsinn!») Историческое измерение происшедшего станет ясным лишь несколько дней спустя.

20.00 – Полковник Хайнц Гешке, заместитель по охране границы командующего пограничным участком Центр[92], был с 17.00 на совещании, посвященном анализу настроений личного состава, которые вызывали у начальства определенное беспокойство. Он узнал о речи Шабовского уже дома и сразу позвонил командующему участком генералу Велльнеру, который был еще в своем рабочем кабинете. На пожелание Гешке

вернуться на работу Велльнер отвечает отказом: «Надо еще подождать, у нас нет никаких приказов, никаких указаний. Оставайся дома. Мы тебе позвоним». Велльнер непрерывно пытается связаться с начальником штаба погранохраны, с начальником штаба Народной полиции, с другими высокопоставленными лицами. Никто ничего не знает. У Велльнера опускаются руки. Он говорит Гешке по телефону: «Если они нас не информируют, то пусть сами вытаскивают телегу из грязи». У КПП Борнхольмерштрассе к этому времени уже собралась толпа людей, требующих, чтобы их пропустили в Западный Берлин в соответствии с заявлением Шабовского.

21.00 – Журналист новостной программы «Темы дня» (первый канал западногерманского телевидения) Робин Лаутенбах стоит перед западным фасадом Бранденбургских ворот и готовит вступление к репортажу о либерализации условий выезда граждан ГДР. Он говорит в камеру: «С завтрашнего дня стена открывается и после этого превратится просто в памятник архитектуры». Позже он вспоминал, что в тот момент перед Бранденбургскими воротами ничего особенного не происходило. Там работали еще несколько телевизионных камер, в частности американской NBC, стояли группы зевак, но в целом все было спокойно. С восточной стороны стены ситуация становилась все более драматической. По рассказам западноберлинцев, возвращавшихся после посещения Восточного Берлина, в 21.20 перед КПП Борнхольмерштрассе толпились около 500 человек, образовалась очередь из приблизительно 100 «трабантов», соседние улицы были полностью забиты людьми и машинами.

21.00 – Повторное телевизионное обращение Момпера к берлинцам по каналу СФБ происходит в перерыв футбольного матча, когда большинство немцев в обеих частях города сидят у телевизоров. Таким образом, это обращение слышат практически все берлинцы. Им еще раз втолковывается, что ГДР приняла решение о немедленном предоставлении своим гражданам «свободы поездок».

21.00 – Шеф ведомства федерального канцлера Рудольф Зайтерс выступает в бундестаге с экстренным сообщением о новостях из ГДР; текст сообщения он согласовал с Колем по телефону. Депутаты встречают слова Зайтерса бурной овацией. Зайтерс говорит о том, что открытие границ ГДР имеет «выдающееся значение»; сегодня впервые реализована свобода передвижения для граждан ГДР; стена и границы ГДР станут отныне более проницаемы. Зайтерс повторяет предложение, сделанное накануне канцлером в его сообщении о положении нации: если в ГДР наступят настоящие перемены, ФРГ будет

готова оказать ей широкую помощь. При этом присутствующие имеют в виду, что «настоящие перемены» означают отказ СЕПГ от монополии на власть, легализацию оппозиционных групп и партий, свободные выборы. (С этими требованиями всегда была связана проводившаяся ФРГ политика «малых шагов», нацеленных на размывание режима ГДР; в качестве конечной цели неизменно рассматривались самоопределение и права человека, которые должны привести к присоединению ГДР к ФРГ.) После сообщения Зайтерса депутаты дружно встают и поют государственный гимн: «Единство, право и свобода для германского отечества». В зале заседаний парламента ФРГ царит атмосфера одержанной победы. (Правда, остается неясным – победы над кем? Над руководством ГДР или уже сразу над СССР?)

21.30 – Давление толпы у КПП Борнхольмерштрассе становится все более ощутимым. Похоже, что выведенные из себя люди вот-вот пойдут на штурм. Майор Манфред Зенс, командир охраняющего КПП пограничного отряда, приказывает подчиненным сдать табельное оружие. Оружие сдают также служба паспортного контроля и таможенники. Все это из опасения, что кто-то может потерять самообладание. Служба паспортного контроля получает по своей линии указание оповестить собравшихся граждан о том, что народная полиция прямо сейчас возобновляет работу бюро отделов паспортов и регистрации, где можно получить выездную визу для пересечения границы. Направившиеся к ближайшему бюро люди возвращаются через четверть часа с известием, что оно по-прежнему закрыто. Оказывается, открылось лишь расположенное на Александер-плац центральное бюро, принимающее заявки от желающих выехать на постоянное жительство. Очередное указание гласит: заявки от тех, кто желает только посетить Западный Берлин, будут приниматься завтра по месту жительства в приемные часы. Люди в толпе перед КПП приходят к выводу, что их пытаются обмануть. Атмосфера сгущается еще больше.

Дежуривший в этот день подполковник Харальд Егер, заместитель начальника службы паспортного контроля КПП Борнхольмерштрассе, ставит перед руководством вопрос о безвизовом пропуске собравшихся людей через границу: «Мы не сможем дольше выдерживать давления!» Когда Егер слышит по телефону, что высокое начальство выражает сомнение в обоснованности подобных предложений, он выставляет трубку за окно, чтобы начальство само могло убедиться в накале ситуации. Через пять минут Егер получает указание: разрешить выезд «провокаторам», то есть тем, кто особенно настойчиво требует пропустить их в Западный Берлин, поставив при этом штамп на

фотографию в удостоверении личности и записав персональные данные, чтобы затем не допустить обратного въезда этих лиц в ГДР. Пограничники начинают пропускать людей через границу. С тем чтобы как-то замаскировать «особое отношение» к наиболее активным демонстрантам, они пропускают и часть тех, кто не выделяется «провокационным поведением»; этим последним штамп ставится на одной из внутренних страниц удостоверения. Однако действия пограничников только усиливают напор толпы: люди видят, что кого-то по непонятным критериям пропускают в Западный Берлин, но большинство остаются стоять перед КПП. Число собравшихся людей продолжает увеличиваться с каждой минутой.

21.30 – У участников начавшегося полчаса назад заседания коллегии министерства обороны ГДР постепенно складывается общая картина ситуации у стены, которая оказалась совершенно неожиданной для них. Назначенное, собственно, на 18.00 заседание коллегии было отложено из-за опоздания тех его участников, которые были членами ЦК СЕПГ: работа пленума затянулась до 19.30 вместо намеченных 17.00. Члены ЦК добрались из Берлина до Штраусберга[93], не получив никакой информации ни о заявлении Шабовского, ни о толпах у стены – на пленуме эта тема не обсуждалась, а служебные автомашины еще не оборудованы радиотелефонами. Те же, кто ожидал начала заседания в самом Штраусберге, смотрели не телевизионные новости по западным каналам, а копию нового американского кинофильма «Загнанных лошадей пристреливают». Министр обороны Хайнц Кесслер дает указание генерал-полковнику Фрицу Штрелецу, секретарю Национального совета обороны, связаться с министром госбезопасности Эрихом Мильке. Дозвониться до Мильке не удается, поскольку он еще следует на автомашине в Вандлитц, загородный поселок для членов политбюро ЦК СЕПГ. Штрелец связывается с заместителем Мильке и с начальником штаба МВД. Однако тем известно лишь то, что Шабовский сказал «что-то не то». Кесслер сам пытается дозвониться до Кренца – безрезультатно. Система политического и военного управления ГДР дала резкий сбой.

21.45 – Вторая программа телевидения ФРГ передает из Варшавы интервью с Гельмутом Колем по поводу решения ГДР либерализовать выезд своих граждан. Канцлер говорит: «К каким последствиям на деле приведет это решение, я не знаю. Меня постоянно информируют. Я считаю правильным, чтобы сразу после моего возвращения мы установили контакт с руководством ГДР. Тем временем там будет избран новый глава правительства[94]. После этого я намерен как можно скорее лично

встретиться и переговорить с председателем Государственного совета[95] и главой правительства… Вчера в бундестаге я ясно заявил по поводу наших отношений с ГДР, что мы готовы оказывать помощь. В случае действительно всеобъемлющих реформ, которые, на мой взгляд, должны включать в себя плюрализм общества, свободные профсоюзы, свободные партии и свободные выборы, я готов рассматривать весьма далеко идущие планы. Что же касается приема беженцев, то сегодня перед отъездом мы обсуждали эту проблему и приняли ряд решений… Но сначала надо подождать и посмотреть, сколько людей к нам приедут. О тех беженцах, число которых можно предвидеть, мы позаботились. Для улучшения положения остальных мы должны принимать меры в самой ГДР. Решение проблемы заключается не в том, чтобы к нам переехало максимальное количество людей из ГДР, а в том, чтобы наши соотечественники в ГДР жили в условиях режима свободы, которые предоставляли бы им шанс остаться на родине. Нашим интересам соответствует, чтобы соотечественники оставались у себя на родине».

22.00 – Гельмут Коль направляется в варшавскую гостиницу «Мариотт», где размещены немецкие журналисты, давно добивающиеся встречи с ним. Канцлер старается успокоить пишущую братию и настаивает на том, что необходимо сохранять трезвость мысли и тщательно обдумывать дальнейшие шаги. Он обещает всемерно избегать всего, что могло бы «обидеть» поляков, но одновременно сообщает, что уже начал обсуждать с ними возможность прервать свой визит. Коль признается, что разделяет с журналистами ощущение, что они все «находятся в неверный момент в неверном месте». Он заявляет: «Сегодня творится всемирная история!» и добавляет: «Конечно, никто не может предсказать, когда придет объединение Германии, но колесо истории завертелось быстрее».

22.00 – На чрезвычайное совещание в Шенебергской ратуше собирается западноберлинский сенат (городское правительство). Момпер говорит: «Мы не знаем, что там [в ГДР] творится и как будут реагировать пограничники. Мы должны по возможности успокаивающе влиять на настроения населения». Собравшиеся высказывают опасение, что на Западный Берлин обрушится волна переселенцев из ГДР. Сенатор по социальным делам Ингрид Штамер заверяет, что может обеспечить достаточное количество мест временного размещения, но для этого придется использовать спортивные залы школ. Сенатор по делам школ Сибилла Фолькхольц дает на это свое согласие и объявляет, что отменит школьные занятия на пятницу 10 ноября. Момпер предлагает шефу сенатской канцелярии Дитеру Шредеру

немедленно начать переговоры с властями западных держав о возможной отправке в ФРГ их самолетами[96] переселенцев из ГДР. Шеф западноберлинской полиции («полицай-президент») Георг Шерц докладывает об обстановке у стены: «КПП Борнхольмерштрассе, 21.18 – скопление «траби»[97]; КПП Зонненаллее, 22.05-15 человек в зоне контроля, сто с восточной стороны стены, оформление ускоряется; КПП Борнхольмерштрассе, 22.06 – толпа перед КПП не уменьшается, полторы тысячи человек с восточной стороны, обычная виза. Пока это все».

После того как Момпер снова отбыл к телевизионщикам, Шредер проверяет вместе с руководителями сенатских служб их готовность к приему посетителей из Восточного Берлина. Управление муниципального транспорта рапортует об увеличении числа поездов метро и автобусов на линиях. Сберегательные кассы подготовились к тому, чтобы в массовом порядке выплачивать «приветственные деньги»[98]. С издательством «Берлинер Моргенпост» достигнута договоренность о срочной распечатке информационной брошюры с планом города, которая будет бесплатно вручаться у КПП. И все же, когда становится очевидным, что стена действительно перестает функционировать, Шредеру становится не по себе – цифры посетителей, взятые за основу при разработке планов интенсификации работы муниципальных служб, оказываются безнадежно устаревшими; реальность значительно их превосходит. В результате грозит возникновение хаоса.

22.42 – Ведущий новостной программы первого канала телевидения ФРГ Ханс-Йоахим Фридерихс заявляет на фоне фотографии Бранденбургских ворот: «Они перестали быть символом раскола Берлина, как и стена, которая 28 лет разделяет Восток и Запад. ГДР уступила напору населения. Сообщение с Западом свободно. Надо осторожно пользоваться словами в превосходной степени, они легко изнашиваются, но сегодня можно сказать – этот день 9 ноября стал историческим днем. ГДР сообщила, что ее границы немедленно и для всех открыты. Ворота в стене распахнуты настежь!» Подобные комментарии «обгоняют» действительность. КПП стены еще не открыты «настежь».

23.00 – Момпер вновь в студии СФБ, где он участвует в теледискуссии с участием западноберлинских и западногерманских политиков, а также оппозиционных деятелей из ГДР. Дискуссия постоянно прерывается репортажами с места событий. Пока журналисты сообщают, что изменений нет и все спокойно, но есть слух, что кое-кого пропускают из Восточного

Берлина уже без визы. Момперу подают записку: «Несколько сот человек переходят границу у КПП Борнхольмерштрассе. Много народу у других КПП». Минуту спустя у него в руках новая записка: «По нашим наблюдениям, на Борнхольмерштрассе в настоящее время нет пограничников. Число пересекших границу граждан ГДР исчисляется уже тысячами». Момпер показывает записку соседу и шепчет ему на ухо: «Если сейчас вслух зачитать это, то во всем Берлине начнется светопреставление». После 23.00 начинается репортаж с КПП Инвалиденштрассе: корреспондент телевидения беседует с жителем Восточного Берлина, только что бесконтрольно пересекшим границу. Момпер встает и заявляет в камеру: «Все берлинцы должны знать – пропускные пункты повсюду открыты, контроля больше нет, можно беспрепятственно проходить через стену. Прошу извинить меня, но я должен быть там». После этого он покидает студию.

23.30 – Толпа у КПП Борнхольмерштрассе непрерывно растет, люди буквально висят на заграждениях. Они протягивают пограничникам свои удостоверения личности и кричат: «Мы вернемся, мы вернемся!» Пограничники в растерянности. За каждым, кого пропускают в Западный Берлин, тотчас устремляются десятки людей. Сдерживать напор толпы все труднее, ситуация становится все более напряженной. Предпринимаются попытки опрокинуть проволочные заборы, ограждающие территорию КПП, и поднять шлагбаум. Пограничники насчитали от 20 до 30 тысяч человек, скопившихся на подходах к КПП. Надо что-то делать. Подполковник Харальд Егер звонит начальству и говорит: «Сдерживать напор дальше невозможно, мы должны открыть КПП». И не дожидаясь ответа, добавляет: «Я прекращаю контроль и выпускаю людей!» В ответ слышится: «Ну ладно, давай!» Старший по КПП подходит к солдату, охраняющему ворота и что-то говорит ему. Ворота распахиваются. Радостная толпа устремляется в Западный Берлин. Стены как таковой больше нет.

Только решения контролеров МГБ было бы еще недостаточно для открытия стены. Пограничники ННА располагали возможностями независимо от них наглухо перекрыть сообщение между обеими частями города. Майор Манфред Зенс вспоминал позже: «Даже в том случае, если служба паспортного контроля прекращает проверку документов, я мог бы скомандовать: «Поставить блокирующий шлагбаум! Установить противотанковое заграждение! Чтобы никто не прошел!» Но мы этого не сделали. Подполковник Герлиц из службы паспортного контроля сказал: «Мы открываем». И обращаясь ко мне, объяснил: «Народ валом валит!» И действительно, как будто накатился вал. Солдаты

удивленно глядели на толпу, но затем очень радовались, когда их завалили подарками люди, возвращавшиеся из Западного Берлина».

23.30 – Командующий пограничным участком Центр генерал Велльнер отдает приказ о введении «полной работоспособности» подчиненных ему войск. Приказ гласит:

«1. Выдвижение резервов и готовность на контрольно-пропускных пунктах границы, с особым вниманием на район Бранденбургских ворот. Подготовить введение в действие офицеров штаба и учебных пограничных полков, а также подчиненных им подразделений.

2. [Моим] заместителям и командирам частей обеспечить организованное передвижение людей и автомашин; предотвратить возникновение дорожно-транспортных происшествий; избежать любого рода конфронтации с населением; не предпринимать действий, которые могут быть истолкованы неправильно; оказывать быструю помощь пострадавшим в толчее (транспортировка в госпитали Народной полиции). Особо важно: не применять огнестрельного оружия; сконцентрироваться на охране главнейших объектов (склады оружия, боеприпасов, боевой техники), а также оберегать жизнь военнослужащих пограничных войск. Строжайше запрещен вывод на позиции и формирование маршевых колонн (БМП, артиллерия, боевая техника) или оставление объектов без охраны. Активные действия только по моему указанию».

На основании этого приказа прекращается контроль на всех КПП стены.

23.30 – Момпер подъезжает к КПП Инвалиденштрассе. Из машины он отдает распоряжение всем наличным служащим ратуши немедленно прибыть к пропускным пунктам стены. Дело в том, что не только граждане ГДР устремились в Западный Берлин, но и западноберлинцы бросились к стене, чтобы воспользоваться случаем и без обычной волокиты посетить Восточный Берлин. На Инвалиденштрассе Момпер застает хаос – необозримое море ликующих людей и безнадежно застрявшие в толпе автомашины. Представитель западноберлинской полиции докладывает правящему бургомистру, что у него слишком мало подчиненных, чтобы навести хоть какой-нибудь порядок; что творится с восточной стороны стены, он не знает. Обеспокоенный возможной реакцией пограничников ГДР на возникшую неразбериху Момпер направляется к гедээровскому капитану, который стоит рядом с контрольной башней и растерянно наблюдает за происходящим. «Стой, дальше нельзя!» – приказывает пограничник, когда Момпер пересекает белую

линию, обозначающую границу[99]. Но Момпер требует, чтобы его провели к старшему по КПП. Пограничник послушно сопровождает его к баракам, где продолжается проверка документов на выезжающие в Западный Берлин автомашины (хотя рядом тысячи людей проходят без всякого контроля). Правящего бургомистра усаживают за стол, обычно предназначенный для паспортного контроля. Но вдруг все пограничники, в том числе и тот, который сопровождал Момпера, куда-то исчезают. КПП заполнен восторженной толпой; к востоку от КПП, насколько хватает глаз, также бесконечное множество людей. Момпер встает на стол и говорит в неизвестно откуда взявшийся мегафон: «Дорогие берлинцы, мы все рады тому, что граница открыта. Это счастливый момент для нас. Но я прошу вас – при всей радости, которую вы испытываете, – освободите территорию КПП. Пропустите «траби». Пожалуйста, очистите проезжую часть дороги, чтобы все смогли беспрепятственно пересечь границу». Если кто и слышит его, то не подает виду. Все шумно приветствуют каждую фразу, но не двигаются с места. В пластиковые стаканчики разливается гэдээровское шампанское «Rotkappchen» («Красная шапочка»), со всех сторон эти стаканчики протягивают Момперу, чтобы чокнуться с ним.

К этому времени свободный выход в Западный Берлин осуществляется практически через все КПП стены. КПП Драйлинден на автостраде, связывающей город с территорией ФРГ, остается закрытым – этот пропускной пункт расположен в чистом поле, и людей рядом с ним нет. Также нет людей и машин на собственно границе между ГДР и ФРГ, которая проходит вдали от населенных пунктов.

23.30 – Президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер стоит у КПП моста Глинике, который соединяет (точнее, разделяет) Западный Берлин и Потсдам. С времен, когда он в этих местах служил в вермахте, а затем был правящим бургомистром Западного Берлина, у Вайцзеккера особое отношение к мосту Глинике (он и живет в собственном доме неподалеку от него). КПП Глиникебрюкке отличается от всех остальных – на этом мосту происходит обмен разоблаченными и попавшими в тюрьму на Западе и на Востоке агентами. В другое время КПП остается закрытым. Не открылся мост и в ночь с 9 на 10 ноября.

Похожая картина с восточной стороны моста. Как рассказывал позже один из руководителей экологической оппозиции ГДР Матиас Платцек, он и его друзья назначили на вечер 9 ноября митинг на стадионе, расположенном рядом с мостом Глинике, чтобы заявить протест против политики СЕПГ, наносящей вред окружающей среде. Однако после заявления

Шабовского толпа людей, собиравшихся на митинг, двинулась прямо к границе, минуя стадион. Платцек пошел вместе с остальными. Но начальник КПП моста ответил отказом на призывы из толпы открыть границу в соответствии с тем, что происходит у Берлинской стены: «Берлин нам не указ. Там на КПП могут делать все, что угодно. Наш КПП не откроется никогда!» Глиникебрюкке все же открылся, но только на следующий день в 15.00. Сохранилось предание, будто первый посетитель из ГДР сразу же спросил: «А ну-ка, где здесь Курфюрстендамм?»[100]

24.00 – Правящий бургомистр протискивается к своей машине и звонит Шерцу, который докладывает, что мобилизованы и направлены к стене все полицейские силы Западного Берлина. К Инвалиденштрассе подъехали два полицейских автобуса с громкоговорителями. Начальник группы просит Момпера помочь освободить проход через КПП. Тот вновь берет в руки микрофон и непрерывно повторяет в него: «Дорогие берлинцы! Говорит Вальтер Момпер. Мы все очень рады этому мгновению. Я прошу вас отойти в сторону и освободить проезд. Расступитесь, чтобы восточноберлинцы смогли прийти к нам». Постепенно эти призывы начинают оказывать воздействие. Освобождается узкий проход, по которому поехали «трабанты». Находящиеся рядом люди дружески похлопывают их по крыше (этот многократно повторяющийся ночью 9 ноября приветственный жест получил особое название: Trabiklopfen). Прибывший к КПП Шерц застает удивительную сцену: капитан-пограничник ГДР и полицейский из Западного Берлина стоят на гребне стены и регулируют движение автомашин в обоих направлениях. Шерц просит своего помощника указать коллеге, что тот находится на территории ГДР[101], на что капитан ННА реагирует следующим образом: «Все в порядке, мы здесь действуем сообща».

24.00 – Дитер Шредер постоянно информирует о развитии ситуации американские и британские власти в Западном Берлине (в ноябре США председательствуют в трехсторонней городской комендатуре[102], а с британским сектором граничит территория Бранденбургских ворот, которые всегда оставались невралгическим центром обстановки в Берлине). Около полуночи он приглашает высших представителей союзных властей прервать ночной отдых и прибыть к стене, чтобы лично убедиться в «состоявшемся чуде», но те отказались. Позже Шредер будет вспоминать: «В ту ночь впервые за последнее полустолетие немцы вновь самостоятельно несли ответственность за Берлин и отлично справились с задачей – посетители, полицейские, машинисты

поездов метро и водители автобусов оказались на высоте. Эта ночь без кровопролития превратилась в импровизированный исторический праздник».

24.00 – Коль снова связывается по телефону с Бонном и получает последние известия о развитии событий у стены. В то время как жители обоих германских государств смотрят телевизионные передачи (если не толпятся у КПП стены), канцлер в Варшаве отрезан от источников информации. В делегации опять обсуждается возможность прервать визит. Коль колеблется. Его советники напоминают об эпизоде, когда в момент возведения стены 13 августа 1961 года канцлер Конрад Аденауэр (по настоятельному совету западных союзников ФРГ) не поехал в Берлин, что обернулось впоследствии серьезными политическими потерями для него. Коль склоняется к тому, чтобы досрочно вернуться в ФРГ, но откладывает окончательное решение до утра.

24.00 – Участник пленума ЦК СЕПГ, 1-й секретарь Дрезденского окружкома партии Ханс Модров сидит в номере берлинской гостиницы перед экраном телевизора и пытается разобраться в происходящем на секторальной границе, чтобы определить последствия для дальнейшей судьбы ГДР. Он только что вернулся с заседания редакционной комиссии пленума, которой поручено разработать текст программы действий для утверждения в последний день его работы. Заседание было бурным. Статс-секретарь министерства внешней торговли ГДР (и одновременно негласно полковник госбезопасности) Александр Шальк-Голодковский внес предложение включить в программу действий СЕПГ пункт о конфедерации ГДР и ФРГ. Когда данное предложение было отклонено членами комиссии («Это предательство!»), он стал настаивать на том, чтобы программа действий служила выполнению требований Гельмута Коля (отказ от руководящей роли СЕПГ, легализация оппозиционных групп и свободные выборы). Шальк-Голодковский мотивировал свою линию экономическим кризисом в республике и необходимостью получить дополнительные кредиты из ФРГ. Ему брошено обвинение в том, что он выступает в роли «почтальона» ультиматума Коля.

На сегодняшнем заседании пленума ЦК СЕПТ принято решение предложить Народной палате кандидатуру Модрова на пост председателя Совета министров ГДР. Об этом решении не объявлено публично, и поэтому огромный авторитет Модрова среди населения не может быть сразу использован в целях стабилизации обстановки. Перспективы на будущее представляются довольно туманными: к чрезвычайно тяжелому экономическому положению республики сегодня добавилось

нечто вроде «стихийного воссоединения Германии». Однако Модров не собирается впадать в отчаяние. Он приступает к подготовке своей программной речи на пленуме. Никаких звонков от Кренца или кого-нибудь другого не поступает. Во избежание еще большей путаницы Модров решает пока не вмешиваться в процессы, начатые без консультации с ним. Формально он еще не глава правительства.

10 ноября 1989 года, пятница *0.20* – Командующий пограничным участком Центр генерал Велльнер отдает приказ о приведении подчиненных ему войск в «повышенную боевую готовность». По существу, однако, ничего не меняется – задачи, поставленные предыдущим приказом Велльнера о «полной работоспособности», сохраняются. Никаких указаний или приказов из министерства обороны ГДР по-прежнему не поступает.

0.50 – Заместитель Велльнера полковник Хайнц Гешке прибывает в расположение 36-го пограничного полка у Бранденбургских ворот. Там уже сформирован штаб по чрезвычайным ситуациям. Положение остается неясным, все КПП открыты, но резервы созданы. Внимание пограничников сосредоточено на Бранденбургских воротах. Атмосфера напряженная, однако управление полком обеспечено.

1.00 – Я продолжаю следить за развитием событий глазами западных тележурналистов. Первоначальные опасения осложнений на границе уступают место чувству облегчения: стрельбы нет. Однако нет и границы. Само по себе позитивное событие – восстановление сообщения между обеими половинами Берлина – сопровождается настолько бездарными действиями высших властей республики, что складывается впечатление: отныне политику ГДР окончательно определяет улица. Особую тревогу вызывает отсутствие всяких признаков жизни со стороны руководства ГДР. Кто управляет сейчас республикой? Ни до кого дозвониться невозможно.

Встает вопрос о том, как и когда информировать Москву. Посол спит – после пресс-конференции Шабовского он принял снотворное. Меня от поспешного доклада в Центр удерживают три соображения. Во-первых, посольству нечего добавить по существу к сообщениям западных информационных агентств, которые, конечно же, поступают и в Москву; мы сами знаем о событиях у стены только из западных новостных телепрограмм; никаких объяснений со стороны наших коллег из ГДР к нам не поступает. Во-вторых, у нас нет предложений относительно того, что Москва может и должна предпринять в сложившейся ситуации, кроме как принять ее такой, какая она есть; никаких

способов «исправить» положение нет; любая попытка применить силу не даст результатов и только в корне подорвет всю политику разрядки, являющуюся стержнем международной программы Горбачева. В-третьих, срочное сообщение из Берлина о падении стены под напором демонстрантов может переполошить среднее звено наших чиновников, которое заступило на ночное дежурство, в то время как «верхи» мирно почивают; совершенно неизвестно, какую реакцию вызовет на среднем уровне наше сообщение; простой телефонный запрос из Москвы в неверной тональности может подтолкнуть к действию гэдээровских сторонников «китайского варианта» (после сурового подавления студенческих волнений на площади Тяньаньмэнь в Пекине прошло всего четыре месяца).

Итог моих ночных размышлений состоит в том, что я решаю действовать в соответствии с указанием М.С. Горбачева, которое нам часто цитирует посол: «Не драматизировать!» Информация для Москвы откладывается на следующий день.

2.00 – Шредер вновь у КПП Инвалиденштрассе. Ситуация у стены успокоилась, движение упорядочено, хотя машины двигаются все еще только шагом. Шеф сенатской канцелярии становится свидетелем, по его выражению, «невероятной сцены». На стене, по обе стороны от открытого проезда, стоят британский военный полицейский в форменной красной фуражке и офицер западноберлинской полиции, которые дают советы стоящему внизу служащему Народной полиции ГДР, как лучше организовать устремляющийся в Западный Берлин поток людей и автомобилей.

3.00 – Момпер возвращается в Шенебергскую ратушу. Атмосфера праздника распространилась теперь на весь Западный Берлин. Город заполнен непрерывно сигналящими «трабантами» и «вартбургами». Ночь превратилась в день. Везде радостно возбужденные толпы народа. Таксисты не берут денег с пассажиров из ГДР (да у тех, как правило, и нет марок ФРГ). Автобусы, метро и городская электричка работают всю ночь. Восточноберлинцев угощают бесплатным пивом в ресторанах и пивных заведениях. Правящий бургомистр обсуждает с шефом сенатской канцелярии программу переговоров с властями Восточного Берлина, которые следует начать прямо сегодня, 10 ноября. Уже в первой половине дня Дитер Шредер должен настоять на немедленном расширении существующих переходов (они намеренно сделаны столь узкими, что через них может проехать только одна автомашина в том или ином направлении) и на открытии новых переходов до следующего понедельника. Он уполномочен предложить финансовую и техническую поддержку

со стороны Западного Берлина для выполнения этих задач, а также для открытия новых пересадочных станций метро, соединяющих транспортную сеть обеих частей города, чтобы разгрузить станцию Фридрихштрассе – единственную, через которую еще функционирует железнодорожное сообщение между Востоком и Западом. Утром эти переговоры действительно начнутся и принесут быстрые результаты. ГДР сразу даст согласие на открытие в ближайшие дни дополнительно девяти КПП (это означает удвоение их общего числа), включая Потсдамер-плац. Министр внутренних дел ГДР Фридрих Диккель подтвердит скорое открытие станции метро Янновитц-брюкке для связи с Западным Берлином, а также введение трансграничных автобусных маршрутов.

3.00 – Ни мне, ни жене не спится в эту ночь. Мешает шаркающий звук, доносящийся с обычно совершенно тихой Унтер-ден-Линден. В окно мы видим сотни людей, молча идущих по аллее в направлении Бранденбургских ворот. Ворота остаются закрытыми – там никогда не было никаких КПП. Здесь людской поток разделяется: часть идет налево к КПП Фридрихштрассе («Чекпойнт Чарли»), часть направо – к КПП Инвалиденштрассе. Движения в обратную сторону не наблюдается.

4.00 – Начальник информационно-аналитического отдела представительства КГБ СССР при МТБ ГДР И.Н. Кузьмин подписывает информацию для Центра с изложением событий ночи, насколько их возможно подытожить на тот момент. От наших коллег (и «дублеров») из Карлсхорста[103] не требуется вносить каких-либо предложений, достаточно изложения фактов. Реакции на эту информацию долгое время нет. Лишь на утро поднимется шквал запросов об изменениях в обстановке чуть ли не по минутам. Этот шквал будет продолжаться весь день 10 ноября.

6.30 – К утру осложняется обстановка у Бранденбургских ворот. Здесь праздничная атмосфера ночи подпорчена поведением довольно многочисленной подвыпившей толпы. Это не граждане ЩР, которые точно знают, где расположены КПП, и идут к ним, а западноберлинцы, воспользовавшиеся общей сумятицей, чтобы перейти на территорию Восточного Берлина. Они сгруппировались с восточной стороны ворот и требуют их открытая для прохода в обоих направлениях. Эту группу сопровождают западногерманские телевизионщики, благодаря которым данный эпизод запечатлен для грядущих поколений. Пограничники ГДР, выстроившиеся сомкнутой шеренгой (без оружия и дубинок), вытесняют нарушителей за пределы приграничной зоны. Они не реагируют ни на брань, ни на

полетевшие в них пивные бутылки. Инцидентов удается избежать и в этом случае.

7.00 – Момпер вылетает в Бонн на военном самолете, который по его просьбе предоставлен американской администрацией в Западном Берлине. В качестве вновь избранного президента бундесрата (верхней палаты парламента ФРГ) он должен открыть его заседание, но времени в обрез. Прибыв в западногерманскую столицу, Момпер констатирует, что там совершенно не чувствуется того фундаментального сдвига в германской истории, который произошел минувшей ночью. Нет «траби», нет восторженной толпы, будничная нормальность – почти невероятно! Правительственный квартал спокоен и пуст. Верхушка правительства во главе с канцлером еще не вернулась из Польши. Премьер-министры земель ФРГ, коллеги Момпера по бундесрату, расспрашивают его о подробностях событий у стены. Но он и сам не знает, надолго ли сохранится режим перехода границы, установившийся прошлой ночью. Радио ГДР объявило, что с 8.00 часов начавшегося дня контроль на КПП стены восстанавливается, но никаких изменений пока не наблюдается. Более того, когда у жителей ГДР не оказывается с собой удостоверения личности там, где контроль еще сохраняется, им достаточно предъявить водительские права или какой-либо иной официальный документ, чтобы быть пропущенными в Западный Берлин. Правда, пограничники стали проверять документы у въезжающих граждан ФРГ, а на КПП Фридрихштрассе и Генрих-Гейне-штрассе – требовать у западноберлинцев разрешения на въезд в ГДР.

7.30 – Находящийся в Варшаве Гельмут Коль принимает решение прервать в 16.00 часов выполнение программы визита и возвратиться в Бонн. На завтрашнее утро он назначает чрезвычайное заседание правительства. Уже сегодня вечером, а также завтра утром он намерен провести переговоры по телефону с президентом США Джорджем Бушем, президентом Франции Франсуа Миттераном, премьером Великобритании Маргарет Тэтчер и генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым. Коль считает необходимым обговорить свои дальнейшие действия в сложившейся обстановке с главами четырех держав, ответственных за Берлин и Германию в целом, а сделать это проще из Бонна.

7.50 – Я сижу в своем кабинете и пытаюсь сформулировать доклад о событиях прошлого дня и ночи (сегодня о посещении бассейна и речи быть не могло). Раздается звонок из МИД СССР (в Москве уже 9.50). Звонит полонист В.В. Свирин, заведующий отделом Польши и ГДР Управления социалистических стран

Европы. Он спрашивает: «Что у вас там творится? Все информационные агентства как с ума посходили: стены-де больше нет». Подтверждаю правильность сообщений агентств, кратко обрисовываю создавшееся положение и добавляю, что ничего другого и нельзя было ожидать при избранной ГДР манере вести дела. Следует вопрос: «А с нами это было согласовано?» Отвечаю: «Посольство ни о чем не информировали. Может быть, они напрямую с Москвой договорились? Но это уже вам перепроверять надо». Четверть часа спустя послу звонит Абоимов и предлагает запросить объяснения у Оскара Фишера. Посол немедленно связывается с министром иностранных дел ГДР, застав его в последнюю минуту, – тот торопится на продолжающийся пленум ЦК СЕПТ. Фишер в замешательстве: «Ну, что еще можно сказать по этому поводу?» Но обещает, что вскоре посольство получит официальный ответ на свой запрос.

8.30 – Мне звонит Вальтер Мюллер, заведующий отделом Западного Берлина МИД ГДР, и диктует следующий текст для передачи послу: «Мы просим понять, что решение о безвизовом выезде в Западный Берлин и ФРГ прошлой ночью было вынужденным. Иначе возникли бы очень опасные последствия. Времени на консультации не было. С сегодняшнего утра порядок на пограничных КПП восстановлен. Сегодня мы информируем и М.С. Горбачева. Одновременно мы просим воздействовать на власти западных держав в Западном Берлине для прекращения нарушения порядка с западной стороны стены». Немедленно вручаю послу написанный от руки текст перевода сообщения Мюллера.

9.00 – Свою речь в бундесрате Момпер начинает признанием, что он не спал всю эту ночь. «Тот, кто пережил эту ночь в Берлине или следил за нею по передачам телевидения, – продолжает он, – никогда не забудет 9 ноября 1989 года. Прошлой ночью немецкий народ был самым счастливым народом на свете. Это был день свидания людей из обеих частей Берлина. Это была ночь, когда стена утратила свой разделяющий характер. Народ ГДР на улицах добыл себе эту свободу и вчера впервые отпраздновал ее». Момпер предупреждает, что начавшееся развитие принесет большие тяготы и серьезные проблемы для ФРГ и справляться с ними придется всем вместе. Он заканчивает речь так: «Если мы хотим оказаться на высоте происходящих в Европе изменений, то нам придется мыслить более гибко. Мы должны устранить стену в наших головах. Мы не можем застыть в системе старых конфронтации и блокового мышления. Ничто в Европе не останется таким, каким было».

9.00 – «Летучка» в посольстве открывается обзором печати

ЩР, которая освещает следующие темы: работа X пленума ЦК СЕПГ; решение о созыве партконференции СЕПГ 14-17 декабря; предстоящая 17 ноября сессия Народной палаты; выдвижение кандидатуры председателя Демократической крестьянской партии Германии Понтера Малойды на пост председателя Народной палаты[104]; публикация новых правил выезда из ГДР; встреча Эгона Кренца и премьер-министра земли Северный Рейн-Вестфалия Йоханнеса Рау (СДПГ); обращение окружного комитета СЕПГ Нойбранденбурга с просьбой пересмотреть решение оставить Кемницера в составе политбюро ЦК; постановления окружкома СЕПГ Галле о снятии Беме и окружкома СЕПГ Котбуса о снятии Вальде с постов 1-х секретарей окружкомов; объявление о митинге членов СЕПГ в берлинском Люстгартене, назначенном на сегодня в 17.30[105]. Обзор западноберлинской печати: открытие границ ГДР с ФРГ и Западным Берлином; заявление председателя ХДС Западного Берлина, бывшего правящего бургомистра Э. Дипгена – «Берлин вновь становится открытым городом»; заявление шефа ведомства федерального канцлера Р. Зайтерса – «Мы будем помогать ГДР»; ход визита Коля в Польшу; заявление президента США Дж. Буша – «Мы готовы помочь ФРГ».

Посол сообщает: «Работа пленума проходит остро. От него ждут убедительных решений. Возникли осложнения с Беме, Кемницером, Вальде, Инге Ланге. В Галле пригрозили забастовкой, если Беме не удалят из политбюро. Беме, Кемницер, Вальде попросили об отставке. Пленумы окружкомов состоялись в ночь на 10 ноября. Была критика в адрес Э. Хонеккера, Г.Миттага и других соратников бывшего генсекретаря. В адрес Эгона Кренца критики нет. Ханс Модров пошел дальше в своих предложениях об экономической реформе, чем доклад ЦК. Однако события в первичных парторганизициях опережают события в ЦК. Крепнет поддержка требования о созыве партконференции. Кренц выступит на митинге сегодня в 17.30. Экономисты ГДР утверждают: надо или снижать на 30% жизненный уровень населения, или идти на займы. Коль готов прямо из ПНР приехать в Берлин для переговоров об экономической помощи ГДР. Байль[106] говорит: «При нынешних условиях ГДР продержится до 1991 года, затем наступит банкротство». Друзья намерены признать «Новый форум»; мы это не будем драматизировать».

Посол зачитывает сообщение из МИД ГДР об обстоятельствах открытия стены и комментирует его следующим образом: «После объявления Шабовского у КПП Инвалиденштрассе собралось несколько тысяч людей, которые вели себя очень агрессивно.

Власти были вынуждены открыть выход в Западный Берлин по «упрощенной процедуре». За ночь ушли 60 тысяч человек,

вернулись 45 тысяч. С 8.00 часов введен обычный режим на КПП». (Как выяснилось позже, эта информация оказалась не совсем точной – порядок на КПП стены удалось в общих чертах навести лишь к понедельнику 13 ноября. За эти четыре дня в Западном Берлине побывали более 3 миллионов граждан ГДР – в некоторые моменты его «населенность» возрастала более чем в два раза.) Посол закончил свое сообщение так: «Ночью вводились войска (у Бранденбургских ворот)». Посол имел в виду, конечно, Национальную народную армию ГДР. Впрочем, и эта информация не соответствовала действительности. Позже выяснилось, что ночью действительно был момент, когда в военных верхах ГДР обсуждалась возможность введения дополнительных войск в приграничную полосу, но от этой идеи быстро отказались. Неточности в сообщении посла были вызваны, видимо, тем, что посол практически не говорил по-немецки, а его собеседники из ГДР не всегда в достаточной степени владели русским языком. Во всяком случае, в течение дня 10 ноября изложенные послом сведения достигли Москвы (кто только не звонил в этот день в посольство!) – причем также без уточнения, что речь могла идти лишь о войсках ГДР.

10.00 – Несколько иностранных информационных агентств попросили Маркуса Вольфа дать интервью с оценкой ночных событий. Интервью происходят в том же Международном пресс-центре, в котором накануне вечером встречался с журналистами Шабовский. Вольф говорит: «Общий ход событий после начала исхода [граждан ГДР] через Венгрию этим летом показывает, какими гигантскими возможностями целый год пренебрегало прежнее руководство страны. Если бы своевременно были предприняты шаги по реализации давно и повсеместно заявленных требований об обеспечении возможностей для поездок для всех граждан при точно сформулированной задаче найти исчерпывающее решение проблемы, какой эффект это могло бы вызвать и какое воздействие оказало бы это на наших людей! Можно уверенно исходить из того, что тогда можно было бы считаться с всеобщим пониманием в отношении необходимых мер по защите нашей экономики, прежде всего нашей валюты. По поводу того, что произошло вчера, даже представители «Нового форума», деятели искусства и писатели, всегда выступавшие за неограниченную свободу поездок, высказывают свои оговорки».

10.00 – Через час после начала работы третьего и последнего дня пленума ЦК СЕПГ председательствующий Эгон Кренц затрагивает вопрос о режиме перехода границ. Он говорит: «Я не знаю, все ли товарищи осознали серьезность положения. Давление, которое до вчерашнего дня оказывалось на

чехословацкую границу, перенесено с сегодняшней ночи на наши границы. Велика опасность, что много людей покинет нас, хотя позитивным сигналом является то, что три четверти тех, кто прошлой ночью посетил Западный Берлин, вернулись и находятся сейчас на своих рабочих местах. Прошлой ночью давление на границе стало нестерпимым, возможно было бы лишь военное решение, но благодаря осмотрительным действиям наших товарищей из МВД и МГБ удалось справиться с ситуацией и сохранить мирную обстановку. Однако давление усиливается. Товарищи из округов сообщают, что ситуация не улучшается. Я за то, чтобы мы сейчас не спорили, а поручили комиссии ЦК, которую мы должны создать, изучить данный вопрос и доложить о результатах на следующем пленуме ЦК или, если необходимо, на партконференции. Нужно только действовать так, чтобы вовне не просочились данные, которые могли бы побудить международные банки использовать их против нас. Я думаю, что это чрезвычайно важно».

На этом обсуждение провальных событий прошлой ночи заканчивается, и Кренц переходит к другим вопросам. В частности, он говорит о звонке Хонеккера с просьбой информировать его об обстоятельствах ночных событий, и высказывается за то, чтобы результаты работы комиссии были доступными для всех членов ЦК, в число которых входит и Хонеккер. Оглашается внесенное членами ЦК предложение об исключении Понтера Миттага, ближайшего сотрудника Хонеккера, из состава ЦК СЕПГ. В связи с решениями ряда окружных парторганизаций поднимается вопрос о доверии новому составу политбюро.

11.00 – У Бранденбургских ворот обстановка снова осложняется – на этот раз с западной стороны. В этом месте гребень стены очень широк, достигая полутора-двух метров (по замыслу ее строителей она должна была в этом месте выдержать таранный удар танка). Западноберлинцы, прежде всего молодые люди, вскарабкались на гребень и не собираются спускаться. Между тем руководство ГДР требует восстановить порядок на границе – существует опасность, что люди со стены попытаются перейти на территорию Восточного Берлина (действительно, такие попытки время от времени предпринимаются). Министр обороны Хайнц Кесслер непрерывно звонит послу и настоятельно просит воздействовать на союзнические власти в Западном Берлине. Посол поручает мне заняться этой проблемой. Позже выяснилось, что и правящего бургомистра Вальтера Момпера одолевают опасения по поводу возможных инцидентов у Бранденбургских ворот и на Потсдамской площади, где гребень

стены также достаточно широк, чтобы на нем стояли люди. Он еще ночью обратился к посланнику США в Западном Берлине Гарри Гилмору с просьбой разрешить западноберлинской полиции подойти вплотную к стене, то есть пересечь фактическую секторальную границу – иначе-де утихомирить разбушевавшуюся стихию представляется затруднительным. Поэтому мой звонок Гилмору падает на хорошо подготовленную почву (звоню я по допотопной прямой телефонной линии, соединявшей посольство непосредственно с союзническим узлом связи в британском секторе еще с конца 40-х годов; обычная телефонная связь между Восточным и Западным Берлином парализована обилием звонков или попросту отключена). Гилмор проявляет полное понимание и только спрашивает, не будет ли ГДР против того, чтобы полиция Западного Берлина в целях наведения порядка перешла белую линию[107]. Я сразу отвечаю, что не будет. Через несколько дней один из заместителей министра иностранных дел ГДР дружески попеняет мне, что я не провел консультации с его ведомством по этому вопросу. Однако напряженность обстановки не допускала потери времени.

Последовавшие за нашим с Гилмором телефонатом действия западноберлинской полиции просты, но эффективны. Служебные полицейские автобусы выстраиваются вдоль стены сплошной цепочкой, бампер к бамперу, в обеих невралгических точках, перекрыв доступ к стене для пополнения «стояльцев». Этих последних вежливо и даже где-то нежно уговаривают спуститься на землю и отойти за белую линию. В последующие дни ситуация стояния на стене периодически повторяется, но уже в значительно меньших масштабах – и сразу же пресекается заботами западноберлинской полиции. В целях отвлечения внимания от опасных точек англичане направляют в места скопления народа вблизи стены полевые кухни с бесплатной раздачей солдатского гуляша. Окончательно напряжение спадет лишь в воскресенье 12 ноября, к утру которого саперы ННА ГДР проделают на Потсдамской площади широкий пролом в стене, заасфальтировав подходы к нему с обеих сторон. Этот новый КПП (точнее, пункт бесконтрольного перехода границы) начнет функционировать в присутствии обер-бургомистра Восточного Берлина Эрхарда Крака, который будет первым официальным лицом ГДР, вышедшим «на люди» в эти беспокойные дни.

12.00 – Делегации ФРГ в Варшаве поступает информация о том, что Вальтер Момпер назначил на 16.30 текущего дня митинг перед Шенебергской ратушей, на котором якобы должен выступать и канцлер. Коль взбешен: с ним никто не консультировался. Даже в Бонне ничего не знают об этом

решении Момпера. Канцлер считает, что столь раннее начало митинга должно, по мысли организаторов, помешать ему принять участие в мероприятии – остается слишком мало времени, чтобы вовремя прибыть в Берлин. Отсутствие же главы правительства на митинге по такому поводу имело бы катастрофические последствия для него во внутриполитическом плане. Ситуация осложняется тем, что Коль не может лететь в Берлин прямо из Варшавы, поскольку авиация ФРГ не имеет права пользоваться берлинскими воздушными коридорами, тем более что канцлер по своему статусу использует для полетов только самолеты бундесвера. Начинаются лихорадочные переговоры с послом США в Бонне Верноном Уолтерсом по телефону, в результате которых утверждается следующий маршрут: Коль летит своим самолетом до Гамбурга, там он пересаживается на военную американскую машину, которая и доставляет его в Берлин.

12.20 (14.20 по московскому времени) – ТАСС распространяет комментарий к событиям прошлой ночи в Берлине. Это первая публичная реакция официального характера с советской стороны. В комментарии содержится согласие с позитивными зарубежными откликами на открытие КПП стены и подчеркивается, что Советский Союз, разумеется, поддерживает принятые правительством ГДР меры: Берлинская стена была «символом раскола Европы»; ее устранение «облегчит строительство общего европейского дома». Час спустя с прессой встречается заведующий отделом печати МИД СССР Г.И. Герасимов, который подтверждает оценки, данные ТАСС. Он говорит, что решение об открытии границ было суверенным актом ГДР и что новые правила носят разумный характер. Они не означают исчезновения границ, а являются частью принимаемых мер по стабилизации обстановки.

Возможно, что у кого-то в Москве и были какие-то сомнения по поводу событий ночи с 9 на 10 ноября, но верх одержала позиция одобрения действий руководства СЕПГ. Наиболее выпукло эту позицию формулирует помощник генерального секретаря ЦК КПСС по внешней политике А.С. Черняев в дневниковой записи от 10 ноября: «Рухнула Берлинская стена. Закончилась целая эпоха в истории «социалистической системы». За ПОРП и ВСРП пал Хонеккер[108]. Сегодня пришло сообщение об «уходе» Дэн Сяопина и Живкова. Остались наши «лучшие друзья»: Кастро, Чаушеску, Ким Ир Сен, ненавидящие нас яро. Но ГДР, Берлинская стена – это главное. Ибо тут уже не о «социализме» идет речь, а об изменении мирового соотношения сил, здесь конец Ялты, финал сталинского наследия и разгрома гитлеровской Германии… Вот что «наделал» Горбачев.

Действительно, оказался велик, потому что учуял поступь истории и помог ей войти в «естественное русло»»[109].

12.30 – Кренц прерывает дискуссию на пленуме ЦК СЕПГ экстренным сообщением: «Товарищи, неожиданно возникло очень сложное положение. Ситуация в столице, в Зуле и других городах чрезвычайно обострилась. Распространяются паника и хаос. Рабочие покидают предприятия. Сотня трудящихся на заводе электромеханики в Каульсдорфе прекратили работу. На берлинском электроламповом заводе стоят несколько конвейерных линий в цехе ламп высокого давления. Рабочий режим городского хозяйства удается поддерживать ценой больших усилий. В Потсдаме многие трудящиеся также временно или на длительный период покидают предприятия, чтобы оформить в районных отделах Народной полиции разрешение на поездку в ФРГ или Западный Берлин. Обращает на себя внимание усиленная скупка дорогостоящих товаров народного потребления. Среди партийного актива господствует непонимание в отношении решений о возможности поездок. Из Эрфурта сообщают о большом скоплении народа на КПП Варта. Товарищи сильно обеспокоены, поскольку никто не в состоянии предвидеть экономических последствий и результатов. Преобладает мнение о том, что начинается распродажа республики. Граждане, имеющие «форум-чеки»[110], требуют их обратного обмена в марки ФРГ. В округе Шверин усиленно снимаются средства со сберегательных счетов. В сберкассах округа Дрезден наблюдается большое скопление вкладчиков. С КПП Ляйстунген в округе Эрфурт только что сообщили, что легковые автомашины образовали трехкилометровую пробку. Западноберлинская радиостанция «100,6» призвала к участию в общеберлинском митинге в 19.30 на Брайтшайд-плац в Западном Берлине. Товарищ Модров и товарищ Шабовский немедленно установят контакт с председателями блоковых партий, чтобы незамедлительно сформировать правительство. Необходимо найти способ, чтобы это правительство могло начать действовать еще до того, как будет избрано. Это должно быть дееспособное правительство»[111].

С места вносится предложение ввиду остроты положения завершить обсуждение заключительного документа пленума, чтобы каждый мог вернуться на свое рабочее место. Но дебаты продолжаются.

14.30 – Коль вылетает из Варшавы в Гамбург. Тем временем удалось сдвинуть начало митинга у Шенебергской ратуши на полчаса – он начнется в 17.00. Американский военный самолет оказывается неожиданно маленьким, в нем едва-едва умещаются

самые доверенные лица из команды канцлера. Напротив Коля, почти соприкасаясь с ним коленями, сидит его верный помощник по внешней политике Хорст Тельчик. Канцлер работает над проектом речи, которую он собирается произносить на митинге.

17.00 – Прибывшего к Шенебергской ратуше Коля собравшиеся на митинг (около 50 тысяч человек из обеих частей Берлина) встречают оглушительным свистом. Выясняется, что партийная организация ХДС Западного Берлина назначила на этот же вечер отдельный митинг своих сторонников на Брайтшайд-плац (у «Церкви поминовения» по соседству с Курфюрстендамм). Это явный просчет, и вышедший из себя Коль не скрывает своего гнева.

Открывающий митинг Момпер вновь говорит о немцах, как о «самом счастливом народе в мире» и о «дне свидания» немцев с Востока и Запада. Он подчеркивает, что «сейчас в ГДР пишется захватывающая глава германской истории. Эту главу пишет сам народ ГДР». (Канцлер и его окружение очень недовольны тем, что Момпер говорит о «народе ГДР».) Выступающий вслед за ним Вилли Брандт расценивает события минувшей ночи как подтверждение того, что «противоестественное разделение Германии не сохранится», что «ныне срастается то, что составляет единое целое» и что «Берлин будет жить, а стена падет». Министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер тщательно избегает в своей речи всяких намеков на объединение Германии и заверяет всех её соседей в том, что они и в дальнейшем не должны опасаться немцев. Появление Коля перед микрофоном вновь вызывает громовой свист митингующих, но канцлер продолжает говорить. Он призывает к спокойствию и обдуманным действиям, к «отказу следовать радикальным лозунгам и призывам» и «осторожному, шаг за шагом, нащупыванию пути в совместное будущее». Он единственным из ораторов благодарит «наших американских, британских и французских друзей за поддержку и солидарность, которые в последние десятилетия были необходимы для обеспечения свободы свободной части Берлина». При этом Коль не забывает и М.С. Горбачева, которого он заверяет в «своем уважении». Слова «воссоединение» он не произносит, но говорит о «моральном долге работать ради единства нашей германской нации».

Трудно сказать, как выглядела бы речь Коля, если бы не следующий эпизод. Еще во время выступления Брандта Тельчик был срочно вызван к телефону для разговора с послом СССР в ФРГ Юлием Александровичем Квицинским. По поручению Горбачева посол просил немедленно, еще во время митинга, передать канцлеру устное послание советского руководителя

следующего содержания: в сложившейся деликатной обстановке следует сделать все, чтобы предотвратить возникновение хаоса, и поэтому Горбачев просит Коля успокаивающе воздействовать на людей. Тельник сумел передать послание по назначению до того, как канцлер начал свою речь.

20.00 – В.И. Кочемасов созывает совещание старших советников и информирует их о состоявшихся у него контактах с руководством МИД СССР. Самое главное состоит в том, что у Москвы нет замечаний по поводу линии поведения посольства за истекшие сутки. Посол сообщает, что днем Горбачев направил устное послание Брандту со своей оценкой ситуации в Берлине. Генеральный секретарь ЦК КПСС поручил послу также передать Кренцу следующее: «Все сделано совершенно правильно. Так держать – энергично и уверенно!» На что Кренц ответил: «Надо жить, наконец, в цивилизованном мире». Посол отмечает, что дал указание Западной группе войск «замереть и уйти в себя». Дело в том, что ранее Шеварднадзе информировал Кочемасова: «У нас есть сведения, что военные что-то шевелятся. Никаких действий не предпринимать!»[112] В ходе беседы с послом по телефону Шеварднадзе рассказал также, что Тэтчер ругала Миттерана за поддержку воссоединения Германии. Она будет сокращать британские войска в Западном Берлине и ФРГ, если что будет «не так». Тэтчер звонила Колю и советовала встретиться с Кренцем.

20.00 – Коль вылетает американским самолетом из Берлина в Бонн. До этого он успел выступить на митинге ХДС у «Церкви поминовения» (около 2 тысяч участников), где ему почти не мешали говорить, и посетить КПП Фридрихштрассе с его бесконечной колонной «траби», въезжающих на территорию Западного Берлина. Присоединившийся к сопровождающей канцлера группе чиновников Рудольф Зайтерс информирует о пожеланиях ГДР в отношении возможной экономической помощи и о готовности Эгона Кренца уже завтра встретиться с Колем. Коль отвечает, что лучше он переговорит с Кренцем по телефону, а речь о встрече пойдет лишь после того, как в ГДР будет сформировано правительство, опубликована его программа и подготовлена конкретная повестка дня переговоров. Что же касается экономической помощи для ГДР, то она не должна помогать укреплению «системы» и начнется лишь после того, как будет ясность с намечающимися в ГДР реформами.

22.00 – Коль разговаривает по телефону с Маргарет Тэтчер. Она интересуется, какие шаги намеревается предпринять канцлер, и предлагает провести экстренную встречу в верхах Европейского сообщества, так как сейчас необходимы тесный контакт и обмен мнениями. Она спрашивает также, собирается ли

Коль позвонить Горбачеву. На последний вопрос Коль отвечает утвердительно; идея о чрезвычайной встрече ЕС остается висеть в воздухе. Через несколько минут начинается телефонный разговор канцлера с президентом США Джорджем Бушем, который хочет узнать западногерманскую оценку ситуации. Канцлер подчеркивает, что население ГДР ведет себя сдержанно и все зависит от того, готово ли новое руководство Восточной Германии пойти на коренные реформы. Президент похвально отзывается о позиции правительства ФРГ и делает акцент на важности своей предстоящей встречи с Горбачевым на Мальте.

23.00 – Во время совещания Коля со своими министрами по основным проблемам складывающейся ситуации (обеспечение приема потока переселенцев из Восточной Германии[113]; выплата «приветственных денег» посетителям из ГДР; условия, на которых может оказываться экономическая помощь ГДР и т.д.) раздается звонок из Вашингтона. Советник президента США по национальной безопасности Брент Скоукрофт сообщает, что Горбачев информировал Буша о своем устном послании канцлеру (по-видимому, имеется в виду информация, которая была передана Колю во время митинга у Шенебергской ратуши). Горбачев охарактеризовал положение в Берлине как «очень неустойчивое» и рассказал, что поручил советскому послу в ГДР вступить по этому поводу в контакт с послами трех западных держав в ФРГ[114]. Канцлер неодобрительно молчит. Как раз вчера, перед отлетом в Варшаву, он добился поддержки кабинета для своей линии, отвергающей любые контакты четырех держав «через голову немцев». Настроение Коля улучшается, когда ему докладывают, что, по полученным в доверительном порядке сведениям, Горбачев призвал руководство СЕПГ обеспечить в ГДР «мирный переход». Это сообщение подкрепляет убежденность канцлера в том, что СССР не хочет «китайского варианта». Он торжествует: «Повторения 17 июня не будет!» Значит, решает он, сегодняшнее устное послание Горбачева означало лишь просьбу совместно позаботиться о том, чтобы политика не утратила контроля над происходящими событиями.

24.00 – Смертельно усталый, я снова сижу перед экраном телевизора, где разворачиваются сцены ликования – ФРГ наслаждается столь неожиданно свалившейся на нее возможностью «оприходовать» ГДР, свою неизмеримо более бедную и более слабую соперницу в деле формирования будущего Германии. Заканчиваются «длинная ночь» 9-го и «длинный день» 10 ноября 1989 года. К облегчению по поводу того, что удалось избежать худшего и острейший кризис, вызванный хаотическими действиями нового руководства СЕПГ, не привел к

кровопролитию, примешиваются озабоченность и тревога за последствия. За истекшие тридцать шесть часов явственно проступили контуры ближайшего германского и с ним европейского будущего. Уже ощущается неизбежность объединения Германии, но неясно, сможем ли мы добиться, чтобы при этом были учтены наши интересы. После состоявшегося 9 ноября «политического самоубийства» ГДР сроки и условия исчезновения республики зависят от политической воли Москвы – от ее решимости отстаивать свои (и населения ГДР) интересы, от осознания связи между судьбой ГДР и европейским будущим СССР, от умения использовать те немногие козыри, которые все еще остаются на руках у советского руководства. Что-то в нашей реакции на падение стены подсказывает мне пессимистическую оценку перспектив нашей европейской политики, хотя, конечно, представить себе, что мы по доброй воле просто «подарим» ГДР, отвернемся от нашего ближайшего союзника и бросим на произвол наших друзей в Восточной Германии, я еще не могу. Я убежден, что предстоит трудная и упорная борьба за то, чтобы не растерять наследие великой Победы, доставшейся нашему народу такой дорогой ценой. За то, чтобы нас не вычеркнули походя из списка держав, формирующих европейские и мировые реальности. Для меня ясно: нельзя заранее сдаваться, пусть даже шансов на успех остается не так уж много.

2 и 3 октября 2000 года по Второму каналу телевидения ФРГ (ЦЦФ) с огромным успехом был показан двухсерийный телефильм «Deutschland-Spiel» («Игра со ставкой на Германию») режиссера Ханса-Кристофа Блюменберга, регулярно присутствующий с тех пор в немецких телепрограммах к годовщинам падения Берлинской стены и объединения Германии. Фильм относится к жанру «документальной драмы», то есть является сочетанием документальных и игровых эпизодов, причем последние воспринимаются как продолжение и развитие документальных составных частей фильма. Впервые подобный прием был использован в ФРГ режиссером Генрихом Брелерсом, автором телефильма 1997 года «Todesspiel» («Игра со ставкой на смерть») о преступлениях террористов «Фракции Красной Армии» («RFA») двадцатилетней давности. Фильм Блюменберга рассказывал о событиях, произошедших всего 10 лет назад, которые еще были свежи в памяти тысяч и даже миллионов немцев. Он был посвящен действиям и решениям известных политиков, часть которых еще продолжала оставаться во власти. Через материалы телехроники, интервью или сыгранные сцены в нем участвовали Эрих Хонеккер, Эгон Кренц, Гельмут Коль, Маргарет Тэтчер, Джордж Буш-старший, М.С. Горбачев, В.М.

Фалин, Кондолиза Райе и многие другие. Интерес к фильму был огромный. Предстоящему показу были посвящены пространные статьи во всех ведущих газетах страны. Отклики на фильм были самые позитивные.

Блюменберг взял большое интервью и у меня; оно состоялось где-то в начале осени 1999 года, когда я был в Берлине на заседании Научного совета Российско-Германского музея Берлин-Карлсхорст (музей капитуляции Германии). Я уже успел позабыть об этом факте (в то время встречи с телевизионщиками были довольно частыми), когда друзья-немцы сообщили нам о премьере фильма, среди действующих лиц которого был я, а затем прислали его запись на кассете. Чуть позже ЦДФ также прислал нам «официальную» запись фильма. Поразило (и порадовало) предусмотренное режиссером мое участие в игровых эпизодах, где роль посланника Максимычева исполнял сэр Питер Устинов, в число горячих почитателей таланта которого мы с женой давно входили.

Конечно, в этих эпизодах наличествовало некоторое количество «развесистой клюквы». Так, в фильм была включена сцена моей наставительной беседы в сауне с молодым сотрудником посольства, хотя я никогда не ходил в сауну и уж подавно не вел там наставительных бесед. Но это были мелочи (к тому же в упомянутой сцене Устинов произносил от моего имени ставшую затем знаменитой фразу: «Если не знаешь, что предпринять, не предпринимай ничего»). В целом же фильм очень близко подошел к истинной оценке событий «переломного времени», как позже немцы стали называть период с ноября 1989 по октябрь 1990 года.

В беседе с корреспондентом «Франкфуртер алльгемайне» режиссер дал очень интересный ответ на вопрос: «Во всякой игре бывают победители и побежденные, а везение так же важно, как и тактическое мастерство. Относится ли это и к ситуации 1989-1990 годов? Действовали ли тогда те, кто делал мировую политику, в сущности, как игроки?» Блюменберг сказал тогда: «В определенном смысле им пришлось действовать как игрокам, поскольку события постоянно опережали их и ситуация все время менялась. Без сомнения, в большой степени присутствовало и везение. Даже если все это не было азартной игрой, элементу исторической случайности принадлежала решающая роль»[115].

До выпуска фильма на телевизионные экраны я не был лично знаком с Питером Устиновым и понятия не имел, что мне предстоит честь быть представленным им. На последовавшие многочисленные расспросы, как я расцениваю этот факт, я искренне отвечал, что созданный им образ во всех отношениях

превосходит подлинник. Сказать это самому Устинову мне удалось лишь полгода спустя: 6 апреля 2001 года в помещении знаменитого «Театра Запада» в Берлине праздновалось 80-летие великого артиста[116]. На церемонии присутствовали видные политики (например, Ганс-Дитрих Геншер), а также деятели культуры Германии и соседних стран. Были приглашены из Москвы и мы с женой. Основательного разговора у нас с Устиновым не получилось: все заполонили какие-то дальние родственники юбиляра из России, а сам юбиляр выглядел очень уставшим. Похоже, что фильм «Игра со ставкой на Германию» был одним из последних, если не последним фильмом сэра Питера Устинова.

Что же дальше?

О падении стены 9 ноября можно говорить лишь в переносном смысле. Во-первых, система выдачи разрешений на выезд и на въезд формально просуществовала в ГДР еще некоторое время. Во-вторых, производимый с помощью тяжелой техники физический демонтаж стены закончился только два года спустя. К концу 1990 года были снесены 32,4 километра стены; оставшиеся 80 километров исчезли к концу 1991 года. Сохранившийся у станции городской железной дороги «Варшауэрштрассе» фрагмент с известными всему миру росписями не является, строго говоря, частью Берлинской стены; это ограждение расположенного здесь речного порта. Куски стены для создаваемых в городе мемориалов приходится долго разыскивать или воссоздавать заново.

Однако в центре города демонтаж стены происходил «ударными темпами». Бранденбургские ворота были открыты для движения пешеходов уже 22 декабря 1989 года – точно к Рождеству, как первоначально и планировалось. Акт был символическим: отныне и навсегда стену можно было считать только подлежащим сносу атипичным архитектурным сооружением. Гельмут Коль очень хотел придать церемонии открытия ворот как можно более пышный характер. Помпезность должна была компенсировать тот факт, что падение стены произошло в отсутствие канцлера. Коль пригласил на открытие ворот президента США и генерального секретаря ЦК КПСС: их приезд придал бы событию глобальное звучание. Однако Джордж Буш-старший не смог или не захотел посетить Берлин, и ориентировавшийся на него Горбачев также ответил отказом. Мы в посольстве считали это решение Горбачева ошибкой, поскольку было бы совсем не лишним подчеркнуть особое значение, придаваемое СССР судьбе ГДР. В итоге ворота были открыты в чисто немецкой режиссуре: Гельмут Коль и новый председатель Совета министров ГДР Ханс Модров, Вальтер Момпер и Эрхард Крак.

Объективно события 9 ноября сыграли роль «начала конца» ГДР. Они подорвали престиж государства как такового и продемонстрировали эффективность давления улицы на государственные органы. После них произошел перелом в настроениях демонстрантов. Бывший ранее главным лозунг «Народ – это мы», который допускал сохранение реформированной ГДР, все чаще стал заменяться лозунгом «Мы – единый народ», который подразумевал курс на объединение с

ФРГ. Параллельно нарастало с каждым днем воздействие политиков и средств массовой информации ФРГ на общественное сознание ГДР. События развивались в самом неблагоприятном направлении, о чем заблаговременно предупреждало посольство. Темп развития был головокружительным. Однако было бы неверным считать, что сразу же после падения стены битва за ГДР была проиграна.

Среди оппозиционных организаций республики сильны были пацифистские настроения и тенденция к сохранению социальных достижений ГДР. Эти элементы протестного движения стремились сохранить самостоятельное существование ГДР на обозримую перспективу, предотвратив поспешное растворение республики в устоявшейся реальности ФРГ, входившей в НАТО.

Нарастающее обострение обстановки делало еще более настоятельным установление прямых деловых контактов с новым руководством блоковых партий и с конструктивно настроенными лидерами оппозиционных движений. Я провел серию встреч с этой группой политиков. 29 ноября и 20 декабря я нанес визиты новому председателю ХДС ГДР Лотару де Мезьеру, назначенному заместителем председателя Совета министров ГДР в правительстве Модрова; 7 декабря посетил недавно избранного руководителя НДПГ Гюнтера Хартмана; 13 декабря принял в посольстве располагавшего большим влиянием среди оппозиционеров представителя Евангелической церкви ГДР Манфреда Штольпе, политически близкого к восточногерманской СДП (он впоследствии возглавил земельную организацию социал-демократов земли Бранденбург и стал первым премьер-министром этой земли); 28 декабря состоялась моя беседа с главой Демократической крестьянской партии Гюнтером Малойдой, являвшимся председателем Народной палаты ГДР. Темой всех этих встреч была внутриполитическая обстановка в ФРГ и возможные меры по предотвращению ее дальнейшего обострения в условиях, когда способность государства поддерживать общественный порядок резко ослабла.

За разговором с Хартманом последовал неприятный для меня инцидент. В ходе обмена мнениями с ним я попытался вернуться к идее активизации роли НДПГ как силы, способной поддержать перевод дискуссии о национальном вопросе немцев в русло, обозначенное в правительственном заявлении Ханса Модрова («договорное сообщество германских государств»), которое я считал единственно правильным. Хартман не нашел ничего более остроумного, как без согласования со мной дать в печать эту часть беседы, носившей как всегда конфиденциальный характер. Газета НДПГ «Националь-цайтунг» поместила на следующий день

под заголовком «Понтер Хартманн принял посланника посольства СССР» заметку, в которой, в частности, сообщалось: «И.Ф. Максимычев поздравил НДПГ с ее четкой позицией по отношению к конфедерационной идее, озвученной накануне председателем партии в телевизионной передаче «АК-2»[117]. Посланник проявил интерес к поддержанию тесных дружественных связей с НДПГ»[118]. 9 декабря мне пришлось объясняться по этому поводу с находившимся в тот момент в Берлине заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р.П. Федоровым, который счел мои действия нарушением «линии партии», предписывавшей считать предложение о договорном сообществе «поспешным и непродуманным». Присутствовавший при моем объяснении с Федоровым посол молчал. Мне могли грозить серьезные неприятности, но, к счастью, в этот момент подоспели указания из Москвы относительно организации срочной встречи представителей четырех держав для обсуждения планов «Берлинского воздушного перекрестка», и все остальное отошло на задний план, а затем забылось.

Одновременно надо было думать над тем, как противодействовать ожидавшимся попыткам ФРГ «надавить» на ГДР с целью ускорить события. Случай для этого представился 27-28 ноября, когда западноберлинский филиал Аспенского института[119] проводил закрытую для прессы конференцию «Перспективы обоих германских государств на будущее в рамках европейского миропорядка», в которой участвовали правящий бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер (СДПГ) и видный деятель ХДС ФРГ Райнер Барцель. Я и раньше изредка посещал проводимые институтом мероприятия, чтобы быть в курсе настроений близких к американцам западноберлинских политических кругов. На этот раз руководство филиала института обратилось ко мне с настоятельной просьбой не только присутствовать, но и выступить в дискуссии на конференции (в программе на 28 ноября значился пункт «Как соседи немцев рассматривают перспективы германо-германских отношений? – Оценки из СССР, США, Великобритании, Франции, Польши, Венгрии»). Выполнение этой просьбы осложнялось для меня тем, что посольство еще не получило развернутых указаний из Москвы относительно линии, которую после падения стены следует проводить при контактах с иностранцами. Однако отказаться от изложения позиции СССР я счел невозможным. Текст для своего выступления я написал от руки сразу на немецком языке. Ниже он приводится (в переводе на русский) целиком, поскольку мне кажется, что этот документ довольно отчетливо передает душевное состояние сотрудников посольства на тот момент.

Я сказал следующее: «Нашему видению будущего, нашим представлениям о наилучшем устройстве для центра Европы соответствует процветающая, социалистическая, демократическая, независимая ГДР в сообществе европейских народов и государств под единой крышей общеевропейского дома. Эта цветущая суверенная ГДР имела бы, естественно, все права и обязанности равноправного члена европейской и всемирной семьи народов, в том числе право устанавливать и поддерживать особые, предпочтительные отношения с любым государством, с любым объединением государств по своему выбору. Мы знаем, что это видение совпадает с представлениями многих в самой ГДР.

Давайте не будем упрощать, примитивизировать. Пока на западе Европы создавалась атлантическая, а позже западноевропейская общность, на востоке континента развивалась самостоятельная социалистическая общность. Как и почему она не смогла полностью реализовать присущие ей возможности, это другой вопрос. Но фактом остается, что эта социалистическая общность возникла и с течением времени стала существенно способствовать укреплению чувства взаимозависимости между всеми ее составными частями. Иногда совместно испытанные и пережитые беды, а также практическая солидарность, которая помогает их преодолевать, сплачивают больше, чем все остальное.

При всей тяге к реформам в социалистическом сообществе оно остается связующим звеном для народов и государств на востоке Европы. Никого не должно удивлять, что происходящее в Москве, Варшаве, Будапеште, Софии, Праге несравненно более непосредственно и глубоко затрагивает людей в социалистических странах, чем то, что происходит за пределами социалистического сообщества. Тем, *кто* сегодня столь страстно декламирует о «конце» социализма вообще (не говоря уже о «конце» социалистического сообщества), можно посоветовать быть поосторожней с прогнозами. Во время великого кризиса мирового капитализма, разразившегося в 1929 году и продолжавшегося практически до предвоенных лет, часто заявлялось: «Это конец капитализма». Однако выяснилось, что подобный вывод являлся немного поспешным. По-видимому, крупные общественные системы располагают серьезными внутренними резервами, позволяющими преодолевать даже очень глубокие кризисы.

Кстати, вопрос о том, есть ли сегодня у социализма шанс, некорректен. Подобная постановка вопроса подразумевает, что у социализма уже когда-то был шанс. Но именно этого не было. В

траншеях, в осажденных крепостях не мог развернуться гигантский гуманистический потенциал социализма. Только сегодня возникают условия для очищения социализма от всевозможных искажений. Процесс очищения настолько глубок, что социалистическим странам одной за другой приходится уяснять себе: какого социализма мы хотим, что такое подлинный социализм, как прийти к нему? Ответ на такие вопросы жизненно важен для всего человечества – это доказывается уже тем фактом, что даже искаженный социализм оказался в состоянии пробудить столько энергии, доброй воли, пламенных надежд у миллионов и миллионов людей по всему земному шару.

Мы приветствуем то, что происходит в ГДР – курс на обновление республики. Это наши друзья, мы их поддерживаем, мы будем и дальше наращивать сотрудничество с ними. Внутреннее развитие ГДР не может вызывать опасений или сомнений в Европе или в мире. Направление, в котором идут события, верно: это фундаментальная демократизация всей общественной жизни. Ведь социализм без демократии так же немыслим, как демократия без социализма. Целью всех сил, выступающих за реформы и обновление, является навсегда положить конец безобразному явлению, когда во имя всеобщего счастья манипулировали истиной, занимались двурушничеством, насаждали одномыслие, прибегали к недостойным, нечестным средствам якобы для достижения высоких целей. Кого могут лишить спокойствия реформы, меняющие такое положение?

Опасения и сомнения вызывают огромные денежные затраты, мощные пропагандистские усилия, вновь и вновь предпринимаемые попытки извне направить развитие в ГДР в совершенно определенное русло, которое как можно скорее должно привести к так называемому воссоединению, то есть к восстановлению Германского рейха. Между тем в мире, как представляется, существует консенсус о том, что вопрос о воссоединении не стоит в повестке дня текущей политики; все же остальное следовало бы предоставить естественному ходу вещей без воздействия извне. Однако возможность возникновения Четвертого рейха (даже только как одна из нескольких возможностей) требует, на мой взгляд, более детального рассмотрения. С исторической точки зрения дело обстоит следующим образом.

На протяжении последних 200 лет европейская государственная система трижды насильственно положила конец германским рейхам. Первый раз это произошло в 1806 году, когда под военным давлением Франции во главе с Наполеоном I рухнула Священная Римская империя германской нации. Следует

отметить, что тогда еще хватило сил одной европейской страны, чтобы справиться с рейхом. В 1918 году рухнул Второй рейх, рейх Гогенцоллернов, создание которого было провозглашено в 1871 году в захваченном Версале. Для победы над ним уже понадобились объединенные силы великих держав не только Европы. Число погибших и размеры причиненных разрушений достигли беспрецедентных масштабов. Тем не менее рейх не был ликвидирован: его просто нарекли республикой. Победители отрезали некоторые территории, наложили военные ограничения, потребовали уплаты репараций. Однако тайно рейх продолжал существовать. В 1933 году он вновь стал открыто Третьим рейхом, который шесть лет спустя развязал Вторую мировую войну. Разгром в 1945 году Третьего, национал-социалистского, рейха стал делом почти всех государств мира. Лишь величайшая в истории человечества коалиция с невероятным напряжением всех сил смогла отвести от земной цивилизации смертельную опасность. Германский рейх исчез с географической карты Европы – окончательно, как тогда и позже думали многие. Цену, уплаченную за эту победу, человечество забудет не скоро.

Тот факт, что европейское (и не только европейское) государственное сообщество нового времени вновь и вновь отгораживало и выталкивало Германский рейх, позволяет предположить, что этому образованию органически присущи такие специфические свойства, которые делают попросту невозможным его существование среди нормальных государств. В самом деле, история идеи рейха, его мифологии и попыток их реализации подтверждает, что в основе государственной идеологии рейха с самого начала лежали гегемонизм и притязание на формирование всего мира в соответствии со своими представлениями. Рейх оправдывал смысл своего существования войной, за счет войны и для войны. Этот рейх был естественным очагом нетерпимости, национальных предубеждений и судорожных припадков готовности применять свою непропорциональную мощь для силовых решений. Строго говоря, единственным историческим «достижением» рейха как такового были ориентированная на экспансию кайзеровская империя, мировые войны, национал-социализм.

Восстановление подобного государства в центре Европы – какая зловещая перспектива! Заверения всех тех, кто представляет себе воссоединение как нечто совсем иное, вряд ли могут быть восприняты как гарантия на будущее: результаты человеческой деятельности весьма далеки по большей части от добрых намерений их инициаторов. А что касается права на самоопределение, которым обладает, разумеется, каждый народ,

то позвольте задать лишь один вопрос: мир действительно уже забыл ту гибельную роль, которую сыграла пропаганда на тему самоопределения при подготовке Третьим рейхом Второй мировой войны?

Октябрьскую революцию 1989 года совершил народ ГДР – с присущим ему мужеством, политической зрелостью, чувством ответственности. Этому народу не нужны вскакивающие на подножку попутчики. Он заставит тех, кто правит, выслушать себя, не дожидаясь подсказок извне. Можно быть уверенным в том, что такой народ сохранит сознание своей ответственности перед историей. Давайте будем по возможности помогать ему, но воздержимся от попыток использовать его в чуждых ему целях!»

Мне показалось, что мое выступление произвело желаемое впечатление на присутствующих. Аудитория быстро пресекла предпринимавшиеся попытки встревать с репликами в то время, когда я говорил. И все же я испытал огромное облегчение, когда, вернувшись в посольство, ознакомился с поступившими наконец из МИД СССР указаниями и смог констатировать, что сказанное мной на конференции соответствовало им.

Из остальных выступлений (говорили в основном советники аккредитованных в ГДР посольств и журналисты) в памяти отложился лишь спич стажировавшегося в Западном Берлине молодого французского политолога с арабской фамилией, который на хорошем немецком языке страстно защищал идею скорейшего включения ГДР в состав ФРГ, чтобы «спасти Восточную Германию от коммунизма». Этот пример лишний раз подтверждал, что деньги, щедро расходовавшиеся ФРГ на обучение зарубежных специалистов в западногерманских исследовательских и учебных заведениях, не пропадают зря.

Надо сказать, что по настоящему центральным событием конференции стал развернутый доклад Вальтера Момпера о перспективах сближения обоих германских государств, сделанный им 27 ноября. Важным было то, что он говорил не только как правящий бургомистр Западного Берлина и представитель СДПГ, но и как председатель бундесрата («палаты земель», составляющей вместе с бундестагом парламент ФРГ). Выступление Момпера было, по существу, конструктивным ответом на предложение Модрова о «договорном сообществе». Был обозначен ряд моментов, которые учитывали наши интересы.

Прежде всего обратил на себя внимание тезис докладчика о том, что начавшиеся в социалистических странах процессы обновления необратимы: «Вероятность краха демократического движения и возврата к прежнему состоянию равна нулю». Из этого Момпер делал вывод, что настало время изменить западную

политику: «Запад должен отказаться от практиковавшегося до сих пор мышления в блоковых категориях, поскольку Восточного блока больше практически не существует. Соответственно следует пересмотреть всю внешнюю политику Запада (например, списки КОКОМ[120])». Момпер заявил, что главной сферой воздействия Запада на развитие событий в восточноевропейских странах является «стабилизация экономики», в то время как «политическое вмешательство окажется неэффективным и контрпродуктивным»; совместная экономическая помощь Запада «должна быть организована быстро, масштабно и без предварительных политических условий». По оценке правящего бургомистра, если не считать СССР, максимальная «опасность политической дестабилизации вследствие экономического напряжения» наблюдается в ГДР. Он указывал: «Дать ГДР истечь кровью, как это активно или пассивно планируют сделать некоторые в ФРГ, значит, конечно, пробудить в населении ГДР готовность к государственному объединению, которой в настоящее время не наблюдается, но это будет не воссоединение, а «аншлюс из нищеты», который вызвал бы острые социальные конфликты в самой ФРГ». Выход из этой ситуации Момпер видел в быстрейшем устранении разрыва между уровнем жизни в германских государствах, для чего правительство ФРГ должно постоянно согласовывать меры по оказанию экономической помощи с правительством ГДР.

Момпер продолжал: «Эффективная экономическая реформа в ГДР и ее поддержка со стороны ФРГ и ЕС будут иметь результатом стабилизацию ГДР как второго германского государства, однако одновременно они укрепят единство германской нации на практике. Вопрос о государственном воссоединении в том виде, в каком оно понимается сегодня, исчезнет из поля зрения, но единство германской нации будет практически установлено в сознании людей – как особо тесное договорное сообщество, как особо тесная экономическая кооперация, как совместная ответственность за окружающую среду и как особо тесные личные и культурные обмены между людьми. В рамках подобного особого договорного сообщества оба государства сохранили бы свой государственный суверенитет и политический авторитет, однако применение этого авторитета согласовывалось бы с партнером. Такое договорное сообщество оставляет открытым дальнейшее развитие».

Западному Берлину предназначалась роль первопроходца в организации реальной кооперации между ФРГ и ГДР. Момпер предложил создание «регионального комитета» с совещательным статусом, в котором были бы представлены западноберлинский

сенат, восточноберлинский магистрат, а также правительства ФРГ и ГДР; в задачи комитета входило бы развитие региональной инфраструктуры, особенно транспорта и связи, региональное сотрудничество, охрана природы, благоустройство ближних мест отдыха, обмены в области культуры, науки и спорта (в частности, совместная подготовка к участию в Олимпийских играх 1992 года в Барселоне).

Особое внимание докладчик уделил четырехсторонним правам в Берлине. Он заявил: «В краткосрочном и среднесрочном плане преобразования в Европе не затронут статуса Берлина. Права держав-победительниц Второй мировой войны – это коренные права. Однако их практическое применение внутри будет сокращаться в той мере, в какой оба демократических германских государства станут сотрудничать друг с другом. Функция западных союзников в качестве держав-защитниц сохранится, пока существуют военные блоки. Объем военного присутствия определяется самими союзниками. Он будет зависеть также от прогресса в процессе разоружения в Центральной Европе. Четыре статусные державы приобретут [особое] политическое значение при трансформации нынешней ситуации в Европе в направлении установления европейского миропорядка. С завершением этой задачи, выполнение которой будет происходить в рамках процесса СБСЕ, державы-победительницы смогут отказаться от своих прав в отношении Берлина и Германии. Великие державы останутся гарантами европейского миропорядка».

Уже предварительный анализ содержания платформы Момпера позволял констатировать наличие нескольких позитивных для нас пунктов: 1) опровергалась обоснованность раздуваемого Гельмутом Колем ажиотажа вокруг мнимой необходимости спешить с объединением (позже этот ажиотаж стал оправдываться теорией «окна возможностей», которое могло-де закрыться в любую минуту); 2) предполагалось сосуществование двух германских государств на период, который мог оказаться продолжительным; 3) ФРГ поручалось заняться организацией экономической помощи ГДР по согласованию с правительством последней – тем самым Бонн лишился бы оружия шантажа, позволявшего добиваться все новых уступок от ГДР без того, чтобы она получала что-либо взамен; 4) оговаривалось сохранение за СССР как «статусной державы» прав в отношении Берлина и Германии на время сосуществования германских государств, а также функции гаранта европейского миропорядка на период, который последовал бы за гипотетическим объединением Германии.

Казалось бы, советским политикам следовало немедленно ухватиться за выдвинутые Момпером предложения и развивать их в соответствии со своими интересами (ГДР сразу положительно отреагировала на них, и «региональный комитет» вскоре заработал, хотя участие боннского правительства оставалось формальным). Но нет, Москва промолчала, а затем сконцентрировала свое внимание на «10 пунктах», которые Гельмут Коль огласил 28 ноября в качестве западногерманской программы решения «германского вопроса». Однако в программе Коля наличествовало гораздо меньше готовности учитывать советские запросы.

Избрание пользовавшегося бесспорной популярностью Ханса Модрова председателем Совета министров ГДР открывало путь к широкой коалиции демократических сил, которая могла бы обеспечить республике столь необходимую ей стабильность. Внутриполитическое развитие республики оказалось на распутье. Подобной ситуации сорокалетняя история ГДР еще не знала. Срочно нужна была новая политика, отвечающая требованиям момента. Определенные предпосылки для этого имелись.

Показательны впечатления В.И. Кочемасова, присутствовавшего на сессии Народной палаты 13 ноября, когда произошло избрание Модрова. Посол рассказывал нам на следующий день: «Проявились претензии блоковых партий на участие во власти, особенно [со стороны] ЛДПР. Налицо новое качество парламента: 33 выступавших (записались 68 человек). Тексты не успевших выступить будут приложены к стенограмме. Блоковые партии подготовились лучше, чем товарищи из СЕПГ. Неудачны ответы правительства по финансовым вопросам. Основное направление критики – руководящая роль СЕПГ, то есть статья 1 конституции. Выдвинуто требование создания коалиционного правительства. Автор этого тезиса Ханс Модров. Он же высказался за то, чтобы деятельность правительства диктовалась не партией, а только парламентом, перед которым оно лишь и ответственно. На пленуме ЦК СЕПГ Модров говорил: «Партия должна заниматься своими делами, а за положение в стране будет отвечать правительство». Почти все выступали за свободные выборы. Но ведь это означало бы потерю СЕПГ власти! Поэтому кое-кто требовал тщательной подготовки к выборам. Были нотки о воссоединении Германии. Кренц четко отклонил этот тезис. Вчерашний митинг в Лейпциге – впервые произошло расширение места тезиса о воссоединении. В этом направлении действуют и поездки в ФРГ. Проблема задолженности (внутренней и внешней) также обсуждалась на сессии. Министр финансов в общем справился. Шюрер[121] выступил также

правильно. Он ничего не сказал, но звучал убедительно. Штоф говорил, что правительство было связано диктатом Хонеккера и Миттага[122]. Получилось не очень убедительно, приняли его не очень хорошо. Был поднят вопрос о госбезопасности: какие же функции МГБ исполняет? Мильке[123] выступил в общем с правильных позиций («Мы – часть народа, мы его защищаем»), но возраст берет свое. Решено создание временного комитета по расследованию деятельности бывших руководящих деятелей, нанесших ущерб государству. Выдвигались требования, чтобы Хонеккер и Миттаг явились на заседание Народной палаты 17-18 ноября. Выборы Модрова председателем Совета министров прошли под бурные аплодисменты. Начался новый этап функционирования политической системы ГДР, прежде всего Народной палаты. Возникла совершенно другая ситуация. Друзьям предстоит разработать концепцию к чрезвычайному съезду СЕПГ 15-17 декабря. Очень важна подготовка к съезду. Партия бурлит, ее надо сплотить на основе единой платформы. Нам надо трезво оценить ситуацию. Процесс демократизации в ГДР неизбежен. Консультации КПСС-СЕПГ будут продолжены. Пока нигде не звучат антисоветские лозунги. Но надо за этим следить».

К сожалению, далеко не у всех ответственных лиц ГДР ощущалось понимание того, что времени на «раскачку» уже нет, что нужны не требующие долгой подготовки «концепции», а программа немедленных мер, которые могли бы вывести страну из кризиса. Пожалуй, единственным, кто отчетливо чувствовал, что промедление смерти подобно, и действовал в соответствии с этим, был Ханс Модров. Правительственное заявление, представленное им Народной палате 17 ноября, содержало идеи и предложения, гарантировавшие глубокие реформы в политической системе, экономике, образовании и административном аппарате ГДР с целью построения «нового социалистического общества, в котором граждане смогут реализовать свои надежды и самоопределение». В осторожной форме Модров дал ответ и на национальный вопрос немцев, от которого, как черт от ладана, шарахалось предыдущее руководство республики. Модров предлагал, чтобы оба германских государства в целях «квалифицированного добрососедства» и «кооперационного сосуществования» расширили свое «сообщество ответственности» до масштабов «договорного сообщества», выходящего далеко за рамки заключенных до сих пор между ГДР и ФРГ соглашений[124]. Термин «договорное сообщество» не расшифровывался, но был более конкретен, чем «сообщество ответственности», в которое

можно было вложить любое содержание[125]. Ясно было, что Модров имеет в виду сближение германских государств, чего требовало большинство населения республики, но он воздержался от того, чтобы уточнять, каким должен быть темп этого сближения и его конечный результат. Это оставляло ГДР достаточное поле для маневра.

Возражения (негласные, но совершенно определенные) неожиданно поступили из ЦК КПСС, который до сих пор безропотно принимал к сведению все фантазии руководства ГДР. Советских товарищей покоробило уже то обстоятельство, что Модров вопреки многолетней традиции не согласовал с Москвой внешнеполитическую часть своего правительственного заявления. Но особенно их обеспокоило то, что «договорное сообщество» могло быть истолковано как какая-то форма конфедерации, что считалось в Москве до поры до времени абсолютно предосудительным. Напрасно Модров убеждал советских представителей: «Если мы не займемся сейчас национальным вопросом, он очень скоро займется нами», хотя это после падения стены было очевидной истиной. ЦК КПСС упорно стоял на своем. 24 ноября в Берлин прибыл заведующий международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин, который в ходе закрытой встречи с Кренцем и Модровым в советском посольстве информировал их о неудовольствии руководства СССР, вызванном этим моментом заявления. Драгоценное время уходило; стратегический выигрыш, обеспеченный предложениями Модрова, растрачивался впустую.

Этой ситуацией воспользовался Гельмут Коль. Правда, и здесь не обошлось без ЦК КПСС. Почти одновременно с визитом Фалина в Берлин его ближайший сотрудник Н.С. Португалов предпринял прямо противоположный по смыслу демарш в Бонне. Встретившись 21 ноября с внешнеполитическим советником канцлера ФРГ Хорстом Тельчиком, он сказал, что «может представить себе, что в среднесрочном плане Советский Союз мог бы открыть «зеленый свет» для германской конфедерации какого-либо типа»[126]. Тельчик сразу помчался к Колю: «Уж если Горбачев и его советники обсуждают возможность воссоединения и связанные с ним вопросы, то для нас самое время не заниматься этим дольше за закрытыми дверями, а переходить в наступление»[127]. Так родилась оглашенная Колем в бундестаге 28 ноября «Программа поэтапного преодоления раскола Германии и Европы» из десяти пунктов, направленная на то, чтобы перехватить инициативу в сфере германо-германских, а также общеевропейских отношений[128]. Модров отмечает в своих мемуарах:

«Поступившее из Москвы побуждение к размышлению было

воспринято Бонном как приглашение обойти предложенное ему договорное сообщество. […] В то время как Советский Союз официально заявлял о своей верности ГДР, некоторые политики КПСС в контактах с ФРГ начали идти особыми путями. Означало ли это, что началась двойная игра?»[129] Положение переживавшего не самые легкие времена руководства ГДР было еще более осложнено.

В начале декабря резко обострилась ситуация в СЕПГ: Кренц был отправлен в отставку со всех своих постов и исключен из партии. Во главе партии встал не связанный с прежней партийной верхушкой «триумвират» в составе Ханса Модрова, обер-бургомистра Дрездена Вольфганга Бергхофера и берлинского адвоката Грегора Гизи (несколько недель спустя Бергхофер покинул партийные ряды и фактическим главой партии стал Грегор Гизи). СЕПГ преобразовалась в новую партию – Партию демократического социализма (первые три месяца она по юридическим соображениям носила двойное наименование СЕПГ-ПДС, иначе грозила полная потеря партийной собственности). Вопреки происходящим преобразованиям партия продолжала стремительно терять свою массовую базу и влияние в стране.

Временами казалось, что остается лишь шаг до полного безначалия и анархии.

«10 пунктов» Коля обеспечили ему огромную популярность во взбаламученной ГДР, но привели к временному охлаждению отношений с западными союзниками, с которыми он заранее не проконсультировался по поводу своей программы действий. Положение в ГДР всерьез беспокоило западные державы, которые, с одной стороны, опасались силового решения конфликта в центре Европы (и, следовательно, окончания периода перестройки в СССР и других соцстранах), а с другой, не были готовы смириться с перспективой немедленного появления нового германского монолита. В создавшейся обстановке они проявили интерес к согласованным с Москвой действиям. В воскресенье 12 ноября к Кочемасову срочно запросился посол США в Бонне Верной Уолтере. Без специальных указаний сверху дипломаты не нарушают священные дни отдыха. Согласно моим заметкам, Уолтере сказал: «Произошли важные события. Джордж Буш получил послание от М.С. Горбачева. Мы разделяем вашу озабоченность. Мы заинтересованы в спокойствии у Бранденбургских ворот, на Потсдамской площади. Я сам был дважды у Бранденбургских ворот. Приняты меры предосторожности: западноберлинская полиция отгородила стену. Мы не ожидаем инцидентов. Никто в них не заинтересован. Ситуация такой и останется накануне встречи Джорджа Буша и

М.С. Горбачева. Идет подготовка к этой встрече. […] Повестки дня не будет. Важно познакомиться. США не собираются наносить ущерб СССР. Зажиточные страны не ищут авантюр. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы все жили зажиточно. США ничего не имеют против общеевропейского дома. Что касается «берлинской инициативы» [Рональда Рейгана], важно обсудить те вопросы, которые выдвинуты. Может быть, советская сторона пересмотрит свое [выжидательное] отношение. Дело как будто движется в этом направлении. Наибольшие трудности представляет проблема воздушного сообщения. Мы очень заинтересованы в начале подготовительных переговоров».

При нашей встрече 14 ноября британский посланник в Западном Берлине Майкл Бертон открыто заговорил о целях, которые преследуют западные державы, концентрируя внимание на проекте «воздушного «перекрестка»». Он сказал: «Когда мы затевали «берлинскую инициативу», то исходили из следующего: можно начать переговоры с одной повесткой дня, а закончить совсем с другой (как это было на четырехсторонних переговорах по Берлину). К сожалению, сейчас, видимо, время упущено. ФРГ (и, надо полагать, ГДР) будут сильно возражать против четырехсторонних переговоров, потому что всем будет совершенно ясно, что четыре державы договариваются о том, как помешать воссоединению Германии. В то же время западные державы сохраняют интерес к переговорам с СССР, так как они ожидают чрезвычайно энергичного напора ФРГ по вопросу о подключении «Люфтганзы» к воздушному сообщению с ГДР и Западным Берлином». При этом Бертон явно имел в виду не только связанные с «Люфтганзой» проблемы.

На следующий день Гарри Гилмор в беседе со мной уточнил: «США, Англия и Франция считают, что с началом полетов «Люфтганзы» на Западный Берлин не надо торопиться. Такие действия могут иметь значение «неправильных сигналов», ускоряющих дестабилизацию, когда нам нужно ей противодействовать. Однако влияние ФРГ в Вашингтоне настолько велико, что замыслы «Люфтганзы» имеют все шансы на реализацию. Западники надеются на скорый положительный ответ советской стороны по поводу предварительных переговоров (формулу всегда можно быстро согласовать) – тогда есть шансы «припереть Бонн к стенке», поскольку он в свое время дал согласие на «берлинскую инициативу». Несмотря на нюансы, все три державы едины в том, что необходимо избежать выхода ситуации из-под контроля. Они приветствовали встречу В. Уолтерса с В.И. Кочемасовым 12 ноября и видят в четырехсторонних переговорах (независимо от повестки дня и

вероятных результатов) один из способов «притормозить» развитие. Другой способ – расширить двусторонние отношения [трех держав] с ГДР. Все три [западные] миссии воздействуют в таком духе на свои столицы. Американская администрация в Западном Берлине с интересом отметила идею, которая «витает в воздухе» здесь – о приглашении М.С. Горбачеву и Джорджу Бушу посетить «Берлин» (Западный Берлин и столицу ГДР) после встречи на Мальте. По мнению Гилмора, такой шаг имел бы чрезвычайное значение для демонстрации особой ответственности США и СССР в данном регионе и вместе с тем для поддержки нового руководства ГДР».

Москва, как всегда, не торопилась. Между тем обстановка в стране обострялась с каждым днем. Начались захваты демонстрантами окружных управлений МГБ – министерство было упразднено, и его учреждения практически не охранялись. Стали учащаться случаи, когда жертвами актов насилия становились сотрудники партийных и правительственных органов. Государственный аппарат ГДР переставал функционировать. Первыми забили тревогу западноберлинские власти, которые лучше всех были в курсе событий в ГДР. При неофициальной встрече со мной вечером 5 декабря 1989 года правящий бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер выразил опасение по поводу возможности возникновения беспорядков в ГДР, которые могут создать обстановку, «близкую к состоянию гражданской войны». Он пояснил, что боится того, что Западной группе войск придется вмешаться, чтобы предотвратить грозящий хаос и «кровавую баню». «Ситуация характеризуется тем, – говорил он, – что в ГДР не осталось ни одного официального рычага поддержания порядка. Национальная народная армия фактически самораспустилась; МГБ и его формирований больше нет; полиция запугана до такой степени, что полицейские боятся выходить на улицу в форме. Единственной организованной силой остается ЗГВ. Однако вмешательство советских военных, если оно станет необходимым, может повлечь за собой политическую катастрофу: отношения немцев и русских могут быть испорчены на десятилетия вперед». Момпер сообщил, что использует все свои возможности влияния на демонстрантов в ГДР, чтобы побудить их к сдержанности и отказу от методов «суда Линча». О том же он просит и советскую сторону.

Поскольку сообщенная Момпером информация совпадала с тем, что было известно посольству, я сразу же через советника по культуре посольства А.П. Иванова запросился к известной и очень влиятельной в оппозиционных кругах ГДР писательнице Кристе Вольф, которая играла ведущую роль в системе «гражданских

комитетов», заменявших до известной степени разваливающуюся государственную машину ГДР. Вечером в субботу 9 декабря она приняла нас с Ивановым в своей берлинской квартире. Кажется, нам удалось донести до нее всю серьезность положения. Она пообещала немедленно, на протяжении вечера и ночи, обзвонить все «гражданские комитеты» на местах, чтобы не дать выйти ситуации из-под контроля. Катастрофу удалось предотвратить. Надо полагать, «гражданские комитеты» внесли свой вклад в нормализацию обстановки. Но решающую роль в достижении этой цели сыграла все же четырехсторонняя встреча, согласие на которую мы получили из Москвы к полудню пятницы 8 декабря.

Я сразу же направился к новому посланнику Франции в Западном Берлине Франсису Бошато (в декабре французы председательствовали в союзной комендатуре) и передал ему просьбу советской стороны о проведении в кратчайшие сроки встречи послов четырех держав в рамках «берлинской инициативы», а также «по другим вопросам, представляющим взаимный интерес». Бошато спросил только: «Вы хотите, разумеется, чтобы эта встреча состоялась в здании Контрольного совета?», на что я ответил: «Конечно». Хотя в указаниях из Москвы о месте предстоящей встречи ничего не говорилось, нетрудно было сообразить, что желаемый психологический эффект будет наибольшим, если послы встретятся в том же здании, из которого четыре великие державы управляли Германией в 1945-1948 годах. От Бошато я направился к Бертону, а вечером переговорил с Гилмором, у которого был на обеде, устроенном в честь Бошато. Во время обеда из соседней комнаты велись напряженные телефонные переговоры с Вашингтоном и Бонном. К вечеру воскресенья 10 декабря мы получили положительный ответ западных держав. Гилмор сообщил мне по телефону, что встреча послов состоится на следующий день, в понедельник 11 декабря, в 11.00 часов в здании бывшего Контрольного совета на Кляйст-плац в Западном Берлине. Быстрота западной реакции показывала, что Запад также крайне обеспокоен деградацией обстановки в ГДР.

Когда в назначенное время В.И. Кочемасов в сопровождении нескольких сотрудников посольства прибыл к зданию Контрольного совета, его там уже ожидали послы в ФРГ Вернон Уолтерс (США), Кристофер Мэллеби (Великобритания) и Серж Буадеве (Франция). Все было готово к длительным и основательным переговорам: вместительный зал заседаний, украшенный флагами четырех держав, отдельные рабочие кабинеты для каждого посла, а также помещения для его помощников и консультантов, отлично оборудованные комнаты

для технического персонала (не были забыты и пишущие машинки с русской клавиатурой). Заявления послов носили, естественно, предварительный характер – времени для получения точных инструкций из четырех столиц просто не хватило. Кочемасов сделал акцент на необходимости стабилизировать политическую обстановку в Берлине и вокруг него; его западные коллеги предпочли вариации на тему предложений, содержавшихся в первоначальной редакции «берлинской инициативы» 1987 года. Подобная сдержанность диктовалась, как мы потом выяснили, почти истерической реакцией ФРГ на перспективу переговоров послов без участия западных немцев. В конце концов Бонн дал согласие на встречу «вчетвером», оговорив свою уступку двумя условиями: речь на встрече должна идти исключительно о тематике «берлинской инициативы», и немцы должны участвовать в последующих встречах. Действительно, послы западных держав говорили о желательности в дальнейшем привлечения к переговорам представителей обоих германских государств, а также Западного Берлина. У нас эти предложения не вызывали головной боли – в прошлом уже были случаи, когда в зале заседания присутствовали все шесть делегаций (например, в Женеве в 1959 году; правда, тогда по настоянию ФРГ немцы сидели за «столами для кошек»[130], чтобы не поднимать авторитет ГДР; ныне никто не стал бы возражать против того, чтобы они заняли место за главным столом).

Цель проведения встречи послов была полностью достигнута – состоялась достаточно убедительная демонстрация единства всех четырех ответственных за Германию в целом великих держав в оценке опасности складывающейся в ГДР ситуации для всеобщего мира. «Семейное фото» послов СССР, США, Великобритании и Франции на фоне украшенного флагами четырех держав фасада Контрольного совета стало сенсацией дня. Оно обошло все телевизионные программы и газеты мира. Психологическое воздействие на уличную стихию в ГДР превзошло все ожидания – сразу наступило успокоение, которое продолжалось до середины января 1990 года и было прервано лишь явно организованной извне акцией по захвату здания бывшего министерства государственной безопасности ГДР (картотеки зарубежной агентуры МГБ «непонятным образом» очутились после этой акции в США). Встречей четырех послов была достигнута не только ближайшая цель – не допустить, чтобы волнения в ГДР перешли определенную грань и приобрели характер самосуда. Рассчитанным на более далекую перспективу результатом стала «обкатка» организационных форм рассмотрения германских дел на будущее. В ходе обмена

мнениями 11 декабря была достигнута четырехсторонняя договоренность послов рекомендовать своим правительствам сделать регулярными встречи вчетвером на уровне глав дипломатических миссий и приглашать на них представителей обоих германских государств. В итоге была заложена основа механизма «четыре плюс два», который был бы в состоянии отслеживать развитие ситуации на германском пространстве и разрабатывать совместные шаги по ее стабилизации.

Такой механизм являлся адекватным ответом на требование момента, когда все яснее обозначалась перспектива сближения германских государств в рамках более или менее четко оформленной конфедерации и прояснялась перспектива заключения мирного договора с Германией, который не был выработан в свое время как раз вследствие ее раскола. Политически и технически все было готово для начала серьезной работы. Если бы удалось приступить к решению германского вопроса без проволочек и в намеченном формате, была бы – хотя бы теоретически – обеспечена возможность учесть наиболее важные интересы ГДР и СССР, прежде всего в области безопасности. К сожалению, налаженный в Берлине механизм оказался невостребованным. Советская политика вновь теряла драгоценное время. Мало того – оказалось утраченным направление движения.

«Два плюс четыре»

С середины января 1990 года обстановка в ГДР стала стремительно обостряться. Вечером 15 января отлично организованная толпа взяла штурмом и разгромила пустовавшее центральное здание бывшего МГБ на Норманненштрассе. Поводом послужили утверждения руководителей Нового форума, будто архивы Штази продолжают уничтожаться.

Поскольку немного погодя стало известно, что хранившаяся в разграбленном здании картотека зарубежной агентуры разведки ГДР, считавшейся одной из лучших в мире, очутилась за океаном, в руках ЦРУ, можно довольно уверенно судить, кто был инициатором и главным дирижером операции. Вряд ли разведки США и ФРГ действовали без санкции сверху. Видимо, кое-кто и в Вашингтоне, и в Бонне пришел к выводу, что пора полностью использовать шансы, предоставленные открытием германо-германской границы. Затишье в ГДР закончилось.

Свидетельство очевидца: «Десятки тысяч демонстрантов собираются по призыву Нового форума и проникают ранним вечером [15 января] в помещения бывшего центрального здания штази в Берлине. По данным полиции, причинен многомиллионный материальный ущерб. Остается неясным, кто и зачем открыл закрытые ворота. Участники Круглого стола, обсуждавшие как раз правительственный доклад о ходе ликвидации [министерства] госбезопасности, прерывают заседание и вместе с премьер-министром Модровым направляются к комплексу зданий штази в берлинском районе Лихтенберг. Премьер-министр Модров пытается успокоить толпу»[131]. Оказавшееся на месте происшествия западноберлинское телевидение демонстрировало кадры заполонившей пустые кабинеты толпы, поврежденного оборудования для бюро, усеянных обрывками документов полов, а также Модрова, в одиночку выступающего перед разбушевавшимися демонстрантами.

Личное вмешательство Ханса Модрова спасло положение, так как дело грозило обернуться началом масштабных погромов по всей стране (этим вечером во многих городах по призыву Нового форума прошли демонстрации против мнимых попыток правительства восстановить СЕПГ и «ее репрессивный аппарат»). Модров рассказывает в своих мемуарах: «Во второй половине дня 15 января произошло драматическое событие, споры вокруг которого продолжаются до сегодняшнего дня. Руководители Нового форума Ингрид Кеппе и Райнхард Шульт призвали, как

они выразились, «символически замуровать» ворота здания МГБ на Норманненштрассе в Берлине. Во время проходившей в этот день моей беседы с министром иностранных дел Югославии мне передали записку: на Норманненштрассе собрались десятки тысяч людей, налицо опасность эскалации насилия. Я написал на обороте записки, чтобы министр внутренних дел немедленно явился в мой кабинет. […] После краткого обмена мнениями мы с министром внутренних дел Лотаром Арендтом решили ехать на Норманненштрассе без сопровождения. Не было поднято по тревоге ни одно силовое подразделение. Как скоро выяснилось, ситуация на месте вышла из-под контроля. Оборудованный на грузовике помост находился с другой стороны огромного скопища людей, так что мы на нашем автомобиле далеко углубились в толпу по оставленному для нас проходу, но потом все-таки застряли. В ответ на призыв через полицейский мегафон: «Пожалуйста, расступитесь! Едет премьер-министр!» послышались выкрики типа «Красная свинья!» Поскольку информация о ситуации на Норманненштрассе поступила и к участникам Круглого стола, представители оппозиции также поспешили сюда. Когда стало ясно, что на машине проехать совершенно невозможно, Конрад Вайс и Ибрагим Беме[132] взяли меня слева и справа под руки, и мы протиснулись к помосту для ораторов. Мне пришлось говорить, не получив ни минуты, чтобы перевести дух. Я испытывал страх. Но не перед физическим насилием. С ним мне приходилось считаться постоянно – я не могу исключить такой возможности и сегодня: раз уж ты «красная свинья», то это навсегда. В тот же момент перед лицом теряющейся в темноте, неясной, взбешенной толпы у меня в голове засел иной страх: если ты потерпишь неудачу, если ты сейчас не найдешь правильных слов, если по твоей вине и так накаленная атмосфера выйдет еще больше из-под контроля, то наступит настоящий правительственный кризис. […] Я искал слова, говорил о лежащей на всех нас ответственности, взывал к благоразумию, обращался к гражданским чувствам. Для того чтобы предотвратить предстоящий штурм, я использовал образ: разве могут быть стулья в ответе за зады, которые когда-то на них сидели? Я говорил и чувствовал: все это, собственно, не ново, но я уже не говорю в абсолютную пустоту и черноту. Появилась надежда успокоить эту массу людей. Но вдруг ворота распахнулись. До сегодняшнего дня остается неясным, кто приказал это сделать, кто вообще был так сильно заинтересован в открытии доступа к комплексу зданий МГБ и в том, что потом произошло. […] Разве так уж притянуто за уши предположение, что люди из гражданских движений помогали западным

спецслужбам и использовали в этих целях штурм здания госбезопасности? […] Ведь в тот вечер массы были направлены в основном к вспомогательному блоку, в то время как другие занялись архивами службы контр-шпионажа. Кто знает, что тогда попало и в чьи руки? И осталось в них? […] Плащ истории прикрывает многое; его блестящая лицевая сторона может утаивать довольно неприглядную подкладку»[133].

Штурм здания МГБ означал поворотную точку в ходе кризиса ГДР. Посол так оценивал обстановку на совещании утром 16 января: «[Наступил] новый этап: [состоялся] захват МГБ, начались забастовки, лозунги против госбезопасности и СЕПГ-ПДС (вплоть до [требований] роспуска), за воссоединение. [Налицо] еще более непредсказуемое развитие. Руководство ГДР запуталось в бесконечных дискуссиях. [Нам надо бы] покритиковать поведение западников». Действительно, последствия происшествия 15 января 1990 года были сравнимы лишь с эффектом падения стены 9 ноября 1989 года. Только тогда импульс носил положительный характер, а 15 января – сугубо отрицательный.

Штурм продемонстрировал тот факт, что коалиционное правительство Модрова не в состоянии более обеспечить стабильность, которой жаждало большинство населения. Кривая популярности Модрова пошла резко вниз. Ускорилась дезинтеграция СЕПГ-ПДС. 21 января заместитель председателя СЕПГ-ПДС, обер-бургомистр Дрездена Вольфганг Бергхофер объявил о выходе из партийных рядов вместе с 39 другими руководящими членами партии из Дрездена. Примеру Бергхофера последовали многие коммунисты по всей стране. На совещании 18 января посол рассказал о содержании своей беседы с Модровым накануне: «По оценке Модрова, сложная ситуация [царит] в СЕПГ-ПДС и в отношениях между партией и правительством. Большинство населения отвергает СЕПГ-ПДС. Как быть Модрову? Может быть, сосредоточиться на правительстве и расширении правительственной коалиции? Модров решил изменить тактику поведения [правительства] за Круглым столом – [нужно] создание общей ответственности. [Удручает] некомпетентность участников Круглого стола. […] Население обеспокоено разгромом [здания] МГБ. [Этим занимались] боевики отсюда и главным образом из Западного Берлина, искали документы о связи между руководством СЕПГ и МГБ. [Курсируют] слухи о возможных захватах парткомов и ратуш, на 31 января [предсказывают] «ночь длинных ножей». [Принимаются] превентивные меры. Страх населения растет».

Зачастили высказывания в пользу присоединения к ФРГ,

которая представлялась нерушимой скалой благополучия в бушующем море кризиса, охватившем ГДР. Федеральный канцлер Гельмут Коль поторопился высказать предложение о перенесении выборов в Народную палату на более ранний срок, мотивируя это быстрой потерей доверия населения к правительству Модрова. В Бонне начались спекуляции о возможности выхода составляющих правящую коалицию партий (прежде всего ХДС и ЛДПГ) из состава правительства, что повлекло бы за собой досрочные выборы. Как по команде, повсеместно в ГДР стали раздаваться призывы к коалиционным партиям прервать всякие отношения с СЕПГ-ПДС и отозвать из кабинета своих министров. К этим требованиям присоединился и генеральный секретарь ХДС ГДР Мартин Кирхнер, ссылаясь, в частности, на решение президиума партии ни при каких условиях не вступать в коалицию с ПДС после парламентских выборов 6 мая 1990 года. 18 января председатель ХДС Лотар де Мезьер, одновременно занимавший пост заместителя председателя Совета министров ГДР, дезавуировал демарш Кирхнера и заявил: «Весомым является четко выражаемое многими [членами ХДС] ожидание, что сегодня партия должна осознать свою ответственность за сохранение управляемости нашей страны, за поддержание жизненно необходимого порядка и снабжения, за надежную подготовку свободных выборов»[134]. Однако уже 25 января президиум ХДС решил отозвать своих министров из правительства, чтобы «расчистить путь к переговорам с новыми партиями и группировками» об их участии в управлении страной. Министры от ХДС временно остались на своих местах, и руководство ХДС выразило согласие с тем, чтобы Модров оставался главой правительства в том случае, если он откажется от своих должностей в СЕПГ-ПДС[135]. В этот же день Модров предложил участникам Круглого стола направить своих представителей в правительство, которое станет отныне «правительством национальной ответственности». Это предложение было принято. Одновременно было решено ускорить проведение выборов и назначить их на 18 марта 1990 года (с этой идеей выступили социал-демократы при согласии со стороны СЕПГ-ПДС).

Мы в посольстве понимали, что наступил решающий момент, когда Советскому Союзу придется занять четкую позицию по германским делам; отделываться заявлениями общего порядка становилось невозможным. На совещании 21 января (это было воскресенье) посол, обычно не отличавшийся решительностью своих высказываний, подчеркнул: «Сейчас надо выявить несколько моментов, по которым надо дать бой. Рост неонацизма,

влияния «республиканцев»[136] требует от нас, чтобы мы показали народу ГДР, куда это ведет. Второе: сказать ясно, что дальше отступать нельзя; надо кончать верхушечную борьбу и заняться базисом. Продумать, как мы можем помочь СЕПГ-ПДС, усилить взаимодействие с друзьями в этот кризисный момент. Грегор Гизи в ближайшие дни [полетит] в Москву, ([по крайней мере, мы] надеемся на это)». Одновременно посол распорядился «освободить кабинеты от хлама, подготовиться к кризисной ситуации, никакой беспечности!». Наши оценки подтверждались информацией, почерпнутой из бесед с людьми, которые не только разбирались в ситуации, но и зачастую формировали ее.

В ходе моих контактов у меня сложилось впечатление, что в «верхах» ГДР верх начинает одерживать паника. Генеральный секретарь МИД республики Альфред Нойман говорил мне 16 января: «Практически все кончено – поезд ушел. Юг [ГДР] по Карл-Маркс-штадт включительно уже воссоединился с ФРГ. В ближайшие две-три недели демонстранты добьются роспуска СЕПГ-ПДС. Забастовок не выдержит никто. Нажим снизу слишком велик. И тогда, собственно, все будет закончено – [еще] до выборов 6 мая. Ошибочный курс на зажим всей внутриполитической жизни начался в 1985-1986 годах; за него теперь приходится расплачиваться. Население настроено очень враждебно по отношению к СЕПГ-ПДС и к СССР. Как только чехи добьются соглашения о выводе [советских] войск, эти же лозунги появятся и в ГДР. Войска придется выводить и отсюда. Толпе наплевать на юридические основания – она знает, что если Советская Армия не стреляет в Прибалтике, то в ГДР она точно стрелять не будет. Нельзя Модрова принимать [в Москве] вместе с Гизи – это [была бы] катастрофа. США действительно хотели бы сейчас продлить существование ГДР, но ничего СССР, да и другие три державы против воссоединения сделать не смогут. Тяга к воссоединению легко объяснима: все побывали в Западном Берлине и ФРГ и у всех вопрос: нас держали 28 лет взаперти, чтобы сохранить нашу нищету?»

17 января я встретился с Лотаром де Мезьером, мнение которого сводилось к следующему: «В нынешнем виде правительство не справится [с ситуацией], нужна «коалиция разума» с привлечением всех партий и группировок, претендующих на власть. Именно всех, чтобы прекратились разговоры о выходе из коалиции с СЕПГ-ПДС. ХДС ГДР требует от ХДС ФРГ прекратить [давать] советы, они только мешают. Мысль о совместном выступлении Коля и де Мезьера на предвыборном митинге контрпродуктивна: идея сохранения хоть какой-то особенности ГДР остается сильной. Вопрос в том, кто сумеет

объединить рабочий класс (или социальную прослойку, которая так называется). СДП ГДР слаба организационно и персонально. У ХДС есть шансы: надо лишь дать людям простой и популярный лозунг. Например: Die Guten bleiben hier! [Порядочные люди остаются здесь!]. От СССР требуется огромная осторожность: нельзя заявлять, что Советский Союз поддерживает социализм в ГДР или СЕПГ. Это перенесет всю ненависть народа на СССР. Лучше не принимать Гизи [в Москве] – это будет иметь тот же результат. Ни в коем случае не принимать [сразу] Гизи с Модровым – [это будет означать политическую] гибель Модрова. Содержание советских высказываний [должно сводиться к следующему]: мы за народ ГДР, за его благополучие и благосостояние. Четырехсторонние жесты (типа встречи четырех послов) сейчас вряд ли окажут воздействие. Открытое выступление СССР против воссоединения контрпродуктивно. Положение в правительстве тяжелое; аппарат все время подводит Модрова. Нет уверенности, что доклад по [раскрытию деятельности министерства государственной] безопасности 15 января[137] содержит всю правду. Если там есть вранье или умолчание, правительство погибло. С Шальком[138] связано такое, что в случае разглашения это приведет к кровопролитию (наркотики, золото). […] Круглый стол стал местом болтовни для интеллигентов. Причина захвата [здания] МГБ – доклад на Круглом столе по [министерству государственной] безопасности. Запад подгонял развитие в ГДР в течение последних недель, а теперь испугался, [призывает:] держитесь!»

17 января у меня состоялась встреча с первым советником посольства Франции в ГДР Ивом Годелем. Француз сказал следующее: «Ситуация в ГДР внушает опасения. Вмешательство из ФРГ переходит все допустимые границы. То, что правительство не пресекает прямую помощь из ФРГ партиям ГДР, свидетельствует о его слабости. Надо бы попытаться как-то лимитировать «помощь» из ФРГ в [тексте] закона о выборах или о партиях. В случае чего можно было бы апеллировать к мировой общественности. К Западу следует апеллировать и по поводу того, что сейчас в ГДР нарушаются законы [противоправными действиями] против коммунистов, что многие из них находятся в заключении без достаточных оснований. Также следовало бы начать кампанию по поводу незаконности требований запретить СЕПГ-ПДС. Разве цель [преобразований состоит] в том, чтобы создать фашистское, а не правовое государство? Не следует спешить с объединением. Следует гарантировать, чтобы из этой затеи не возникло что-то угрожающее миру в Европе. Концепция «европейской конфедерации» Франсуа Миттерана нацелена именно на это. Но

надо спешить [с ее реализацией]. Следовало бы подумать об ускорении созыва Хельсинки-2. Продумать и быстро решить вопрос о вступлении ГДР в ЕС: там ее будет труднее проглотить. Сформулировать условия, на которых четыре державы могли бы согласиться на сближение двух немецких государств – пока у них еще есть возможность формулировать такие условия. Встреча четырех министров иностранных дел + ГДР и ФРГ реальна не как 'мирная конференция', а как один из аспектов [решения] европейской проблемы. Надо спешить, пока фактор ЗГВ можно использовать в качестве политического средства. Даже если допустить, что воссоединение Германии не приведет к возрождению германского национализма и спорам из-за границ, объединение немецких государств изменит соотношение сил в Европе. А там, где есть экономическая зависимость, рано или поздно начинается и политическая зависимость».

Большой интерес представляли оценки внутренней ситуации со стороны влиятельного президента консистории Евангелической церкви ГДР Манфреда Штольпе, с которым я встретился 18 января. Он выглядел обеспокоенным, но отнюдь не отчаявшимся. Штольпе сказал: «С начала года перестройка [в ГДР] стала делом рабочих. Предупредительные забастовки [показывают, что] дело плохо. На рабочих аргументы не действуют. [Они просто требуют:] MfS weg, SED weg! [Долой МГБ, долой СЕПП]. Очень скоро может быть: DDR weg! [Долой ГДР!] Надо быстро укреплять авторитет государства: Wir mussen den 6. Mai erleben [мы должны дожить до 6 мая]. Должна быть обеспечена жизнеспособность ГДР. Партия [СЕПГ] не должна исчезнуть, она должна встать в ряд с другими: Eine der vielen [одна из многих]. Модров должен править до 6 мая. Круглый стол стал Ersatzparlament'oM [заменой парламента]. Правительство не должно брать чью-то сторону. Должен быть восстановлен Государственный совет – символ государства. [Его председателем мог бы стать Курт] Мазур[139], у него были бы заместители. Церковь направит своих людей [в Государственный совет]. Она просит [министров] ХДС не выходить в отставку, не ставить советские войска [в ГДР] в невозможное положение. Angstmacherei [нагнетание страха] – это тактика СЕПГ. Церковь решила поддержать Модрова, МИД и МВД. Было бы хорошо, если бы в МВД был кто-то, кто подбодрил бы полицейских. Нельзя допускать Verfall der Staatsmacht [упадка государственной власти]. Но нет уверенности в Новом форуме. [Председатель конференции руководителей Евангелической церкви епископ Вернер] Ляйх выступит в воскресенье по телевидению [в указанном духе]. «Молчаливое большинство» против

расшатывания обстановки, за сохранение порядка».

Правящий бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер (СДПГ), который исполнял в это время обязанности председателя бундесрата (палаты земель, составляющей вместе с бундестагом парламент ФРГ), неожиданно принял участие в моей очередной встрече с шефом сенатской канцелярии Дитером Шредером 22 января. Он высказал следующие оценки: «Ситуация в ГДР не поддается прогнозу. Беспокоят нарастание враждебности по отношению к СЕПГ-ПДС, склонность к забастовкам и нагнетание психоза воссоединения – а до выборов еще очень долго. Судьба СЕПГ после выхода Вольфганга Бергхофера решена: рано или поздно партия распадется. Деятельность Грегора Гизи заслуживает уважения, но задача его безнадежна[140]. Тем большее значение приобретают Ханс Модров и его правительство. СДП играет здесь самую позитивную роль. Советскому Союзу надо поскорее установить связи с социал-демократами ГДР. В принципе можно рассчитывать на то, что до 6 мая удастся дотянуть без особых потрясений, но и риска много. Нельзя исключать состояние хаоса. В этом случае Западный Берлин может помочь силами своей Bereitschaftspolizei [что-то вроде нашего ОМОНа] в [Восточном] Берлине, Потсдаме, Франкфурте-на-Одере. Затевать какие-либо четырехсторонние акции не стоит: они вызовут плохую реакцию населения, и три державы все равно не согласятся. Главная опасность – требование немедленного воссоединения. В основе таких настроений лежат экономические мотивы (стремление иметь тот же уровень жизни, что и в ФРГ). Силой здесь ничего не добьешься, четырехсторонними демонстрациями тоже – лишь увеличится отток населения из ГДР (уже сейчас до одной трети рабочих мест пустует). Надо думать, как бороться экономическими же средствами, и здесь напрашивается идея ускоренного принятия ГДР в ЕС. В этом случае лишается остроты вопрос о государственном слиянии [ГДР и ФРГ] и обеспечивается быстрый рост жизненного уровня [в ГДР]. Членство ГДР в ЕС не обязательно означает выход ГДР из Совета экономической взаимопомощи и Варшавского договора. Можно представить себе длительный переходный период, в течение которого мыслимы особые урегулирования (пример Австрии показывает, что включение в политическую и военную систему Запада не обязательно). Будет зеркальное отображение нынешней ситуации: ГДР будет официальным членом ЕС и неофициальным членом СЭВ[141]. Социал-демократы постараются оттянуть вопрос о [утрате] самостоятельности ГДР до периода после 6 мая, хотя это сложная задача, поскольку ХДС уже развернула грязную атаку под лозунгом: СДПГ = СЕПГ. Но затем

надо будет решать. Советское руководство должно точно знать: хотя СМИ ФРГ много болтают про воссоединение, главная трудность состоит в том, что за него большинство населения ГДР. […] Обстановка особенно плоха на юге ГДР (Тюрингия); там выступления наиболее радикальны и непримиримы. Гельмут Коль на деле не помогает ГДР. Как его заставить делать это? […] Подсознательное табу для немцев ФРГ – присутствие американских войск; для немцев ГДР – присутствие советских войск. Об этом не говорят».

Ясно было, что для Советского Союза настало время определиться с позицией по германскому вопросу. Главным было пересмотреть неоднократно подтвержденное М.С. Горбачевым абсолютно отрицательное отношение к перспективе ставшего неизбежным сближения ГДР и ФРГ. Это противопоставляло Москву Хансу Модрову, уже 17 ноября 1989 года официально выдвинувшему идею «договорного сообщества» германских государств, не исключавшую конфедеративные элементы у такого образования. Между тем Модров оставался наиболее близким Советскому Союзу политиком ГДР. Простая логика требовала, чтобы советское руководство в контексте реалистической оценки развития обстановки в центре Европы определило на ближайшее и более отдаленное будущее приоритеты своих интересов в сфере обеспечения безопасности страны с учетом всех политических, экономических, военных аспектов ситуации и на этой основе строило отношения с ГДР, которая оставалась нашим союзником, и ФРГ, которая по-прежнему входила в противостоящий блок НАТО. Таким был смысл всех наших предложений, которые посольство в более или менее осторожной форме направляло в Москву в эти критические дни.

26 января 1990 года внезапно произошел поворот в настроениях Горбачева в отношении возможности германского единства. До этого момента он категорически отклонял все предложения Ханса Модрова своевременно готовить предложения по решению германской проблемы. Позиция «прораба перестройки» заключалась в том, что надо и впредь стоять на заявленной ранее позиции: германский вопрос решен историей, и не следует его ворошить. Однако приходилось считаться с непрерывным ухудшением обстановки в ГДР. В преддверии намеченного визита Гельмута Коля в Москву надо было принимать решение. Помощник Горбачева А.С. Черняев сообщает в своих мемуарах, что на совещании у генерального секретаря 26 января он, Черняев, настаивал на твердой ориентации СССР на ФРГ, «потому что в ГДР у нас уже нет никакой опоры. Причем конкретно в ФРГ ориентироваться на «взаимопонимание» с

Колем, а не с СДПГ. Социал-демократы превращают объединение в объект избирательной борьбы, а Коль, во-первых, твердо держится идеи: воссоединение в рамках общеевропейского процесса; во-вторых, повязан союзниками по НАТО; в-третьих, «более верный» в личных отношениях с Горбачевым – человек слова. Я, – сообщает далее Черняев, – высказался против приглашения в Москву Модрова[142], тем более против встречи М.С. Горбачева с Гизи – с партией, которой фактически нет и не будет». Черняева поддержал Шеварднадзе. Против высказались В.М. Фалин и его заместитель Р.П. Федоров – единственные германисты, присутствовавшие на совещании (они побывали в ноябре-декабре 1989 года в обоих германских государствах и знали обстановку из первых рук).

«Соломоново решение» Горбачева гласило: 1) согласиться на «шестерку» (то есть на создание органа четырех держав с участием представителей двух германских государств) в качестве инструмента урегулирования германской проблемы; 2) ориентироваться на Коля, но и СДПГ не игнорировать; 3) Модрова и Гизи все же пригласить в Москву; 4) с Лондоном и Парижем «держаться теснее»; 5) готовить вывод войск из ГДР («проблема больше внутренняя, чем внешняя: 300 тысяч, из них 100 тысяч офицеров с семьями куда-то надо девать!»)[143]. Даже не выслушав своего посла в союзном государстве, о будущем которого шла речь, перестроечное руководство СССР решило судьбу основной опоры влияния страны на европейские дела, без раздумий дав добро на пересмотр итогов Второй мировой войны. Попутно был вынесен смертный приговор военному щиту страны на европейском направлении – Западной группе войск. С порога оказалась отвергнутой альтернативная возможность хотя бы временного параллельного существования двух германских государств с отказом от социалистического эксперимента в одном из них (такая возможность учитывалась и программой правительства во главе с лидером ХДС ГДР Лотаром де Мезьером, сменившим правительство Ханса Модрова после парламентских выборов 18 марта 1990 года)[144]. Отныне ГДР была обречена.

Посольство СССР в Берлине никогда не получало точной информации об итогах совещания 26 января. Кто-то из советников Горбачева поздним вечером (точнее: ночью) позвонил Кочемасову и поручил срочно представить в Москву мнение посольства о возможных путях решения национальной проблемы немцев. Послу было сказано: «Теперь можете писать все, что вы думаете». (Позиция экспертов посольства в отношении пагубности дальнейшего игнорирования объединительных настроений в ГДР была давно известна «наверху», однако посол

не получал разрешения сформулировать ее официально.) В ночь на 27 января соответствующая депеша была направлена в МИД СССР[145]. Перед отлетом Ханса Модрова в Москву Кочемасов устно проинформировал его о сдвигах в позиции советского руководства по отношению к перспективе установления более тесных связей между ГДР и ФРГ, а также вкратце изложил мнение посольства по этому вопросу. Уже сидя в самолете, Модров набросал тезисы для своей беседы с Горбачевым 30 января 1990 года в той ее части, которая касалась будущих шагов в сфере германо-германских отношений. Получив принципиальное согласие Горбачева, Модров и его советники разработали во время обратного перелета конкретные предложения на этот счет. 1 февраля председатель совета министров ГДР выступил в Берлине с планом решения национальной проблемы немцев под девизом «Deutschland einig Vaterland» – «Германия, единое отечество» (строчка из полузабытого гимна ГДР).

Заявление Модрова начиналось так: «Объединение обоих германских государств встает на повестку дня. Немецкий народ займет свое место в строительстве нового мирного порядка, в результате которого будут преодолены как разделение Европы на враждебные лагеря, так и раскол немецкой нации». Главным в плане была поэтапность построения единого германского государства с использованием всего положительного, что было накоплено каждым из германских государств за 40 лет их существования, а также синхронизация продвижения к германскому единству с достижением единства европейского континента. План Модрова учитывал в максимально возможной степени не только интересы представителей демократической части политического спектра обоих германских государств, но и интересы СССР. Предусматривались четыре этапа осуществления плана: 1) сотрудничество и добрососедство в рамках «договорного сообщества»; 2) образование конфедерации, располагающей общими органами; 3) передача суверенных прав органам конфедерации; 4) создание единой Германской Федерации или Германского Союза в результате всеобщих выборов. В качестве предпосылок осуществления плана было названо уважение интересов и прав четырех держав, а также всех европейских государств и военный нейтралитет ГДР и ФРГ во время подготовки создания федерации. Закончил Модров следующими словами: «Эта концепция основывается на демократических, патриотических идеях и движении за единство германской нации из нашей совместной истории и недавнего прошлого. Она основывается на гуманистических и антифашистских традициях германского народа. Она обращена к гражданам ГДР и ФРГ, к

мировой общественности, поскольку нуждается в их поддержке»[146].

Политические партии ФРГ (за исключением «зеленых», которые считали недостаточным внимание, уделенное проблемам экологии) не выдвинули серьезных возражений против «плана Модрова»; критику вызвало лишь требование военного нейтралитета для единой Германии. В ГДР также почти никто не возражал (правда, ПДС настаивала на сохранении государственной самостоятельности ГДР при любых обстоятельствах). Однако детального обсуждения инициативы правительства ГДР так и не состоялось. Прибывший в Москву 10 дней спустя канцлер ФРГ, который ожидал, что план Модрова станет главной темой его переговоров с Горбачевым, получил самый неожиданный и самый ценный подарок за всю свою долгую политическую карьеру. Советское руководство внезапно для гостей передало судьбу ГДР в их руки. Горбачев предложил, чтобы «немцы сами договорились между собой» об условиях, на которых должно происходить объединение германских государств.

Советская запись беседы свидетельствует, что канцлер прекрасно подготовился к разговору с Горбачевым. Он начал с того, что правительство ФРГ одобрило предоставление СССР кредита на приобретение продовольствия, и добавил, что готов помогать всегда, когда в этом будет нужда. Вторым безотказным аргументом был намек на то, что Западная группа войск является, по существу, заложником возникшей в Восточной Германии неблагополучной обстановки. В контексте рассуждений о надвигающемся хаосе и грозящей радикализации восточных немцев Коль заявил: «В ГДР дислоцированы советские войска численностью около 400 тыс. человек. Там же живут жены и дети советских офицеров. Долгом советского руководства является их защита. Это элементарная логика, законный интерес, и я его поддерживаю». Только после этого он заговорил о предложенной им валютной унии с ГДР, реализация которой означала бы на деле объединение «с черного хода»: введение марки ФРГ в качестве единственного платежного средства в Восточной Германии неизбежно вело к ликвидации суверенитета ГДР.

Однако в Москве не могли (или не хотели) дать себе труд разобраться в том, что несет с собой на практике упразднение валюты ГДР. Горбачев заявил: «Центральный вопрос статуса единой Германии – в военной безопасности», на что Коль безмятежно заметил: «Здесь можно найти решение». Этого оказалось достаточно для того, чтобы советский руководитель произнес ту знаменитую фразу, которая вызвала еле скрываемый

восторг у представителей ФРГ, никак не ожидавших такого скорого и полного триумфа. Она одним ударом изменила весь дальнейший ход переговоров о германском единстве. Эта фраза звучала так: «Наверное, можно сказать, что между Советским Союзом, ФРГ и ГДР нет разногласий по вопросу о единстве немецкой нации и что немцы сами решают этот вопрос». Какое-то время спустя Горбачев повторил это заявление в еще более ясной редакции: «Советский Союз и ФРГ с учетом мнения Модрова констатируют, что у них нет разногласий по проблемам единства Германии и права немцев сделать их выбор». И еще раз, чтобы ни у кого не оставалось никаких сомнений: «У нас с федеральным канцлером есть общее понимание того, что вопрос о будущем немецкого народа – а оно приближается, – о его государственности, о выборе, который он хочет сделать, – это, конечно, выбор немцев». К этому была добавлена информация о том, что СССР собирается в одностороннем порядке вывести свои войска из ГДР[147].

В опубликованном советской стороной 11 февраля сообщении об итогах визита Коля говорилось буквально следующее: «М.С. Горбачев констатировал – и канцлер с ним согласился, – что сейчас между СССР, ФРГ и ГДР нет разногласий по поводу того, что вопрос о единстве немецкой нации должны решить сами немцы и сами определять свой выбор, в каких государственных формах, в какие сроки, какими темпами и на каких условиях они это единство будут реализовывать»[148]. Ссылка на ГДР была некорректна – мнения ГДР по данному вопросу Горбачев не запрашивал.

Немецкая запись разговора, сделанная Хорстом Тельником, говорит сама за себя: «Гельмут Коль подчеркивает, что внутренние аспекты германского объединения и их международное обрамление должны рассматриваться вместе, и констатирует: [германское] единство станет скоро реальностью. Он предпочел бы располагать более продолжительным временем, но развитие остановить нельзя. Международные аспекты следует урегулировать в рамках разумного взаимопонимания, говорит он Горбачеву и добавляет, что они должны сообща формировать последнее десятилетие этого века. Поэтому за сегодняшней беседой должны последовать другие». Из конкретных вещей Коль упоминает о согласии ФРГ на границу с Польшей по Одеру и Нейсе, а также указывает на неприемлемость «нейтрализации» единой Германии; впрочем, он тут же обещает, что «территория НАТО» не распространится на территорию ГДР. В записи Тельчика ключевое заявление Горбачева выглядит следующим образом: «Между Советским Союзом, Федеративной Республикой

и ГДР нет разногласий в том, что касается единства и права людей стремиться к нему. Они сами знают, какой путь им выбрать. Немцы на Востоке и на Западе уже доказали, что сделали выводы из истории, и с немецкой земли больше не будет исходить война». Тельчик добавляет: «Я едва успеваю точно записывать каждое слово – пропустить что-либо мимо ушей или забыть положить на бумагу означает возможность возникновения впоследствии недоразумений. Внутренне я торжествую: Это прорыв! Горбачев дал согласие на объединение Германии. Триумф для Гельмута Коля, который отныне войдет в историю как канцлер германского единства».

Далее Горбачев высказал пожелание, чтобы ФРГ учла экономические соглашения СССР с ГДР, и признал, что «нейтрализация» означала бы унижение для Германии (Тельчик: «Снова сенсация – Горбачев не связывает себя окончательно каким-либо решением; не назначается цена, не говоря уже об угрозе. Какая встреча!»). Генеральный секретарь ЦК КПСС согласился с лидером ФРГ, отвергшим идею конференции четырех держав по Германии, и провозгласил: «Ничто [не будет решаться] без канцлера!» Тельчик специально оговаривает, что Горбачев еще два раза повторил свою формулировку о немцах, которые «сами знают», и делает вывод: «Никакого недоразумения быть больше не может»[149].

До 10 февраля 1990 года наиболее вероятным путем к единству Германии оставалось достижение договоренности между всеми шестью участниками переговоров об объединении Германии и, таким образом, сохранение хотя бы формального равноправия ГДР и ФРГ на период строительства единого германского государства, как это и предусматривалось планом Модрова. Бесконечно более слабая и сотрясаемая внутриполитическим кризисом ГДР могла рассчитывать на то, что ее мнение будет принято в расчет только в том случае, если бы рядом с ней стоял СССР. Но 10 февраля СССР демонстративно отошел в сторону. Теперь речь могла идти лишь о скорейшем присоединении ГДР к ФРГ. Отныне нельзя было и помыслить о каком-либо равноправии между ними. Бонн сразу же отказался выполнять свои обещания о помощи ГДР, пока там сохраняется «старый режим», и заявил, что будет разговаривать лишь с «новыми людьми», когда те придут к власти в ГДР. Советский Союз дал на это свое согласие.

Западногерманская печать сообщала о переговорах в Москве под кричащими, но соответствующими действительности заголовками типа: «Ключ к воссоединению отдан Москвой Бонну». СССР отказался от самого эффективного рычага влияния

на состояние германских (и европейских) дел. Началась гонка между «объединением снизу», которое уже осуществлялось усилиями демонстрантов на улицах ГДР, а также стараниями западногерманских политиков, и определением внешних условий германского единства – гонка, которую СССР не мог не проиграть, поскольку Франция и Великобритания, чувствовавшие себя обманутыми в надеждах на согласованные действия с Москвой, отказались от сопротивления германскому объединению и тон единой западной линии стала задавать сама ФРГ, поддерживаемая США. ГДР потеряла почву под ногами и практически сразу после парламентских выборов 18 марта стала встраиваться в боннский кильватер. Вместе с планом Модрова была фактически выброшена на свалку истории и концепция общего европейского дома. Каким образом можно что-то строить, когда времени для этого заведомо не оставалось? Позже Модров констатировал с горечью: «Ни интересы Советского Союза, ни интересы его бывшего союзника ГДР не были всерьез учтены. Из формулы 4+2 Геншер и Шеварднадзе сделали 2+4. Внешние условия объединения, относительно которых Горбачев неделю назад [при встрече с Модровым] утверждал, что они являются делом четырех держав, были также отданы в руки ФРГ. А уж она-то сумела распорядиться ими»[150].

В сложившейся обстановке мнение берлинского посольства совсем перестало интересовать Москву. Разумеется, сотрудники советского диппредставительства в Берлине продолжали собирать и анализировать всю доступную информацию, разрабатывали рекомендации и предложения относительно дальнейших действий СССР, пытались на месте смягчить последствия решений Центра, которые они воспринимали как «не совсем адекватные». Однако чем дальше, тем больше их деятельность приобретала характер провинциальной самодеятельности, которая никого не трогает и никого не интересует. В мае 1990 года, вопреки народной мудрости «Коней на переправе не меняют», был отозван посол СССР в ГДР. Вместо В.И. Кочемасова, за плечами которого стоял богатый опыт государственной работы (с 1962 по 1983 год он был заместителем председателя Совета министров РСФСР), в Берлин в июне 1990 года прибыл карьерный дипломат Геннадий Сергеевич Шикин. Он относился к той небольшой группе молодых чиновников МИД, которых стал активно продвигать Шеварднадзе, рассчитывая в дальнейшем на них опереться. Германист Шикин полтора года пробыл послом в Австрии, откуда и был переведен в ГДР.

Если Кочемасов считал долгом ежедневно информировать сотрудников о настроениях в московских верхах и о содержании

своих контактов с руководством страны пребывания (конечно, кое о чем он умалчивал, но и того, что он сообщал, было достаточно, чтобы люди могли ориентироваться в стремительно менявшейся обстановке), то новый посол свел общение с дипломатами посольства практически к нулю. Видимо, выполняя полученные перед отъездом из Москвы инструкции, он также сократил до минимума объем направляемой посольством в Центр срочной информации. Впрочем, дипломатический состав и без того чувствовал полную невостребованность своей работы. Нам оставалось только по возможности успокаивать наших немецких коллег-дипломатов, вообще представителей ГДР, нервничавших перед лицом явного равнодушия Москвы к их дальнейшей судьбе. Помню, я использовал в этих беседах казавшийся мне тогда неопровержимым довод о том, что вывод полумиллионной Западной группы войск займет не меньше десятка лет, в течение которых ГДР должна будет продолжать существовать.

Профессионалы центрального аппарата МИД СССР стремились в оставшиеся недели и месяцы обеспечить в договорном порядке, чтобы действительно «с немецкой земли не исходила война», чтобы послевоенные границы были неприкосновенными, чтобы германская территория не использовалась внешними силами, чтобы объединенная Германия не входила в НАТО. Однако сценарий «два плюс четыре» парализовал активность советской дипломатии, поскольку фундаментальные договоренности должны были оставаться делом немцев (читай: ФРГ), обязанных лишь «консультироваться с четырьмя державами». В рамках этой конструкции Советский Союз все чаще оставался в одиночестве.

16 февраля Гарри Гилмор поделился своими впечатлениями от воздействия уступок Москвы на настроения в госдепартаменте США, который воспринял их как подтверждение правильности решения безоговорочно поддержать Гельмута Коля. «В Вашингтоне считают, – говорил Гилмор, – что все предрешено; ни остановить, ни замедлить воссоединение нельзя; все прежние вопросы потеряли значение; сейчас самое главное – не раздражать немцев, обеспечить хорошие отношения с будущей единой Германией, делать все, как хочет Коль. До сих пор нет окончательного ответа [из Вашингтона] на продолжение «берлинской инициативы». Удалось получить согласие на обсуждение вшестером воздушного сообщения с Западным Берлином, но затянулось согласование с Бонном (Бонн хотел бы постепенной отмены воздушных коридоров и линии идентификации, то есть границы между ФРГ и ГДР). Похоже, что Гельмут Коль ведет дело к ликвидации четырехстороннего

статуса Берлина («Как совместить его с ролью Берлина как столицы?») и ликвидации военного присутствия четырех держав в городе. Если не будет военного присутствия, не будет и политического».

Гилмор придерживался мнения, что США и СССР объективно «заинтересованы в сравнительно длительном переходном периоде, в течение которого сохранялся бы статус Берлина (скорее как символ). Войска четырех стояли бы там с официальной задачей обеспечить (absichern) планомерное воссоединение Германии с соблюдением всех выработанных условий. В бушующем море изменений Берлин играл бы роль якоря стабильности на весь переходный период. Момпер – за такое решение, Коль – против». Гилмор опасался, что позиция Коля определит линию Вашингтона и предлагал, чтобы Горбачев и Шеварднадзе обратились по этому вопросу к американскому руководству. Но Москве было не до Берлина и его статуса. К тому же только несколько человек в советских верхах вообще понимали, что это такое – четырехсторонний статус Берлина и как можно его использовать для обеспечения интересов СССР. Ни Горбачев, ни Шеварднадзе к их числу не относились.

Попытки МИД СССР начать параллельные консультации по вопросам объединения Германии в четырехсторонних рамках или на двусторонней основе (СССР-США, СССР-Великобритания, СССР-Франция) не дали результатов. Идея трехсторонних контактов (США-СССР-ФРГ) также не реализовалась. После фундаментальных уступок Горбачева интереса к консультациям с СССР ни у кого не осталось. Да, видимо, и тогдашнее советское руководство рассматривало подобные консультации скорее как бесполезную потерю времени.

Финал

Никакого «плана Маршалла», который ГДР неоднократно обещали западные немцы, она не получила. Помощи от ФРГ не поступило даже после замены правительства Модрова правительством де Мезьера в результате выборов 18 марта 1990 года, когда править ГДР стали вчерашние демонстранты. Бонн логично исходил из того, что чем слабее ГДР, тем легче и быстрее она примет условия ФРГ. 15 июня новое правительство республики было вынуждено взять кредит в ФРГ на 15 миллиардов марок ГДР – прежде всего для того, чтобы выплатить зарплату своим бюджетникам (7 миллиардов марок ГДР). Поразительно было то, что в последний период существования ГДР, несмотря на мрачные пророчества как своих, так и западногерманских экономистов, экономика республики, так и не получившая помощи Запада, все же не рухнула.

Оглядываясь назад, бывший заместитель директора Института экономики АН ГДР Клаус Штайниц подчеркивает, что нет и не было оснований объявлять ГДР банкротом. Он пишет: «На протяжении всех 80-х годов налицо был прирост производства и увеличение национального дохода. Среднегодовое увеличение национального дохода составляло в 1981-1989 годах 3,9%, в 1986-1989 годах – 3,1%. Хотя прирост производства снижался на протяжении 80-х годов, он составлял еще 2,1% в 1989 году. Ни разу не было падения производства, в то время как в Западной Германии в 80-х годах ВВП дважды сокращался или был нулевым. Ухудшение общехозяйственных показателей и прежде всего сокращение промышленного производства начались в ГДР только в связи с валютной унией – непосредственно перед ней и главным образом после нее»[151]. Таким образом, экономический упадок ГДР наступил лишь после начала ее объединения с ФРГ. О провале экономической политики ГДР можно говорить лишь в том смысле, что она оказалась не в состоянии выполнить поставленную перед ней идеологами нереальную задачу «догнать и перегнать» капиталистический Запад. Впрочем, это относится не только к ГДР.

Сейчас кому не лень приписывают себе главную заслугу в столь легкой ликвидации основы советского влияния в Европе, какой являлась ГДР. Этим занимаются и американцы, и западногерманские политики, и деятели оппозиции в ГДР, и даже поляки с венграми. При этом тщательно обходится тот факт, что главным фактором была готовность к уступкам со стороны СССР, заранее отказавшегося использовать весомый аргумент,

состоявший в наличии размещенного в Восточной Германии ударного контингента советской военной мощи. В общественном мнении Советского Союза царило полное единодушие в отношении отказа от применения силы. В течение всего периода кризиса в ГДР, включая самые острые моменты внутриполитической обстановки в республике, ни разу ни в руководящих кругах СССР, ни в дискуссиях в обществе не вставал вопрос о советском вмешательстве в ее внутренние дела. Введение в действие стоявших на территории ГДР советских войск с целью переломить ход событий, как это произошло в июне 1953 года, было совершенно немыслимой перспективой. Даже тот факт, что к декабрю 1989 года в ГДР перестала функционировать вся система защиты правопорядка (министерство госбезопасности было официально упразднено, Национальная народная армия самораспустилась, Народная полиция запугана до такой степени, что полицейские боялись выходить на улицу в униформе), не послужил основанием для приказа о вмешательстве. Пока в ГДР не начались беспорядки, имеющие характер гражданской войны и ставящие под вопрос безопасность ЗГВ, использование контингента советских войск для восстановления спокойствия в стране было исключено. К счастью, гражданская война не началась, хотя временами казалось, что до нее остается совсем недалеко. Хватило дипломатических мер. В частности, огромную успокаивающую роль сыграла встреча четырех послов 11 декабря 1989 года, после которой в западной печати появились намеки на то, что охрану общественного порядка в ГДР могут взять на себя совместно войска всех четырех держав.

Для умелого политика не обязательно стучать по столу кулаком (или ботинком, как это делал Хрущев на сессии Генеральной Ассамблеи ООН), чтобы произвести нужное впечатление. Как правило, достаточно только намекнуть, что такое «стучание» возможно. Иногда хватает и того, чтобы просто отказаться принимать на себя обязательство ни при каких обстоятельствах не прибегать к подобному выражению чувств, если партнеры наверняка знают, что и кулаки, и ботинки (а также танки) имеются в достаточном количестве. В случае с ЗГВ партнеры это знали. К тому же рядом с Горбачевым были люди, которые настаивали на том, что СССР располагает необходимыми материальными и психологическими возможностями, чтобы избежать капитуляции и добиться ограждения своих самых насущных интересов.

18 апреля 1990 года В.М. Фалин представил Горбачеву записку с детально разработанными предложениями

относительно дальнейших действий по урегулированию кризиса в ГДР и вокруг нее. Фалин считал необходимым положить конец ситуации, при которой «с момента краха режима СЕПГ в ГДР европейская политика СССР по крупному счету впала в полосу раздумий и самоанализа, чтобы не сказать – депрессии». Он требовал категорически настаивать на заключении мирного договора с Германией (который можно было бы именовать «актом мира», чтобы не раздражать ФРГ), поскольку он является «единственным шансом состыковать объединение Германии и общеевропейский процесс, хотя по времени они разойдутся и, похоже, серьезно». В основу соответствующего документа следовало положить «принцип отказа от насилия как средства национальной политики. Он дополнялся бы обязательством не допускать использования немецкой территории третьими странами или группами стран для проведения политики силы по отношению к кому бы то ни было в Европе или за пределами Европы». Фалин предупреждал, что «уход трех держав от мирного урегулирования тождественен намерению погасить права Советского Союза как державы-победительницы и как архитектора [послевоенного устройства] и союзника ГДР при сохранении за США, Англией и Францией весомого пакета «первоначальных прав», поскольку они перешли в Боннский договор 1952 года (с поправками 1954 года) и другие их договоренности с ФРГ». Как средство давления на три державы он предлагал выдвинуть проект мирного договора «в максимально благоприятном ключе для широких масс немцев и деловых людей» с перспективой «во имя полного и окончательного примирения наших народов подписать такой договор (акт) только с нами».

Фалин указывал на неприемлемость 1) западных попыток сужения (устных) обязательств Запада о нераспространении сферы деятельности НАТО на территорию ГДР ссылкой на то, что эти обязательства теряют силу в «кризисные ситуации»; 2) стремления апологетов холодной войны ограничиться «перегруппировкой сил, чтобы продлить век политики конфронтации»; 3) усилий по «инспирированию демонстраций «народной воли» и созданию нетерпимого психологического климата вокруг советских войск в ГДР». В качестве крайней уступки он считал возможным вариант, при котором объединенной Германии было бы разрешено быть участником какого-либо военного союза «на переходном этапе к созданию европейской системы безопасности» на следующих условиях: а) соблюдение постановлений мирного договора; б) невхождение в интегрированные структуры указанного союза; в) неразмещение

оружия массового уничтожения на территории Германии; г) неиспользование территории (включая воздушное пространство), на которую ранее распространялась компетенция другого союза (то есть Организации Варшавского договора), для размещения вооруженных сил союза, в который войдет Германия; д) право на размещение советских войск на нынешней территории ГДР на время, какое СССР «считал бы для себя необходимым», а после их вывода на содержание там персонала для наблюдения за выполнением положений о военном статусе Германии.

Для предотвращения простого поглощения ГДР Западной Германией («аншлюса») Фалин предлагал предупредить Запад, что «включение ГДР в состав ФРГ согласно статье 23 боннской конституции[152] будет квалифицироваться как агрессия страны-члена НАТО против страны-члена ОВД и нарушение основополагающих прав Советского Союза», а без мирного договора «все наши права державы-победительницы сохранятся в полном объеме». «В порядке предостережения против игр со статьей 23 и намека на то, что советские права – это незыблемая реальность» на обсуждение «с учетом паралича госорганов ГДР» выносилась возможность «восстановить (понятно – «временно») Советскую военную администрацию в Восточном Берлине примерно на таких же условиях, на которых существуют таковые в западных секторах». Параллельно Фалин указывал на иллюзорность надежд на сохранение производственной кооперации с ГДР после объединения Германии. Он писал: «Проникновение частного западногерманского капитала в экономику ГДР чревато уже сейчас радикальными переменами. Часть предприятий, основных наших поставщиков, намечена к закрытию, другие переводятся на выпуск новой продукции. Обещания канцлера их ни к чему не обязывают. На повестке дня изменение условий и порядка взаимных расчетов».

Именно в этом последнем пункте, где речь шла о грядущей в скором времени немецко-немецкой валютной унии, то есть о замене валюты ГДР западногерманской денежной единицей («немецкой маркой»[153]), заключалось уязвимое место фалинской концепции сильной политики в отношении Германии. В самом конце записки Фалина предлагалось «уже сейчас вступить в доверительные контакты с ФРГ по вопросам, связанным с финансированием наших расходов на содержание советских войск в ГДР после введения в оборот там западногерманской валюты. По некоторым сведениям, Бонн готов пойти нам навстречу, но в «замаскированной форме». Прямое компенсирование советских расходов вызвало бы раздражение американцев, которые в ФРГ не пользуются такими

льготами»[154]. Вряд ли можно было беспроблемно совместить жесткое сопротивление планам западных немцев с одновременным обращением к ним с просьбой дать деньги: как правило, музыку заказывает тот, кто платит. Во всяком случае, подобный финт требовал дипломатического искусства высшего пилотажа. А его «на самом верху» не было.

Предложения Фалина являлись продуманной программой активных действий, которая могла и должна была сменить «стратегию» самовольной отлучки с позиций великой державы, стихийно практиковавшейся Москвой с начала 1990 года. Выступая на встрече с коллективом посольства СССР в ГДР 18 мая 1990 года, Фалин подтвердил неизменность своей позиции и настаивал на следующих принципах советской политики по германским делам: «Не может быть и речи о включении объединенной Германии в НАТО – необходима общеевропейская система коллективной безопасности. Если мы договоримся о временных рамках создания такой системы, тогда можно договариваться и о промежуточных этапах. Пока в Западной Германии есть американские войска, наши войска будут в Восточной Германии; их вооружение будет соответствовать американскому. Doppelm-itgliedschaft[155], то есть обязательства Германии по отношению к НАТО и ОВД, – это возможно. Реформа НАТО маловероятна – об этом свидетельствуют последние недели: там разрабатываются планы обойти договор о РМСД[156] путем использования самолетов с ракетами нового поколения с дальностью до 1000 километров. […] Мирный договор будет означать окончание не только Второй мировой войны, но и холодной войны (нас поддержат французы, бельгийцы, итальянцы, поляки, чехи и так далее). Надо использовать заинтересованность немцев в мирном договоре: большинство их хочет завершить действие прав западных держав, предотвратить возможные авантюры своего собственного правительства. […] Для нас статья 23 неприемлема; мы не можем принять эту статью за базу договоренностей. Мы не можем согласиться с ней – это был бы ущерб не только для престижа СССР, но и по существу ([проблемы] обороны). Предстоят обострения – и с США, и с ФРГ, и даже с ГДР. В любом случае Верховный совет СССР не ратифицирует договор со статьей 23 и НАТО».

К сожалению, Горбачев отказался принять во внимание позицию Фалина – он игнорировал ее, как и все другие квалифицированные советы профессионалов, в то время как Верховный совет СССР дисциплинированно ратифицировал «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии», подписанный в Москве 12 сентября 1990 года. Дата

подписания соответствовала пожеланиям ФРГ, которая не хотела, чтобы ГДР успела отметить свой 41-й день рождения. В договор были включены – хотя и косвенно – и статья 23 конституции ФРГ, и членство ФРГ в НАТО. У депутатов победили опасения ослабить и без того пошатнувшееся положение Горбачева. История показала, что пользы для страны такое решение большинства депутатов не принесло.

Между тем возможности для маневра у советской внешней политики имелись даже после падения стены 9 ноября 1989 года. «Единый западный фронт» совсем не был единым. Только США безоговорочно поддерживали политику Гельмута Коля, спешившего свезти в закрома ФРГ политический урожай, заготовленный для него Горбачевым. Во время неформальной встречи глав входивших в Европейские сообщества государств 18 ноября 1989 года премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер подчеркивала, что «любая попытка заговорить об изменении границ или о германском объединении подорвет позиции Горбачева и откроет ящик Пандоры пограничных претензий в сердце Центральной Европы»[157]. В одном из интервью в конце января 1990 года Тэтчер указывала, что «скорость, с которой реализуется германское единство, должна учитывать другие обязательства и дать нам возможность все подготовить»[158]. Этой позиции она придерживалась до последней возможности. В конце марта 1990 года в интервью журналу «Шпигель» она предложила, например, чтобы вхождение объединенной Германии в НАТО компенсировалось для СССР «сохранением какого-то количества советских войск в Восточной Германии»[159]. Британский министр иностранных дел Дуглас Херд рекомендовал в ходе встречи с госсекретарем США Джеймсом Бейкером в конце января 1990 года формулу «четыре плюс нуль» для переговоров об объединении Германии (то есть вообще без участия немцев)[160].

Французская линия во многом перекликалась с английской. Министр иностранных дел Франции Ролан Дюма заявил в Национальном собрании в середине декабря 1989 года, что право на самоопределение не является «абсолютным принципом» и зависит от согласия остальных европейских государств; при этом нельзя не учитывать «определенные реальности» – такие как «существование двух германских государств, входящих в противоположные союзы; наличие международных соглашений; свободно выработанные принципы Хельсинки»[161]. Прямой поддержкой самостоятельности ГДР был официальный визит президента Франции Франсуа Миттерана в Берлин 20-22 декабря 1989 года. Он прибыл в сопровождении шести министров; во время визита было подписано несколько договоров и соглашений;

состоялись встречи президента с Хансом Модровым и Манфредом Герлахом (глава ЛДПГ занимал тогда пост председателя Государственного совета, то есть президента ГДР). Миттеран не скрывал своей заинтересованности в сохранении суверенной ГДР и возражал против «поспешного воссоединения»[162]. В речи на приеме в Берлине президент Франции говорил о «народе ГДР», что вызвало аллергическую реакцию в Бонне.

Впрочем, уже тогда у представителей ГДР сложилось впечатление, что позиция Парижа не носит окончательного характера и французы приступили к сложным маневрам в германских делах. Избранный председателем ХДС ГДР в октябре 1989 года Лотар де Мезьер отметил в беседе со мной 22 декабря, что визит Миттерана полезен, но он скоро забудется, а Франции о своей позиции надо напоминать постоянно. Де Мезьер сообщил также, что у членов французской делегации чувствовались сомнения в прочности ГДР (например, с Миттераном прибыл целый самолет охранников – мотивировка: «Ведь МГБ распущено»!)[163]. Манфред Никлас, помощник министра иностранных дел ГДР, при нашей встрече 27 декабря суммировал высказывания Миттерана следующим образом: «Встреча четырех послов – это хорошо, но нельзя проводить такие встречи часто. Против «первоначальных прав четырех» все равно никто возражать не будет». Миттеран отнесся скептически к высказанной Модровым идее поручить подготовку решения германской проблемы группе «четыре плюс два». Он также возражал против вынесения этой проблемы на обсуждение СБСЕ («Хельсинки-2»): «Переговоры в рамках СБСЕ не должны превращаться в мирную конференцию; пусть СБСЕ занимается преодолением раскола континента на блоки, а права четырех должны заменяться по мере прогресса общеевропейского процесса; можно наметить 2000 год как дату воссоединения Германии».

На саммите НАТО в Брюсселе 4 декабря 1989 года только президент США Джордж Буш безоговорочно поддержал Коля. Резко критическую позицию заняли Тэтчер, которая была согласна на изменения границ в Европе лишь через 10-15 лет, и премьер-министр Италии Джулио Андреотти, выразивший беспокойство по поводу возможных «сепаратных действий» ФРГ. Из-за расхождений во мнениях не удалось согласовать формулу поддержки «германского объединения» для заключительного коммюнике саммита. Эту задачу отложили до саммита ЕС, который состоялся четыре дня спустя в Страсбурге. Там эта формула благодаря компромиссу с Францией была выработана с оговоркой, что процесс объединения должен «происходить

мирным и демократическим путем, при соблюдении соглашений и договоров, а также всех записанных в Заключительном акте Хельсинки принципов в рамках диалога и сотрудничества между Востоком и Западом. Он [процесс] должен также соответствовать перспективе европейской интеграции»[164].

Настроения восточногерманских реформаторов, за которыми шла значительная часть общества ГДР, были далеки от «объединительной» эйфории. Реформаторы отнюдь не считали строй ФРГ идеальным и требовали сохранения положительных сторон социального порядка, построенного в ГДР. 28 ноября 1989 года в Берлине состоялась международная пресс-конференция, на которой писатель Штефан Гейм, один из духовных отцов «ноябрьской революции», огласил текст воззвания «За нашу страну», составленного группой деятелей культуры, ученых, рабочих и служащих, представителей оппозиции ГДР. В воззвании речь шла о необходимости сохранить самостоятельность республики и о перспективе построения в ней «общества солидарности, в котором были бы гарантированы мир, социальная справедливость, свобода каждого, возможность беспрепятственных поездок для всех и сохранение окружающей среды». Гейм призвал население ГДР поддержать это воззвание, подписав его, и заявил, что «такой процесс прояснения в обществе тем более важен, что на другой стороне г-н Коль уже начал «увертюру к поглощению» ГДР». Инициаторам воззвания сильно повредило то, что подпись под ним сразу же поставил чрезвычайно непопулярный в республике Эгон Кренц – это дало противникам независимой ГДР повод говорить о «заказной операции СЕПГ». Тем не менее к 19 декабря воззвание подписали более 560 000 граждан ГДР.

Вопреки мнению советников генерального секретаря ЦК КПСС сформированное после выборов в Народную палату 18 марта правительство ГДР во главе с де Мезьером вовсе не собиралось петь с боннского голоса. В коалиционном соглашении партий, на которые оно опиралось, значились цели, которые больше соответствовали советской, а не западногерманской позиции. Там было сформулировано, например, требование о роспуске военных блоков и их замене системой европейской безопасности; до создания системы европейской безопасности ГДР допускала сохранение членства ФРГ в НАТО при условии изменения стратегии альянса и отказа от применения ядерного оружия первым. Далее выдвигались требования о немедленном начале существенного сокращения германских вооруженных сил, о выводе всего ядерного оружия с германской территории и о сохранении полностью обязательств ГДР по отношению к третьим

странам (то есть прежде всего в отношении СССР). Обеспокоенный Бонн оказал мощнейшее давление на де Мезьера, и в правительственном заявлении последнего многие пункты коалиционного соглашения не были упомянуты. Однако создание системы европейской безопасности по-прежнему фигурировало там как главная цель переговоров «два плюс четыре»; отсутствовало категорическое требование вхождения объединенной Германии в НАТО; вместо этого не исключалось ее «двойное членство» в НАТО и ОВД.

Показателем накала бури противоречивых страстей, которую вызвал приход к власти в ГДР оппозиции, противопоставлявшей себя СЕПГ и ее политическому курсу (в том числе официальному курсу на дружбу с СССР), может служить публичная дискуссия на тему «Раздумья о Германии. Европейское измерение», состоявшаяся 2 мая 1990 года в Доме советской науки и культуры в Берлине. Для группировавшихся вокруг ДСНК сторонников сохранения тесных связей ГДР с Советским Союзом вопрос о том, как будут развиваться дела в этой сфере, носил жизненно важный характер. Для участия в дискуссии руководство ДСНК пригласило видного представителя ПДС Ханса Модрова, только что покинувшего пост председателя Совета министров, известного деятеля партии «Форум» Фридриха Шорлеммера, недавно примкнувшего к социал-демократам, и меня в качестве «модератора», тот есть ведущего дискуссию. Я принял приглашение прежде всего потому, что надо было что-то противопоставить все более четко ощущавшемуся в ГДР давлению западной пропаганды, главным (хотя и несколько завуалированным) тезисом которой было – СССР проиграл и нечего обращать на него внимание.

Модров сразу определил общее направление дискуссии, сформулировав ее тему следующим образом: «Как следует обращаться с германским вопросом, чтобы это пошло на пользу немцам и их соседям?»

Выступавший в целом за сближение с СССР Шорлеммер начал с признания, что плохо спит по ночам, и привел в качестве объяснения часто в то время использовавшуюся цитату из поэмы Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка»: «Только вспомню ночью о Германии – сразу, как рукой, снимает сон». Он подчеркнул, что следует быть очень внимательным к тому, что сейчас рождается из недр германского вопроса. Неизвестно, чем все это закончится. Пугает то, что делают вид, будто нет проблем. А безработица? По словам Шорлеммера, социализм не может быть «реальным» и подчиняться только одной партии. Сталинизм был попыткой загнать людей в утопию. Однако поражение

социализма еще не означает, что победил капитализм, вот только средства строительства нового общества должны быть также социалистическими. Безответственно ставить национальный вопрос в центр деятельности. Советско-германскую дружбу еще предстоит обрести. Нужно ближе знакомиться с живущими рядом русскими, одетыми в униформы. Почему объединение Германии намечается в столь сжатые сроки? Германия должна быть связана с системой коллективной безопасности. Наличие блоков – это абсурд.

Модров указал на то обстоятельство, что движение к объединению происходит слишком быстро. «Когда мы были молодыми, у нас тоже были иллюзии в отношении быстрого построения социализма. Но надо было возместить тот ущерб, который Германия нанесла Советскому Союзу. Впоследствии нам следовало быть более последовательными в отношении перестройки в СССР». Но кто теперь даст молодежи перспективу? Церковь? Маркс? Ни реальный социализм, ни капитализм не в состоянии дать ответа на проблемы XXI века. Разве выход состоит в рыночном хозяйстве с социалистической основой? Впереди у нас социализм! Нужна нейтральная Германия, готовая к диалогу, настаивающая на разоружении, участвующая в создании коллективной безопасности». Европейский дом состоит из богатой западной части, центральной части среднего достатка и бедной восточной части. Именно этой проблемой должна заняться конференция «Хельсинки-2».

Пришлось и мне отвлечься от роли «только модератора» и активно включиться в дискуссию. Главный мой тезис: нет оснований говорить о «поражении» СССР, игра не проиграна, у нас есть достаточно возможностей защитить наши интересы в Европе.

В качестве иллюстрации представляет интерес посвященная этой дискуссии статья «О вере в чудо разума», опубликованная через день на второй полосе «Нойес Дойчланд», которая давно уже перестала быть «центральным органом СЕПГ». В статье говорилось:

««Он хорошо спит по ночам, что, видимо, больше объясняется возрастом», – заявил на днях в ДСНК посланник посольства СССР в ГДР Игорь Максимычев, отвечая на вопрос об актуальности знаменитого изречения Гейне в его «Зимней сказке». Но озабоченности в связи с «раздумиями о Германии в европейском измерении» он вполне разделяет со своими собеседниками – Хансом Модровым, почетным председателем ПДС, и пастором Фридрихом Шорлеммером, доцентом Евангелического семинара в Виттенберге.

Шорлеммеру с его пренатальными воспоминаниями о ночных бомбардировках кажется дурным сном, когда он по дороге в Берлин видит плакаты, которые подменили слова Кете Кольвиц «Никогда больше войн!» лозунгом «Никогда больше социализма!» А Ханса Модрова одолевают сомнения, можно ли и как ответить на вопрос, заданный ему недавно в Токио: принесет ли объединение Германии одинаковую пользу немцам и европейцам? И хотя советский дипломат сначала – демонстрируя вполне оправданное великодержавное самосознание – заверил в том, что Советский Союз не испытывает страха перед [объединенной] Германией, затем он, отвечая на конкретные вопросы, упомянул о настроениях в его стране, согласно которым «Сталин выиграл войну, а Горбачев проиграл мир». К тезису о том, что здесь ничего нельзя проигрывать и 8 мая 1945 года должно оставаться последним днем мировых войн вообще, Шорлеммер добавил следующую мысль: перед лицом экологических, а также экономических факторов, угрожающих существованию человека, было бы безответственно ставить в центр наших забот национальный вопрос. И дальше он задал вопрос: «Горбачев, этот счастливый случай истории, близок к трагическому концу, Советскому Союзу грозит развал, а мы тут спокойно обделываем свои делишки?»

В ответ на вопрос об обстоятельствах выдвижения инициативы Модрова в январе 1990 года[165], бывший председатель Совета министров изложил идею (подтвержденную и дополненную недавно министром иностранных дел Шеварднадзе) о том, что германский нейтралитет может послужить созданию всеобъемлющей системы безопасности в Европе. Эта система должна гарантировать необратимое разоружение, общий экономический подъем и безопасность для каждого участвующего в Хельсинкском процессе квартиросъемщика Европейского дома.

Перед лицом совпадения мнений между ним и Модровым Шорлеммер выразил опасение: «У нас не получится по-настоящему спорить друг с другом». Как следует нашему «невротизированному западногерманской маркой народу защититься от самого себя?» (Шорлеммер). «Как можно постичь и, возможно, преодолеть темп и масштабы разрыва между 4 ноября 1989 года (идея конфедерации) и сегодняшним днем (исключительно валютная уния)?» (Модров). Оба ясно видят неспособность «реально существующего социализма» решить поставленные временем проблемы, сознавая одновременно, что у капитализма также нет на них ответа. На понимании того, что надо было раньше уяснить себе: «реально существующий

социализм» не является социализмом, и на своем жизненном опыте Максимычев основывает надежду на возрождение в принципе социалистической идеи. Похожие рассуждения, а также размышления о своей («достаточно последовательной»?) позиции в последние годы подводят почетного председателя ПДС к выводу том, что прежде всего молодежи придется искать и находить ответ, что же готовит человечеству XXI век.

Не в последнюю очередь из «прямоты ответов» Ханса Модрова на вопросы, касающиеся его деятельности на посту главы правительства (почему он еще раз пытался воссоздать службу безопасности, почему правительство не смогло предоставлять субвенции совсем без учета персоналий, каким образом г-н Райхельт[166] вновь стал министром экологии), Шорлеммер делает вывод о «возможности согласиться совместно основательно обсудить мучающие нас главные вопросы современности». Шорлеммер считает «важным не то, в какую партию входит тот или иной человек, а то, как он относится к возложенной на него ответственности».

«Внимание к социальной стороне дела еще не делает человека человеком. Рыночное хозяйство с социальными компонентами еще не создает человека, о котором Горький говорил: Это звучит гордо». Обозначенный Модровым таким образом человеческий образ Шорлеммер собирается «обязательно обсудить, причем скоро!» В восприятии виттенбержца «психологическому сверхдавлению со стороны СЕПГ мы обязаны тем, что освободившись от него, мы почувствовали себя субъектами истории», и он уверен: «Это означает, что надо крепить прямую демократию». Один из слушателей спросил его: «Г-н пастор, верите ли вы в чудо или в разум?» Шорлеммер: «Я верю в чудо разума»»[167].

Нажим на правительство ГДР со стороны Бонна был усилен. К Мезьеру был срочно приставлен в качестве советника сотрудник ведомства федерального канцлера. Была предпринята попытка направить западногерманских советников и к новому министру иностранных дел ГДР Маркусу Меккелю (СДПГ), которая, правда, не удалась: Меккель отказался их принять. Впрочем, и сам де Мезьер не превратился в простой рупор Бонна. В июле 1990 года он еще продолжал требовать изменения натовской стратегии, а также вывода ядерного оружия и войск западных держав с германской территории. Министр разоружения и обороны ГДР Райнер Эппельман пошел еще дальше – он требовал равного отношения к советским и западным войскам в ходе переговоров «два плюс четыре», сохранения двух армий в Германии вплоть до момента, когда будут распущены блоки, и допускал отказ от

«полного суверенитета» объединенной Германии[168]. Сабина Бергман-Поль (ХДС ГДР), избранная после выборов 18 марта председателем Народной палаты и исполнявшая одновременно обязанности председателя Государственного совета ГДР, публично высказалась в пользу объединения ГДР и ФРГ на основании статьи 146 западногерманского Основного закона, согласно которой Основной закон прекращает действовать «в день вступления в силу конституции, принятой немецким народом свободным решением».

Даже в самой Западной Германии не было полного единогласия по сложнейшей проблематике присоединения ГДР. Выступая в Тутцинге близ Мюнхена 31 января 1990 года, министр иностранных дел ФРГ Ганс-Дитрих Геншер выдвинул предложения, получившие затем наименование «плана Геншера». Центральным пунктом этого плана был следующий тезис: «Дело НАТО недвусмысленно заявить: что бы ни произошло в Варшавском пакте, не будет расширения территории НАТО на Восток, то есть к границам Советского Союза. Эти гарантии безопасности имеют большое значение для Советского Союза и линии его поведения. Запад должен считаться с пониманием, что перестройка в Восточной Европе и процесс германского объединения не должны вести к ущемлению интересов советской безопасности. Для того, чтобы создать необходимые для этого предпосылки, потребуется высокая степень европейского государственного искусства. Представление о том, будто часть Германии, образующая сегодня ГДР, будет включена в военные структуры НАТО, блокировало бы германо-германское сближение»[169]. Во время переговоров в Оттаве и сразу после них Геншер склонялся к тому, чтобы принять предложение МИД СССР о создании системы европейской безопасности взамен существующих военных блоков путем формирования в рамках СБСЕ общеевропейских структур («Хельсинки-2»). Солидарную с Геншером позицию занял итальянский министр иностранных дел Джанни Де Микелес[170]. Мнение Геншера было энергично поддержано представителями СвДП – партии, входившей в правительственную коалицию с ХДС/ХСС, а также многими социал-демократами, остававшимися в оппозиции.

Власти Западного Берлина (там правила коалиция социал-демократов и «зеленых») были готовы поддержать представления реформаторов ГДР о продолжительном периоде сосуществования германских государств. В беседе со мной 7 марта Дитер Шредер развивал мысль о том, что решение в пользу применения статьи 23 Боннского основного закона («прием» ГДР в состав ФРГ) может оказаться неизбежным, но его возможно обставить

определенными условиями: например, введением пятилетнего переходного периода, в течение которого ГДР не утратит определенной самостоятельности, хотя ФРГ должна будет финансировать бюджет ГДР. Для обсуждения деталей и в целях успокоения общественности Вальтер Момпер был бы готов посетить Москву в качестве правящего бургомистра. Момпер согласен полететь в Москву рейсом «Аэрофлота» или «Интерфлюга» (авиационная компания ГДР) из Шенефельда, не настаивает на исполнении гимна и вывешивании флага ФРГ, но ряд формальностей протокольного характера должен быть все же соблюден: в Шереметьево его встречает посол ФРГ, который затем устраивает обед в честь Момпера с участием советской стороны. Именно на этих формальностях в итоге и сошелся свет клином: мы так и не смогли перебороть себя и отказаться при в корне изменившихся условиях от концепции «особого политического образования Западный Берлин». Но скорее всего в Москве уже просто не видели смысла в том, чтобы поддерживать социал-демократов. Гельмут Коль продолжал оставаться для советского руководства единственным светом в окошке. До сих пор не понимаю, как можно было класть все яйца в одну корзину?

Кстати, МИД ФРГ был настроен на продвижение идей своего шефа. 5 февраля шеф политического отдела постпредства ФРГ в ГДР Эрнст-Йорг фон Штудниц сообщил мне в беседе, что в Бонне осознали серьезность положения в ГДР и примут 13-14 февраля (на эту дату был назначен визит Модрова в Бонн) меры по срочной помощи республике. Ослабление остроты положения в экономической сфере сделает более контролируемым развитие в политической сфере, даст «передышку» всем, кого затрагивает воссоединение Германии. Штудниц считал, что ФРГ могла бы удовлетвориться на несколько лет экономическим объединением, не торопясь с политическим. По его оценке, главной здесь является проблема безопасности – создание коллективной системы безопасности в Европе потребует нескольких лет. Видимо, до этого момента надо «оставить советские войска там, где они есть».

Таким образом, имелись реальные предпосылки для защиты интересов Советского Союза. Требовалось только грамотно воспользоваться наличными возможностями. Нужно было дипломатическое искусство. Однако ни умения, ни желания отстаивать свои позиции Москвой проявлено не было. Все моменты, которые могли смягчить удар по безопасности, международному положению и престижу СССР, были проигнорированы советским руководством. Оно упорно и безоглядно ориентировалось на нужды и потребности канцлера

Гельмута Коля. ГДР была заранее выдана головой во имя химеры содействия со стороны ФРГ дальнейшему пребыванию Горбачева у власти.

Окончательные политические похороны ГДР состоялись во время встречи Горбачева с Колем в Москве и Архызе 15-16 июля 1990 года. Коль прибыл на них, уже фактически положив ГДР в карман. После 1 июля, даты вступления в силу валютной унии обоих германских государств, обратного пути быть не могло. По логике вещей добиваться реализации советских пожеланий и требований следовало до 1 июля, но этого, конечно, сделано не было. Оставалось принять условия ФРГ и задокументировать отступление по всему фронту. Премьер-министра ГДР де Мезьера не только не пригласили на встречу с Колем, но даже и не консультировались с ним[171].

Повествуя об Архызе в своих мемуарах, Тельчик вновь впадает в восторженный тон. Он сообщает: «Совершенно спокойно и серьезно Горбачев соглашается на то, чтобы Германия и дальше оставалась членом НАТО. Коль реагирует на это поразительное заявление, не выдавая своих чувств». Далее Горбачев говорит «о заключении отдельного договора по пребыванию советских войск на территории бывшей ГДР на срок от трех до четырех лет. Канцлер еще раз повторяет эти решающие высказывания Горбачева, чтобы закрепить их не допускающим кривотолков образом». Тельчик резюмирует: «Прорыв достигнут! Мы не ожидали столь ясных обязательств Горбачева. Конечно, все предзнаменования были позитивными, однако кто мог бы предсказать подобный исход? Для федерального канцлера эта беседа является невероятным триумфом. Но он не подает вида, только раз он бросил мне многозначительный взгляд, передающий его удовлетворение. Я – свидетель исторического момента!»[172]

На пресс-конференции в Бонне по возвращении из СССР Коль с чувством глубокого удовлетворения подвел итоги переговоров с Горбачевым: 1) объединенная Германия будет состоять из ФРГ, ГДР и всего Берлина (что означало, наконец, признание границ Германии 1945 года); 2) права союзников в отношении Германии в целом и Берлина теряют силу в момент объединения; 3) суверенная Германия свободно решает вопрос о своей принадлежности к военному союзу НАТО; 4) особым договором между СССР и Германией будут урегулированы условия вывода советских войск из бывшей ГДР не позже 1994 года[173]; 5) в этот переходный период на территорию бывшей ГДР не будут распространяться структуры НАТО; 6) там могут размещаться части бундесвера, не интегрированные в НАТО; 7) войска

западных союзников остаются в Берлине на время пребывания советских войск в бывшей ГДР; 8) в бывшей ГДР после вывода советских войск могут размещаться интегрированные в НАТО войска, но не иностранные войска и не атомное оружие; 9) общегерманские вооруженные силы сокращаются до уровня 370 000 человек; 10) объединенная Германия отказывается от обладания и производства атомного, бактериологического и химического оружия и остается участником договора о нераспространении этих видов оружия[174]. Если бы Советскому Союзу пришлось подписывать безоговорочную капитуляцию, она вряд ли сильно отличалась бы от итогов Архыза. Наложенные же на объединенную Германию ограничения были продиктованы не столько интересами СССР, сколько интересами западных союзников ФРГ.

Принесение в жертву интересов союзника, существование которого зависит от твоей поддержки, – вещь в принципе аморальная. Но так как политику меряют нравственными критериями лишь в назидательных романах и учебниках для начальной школы, подобное в мире случается. Недаром еще в XIX веке возникло понятие «реальной политики» (автор – первый рейхсканцлер Отто фон Бисмарк, до сих пор чтимый в Германии как наиболее успешный политик германской истории), ориентированной не на постулаты братской любви и всеобщего счастья, а на грубую действительность межгосударственного общения. Однако и для «реальной политики» подобный образ действий мыслим лишь в случае крайней нужды, когда тебе самому угрожает действительная погибель и ты можешь избежать ее, только выдав с головой своего союзника (или союзников). Отправить друга на плаху, чтобы затем самому положить голову на нее, – это в реальном мире свидетельствует о высшей степени непрофессионализма, является доказательством отсутствия всякого политического мышления, демонстрирует скандальную неспособность соотносить действия с их результатами. К сожалению, все вышеперечисленное стало итогом перестроечной внешней политики.

Оставив ГДР на произвол судьбы, Горбачев не сумел добиться решающего укрепления положения СССР. Стабильности в Европе не прибавилось. Наоборот, именно в этот момент на Востоке континента стали стремительно рушиться структуры безопасности, которые строились Советским Союзом долгие годы и за которые ему пришлось дорого заплатить. Вихрем нарастала опасность того, что процесс аннигиляции не остановится перед советскими границами. Переговоры «два плюс четыре» протекали достаточно драматично в том смысле, что Москва по инициативе

МИД СССР время от времени декларировала свои интересы, но по указанию высшего руководства неизменно сдавала заявленные позиции. Настороженное отношение Великобритании и Франции к перспективе появления в Западной Европе такого мощного игрока, как объединенная Германия, чье внимание более не поглощается решением национальной проблемы, быстро увяло ввиду отсутствия реальных шансов на успех. «Покладистость» Советского Союза побудила англичан, французов, других западноевропейцев избегать ссориться с ФРГ, завтрашним хозяином центра Европы. После сделанных в Архызе фундаментальных уступок Колю нерешенными оставались лишь третьестепенные вопросы. Четырем державам не оставалось ничего другого, как придать советско-германским договоренностям обязательную юридическую форму, что и было сделано в Москве 12 сентября 1990 года, когда был подписан «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии» (договор «два плюс четыре»). Через полтора месяца стало свершившимся фактом включение ГДР в состав ФРГ.

Помню мое тогдашнее состояние душевного опустошения. Сложную дипломатическую партию мы проиграли, не использовав ни одного из имевшихся шансов добиться хотя бы ничьей и оставив на произвол судьбы наших друзей и соратников из ГДР. Конечно, утешал тот факт, что затяжной кризис, который в любой момент мог перерасти во всеобщую катастрофу, заканчивался без взрывов и кровопролития и путь к общеевропейскому решению существующих проблем оставался хотя бы теоретически открытым. Дальнейшие осложнения, возможные и даже вероятные в восточноевропейском регионе, нас уже прямо не касались. Мы становились сторонними созерцателями, которые регистрируют «ума холодные наблюдения и сердца горестные заметы», поскольку тот способ завершения кризиса ГДР, который стал реальностью, означал неизбежное снижения внешнеполитического профиля страны, которую мы по-прежнему представляли. Только несколько лет спустя стало ясно, что в тот момент мы еще не достигли низшей точки падения. Тогда мы не знали, что предстоит испить еще более горькую чашу, что грядет время развала Советского Союза и потери Россией лица. Алексей Иванов, знаток Урала и особенностей характера его жителей, напишет позже: «Уральский менталитет «дикого счастья» в 90-е годы XX века вообще воцарился в России, подмяв под себя ее историю. Екатеринбуржец Борис Ельцин… Первый президент РФ… Как намертво он вцепился во власть, на какие риски и жертвы шел, чтобы прорваться к русскому трону, – и зачем? Чтобы в запое «дикого

счастья» спустить с привязи всех бесов нации ради безумной пляски на развалинах державы – совсем недавно еще великой и могучей. Ради чего? Семья Ельцина не попала в топ-листы журнала «Форбс», хотя рулила богатейшим государством. Весь пыл «ушел в свисток» – в лихую плясовую «дикого счастья»»[175]. Все это нам еще предстояло.

Последние недели ГДР

2 октября 1990 года «Нойес Дойчланд» опубликовала статью берлинской корреспондентки лондонской «Таймс», милой молодой шотландки Энн Макэлвой, посвященную предстоящему слиянию двух Германий. «Липы на Унтер-ден-Линден теряют последние листья, – писала Энн, – и повеяло зимой в эти последние дни ГДР. Легкомысленное лето немецкой марки миновало; в Германии становится ощутимо более холодно и неуютно. Независимо от того, какое настроение будет преобладать 3 октября – ликующее или подавленное, – трудно отделаться от приступов грусти. Столько вокруг последнего, окончательного, осужденного на скорое исчезновение, что все окрашивается в меланхолические тона». Разумеется, вечером 3 октября обширное зеленое поле перед зданием рейхстага, в котором впоследствии должен был разместиться бундестаг ФРГ, оказалось заполненным ликующей толпой, праздновавшей объединение. Там проходило центральное мероприятие, посвященное этому событию. Но в других районах Берлина было непривычно тихо. Мечта большинства восточных немцев исполнилась – отныне они жили в богатой ФРГ и надеялись на то, что западногерманское процветание распространится и на них. Однако полной уверенности в том, что эти надежды сбудутся, не было.

Большие надежды питали и европейские соседи объединенной Германии, которая по логике вещей должна была стать центральной державой интегрированной части Европы, а в складывавшихся условиях и всего континента. Вопрос о том, каким будет завтрашний день, был особенно важен для восточноевропейских стран, переживавших тяжелейший политический и экономический кризис, и прежде всего для Советского Союза, структуры которого были готовы вот-вот рухнуть. Все понимали: государственная мощь поддается восстановлению, место в международных отношениях – возвращению, экономическое здоровье – поправке; процесс преодоления кризисных явлений может даже приобрести быстрый характер. Но все это при одном условии: в Европе не должно быть новой напряженности, новых конфликтов, новой враждебности. Как раз в этом пункте у соседей немцев не было полной уверенности. Особенно сильные сомнения испытывали люди в СССР, принесшем наибольшие жертвы на алтарь германского единства. Колебания между оптимистическими ожиданиями того, что объединение Германии принесет континенту только благо, и

скептицизмом, питаемым сознанием, что на руках у Москвы не осталось больше козырей, можно было проследить и на примере пережитого сотрудниками советского посольства в Берлине в последние недели существования ГДР.

Понедельник 17 сентября. На конференции Аспенского института обсуждается вопрос, надо ли делать Берлин столицей объединенной Германии, а если да, то когда. С юридической точки зрения эта проблема высосана из пальца. И в конституции ГДР, и в Основном законе ФРГ столицей Германии определен Берлин – Бонн считался все эти годы временным центром Западной Германии, причем в этой конструкции Западный Берлин пользовался особым статусом. Но теперь Северный Рейн-Вестфалия, богатейшая земля ФРГ, на территории которой расположен Бонн, стала настаивать на том, чтобы временная столица ФРГ, которая сразу после объединения превратится в фактическую столицу единой Германии, была юридически признана «окончательной». Понятно, что в основе всего разыгравшегося вокруг этой проблемы театра лежали не только соображения престижа, но и совершенно конкретные материальные интересы. Менее понятно, почему так страстно очерняли перспективу переноса германской столицы в Берлин политологи и политики, собравшиеся на конференцию Аспенского института. Когда один из французских участников дошел до того, что объявил перенос столицы невозможным, поскольку коммуникации между Берлином и Западом, включая структуры НАТО, не смогут функционировать нормально, пока в Восточной Германии стоит ЗГВ, пришлось взять слово мне. Я напомнил присутствующим, что подобный подход отвечает реальностям вчерашнего, а не сегодняшнего дня. Если ЗГВ не вмешалась при падении Берлинской стены, то с какой стати она стала бы вмешиваться сейчас, когда ее помыслы сосредоточены на проблемах вывода войск, который является совсем не шуточным делом? Следует привыкать к мысли, что эпоха враждебного противостояния закончилось; отныне мы с Западом партнеры и надеемся со временем стать друзьями. Германо-советская дружба вовсе не исключает германо-французскую дружбу – они дополняют друг друга.

Вторник, 18 сентября. В Доме приемов МИД ГДР в Трептове (на Пушкин-аллее) проходит 49-е и последнее заседание Смешанной комиссии СССР-ГДР. Официальное название этой комиссии не содержало каких-либо уточнений относительно предмета, которым она занималась, а итоговые коммюнике носили нарочито ничего не говорящий характер, и поэтому ее заседания давали в прошлом повод западным СМИ для самых

смелых, иногда прямо фантастических домыслов. Сейчас ни для кого не является секретом, что в компетенцию Смешанной комиссии входят технические вопросы пребывания советских войск на территории ГДР. Подготовка повестки дня заседания и формулировка коммюнике для прессы были, как всегда, поручены мне как посланнику посольства СССР, с одной стороны, и заведующему отделом СССР Министерства иностранных дел ГДР, с другой. Ничего сенсационного. Обсуждение конкретных вопросов предотвращения ущерба окружающей среде вследствие предстоящих учений и маневров советских войск, а также возмещения уже нанесенного ущерба (эта тематика неоднократно рассматривалась в прошлом) откладывалось на более поздний период – когда будет создана Смешанная комиссия нового состава, уже с представителями объединенной Германии. В итоговом коммюнике сообщалось о намерении главного командования ЗГВ «путем большей открытости, реализации мер доверия и тщательного соблюдения норм германского права активно поддерживать создание отношений сотрудничества между германскими гражданами и советскими войсками на всех уровнях».

Среда, 19 сентября. Обед в посольстве для шефа канцелярии сената Западного Берлина проф. Дитера Шредера. Я подготовил целый ряд предложений по дальнейшему развитию «берлинского сектора» советско-германских отношений. Я уверен, что Берлин должен сохранить и укрепить свою роль моста между Востоком и Западом Европы. В этом смысле было бы полезно, в частности, создание «Русского института» (со статусом, подобным Аспенскому институту), который помог бы спасти уникальные связи, исторически сложившиеся между Восточным Берлином и Россией. Параллельно мы обсуждаем детали предстоящих в связи с объединением обеих частей Берлина 3 октября мероприятий: концерты ансамбля ЗГВ на аллее Унтер-ден-Линден, окончание советского патрулирования Западного Берлина, вывод почетного караула и спуск флага у советского мемориала в Тиргартене, меры предосторожности по охране советских военных объектов в Восточном Берлине и т.д.

Шредер заверяет меня в том, что спокойствие 2 и 3 октября будет обеспечено (западноберлинская полиция возьмет под охрану восточную часть города уже 1 октября). Что же касается более крупных проектов, то их обещано изучить – как всегда, не хватает денег.

Четверг 20 сентября. Совещание в посольстве с представителями ЗГВ по вопросам обеспечения безопасности во время концертов военных ансамблей на Унтер-ден-Линден 2 и 3

октября (включая приготовление горячей пищи для артистов). За счет города оборудуется концертная площадка в Люстгартене. В концертах примут участие и три западные гарнизона, однако основная нагрузка ляжет на ЗГВ. Особенное значение придается совместному выступлению оркестров четырех держав. В течение обоих дней предусматриваются краткие перерывы между выступлениями для дружеских встреч с легкими возлияниями (погода в октябре, как правило, уже достаточно прохладная).

Пятница, 21 сентября. Прием в здании аэровокзала Темпельгоф от имени руководителей военно-воздушных служб трех западных держав по случаю 140-й и последней сессии Берлинского комитета по координации воздушного сообщения. Объединение Германии принесло изменения не только для ЗГВ. Комендант трех держав должны передать 3 октября свои полномочия в аэропортах Темпельгоф, Тегель и Гатов компетентным немецким органам воздушного контроля. При этом право использовать эти аэродромы за западными державами сохраняется, пока в Берлине стоят их гарнизоны (т.е. пока продолжается вывод ЗГВ). Достигнута договоренность о том, что федеральная служба безопасности воздушных сообщений ФРГ зачисляет в свой штат всех сотрудников ликвидируемых учреждений трех западных держав. Однако физиономии приглашенных на прием не очень веселые – оклады, которые они будут теперь получать, ощутимо ниже выплачивавшихся при союзниках.

В этом же здании с 1 августа проходят переговоры (формально в рамках «два плюс четыре», практически же между западными немцами и ЗГВ) по урегулированию движения летательных аппаратов в воздушном пространстве ГДР после 3 октября; последнее время эти переговоры идут на уровне экспертов. Как глава советской делегации на указанных переговорах я знаю, что к данному моменту практически все вопросы решены; на следующую неделю осталось лишь несколько второстепенных моментов, касающихся летной деятельности военно-воздушных сил ЗГВ. Основные трудности на переговорах обусловлены капризами британской делегации, возглавляемой дамой из посольства Великобритании в Бонне. Готовности делегации ФРГ учитывать советские интересы (представители ГДР по понятной причине отмалчиваются) способствует то, что ее возглавляет Эрнст-Йорг фон Штудниц, с которым мы давно знакомы.

Понедельник 24 сентября. Подписание протокола о выходе Национальной народной армии ГДР из состава объединенных вооруженных сил Варшавского договора в связи с предстоящим

объединением Германии. Подписывают протокол министр разоружения и обороны ГДР Райнер Эппельман и главнокомандующий объединенными вооруженными силами генерал армии ОВД П.И. Лушев. Траурного настроения нет, церемония проходит по-деловому. Общее желание – поскорее покончить с формальностями, поскольку все уже давно решено.

Вторник, 25 сентября. Совещание у посла на тему об отмене четырехсторонних прав к 3 октября. Советник посольства В.М. Гринин, ведущий переговоры на уровне экспертов в Темпельгофе, информирует об их ходе. Он предлагает завершить переговоры общим докладом экспертов, что позволит обойтись без пленарного заседания с участием всех шести делегаций. В этом случае переговоры с гарантией закончатся в срок, до 3 октября. Предложение Гринина принимается. В подвешенном состоянии остается проблема музея капитуляции фашистской Германии в Карлсхорсте. Военные хотели бы забрать экспонаты музея с собой, как они поступают с музеем ЗГВ в Вюнсдорфе. Против такого решения говорят финансовые соображения, а также заинтересованность немцев в том, чтобы музей остался в Берлине[176]. Неясной представляется дальнейшая судьба генерального консульства в Западном Берлине. В принципе оно должно стать частью консульского отдела берлинского отделения посольства (так мы будем именоваться после 3 октября). Но что делать с многочисленными сотрудниками генконсульства?

Среда, 26 сентября. Беседа с заведующим отделом СССР министерства иностранных дел ГДР Клаусом Штайнхофером по его приглашению. Как сообщил Штайнхофер, посольство ГДР в Москве докладывает, что просьба правительства ГДР о прекращении действия договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ГДР в связи с предстоящим объединением Германии затерялась в вихре накаленных страстей в Верховном Совете СССР. Я обещаю напомнить Москве о том, что время не терпит (соответствующая депеша была тотчас же отправлена). Данная проблема в любом случае уже не имеет практического значения, но порядок есть порядок[177].

В тот же день. МИД ФРГ передана советская нота о порядке представительства интересов СССР в Германии после 3 октября. Посольство СССР в объединенной Германии будет на переходный период находиться в Бонне. В дальнейшем вопрос о местонахождении посольства СССР будет решаться с учетом местонахождения правительства Германии. Посольство СССР в ГДР преобразуется в филиал[178] посольства СССР в объединенной Германии, возглавляемый представителем в ранге чрезвычайного и полномочного посла. В составе филиала действует консульский

отдел, а также часть аппарата военного атташе в качестве военной секции посольства СССР. Дипломатический и административно-технический персонал филиала будет постепенно сокращен с учетом деловой потребности. На территории нынешней ГДР сохраняются генеральные консульства СССР в Лейпциге и Ростоке. Генконсульство в Хемнице[179] предусматривается закрыть в 1991 году. Генконсульство СССР в Западном Берлине завершит свою деятельность после вступления в силу договора об окончательном урегулировании в отношении Германии и прекращения действия четырехстороннего соглашения от 3 сентября 1971 года. Помещения генконсульства в Западном Берлине будут использоваться берлинским филиалом посольства СССР в объединенной Германии. (Для сотрудников советских диппредставительств в Восточной Германии все это означает серьезные проблемы с дальнейшим трудоустройством.)

Четверг, 27 сентября. Беседа со статс-секретарем по церковным делам ГДР Германом Кальбом. Я обращаюсь к нему за содействием в деле реализации просьбы Русской православной церкви Московской патриархии о сохранении за ней на период после 3 октября прав, которыми она обладала в ГДР и Западном Берлине. Речь идет о признании права Русской православной церкви Московской патриархии на дальнейшее владение храмовыми зданиями (Воскресенский кафедральный собор в Западном Берлине, храм Св. Александра Невского в Потсдаме, храм Св. Симеона Дивногорца в Дрездене), а также на продолжение пользования храмами, находящимися в собственности немецких муниципалитетов (храм Святых Константина и Елены в Западном Берлине, храм-памятник русской славы в Лейпциге, храм Св. Марии Магдалины в Веймаре). Одновременно я интересуюсь перспективой сохранения той скромной финансовой поддержки, которую учреждения Русской православной церкви Московской патриархии в ГДР получали от властей ГДР в рамках бюджета статс-секретариата по церковным делам. По последнему аспекту Кальб настроен пессимистически: в МВД ФРГ, в компетенцию которого входят церковные вопросы, господствует отрицательный настрой в отношении субсидий церковным организациям. Относительно проблем владения и пользования перспективы получше, хотя кое-где встречаются возражения со стороны новых земельных органов. Для окончательного решения нужно добиться, чтобы на новые земли не распространялось действие закона от 25 марта 1938 года, согласно которому Русская православная церковь Московской патриархии была лишена прав собственности на недвижимость и на пользование ею на всей германской

территории. Кальб считает, что ограничение сферы действия закона 1938 года возможно, но для этого требуется нажим на Бонн из Москвы (как минимум официальная нота).

В тот же день. Обсуждение в Шенебергской ратуше с шефом канцелярии сената Западного Берлина проф. Шредером пожеланий германской стороны по программе запланированного на 11-13 ноября 1990 года визита в Москву правящего бургомистра. Первые контакты по поводу визита главы западноберлинской администрации в СССР имели место уже в начале 80-х годов, но реализации этих планов постоянно мешала противоречивая интерпретация сторонами основополагающего принципа четырехстороннего соглашения от 3 сентября 1973 года, согласно которому Западный Берлин не принадлежит ФРГ и не является ее частью. Например, никак не удавалось прийти к единому мнению о том, должен ли посол ФРГ в Москве получить возможность встретить гостя из Западного Берлина у трапа самолета. Сейчас все эти разногласия принадлежат прошлому. Главное содержание бесед Вальтера Момпера в Москве – многоплановая интенсификация сотрудничества между обеими столицами. (Возможно, речь пойдет о продолжении партнерских отношений между городами-побратимами Москвой и столицей ГДР.)

Пятница, 28 сентября. Прощальный прием в посольстве для руководящих сотрудников МИД ГДР. Среди гостей бывший статс-секретарь Герберт Кроликовский, бывшие заместители министра Эрнст Крабач, Эвальд Мольдт, Гарри Отт, заведующий отделом СССР Клаус Штайнхофер и многие другие. Уже известно, что никто из сотрудников центрального аппарата МИД ГДР, а также загранучреждений министерства (за исключением 2-3 человек из числа начинающих) не будет взят на работу в МИД ФРГ. Это явно несправедливо – восточногерманские дипломаты всегда отличались преданностью делу, железной дисциплиной, фантастической работоспособностью и отличной подготовкой; многие из них получили образование в московских вузах. Наши взаимоотношения с коллегами из дипломатического ведомства ГДР носили, как правило, дружеский и доверительный характер. Теперь коллеги стоят на пороге весьма неопределенного будущего. У нас будущее вряд ли более определенное. Это еще больше сближает.

В тот же день. Вечером еще один прощальный прием, на этот раз в честь посла Франции в ГДР мадам Жоэль Тимсит. Прием проходит в резиденции посла в Панкове, Восточный Берлин. Надо честно признать, что послами западных держав в ГДР были высокоодаренные люди, отличные специалисты своего дела,

выдающиеся знатоки Германии и ее истории. Но и на этом фоне мадам Тимсит выделялась как скала на плоской равнине. Она завоевала здесь для Франции огромное количество друзей, что является совсем не само собой разумеющимся делом, если учесть постоянные колебания европейской политики Парижа.

Воскресенье, 30 сентября. Объявлено, что с 3 октября в связи с объединением ФРГ и ГДР вводится визовый режим для советских граждан, въезжающих на территорию бывшей ГДР. Отныне всем, кто совершает служебные и частные поездки на территорию бывшей ГДР, необходимо получать въездные визы в консульских учреждениях ФРГ на территории СССР. (Несколько дней спустя, после соответствующего обращения МИД СССР, последовало разъяснение, что до конца октября советские граждане, отправляющиеся в срочную командировку, могут при наличии загранпаспорта бесплатно получить визу при пересечении границы. Там же до 31 декабря 1990 года могут получить визу те, у кого на руках частное приглашение, заверенное в полиции до 3 октября. Власти ФРГ разрешили также въезд тем советским гражданам, кто получил в советских органах внутренних дел специальный вкладыш во внутренний паспорт, при условии, что такой вкладыш выдан до 3 октября. Поскольку система вкладышей признавалась ГДР, осуществлявшей программу приема в республике близких родственников военнослужащих, захороненных на восточногерманской территории, паспорта со вкладышами остаются на руках у приблизительно 40 тысяч советских граждан.)

Понедельник, 1 октября. В Нью-Йорке министрами иностранных дел четырех великих держав, а также ФРГ и ГДР подписано заявление о приостановлении действия четырехсторонних прав и обязанностей в отношении Берлина и Германии в целом «до вступления в силу договора об окончательном урегулировании в отношении Германии». В этом контексте устанавливается, что «действие соответствующих, связанных с этим соглашений, решений и практики и деятельность всех связанных с этим институтов четырех держав в равной степени также приостанавливается с объединением Германии».

В тот же день. Мы докладываем в Москву: с 30 сентября прекращен контроль со стороны ЗГВ за передвижением войск трех держав по автостраде и железной дороге между Хельмштедтом и Берлином (КПП Мариенборн, Новавес, Потсдамский мост). Прекращено патрулирование западных секторов Берлина. Помещения и имущество КПП переданы немецкой стороне. Участки КПП открыты для прямого транзитного сообщения.

Охрана памятника в Тиргартене будет осуществляться в прежнем режиме впредь до достижения договоренности с немецкой стороной. С 3 октября иностранные военные миссии прекращают свои поездки по ГДР. Деятельность советских миссий будет приостановлена, прекращены поездки в соответствующих зонах. Личный состав продолжает оставаться в прежних местах дислокации до решения вопроса о возможной реорганизации миссий. Пока в их задачу входит поддержание связи между штабами.

Вторник, 2 октября. В Бонне, в министерстве финансов, парафировано соглашение между правительствами СССР и ФРГ о некоторых переходных мерах, связанных с временным пребыванием советских войск на территории ГДР в связи с ее предстоящим вхождением в состав ФРГ. В соответствии с соглашением для оплаты расходов по содержанию и выводу советских войск создается специальный фонд, часть средств в который внесет правительство ФРГ. Предусматривается оказание немецкой стороной помощи Советскому Союзу в осуществлении программы гражданского жилищного строительства в европейской части СССР для выводимых советских войск.

В тот же день. Прощальный прием в постоянном представительстве ФРГ на Ганновершештрассе. Несмотря на в принципе приподнятое настроение, здесь у немцев также ощущается определенная меланхолия, которой, собственно, не место накануне объединения Германии. Но люди везде остаются людьми. Они держатся за знакомое, привычное. За несколько месяцев жизнь каждого из нас в корне переменилась. Это открывает новые горизонты, но и чревато неожиданностями. Есть счастливые исключения. Принимает поздравления мой коллега из постпредства, посланник Ганс-Михаэль Майер-Себастиан, назначенный руководителем берлинского отделения министерства финансов ФРГ.

Сияет глава постпредства, статс-секретарь Франц Вертеле, с которым я знаком еще по моей работе в Бонне, – он только что успешно завершил не всегда простую эпоху германо-германских дипломатических отношений и остается пока в Берлине в качестве руководителя отделения МИД ФРГ с главной задачей завершить ликвидацию МИД ГДР. В 16.15 под аплодисменты демонтируется государственный герб ФРГ у входа в здание постпредства.

Среда, 3 октября. Сегодня вступает в силу отказ от четырехсторонних прав. Вот так, внешне буднично, даже как-то прозаично переворачивается одна из самых драматичных страниц европейской истории. Нам, и не только нам, нелегко далось это

решение. Но весь ход событий подтверждает, что оно было единственно верным. Не «притормаживать» объективный процесс перемен, а активно действовать в его русле, всячески закрепляя позитивные тенденции, – только так можно сохранить вес и влияние в новой, нарождающейся Европе.

Четверг, 4 октября. Присутствовавший на празднествах по случаю объединения Германии посол СССР в ФРГ Владислав Петрович Терехов встретился с Г.С. Шикиным и руководящим составом берлинского отделения. (Случилось нечто совершенно немыслимое по дипломатическим канонам – два посла в одной стране встретились под одной крышей! При смене послов новый посол прибывает к месту несения службы только после того, как уезжает его предшественник.) Терехов сказал: «Наступил новый этап политики в германских делах. Историю нужно помнить, но нельзя цепляться за старые формулы. Германия будет нашим основным партнером и экономически, и геополитически – партнером бдительным, но благожелательным. Нам не нужна Германия в качестве врага. Никакой спесивости в отношении побежденного! Немцам это очень надоело – в отношениях с Западом тоже. Послевоенный период закончился (лучше было бы осознать это пораньше). Но не нужно забывать и о том, что мы остаемся великой державой. Не смотреть на Германию снизу верх! Не допускать экстаза самоуничижения! Отношения с Германией – центральное направление нашей европейской политики. Многое, что мы получаем здесь, мы не сможем получить нигде. Центр очень интересует, что происходит в бывшей ГДР. Малейший ущерб нашим интересам будет внимательно регистрироваться в Москве. Следует следить за процессами, происходящими в политике, экономике, культуре. Бывшая ГДР – важный для нас эксперимент быстрого перехода от социализма к капитализму, полигон для проверки эффективности применяемых немцами методов. Бывшая ГДР интересна для нас и с профессиональной точки зрения – останется ли ее население нашим другом? Сейчас в ФРГ отношение к нашей армии, к СССР в целом лучше, чем в ГДР. Нужно локализовать недовольство, постараться уменьшить его, не усугублять. Не надо, чтобы от нас исходили еще дополнительные импульсы недовольства. […] Предстоит сокращение штатов в [отделении посольства в] Берлине. По завершении сроков пребывания предстоит отъезд без замены. Может быть, некоторые сотрудники будут переведены в посольство в Бонне».

В тот же день. Отправлен заключительный доклад для МИД СССР. В нем говорится: 2 и 3 октября в Берлине прошел ряд праздничных мероприятий в связи с включением ГДР в состав

ФРГ. 2 октября состоялось последнее заседание Народной палаты. Западно- и восточногерманское телевидение передавало речи Гельмута Коля и Лотара де Мезьера в прямом эфире. Де Мезьер выступил также на вечернем торжественном заседании в Шаушпильхаусе. Как правило, все ораторы отмечали позитивную роль Советского Союза и М.С. Горбачева. Западноберлинский сенат и восточноберлинский магистрат приняли совместное решение о преодолении раскола города. Одновременно состоялась церемония прощания с западными военными комендантами, которые сегодня и завтра покинут Берлин. Спуск трех союзных флагов с флагштоков у городской комендатуры символизировал окончание оккупационного режима в Западном Берлине. 3 октября в здании филармонии в Западном Берлине состоялся государственный акт, в ходе которого выступили президент ФРГ Рихард фон Вайцзеккер, президент бундестага Рита Зюсмут, председатель Народной палаты Сабина Бергман-Поль и правящий бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер. Вайцзеккер, в частности, сказал: «Мы все знаем, что будущая стабильность в Европе невозможна без решающего вклада Москвы. Западная граница Советского Союза не должна становиться восточной границей Европы». (Мой тогдашний комментарий: «Эти слова да Богу в уши!».)

«Остальгия»

Это весьма популярное в сегодняшней Германии словечко, произошедшее от слияния понятий «ост» (восточный) и «ностальгия», четко передает чувства многих жителей восточногерманского государства, которые и по прошествии двадцати лет продолжают испытывать к нему теплые чувства, правда, теперь уже задним числом. Мои контакты с немцами – как восточными, так и западными – не прервались после того, как в 1992 году я подал в отставку (стало совсем невмочь терпеть козыревские художества) и переключился на научно-публицистическую деятельность. Я не только внимательно слежу за германскими СМИ и использую малейшую возможность выступать в них с разъяснениями российской политики. Во время каждого приезда в Берлин я встречаюсь с друзьями и знакомыми и из этого «первоисточника» отлично знаю, как немцы чувствуют себя в новых исторических реальностях. Сказать, что они не прыгают от восторга, значит ничего не сказать. Как правило, само объединение Германии не ставится под вопрос. Все претензии относятся к тому, как оно было осуществлено. И главный упрек заключается в том, что при объединении были выброшены за борт все положительные стороны ГДР, которых, как это видится из сегодняшнего дня, было немало.

Феномен «остальгии» подтверждают также результаты регулярно проводимых опросов общественного мнения, которые участились к 20-летию с момента падения Берлинской стены. В июне 2009 года Свободный университет Берлина опубликовал исследование политолога Клауса Шредера, обобщившего ответы школьников из Восточной и Западной Германии на вопросы специальной анкеты о ГДР, а также писем представителей более старших поколений по указанной тематике. В интервью журналу «Шпигель» Шредер подчеркнул, что его удивило не столько отсутствие фактических знаний о ГДР (например, многие школьники считали, что Берлинскую стену возвели ФРГ или ее западные союзники), сколько резкое неприятие критики в адрес ГДР. Шредер констатировал, что многие бывшие восточногерманские граждане воспринимают такую критику как «личный выпад» и отвергают характеристику ГДР как «неправового государства». Он привел несколько цитат из писем, в которых, в частности, говорилось: «Сегодня я убежден в том, что после падения стены мы были изгнаны из рая», а нынешняя ФРГ называлась «государством рабов» и «диктатурой капитала». Шредер закончил так: «Я опасаюсь, что большинство восточных

немцев не отождествляют себя с сегодняшней общественной системой [Германии]»[180]. В рамках другого опроса, состоявшегося в том же месяце, 49% восточных немцев согласились с утверждением: «У ГДР было больше хороших сторон, чем плохих». Результаты развития после 1990 года восточные немцы оценивали гораздо более скептически, чем их западные соотечественники. Например, в «торжестве правового государства» и «равенстве всех перед законом» были убеждены 78% западных немцев и только 56% восточных[181]. Лишь 22% жителей «новых земель» чувствуют себя «настоящими бундесбюргерами» и только 42% ощущают свою связь с ФРГ; 70% считают, что связаны только с Восточной Германией[182].

Объективные причины недовольства восточных немцев кроются в социальном неравенстве между обеими частями Германии. В мае 2009 года в Берлине состоялась презентация «Атласа нищеты», отразившего уровень доходов населения по регионам ФРГ (за определитель бедности были взяты доходы ниже 60% среднего показателя по стране в целом). Данные атласа (по состоянию на конец 2007 года) продемонстрировали плотную концентрацию нищеты в восточных регионах с их непропорционально завышенным уровнем безработицы. В «новых землях» доля бедных значительно превысила средний процент по ФРГ (14,3%) и составила от 17,5% в Берлине до 24,3% в Мекленбурге-Передней Померании. Существенно меньше бедных насчитывалось в «старой» ФРГ: от 10% в Баден-Вюртемберге и 11% в Баварии до 14,5% в Северном Рейне-Вестфалии. Авторы атласа констатировали «глубокий раскол Германии по социальному и региональному признаку»[183]. Естественно, что такая ситуация ведет к тому, что жители бывшей ГДР чувствуют себя нежеланными «бедными родственниками» западных немцев и не питают надежды на скорые изменения в этой области. Комментарий газеты «Вельт» к цифрам, приведенным в «Атласе нищеты», был озаглавлен: «Восточные и западные немцы отдалились друг от друга»[184].

В ходе проведенного в июле 2009 года опроса общественного мнения на тему «Считаете ли вы происходящее в ФРГ в целом справедливым?» 75,1% опрошенных ответили «Нет» (что понятно в условиях нарастающего финансового и экономического кризиса); среди восточногерманских участников опроса такой ответ дали 83% [185]. Дело в том, что и 20 лет спустя после объединения восточные немцы чувствуют себя «людьми второго сорта». Еще один опрос в том же июле показал, что по сравнению со «старой» ФРГ жители новых земель считают неудовлетворительной для себя ситуацию в области личного

дохода, здравоохранения, социального обеспечения, налогов и выравнивания условий жизни в обеих частях Германии[186]. 53% опрошенных видят еще наличие большой разницы в качестве жизни на Западе и Востоке страны; 10% хотели бы вернуть ГДР (среди безработных эта доля составляет 26%, среди лиц с низким доходом 24%); большинство считает себя неинтегрированными или недостаточно интегрированными в качестве граждан ФРГ; почти каждый четвертый (23%) убежден, что проиграл в результате объединения Германии[187]. Через 20 лет после падения стены только 46% опрошенных на Востоке Германии считали, что их положение улучшилось после объединения (в 1989 году 71% ожидали такого развития); на Западе Германии этот процент был еще ниже – 40% (в 1989 году – 52%) [188]. Восточные немцы до сих пор получают за равный труд меньшую зарплату по сравнению с немцами «старой» ФРГ, которые зачастую воспринимаются ими как «колонизаторы».

Поскольку недовольство распространено и среди жителей «старой» ФРГ (в основном в связи с повышением налогов в целях оказания солидарного содействия развитию экономики «новых земель» после того, как проведенная там приватизация привела к практически тотальной деиндустриализации[189]), напрашивается вывод, что модальности процесса расширения ФРГ на Восток соответствовали интересам не «всех немцев», а довольно узкой группы западногерманских политиков, возглавляемой Гельмутом Колем. С точки зрения этой группы, удалось самое главное: 3 октября 1990 года ГДР вступила в состав ФРГ без проведения общегерманского референдума по этому вопросу, а мирный договор с Германией так и не был заключен. Тактика бульдозерного напора, практиковавшаяся Колем, увенчалась – не без содействия Москвы – полным успехом. Однако стратегически линия на скорейшее «заталкивание» ГДР в западногерманское государство оказалась проигрышной – без переходного периода экономика ГДР рухнула, а восточные немцы не успели психологически перестроиться. Они не сумели подготовиться к существованию в обществе, в котором социальным проблемам населения уделяется гораздо меньше внимания. Обещанные Колем «цветущие ландшафты», которые будут-де определять будущее «новых земель», не состоялись, несмотря на астрономические цифры государственных капиталовложений в инфраструктуру бывшей ГДР (за период с 1990 по 2009 год федеральная финансовая помощь «новым землям» составила астрономическую сумму 1 600 миллиардов евро нетто, или 2 000 миллиардов евро брутто[190]).

Провал политики скоропалительного присоединения ГДР

широко признается сегодня в Германии. По мнению экспертов, подготовивших в июне 2009 года по поручению тогдашнего министра транспорта ФРГ Вольфганга Тифензее, ответственного за экономическое восстановление восточных областей, специальный доклад на эту тему, не имеет смысла дальнейшее финансирование тех районов бывшей ГДР, где наблюдается сильная утечка населения. В то же время сокращение населения наблюдается практически по всей восточногерманской территории. По данным немецкой статистики, в период 1991-2003 годов более 2 миллионов человек переселились в «старую ФРГ» с территории бывшей ГДР. Половину из них составляли люди возрастной категории с 18 до 30 лет и только 9% были в возрасте 50 лет и старше. Эти цифры вполне соответствуют характеристикам тех периодов прошлого, когда Восточная и Западная Германия не разделялись непроницаемой границей[191]. Процветавшие до объединения города ГДР вдоль германо-польской границы все больше превращаются в города-призраки. Особенно ярким примером такого развития является Шведт, некогда центр большой химии и полиграфии, а сейчас город безработных. Однако дело не ограничивается одним Шведтом. Деиндустриализация «новых земель» привела к их депопуляции. Надежд на скорое изменение ситуации практически нет[192].

В июле 2009 года журнал «Шпигель» опубликовал большую статью о процессе «обезлюдения» города Хойерсверда, население которого насчитывало 20 лет назад почти 68 000 человек, а сейчас составляет менее 40 000, причем, по прогнозам, сократится вскоре до 30 000 человек. Уход населения, прежде всего неспособной найти работу молодежи, начался после ликвидации сразу после объединения градообразующего предприятия по производству газа из бурого угля «Шварце пумпе». Сейчас городские власти заняты тем, что сносят вполне еще пригодные, но опустевшие жилые дома и разбивают на их месте зеленые лужайки. С 1990 года ликвидировано 7150 квартир, в текущем году к ним прибавится 830, в 2010 году это число увеличится еще на 500 квартир. Город неудержимо «съеживается». Журнал отмечал: «Численность населения на Востоке Германии постоянно снижается – хотя многие молодые люди охотно остались бы на родине. Однако у них нет перспективы. Как в Хойерсверде. Здесь пакует чемоданы Сара Штетцнер. Она родилась в 1989 году, когда рухнула стена»[193].

Подобная ситуация ведет к подчас совершенно непредвиденным последствиям. Например, свирепствующая в Восточной Германии безработица побуждает многих становиться

сверхсрочниками и контрактниками. Командование бундесвера констатирует, что некоторые гарнизоны в «старой» ФРГ стали «восточногерманскими» и что это приводит в ряде случаев к отчуждению между солдатами и местными жителями (ранее гарнизоны состояли из уроженцев близлежащих населенных пунктов). Это явление ведет также к тому, что войска ФРГ в Афганистане состоят в основном из восточных немцев (солдат срочной службы запрещено направлять в «горячие точки»). Так, три солдата, погибшие 23 июня 2009 года в перестрелке под Кундузом, происходили из Саксонии-Ангальт, Тюрингии и Бранденбурга[194]. Михаэль Вольфзон, профессор истории в университете бундесвера, считает, что поскольку бундесвер на 35% состоит из уроженцев «новых земель», население которых составляет лишь 20% граждан ФРГ, бундесвер становится армией низших слоев германского общества[195].

Напряженность в отношениях между западными и восточными немцами то и дело прорывается наружу. Например, комментируя ход первенства мира по легкой атлетике в Берлине в августе 2009 года, журналист второго канала телевидения ФРГ (ЦДФ) Вольф-Дитер Пошман позволил себе шутку в отношении немецкой участницы соревнований по метанию копья Бетти Хайдлер: «Если человек родился в Марцане [удаленный от центра города район Восточного Берлина] и без ущерба перенес это, то он способен на все». Эти слова прозвучали на всю страну и вызвали бурю возмущения у восточных немцев, почувствовавших, что их достоинство унижают. Поскольку в сентябре того же года предстояли выборы в бундестаг и голоса жителей «новых земель» были «в цене», скандал выплеснулся в СМИ, которые обычно игнорируют подобные случаи[196].

Тележурналист Вольфганг Герлес подчеркивал в октябре 2004 года, к 15-летию падения стены: «Хотя Германия и является единым государством, ее общество состоит из двух частей. […] Почти у половины восточных немцев, как подтверждают опросы, часы идут по-иному, чем у почти всех западных немцев. […] Представления об общей государственности настолько отличаются друг от друга, что не может быть и речи о едином народе». Причину Герлес видел как раз в поспешности присоединения ГДР. Он подчеркивал: «Немцы на Востоке и на Западе хотели объединения, но не любой ценой, во всяком случае не такой ценой, какая была уплачена на самом деле. Почему немцам не дали поспорить о том, чем они действительно готовы были пожертвовать ради единства? Разве не был бы этот несостоявшийся спор важной предпосылкой для того, чтобы минимизировать [отрицательные] последствия [единства] и

принять их как должное?» Герлес отвергает аргумент о кратковременности «окна возможностей», согласно которому «только в единственный и неповторимый миг можно было выманить ГДР у скованного хаосом перестройки Советского Союза». Он констатирует: «И сегодня это окно было бы распахнуто настежь». Не согласен он и с доводом о том, что в случае промедления миллионы граждан ГДР заполонили бы ФРГ: «Истиной является то, что сегодня многие местности на Востоке Германии почти полностью обезлюдели, опустев под воздействием плана «восстановления Востока». Исход населения на Запад продолжается как раз в силу последствий объединения», – пишет Герлес[197].

Сформулированные Герлесом тезисы встречают широкую поддержку в бывшей ГДР. Известный восточногерманский психотерапевт и писатель Ганс-Йоахим Маац, один из диссидентов в ГДР, подчеркивал в августе 2009 года в интервью электронному изданию журнала «Шпигель»: «Нам, восточным немцам, надо было брать власть в свои руки, а не продавать или раздаривать ее. […] В то время мы не поняли как следует, что такое западный образ жизни с присущими ему рисками, мы его идеализировали. Мы наивно вошли в объединение, не подумав о самих себе. […] Через несколько лет последовало тяжкое пробуждение. Люди осознали, что были слишком наивны; они вновь почувствовали себя обманутыми; это усилило у них ощущение, что они проиграли. Этот процесс парализовал их и помешал тому, чтобы Восток [Германии] стал политической силой. Я повторяю: я хотел кое-что привести в порядок, но я не хотел, чтобы другие приводили в порядок меня». И далее: «Западная система также приносит несчастья. […] Большинство людей на Востоке [Германии] воспринимают сегодня угрозу потери рабочего места более болезненно, чем они воспринимали в ГДР угрозу со стороны Штази»[198].

«Сверхкатастрофой германского единства» назвал немецкий политолог Уве Мюллер экономические последствия объединения. Он пишет в своем исследовании на данную тему, что «этот счастливый случай германской истории обернулся экономическим бедствием. Половина страны сидит на игле [финансовой помощи из «старой» ФРГ], как наркоман. […] Ни в одной стране мира, за исключением Ватикана, нет такой относительно низкой рождаемости, как в восточногерманской части нашего общества. […] Несколько высокотехнологичных предприятий не меняют общей картины, тем более что их не хватает, чтобы прокормить территорию с 15 миллионами населения. К тому же инвестиции сокращаются.

В итоге Восточная Германия вновь отстала по доходам на душу населения от Португалии и Греции, которых она было обогнала в середине 90-х годов. […] На новые земли и Берлин приходится около 40% зарегистрированных безработных, хотя там живет лишь каждый пятый немец. К тому же статистика не охватывает еще почти 300 000 челночников, которые по существу работают на Западе [Германии]. […] Если ничего не изменится, будущее новых земель мрачно. Во всяком случае самое тяжелое испытание им еще предстоит. Демографическое развитие ведет к стремительному старению новых земель. Поэтому нет и речи о том, что они могут догнать кого бы то ни было. К 2020 году экономическая мощь Востока [Германии] уже в силу неблагоприятных демографических тенденций снова упадет до 60% западногерманского уровня, прогнозирует исследовательский центр «Дойче банк»». Мюллер приходит к следующему выводу: «Если [германскому] Западу предстоящие полвека придется, как до сих пор, тащить за собой [германский] Восток, это приведет к перенапряжению сил. Полагая, что такое сойдет с рук, мы делаем роковую ошибку. Нам предстоит в этом случае неприятный сюрприз: [германский] Запад рухнет в пропасть вслед за [германским] Востоком»[199].

Следует заметить, что указанные осложнения не компенсируются получением Германией равноправного статуса в международных делах, которое обещали творцы германского единства. Влиятельный немецкий публицист и политолог Петер Шолль-Латур отмечает в этой связи: «Восстановления полного германского суверенитета за период после падения стены не произошло; он продолжает ущемляться бесчисленными предписаниями Брюсселя, а также Атлантического альянса, которые носят для ФРГ более обязывающий характер, чем для других союзников. Чувство приличия и благодарности по отношению к американскому союзнику мешает включить в повестку дня бундестага требование о скорейшем закрытии военно-воздушных баз США. […] Однако разрешение использовать базы США для бесконтрольных и одиозных промежуточных посадок самолетов ЦРУ, транспортирующих политических заключенных, следовало бы оставить на долю поляков или румын. Надолго с национальной германской точкой зрения несовместимо также наличие на территории ФРГ мощного ядерного арсенала США, распоряжение которым, включая планирование применения, ни в малейшей степени не подлежит согласованию с германским министром обороны. Иными словами: германской внешней политики, которая заслуживала бы этого названия, нет так же, как нет концепции германской

стратегии»[200].

Политические круги ФРГ не знают, что предпринять перед лицом столь тяжких для населения отдаленных последствий молниеносно проведенной ими в свое время операции «Воссоединение». В 2009 году та часть германского политического класса, которая ничего не забыла и ничему не научилась, не нашла ничего более подходящего, чем вернуться к «охоте на ведьм», которая помогла 20 лет назад добиться перелома в настроениях населения ГДР. Но «охота на ведьм» – палка о двух концах, поскольку ведет к еще большему расколу общества. Повод для кампании был использован самый ничтожный: случайно выяснилось, что один из рядовых служащих западноберлинской криминальной полиции, ныне давно находящийся на пенсии, являлся непродолжительное время «неформальным сотрудником» (что-то вроде осведомителя) МГБ ГДР, то есть Штази. Немедленно развернулась шумная кампания в печати с требованиями перепроверки прошлого всех государственных служащих любого уровня в «новых землях». Кричащий заголовок газеты «Вельт» за 10 июля 2009 года («Тысячи бывших шпиков штази на государственной службе») должен был задать тон очередному туру политического шабаша. Представители отделений ведомства по использованию архивов МГБ, организаций защитников прав человека, объединений «жертв сталинизма», выступили, как по команде, с призывами довести до конца искоренение агентов «исчадия ада», каким была Штази. В этом истерическом хоре потонули немногие разумные голоса, которые напоминали, что условия объединения Германии предусматривали прием на работу некоторого количества специалистов из ГДР, что каждый отдельный случай такого приема на работу тщательно проверялся, что сейчас вследствие достижения пенсионного возраста число сотрудников из бывшей ГДР составляет единицы и что никого не должно беспокоить, если привратник отделения полиции ФРГ был ранее привратником в Штази. Новоявленные инквизиторы выходят из себя, поскольку все большее число немцев склоняется к мнению, что Штази была обычной секретной службой, какие имеются во всех странах мира, а если открыть архивы любой секретной службы (например, БНД ФРГ), как это было сделано с архивами Штази, то общественность была бы шокирована не меньше, чем в случае с МГБ ГДР.

Надо признать, что попытки свести весь сложный социальный комплекс ГДР только к проклинаемой Штази становятся все менее результативными. Совершенно очевидно, что кроме Штази и идеологического скудомыслия правящей партии было в этом предаваемом сегодня яростной анафеме со всех амвонов

восточногерманском государстве что-то, что пробуждает у его бывших граждан приступы тоски по нему, хотя двадцать лет назад они практически единогласно поддержали присоединение к ФРГ. Во все большей степени восточные немцы осознают себя как самостоятельную общность в рамках германской нации. При этом важно, что и западные немцы признают эту «отдельность». Согласно опросам общественного мнения, как образцовые оцениваются в «старой» ФРГ такие типично восточногерманские черты характера, как коллективизм, любовь к детям, готовность оказать помощь. Кроме того, западногерманская молодежь находит привлекательными скромность и умение приспосабливаться своих новых сограждан[201].

Своеобразие восточных немцев опирается на исторические традиции, сохранившиеся в период существования ГДР. В определенном отношении республика вполне заслуживала часто дававшегося ей западными немцами прозвищ «Малая Пруссия» или «осколок старой Германии». Американизированная и на этом основании считающая себя передовой интеллигенция Западной Германии всегда свысока смотрела на «культурно отсталую» ГДР. В то же время среди рядовых немцев ФРГ было широко распространено мнение, что надо познакомиться с ГДР, чтобы понять, что такое «настоящая Германия» (или, по крайней мере, какой «настоящая Германия» была совсем недавно). Кристоф Клессман, один из ведущих историков ФРГ, констатировал уже после объединения: «Какими бы радикальными ни были политические и экономические преобразования в СЗО/ГДР, они не означали совершенно нового начала. В некоторых отношениях ГДР до самого конца оставалась гораздо более традиционным и более «немецким» государством, чем Федеративная Республика, которая вместе с вновь приобретенной политической свободой импортировала «американский образ жизни» и тем самым в долгосрочном плане способствовала отчуждению друг от друга обеих частей [Германии]»[202].

Это наблюдение подтверждает и видный западноберлинский политик Вальтер Момпер. Он пишет: «Я охотно посещал ГДР, мне нравились страна и люди. Они вели свою жизнь в безрадостном окружении. Города и дома были серыми, отсутствовали современный характер и блеск Запада. С другой стороны, в ГДР не так сказывалось американское влияние, она не была столь подогнанной под западный стандарт, как ФРГ. Все производило гораздо более немецкое впечатление, было помельче масштабом и более преходящим, чем на Западе. Для меня поездки в ГДР всегда были также поездками в германскую историю. Центры городов и сел выглядели по большей части так, как это было до

1939 года; булыжные мостовые и аллеи не изменились. Деревни внешне не претерпели почти никаких изменений»[203].

Признавая в период разъединения страны бесспорное лидерство западных немцев в экономической области, восточные немцы внутренне склонялись к тому, чтобы перенести такое же самоуничижительное восприятие реальностей и на сферу культуры. Однако уже в ходе кризиса 1989-1990 годов, когда германо-германские контакты стали бурно развиваться, наметился конфликт между узаконенной бездуховностью Запада и преимущественной ориентацией на духовные ценности Востока Германии. Возвращение к капитализму, который в Восточной Германии был вполне «диким», вновь выдвинуло на первый план общественнокритическую ноту межвоенного периода, которая отличала культурную традицию ГДР.

После объединения восточногерманское население отказывается американизироваться, хотя влияние протестантской церкви, сохранившей свою самобытность и взявшей на себя роль предводителя общественного протеста 1989-1990 годов, стало стремительно падать, повторяя развитие в западной части страны. Сейчас отличия в понимании сущности культуры и восприятии германской истории между объединившимися в 1990 году частями Германии являются одним из наиболее значимых факторов, препятствующих созданию однородной культурно-цивилизационной среды на всей территории современной ФРГ. Периодически предпринимаемые попытки найти выход из сложившегося положения на путях провозглашения «отмирания» национальных культур и возникновения «единой европейской культуры» в рамках Европейского союза не дают положительных результатов, поскольку противоречат тенденциям развития. Мир является свидетелем не только повсеместного укрепления давно оформившихся крупных наций, упорно сопротивляющихся любым попыткам нивелировки, но и обособления мелких национальных образований, о существовании которых вчера никто не подозревал. Кстати, в этом кроются также причины безуспешности попыток оживить концепцию формирования «атлантической цивилизации».

Любопытен феномен верности бывших граждан ГДР привычным продуктам питания и предметам обихода, производившимся в восточногерманской республике и знакомым людям еще с тех времен, когда рынок не был монополизирован западными производителями. Это тем более примечательно, что в первый период после объединения люди тянулись именно ко всему западному. Проводящаяся в мае в Восточном Берлине ярмарка «Остпро» («Восточные продукты») пользуется огромной

популярностью у населения. На ней можно приобрести продовольствие, одежду, кухонные принадлежности, изготовленные фирмами, существовавшими в ГДР и сохранившимися до сих пор. Одна из посетительниц объяснила свой «потребительский патриотизм» следующим образом: «На Западе все сорта колбасы одинаковы на вкус, а на Востоке у каждого сорта своя тайна, уникальное сочетание пряностей, особый аромат». В субботу и воскресенье собирается до 20 000 посетителей, почти все старше 50 лет. К прилавкам выстраиваются очереди. Многие фирмы, собравшиеся было закрываться, наращивают производство. На будущее организаторы намерены расширить масштабы ярмарки[204].

Конечно, тезис теоретиков СЕПГ о том, что в ГДР существует «социалистическая германская нация», отражал скорее пожелания, чем сложившиеся реальности. В любом случае он значительно опережал действительность – отдельные элементы отдельной восточногерманской общности были налицо, но до возникновения нации оставался еще далекий путь, тем более что противопоставление «социалистической» и «капиталистической» наций было вообще нонсенсом, поскольку нация является внеидеологической категорией. Данная установка официальной пропаганды сыграла исключительно отрицательную роль во время кризиса 1989-1990 годов, вызывая категорическое отторжение у демонстрантов на улицах городов ГДР. Однако последующее развитие доказало, что объективные основания для самостоятельного существования ГДР имелись, только были они не там, где их искала идеологизированная верхушка системы.

Разумеется, запущенный ныне процесс нивелировки различий между западными и восточными немцами в рамках единого национального государства необратим. Помнящие ГДР старики постепенно вымрут, а молодежь уже сегодня не видит веских причин сохранять свою «особость». Перемелется – мука будет, и вскоре действительно существующее несходство между Западом и Востоком Германии не будет выделяться на фоне обычных региональных отличительных черт, существующих сейчас как на Западе (например, между жителями Гамбурга и баварцами, вестфальцами и швабами), так и на Востоке (например, между берлинцами и саксонцами, мекленбуржцами и тюрингцами).

Руководство СССР лишь косвенно несет ответственность за обстоятельства, при которых ГДР пала под напором изнутри и извне, несмотря на несомненные социальные достижения, несравнимые ни с одной другой страной реального социализма. Эти обстоятельства являются в основном «заслугой» собственного руководства ГДР. Но на вождях СССР лежит вина за то, что они

отказали в помощи союзнику, за то, что они не оградили от преследований своих сторонников в ГДР, за то, что в объединенной Германии начались судебные процессы над людьми, вся вина которых состояла в том, что они верно служили своему государству, созданному в соответствии с интересами СССР. За последовавший за объединением период в ФРГ было выдвинуто более 23 000 обвинений против бывших граждан ГДР, в 800 случаях производилось судебное расследование, 300 человек были осуждены на тюремное заключение[205]. Тот, кто не хочет или не может защитить друзей, рискует тем, что у него в будущем друзей не будет.

Нет у истории конца

Главной целью действий руководства любого государства на международной арене является обеспечение внешней безопасности этого государства, то есть нейтрализация угроз извне для его независимости и самостоятельности. Сохранение или восстановление единства Германии было четко поставленной целью советской внешней политики в течение первых полутора десятилетий после окончания Второй мировой войны. Подобная настойчивость соответствовала потребностям обеспечения безопасности страны на европейском направлении, особенно остро ощущавшимся на фоне гигантских военных потерь. Об этом руководители СССР неоднократно говорили иностранным представителям в доверительных беседах, содержание которых отнюдь не предназначались для пропагандистского использования; об этих беседах стало известно лишь после дезинтеграции Советского Союза, когда были опубликованы хранившиеся дотоле в его архивах документы. Например, в беседе с государственным секретарем США Джорджем Маршаллом 15 апреля 1947 года И.В. Сталин постарался растолковать соображения, которые лежали в основе советского курса на противодействие расколу Германии.

Председатель Совета министров СССР подчеркнул тогда, что Советский Союз так сильно пострадал от Германии в ходе Второй мировой войны, что у него, Сталина, «не может быть поводов для любви к германскому правительству или к немцам. Но если Советский Союз выступает против раздела или расчленения Германии на земли, то это он делает потому, что расчленение чревато опасностью для дела мира. Союзники не должны допустить ошибки, совершенной Наполеоном, когда он образовал в Германии несколько десятков правительств. Наполеон этим добился тактических успехов, так как всякое расчленение Германии ведет к ее ослаблению. Но если посмотреть на дело не только с тактической точки зрения, но и с точки зрения завтрашнего дня, то можно видеть, что результатом расчленения, проведенного Наполеоном, был тот факт, что идея объединения Германии попала в руки германских шовинистов и реваншистов, породила Бисмарка, франко-прусскую войну и т.д. Советское правительство боится выпустить из рук орудие объединения Германии и отдать его в руки германских шовинистов и реваншистов. Это таит в себе очень большую опасность для будущего, это породит новых бисмарков»[206]. Позиция СССР в пользу германского единства сохранилась и после образования

ФРГ и ГДР в 1949 году, что доказывают ноты, направленные МИД СССР трем западным державам весной и летом 1952 года (они известны под общим названием «сталинская нота») с предложением провести свободные по западным критериям выборы в общегерманский парламент под контролем ООН. Наследники Сталина сочли, что программное требование восстановления единства Германии наносит ущерб стабильности ГДР, в существовании которой они стали видеть наиболее надежную гарантию безопасности СССР на европейском направлении. В этом была своя логика. Главную роль при анализе возможных вариантов действий играл вопрос о вхождении или невхождении единой Германии в Североатлантический альянс. Как откровенно заявил 10 сентября 1955 года в ходе второго заседания правительственных делегаций СССР и ФРГ в Москве Н.С. Хрущев: «Сейчас воссоединение Германии трактуется так, что воссоединенная Германия должна войти в НАТО, а НАТО направлено против Советского Союза и стран народной демократии. […] Если создается организация, направленная против нас, то мы, государственные деятели, должны делать все для того, чтобы она была слабее, а не сильнее. Это – законное желание. Если Германская Федеральная Республика вступила в НАТО, а Германская Демократическая Республика не входит в НАТО, то мы были бы глупцами, если бы содействовали тому, чтобы вся Германия вошла в НАТО и тем самым укреплялись бы силы, направленные против нас. Я убежден, что если бы в таком положении находилась Германская Федеральная Республика, то ее руководители поступили бы так же, как поступаем мы, и они были бы правы»[207].

К тому же советский Генеральный штаб считал, что военный конфликт на европейском направлении с участием Советского Союза может возникнуть только в результате использования противником западногерманского плацдарма. В функции ГДР и дислоцированной на ее территории ГСВГ как раз входило перекрыть кратчайший путь к жизненным центрам СССР, остановить и повернуть вспять нападающих.

Постепенно объединительные лозунги, встречавшие поддержку населения и на Западе, и на Востоке Германии, были в ГДР и других социалистических странах свернуты и заменены лозунгами сохранения статус-кво – «ГДР – оплот мира в Европе», «Наличие двух германских государств является велением истории», «Социализм и капитализм несовместимы, как вода и пламень» и т.д. Так «орудие объединения Германии» было выпущено из рук европейским Востоком. Однако в головах людей сохранялась мысль о том, что западные и восточные немцы

представляют собой все-таки единый народ, разъединенный лишь вследствие конфронтации наднациональных военно-политических альянсов. Тем более что объединительные лозунги (хотя и в платоническом ключе) продолжали звучать в ФРГ, где модификация Основного закона оказалась гораздо более трудным делом, чем изменение Конституции ГДР. Мысль о случайности и преходящем характере раздельного существования немцев по обе стороны линии раздела континента на Запад и Восток бередила душу не только самим жителям обоих германских государств, но и многим из их соседей. Она присутствовала и в сознании русских, хотя дискуссий на эту тему не было; они не велись даже «на кухне».

Смягчение международной напряженности, шаги по направлению к преодолению конфронтации, восстановление нормального состояния в международных отношениях – все это незаметно подводило к тому, чтобы задуматься о прочности и оправданности статус-кво в Германии. Но оставались в силе и факторы, поддерживавшие существовавшее положение. Сохранялась проблема НАТО, по поводу которой оценки на Востоке и Западе континента кардинально расходились. Важную психологическую роль играли тесные взаимоотношения русских с восточными немцами. Именно в рамках этих отношений впервые после кошмара Второй мировой войны русские смогли назвать немцев своими друзьями. ГДР стала союзницей, более того – ключевой опорой всей оборонительной системы, выстроенной Москвой в европейском предполье СССР. Русские ощущали себя в какой-то степени ответственными за существование ГДР.

И все же статус-кво стал размываться. Решающее значение приобрели два новых момента – многотысячные уличные демонстрации по всей территории Восточной Германии, которые довели до сведения мира желание народа ГДР восстановить германское единство; изменение позиции перестроечного руководства СССР, которое пришло к выводу, что преодолеть огромные внутренние трудности страны, обострившиеся по большей части как раз вследствие допущенных этим руководством ошибок, можно будет при финансовой поддержке со стороны ФРГ, подтвердившей курс на объединение Германии. Первоначально Горбачев рассчитывал на американское содействие перестройке, однако, кроме ободряющих заявлений, он из-за океана ничего не получил. К тому же после кратковременного периода первоначальных раздумий США весь свой вес бросили на чашу весов Бонна, добивавшегося объединения в соответствии со статьей 23 Основного закона ФРГ, то есть путем включения ГДР в состав Западной Германии, а не

создания нового единого государства. Все эти обстоятельства вместе взятые определили поворот на 180°, проделанный советским руководством в конце января – начале февраля 1990 года. При встрече с Гельмутом Колем 10 февраля в Москве Горбачев отдал судьбу ГДР в руки западногерманского канцлера.

Отказываясь от «родного дитяти», попавший в положение незадачливого родителя Кремль, которому осталось чуждым само понятие внешней безопасности, не позаботился о полноценной компенсации военного, политического, экономического, морального ущерба, причиненного положению и престижу СССР в Европе и мире в связи с «потерей» ГДР. Все советские уступки Колю не вызвали у большинства немцев чувства благодарности русским – воссоединение Германии воспринимается ими исключительно как заслуга США; исключение делается только лично для Горбачева, которого немцы хвалят как раз за то, за что его упрекают в России. Конечно, 9 ноября 1990 года, через год после падения берлинской стены, между ФРГ и СССР был подписан «Большой договор» о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, который формально приблизил статус советско-германских отношений к уникальному статусу франко-германских. Весьма возможно, что команда Гельмута Коля действительно была готова к особым отношениям с Советским Союзом: Германия могла бы упрочить свою определяющую роль в Европе, опираясь одновременно на тесное взаимодействие с Францией и СССР. Однако последующая дезинтеграция социалистического сообщества, а затем и самого СССР подорвала сопоставимость международного веса и влияния партнеров, являющуюся материальной основой эффективного партнерства. Наиболее очевидным свидетельством пренебрежительного отношения Запада к интересам России, ставшей преемником СССР в международно-правовом плане, стало расширение НАТО на Восток, против которого Москва неоднократно заявляла мотивированный протест. Вопреки духу и смыслу «Большого договора» ФРГ с самого начала последовательно и активно поддерживала шаги, приближавшие альянс к незащищенным российским границам.

Наряду с девальвацией «Большого договора» прошли тихие похороны договора об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года. Статья 2 договора «2 + 4» содержит германское обязательство, согласно которому «с немецкой земли будет исходить только мир». И далее: «Объединенная Германия никогда не применит оружия, которым она располагает, иначе как в соответствии с ее конституцией и Уставом Организации Объединенных Наций». Тем не менее ФРГ

участвовала в 1999 году в войне НАТО против Югославии, хотя не было и речи о мандате ООН на ведение этой войны. Ссылки на то, что Германия лишь выполняла свой долг как член НАТО, полностью несостоятельны – договор «2 + 4» не предусматривает каких-либо ограничений для обязательства относительно мира, который только и должен исходить с немецкой земли. Вообще стали правилом ссылки германских представителей на то, что поддержка со стороны ФРГ определенных действий Запада, которые воспринимаются Россией как направленные против ее жизненных интересов, объясняется дисциплиной Германии в качестве члена различных западных объединений и альянсов. В такой ситуации просто перестал работать ряд важнейших постановлений германо-российских договоров и соглашений, которые в иной обстановке могли бы считаться возмещением в какой-то степени геостратегических утрат для России, связанных с исчезновением ГДР.

Только начавшееся в 2000 году восстановление экономического здоровья и политического суверенитета России создало предпосылки для возрождения теоретически наличествовавшей в начале 90-х годов концепции германо-российского стратегического партнерства. Как оно может выглядеть на деле, показали годы второго канцлерства Герхарда Шредера, когда стали правилом консультации руководителей России и Германии по существу волнующих мир проблем, возник Петербургский диалог как площадка для непосредственного контакта между представителями общественности обеих стран, бурно развивались экономические связи, достигнуто соглашение об осуществлении проекта газопровода «Северный поток», оформилась тройка Франция-Германия-Россия, предложившая миру альтернативу курсу президента Джорджа Буша-младшего на безоглядное применение силы ради достижения политической выгоды.

О канцлерстве Ангелы Меркель, возглавляющей «большую коалицию» в Берлине, можно сказать, что основные линии строительства отношений ФРГ-Россия, характерные для предыдущего германского правительства, сохранены и продолжены. Каков будет окончательный итог, определит будущее, но перспектива тесных и доверительных российско-германских взаимоотношений, идущих на пользу Европе и всему миру, сохраняется. После начала мирового финансового и экономического кризиса, когда ценность сотрудничества с Москвой стала восприниматься немцами особенно остро, линия официальных кругов ФРГ на углубление партнерства с Россией приобрела ярко выраженный сердечный характер. Участившиеся

встречи федерального канцлера Ангелы Меркель и президента Д.А. Медведева протекали в доброжелательной и гармоничной атмосфере, германские политики проявляли подчеркнутое внимание к заявлениям и инициативам российского руководства на международной арене, перестало быть редкостью высказываемое немцами понимание позиции России по важнейшим мировым проблемам, что, конечно, не означает автоматической поддержки этой позиции, однако не приходится сомневаться в том, что сделан существенный шаг вперед. Даже в преимущественно русофобски настроенных средствах массовой информации ФРГ нет более таких разнузданных антироссийских кампаний, какие устраивались в недавнем прошлом по самым незначительным поводам. Российско-германское стратегическое партнерство, похоже, перестает быть только высокоторжественной формулой для различных официальных документов и речей, воплощаясь в реальные формы взаимодействия обоих крупнейших государств Европы в интересах всего континента и мира в целом. Все более четко ФРГ отводит своим добрым отношениям с Россией роль одной из основ укрепления глобальной стабильности в «больших» трансатлантических рамках, включающих США, Евросоюз и Российскую Федерацию. Предложение президента России о создании общеевропейской системы безопасности встретило благожелательный отклик в Берлине (несмотря на то, что существующее на континенте положение в этой области Германию как одного из ведущих членов НАТО в принципе устраивает); ныне немцы ждут детализации высказанных Д.А. Медведевым идей и выразили готовность рассмотреть российские разъяснения.

Переговоры между Д.А. Медведевым и Ангелой Меркель в июле 2009 года в Мюнхене, а также проходившая там же сессия Петербургского диалога продемонстрировали значительное сближение позиций сторон практически по всем проблемам, интересующим современный мир. Прогресс был достигнут даже в тех областях, по которым год назад разгорались ожесточенные споры (например, в отношении агрессии Грузии против Южной Осетии в августе 2008 года)[208]. Для более объективного восприятия немцами России и ее прошлого многообещающий характер приобрело принятое в Мюнхене решение начать совместную работу над школьным учебником истории, который доложен помочь устранению мифов и предубеждений, накопившихся за последние столетия.

Было бы неправильным преуменьшать трудности, еще имеющиеся на пути реального российско-германского партнерства. Не только в России существуют две полярных точки

зрения на последствия германского объединения 1990 года. Одни говорят, будто оно является абсолютным благом для континента, поскольку удовлетворило амбиции самой крупной (после России) страны Европы, которые в прошлом не раз вызывали бедствия для всех. Другие утверждают, будто оно является абсолютным злом, поскольку по аналогии с объединением Германии 1871 года, подготовившим новый этап «натиска на Восток», увеличило вероятность общеевропейской катастрофы в будущем. Надо полагать, что истина находится где-то посередине между указанными крайностями, и будущее континента зависит не только и не столько от того, как себя поведет объединенная Германия, но и от того, как будет складываться обстановка в окружающем ее пространстве. Мир и постепенное конструктивное решение всех существующих в Европе проблем – а их очень много – будут гарантированы, если европейцам удастся создать надежную систему коллективной безопасности, исключающую для всех возможность прибегать к применению силы и обеспечивающую всем уверенность в том, что они никогда не станут объектом применения силы. Пусть с опозданием на 20 лет, но Европейский континент должен стать той зоной мира, о которой (может быть, с излишней долей наивности) мечтали российские политики, создавшие условия для объединения Германии без железа и крови.

В программном выступлении в Российской академии наук 10 июня 2009 года тогдашний вице-канцлер и министр иностранных дел ФРГ Франк-Вальтер Штайнмайер подтвердил уже выдвигавшееся им ранее предложение наладить германо-российское партнерство в сфере модернизации, а также намерение Германии углублять двустороннее сотрудничество «в ориентированных на будущее стратегических областях». Одновременно он обратился с призывом использовать добрые отношения между ФРГ и Российской Федерацией для строительства «сообщества ответственности» за положение дел в Европе и мире, в которое вошли бы Германия и Евросоюз совместно с Россией. Штайнмайер настаивал на необходимости не упустить реальный шанс создать «отношения нового доверия» в треугольнике США-ЕС-Россия, добиться «нового качества взаимоотношений» в рамках этого треугольника, установить «новое партнерство безопасности и стабильности от Ванкувера до Владивостока». В качестве сфер приложения совместных германо-российских усилий он назвал следующие направления: 1) смелые шаги в области ядерного и обычного разоружения; 2) сотрудничество в деле разрешения территориальных конфликтов в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии;

3) обсуждение проблем энергетической безопасности в конструктивном ключе (Штайнмайер высказался за внимательное изучение в ЕС соответствующих предложений президента России Д.А. Медведева); 4) создание совместными усилиями атмосферы доверия в странах, являющихся общими соседями ФРГ и России. В заключение он выразил надежду, что 2009 год будет фигурировать в будущих учебниках истории под рубриками: «Укрощение финансовых рынков», «Прорыв в деле разоружения», «Работа над совместной архитектурой безопасности», «Новое доверие между Востоком и Западом», «Совместные успехи в процессе модернизации наших обществ»[209].

Разумеется, содержание речи Штайнмайера вызвало ряд вопросов. Например, по неизвестной причине в контексте ядерного разоружения не упомянута проблема проектируемых американцами опорных пунктов своей системы ПРО в непосредственной близи от российских границ: ведь ПРО и ядерное разоружение – разновекторные явления. В число территориальных конфликтов почему-то не включена проблема Косово, хотя она продолжает существовать, в то время как признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии создало полную ясность для межгосударственных отношений в Закавказье. Тему энергетической безопасности Евросоюз также трактует односторонне, игнорируя права и гарантии, которыми должны располагать страны-экспортеры углеводородов. Можно приветствовать предложение о совместных усилиях в отношении сотрудничества с общими соседями, однако реализуемый Евросоюзом проект «восточного партнерства» направлен, по сути, на достижение односторонних преимуществ на постсоветском пространстве в ущерб интересам России. Нельзя не согласиться с председателем комитета Государственной Думы по международным делам К.И. Косачевым, который заявил в этой связи: «Любой проект, не охватывающий всю Европу, тянет ее назад, в XX век, к расколам и разделительным линиям. Если при этом будут фигурировать ультиматумы («или за Россию – или за Европу», либо, как в случае Белоруссии: «или признание Абхазии и Южной Осетии – или «восточное партнерство»»), тема расширения зазвучит еще громче: категоричный выбор подразумевает весомую награду тем, кто выбрал «правильно»»[210].

Можно предположить, что политика ФРГ в процессе практической работы по сближению позиций США, Евросоюза и России будет вносить ясность в эти остающиеся пока в тени пункты. Общий позитивный тон заявлений возглавляемого Ангелой Меркель правительства ФРГ в отношении перспектив

развития связей с Россией позволяет надеяться на их конструктивное будущее. Как будет дело обстоять в действительности, покажет практика. При всем оптимизме нельзя забывать, что реальности «постконфронтационного» мира сильно отличаются от ожиданий, которые были первоначально связаны с началом этого нового периода в истории человечества.

Между тем партнерские отношения между Россией и Германией призваны внести свой незаменимый вклад в укрепление стабильности и безопасности в Европе. Без решения этой главной задачи у Европы нет перспективы. Прошлое и будущее неразрывно связаны между собой. Преодоление недобрых элементов минувших лет и укрепление основ партнерских отношений на предстоящие годы – звенья одного и того же процесса строительства Большой Европы, то есть континента, не знающего более разделительных линий и губительных междоусобиц. Российские дипломаты продолжают упорно работать над конструктивным сближением позиций обеих крупнейших держав континента. Одно из ведущих мест в этой деятельности принадлежит посольству Российской Федерации на берлинской аллее Унтер-ден-Линден.

Вместо эпилога: Храм российской дипломатии в Берлине

При всем разнообразии связей между странами ведущее место среди них, бесспорно, принадлежит внешней политике, осуществляемой через дипломатию. По этой причине уровень дипломатических отношений является показателем состояния взаимоотношений стран, а дипломатические представительства играют роль прямых участников формирования их климата. За истекшие столетия значение деятельности посольств и их сотрудников постоянно возрастало. Пренебрежение мнением специалистов всякий раз приводило к провалам. России, в том числе и Советской России, в основном везло в плане кадрового обеспечения германского направления ее политики. Имя Ф.И. Тютчева может служить показателем наивысшего профессионализма российских дипломатов-германистов дореволюционного периода. Добрую память о себе оставил полпред СССР в Германии 20-х годов Н.Н. Крестинский. После войны на авансцену вышел В.С. Семенов, первый посол СССР в ГДР, ставший на рубеже 80-х годов послом СССР в Бонне. Нынешнее поколение российских германистов соответствует впечатляющему уровню своих предшественников.

Роскошному зданию российского посольства в ФРГ может позавидовать любая другая страна. Быть приглашенным в него всегда было большой честью. Дипломатический дворец Российской Федерации находится в центре германской столицы, на всемирно известной аллее Унтер-ден-Линден («Под липами»), рядом с Бранденбургскими воротами. До первого объединения Германии в 1871 году на этом месте находилось дипломатическое представительство России в Пруссии. Существует красивая легенда, будто земля, на которой стоит здание, была привезена по указанию Екатерины II из России на запряженных волами телегах, чтобы российские посланники не отрывались от родной почвы даже на службе за рубежом. Вариантом этой легенды является рассказ о том, что внутренний дворик посольства уложен черноземом, привезенным все с той же целью из России на 149 повозках в середине XIX века. Однако история дома, в котором до 1941 года размещалась российская миссия, а затем посольство России, позже СССР, носит менее романтический характер, хотя и не лишена неожиданных поворотов.

Построенный в 1750 году городской дворец принадлежал первоначально принцессе Амалии, младшей сестре короля

Пруссии Фридриха II («Великого»). В 1765 году здание было перестроено в стиле барокко и получило фасад в 13 больших окон, выходящих на Унтер-ден-Линден. С 1805 года оно принадлежало герцогине курляндской Доротее, у которой и было приобретено российской казной в январе 1837 года для императора Николая I, который часто приезжал в Берлин в гости к прусскому королю Фридриху-Вильгельму III, на чьей дочери был женат. Однако по тогдашним законам домовладельцем в Берлине мог быть только подданный прусского короля. Это препятствие было преодолено в октябре 1837 года путем присвоения Николаю I звания почетного гражданина Берлина, в благодарность за что российский император пожаловал городским властям пять тысяч золотых дукатов, на которые была построена и долго существовала «Николаевская гражданская больница» на Гроссе-Франкфуртер-штрассе, ныне Карл-Маркс-аллее (здание не сохранилось).

На первом этаже императорского дома размещался российский посланник при прусском дворе [211] с небольшим штатом сотрудников. В 1840 году здание было еще раз реконструировано под руководством знаменитого берлинского архитектора Эдуарда Кноблауха. В этом виде оно просуществовало до 1942 года, когда было разрушено в результате бомбардировок Берлина английской авиацией. В 40-х годах XIX века здесь работал выдающийся российский дипломат и государственный деятель князь А.М. Горчаков.

С 1871 и до 1914 года дом по Унтер-ден-Линден был резиденцией посла России в Германии. Во время Первой мировой войны здание пустовало. Несколько месяцев в 1918 году и после апреля 1922 года здесь размещалось полномочное представительство РСФСР, а с момента образования СССР – советское полпредство в Германии. После нападения гитлеровской Германии на СССР в июне 1941 года сотрудники полпредства и другие советские граждане были интернированы в большом палаточном лагере во внутреннем дворе здания (обмен сотрудниками посольств обеих стран состоялся в том же году в Турции). На год в освободившиеся помещения вселился штаб рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий Альфреда Розенберга. Окончательно здание было сровнено с землей в ходе штурма Красной Армией правительственного квартала в Берлине в апреле 1945 года. После окончания боев за Берлин на всем прилегающем к Бранденбург-ским воротам участке Унтер-ден-Линден и даже поблизости от него не оставалось ни одного целого дома.

Новое здание посольства СССР, неизмеримо более

грандиозное, чем старое, но не чуждое ему по стилю, было сооружено в 1949-1953 годах (главный архитектор А. Стрижевский, инженеры А. Сирин, В. Бушковский, Н. Воробьев, им помогали немецкие специалисты Ф. Борнеман, проф. Зихерт, инженер Скужин). Официальное открытие состоялось 7 ноября 1951 года торжественным приемом в честь годовщины Октябрьской революции, однако работы продолжались и после этой даты. В 1954 году в уже окончательно отстроенных помещениях посольства состоялась конференция министров иностранных дел четырех держав, в очередной раз пытавшихся выработать основы мирного договора с Германией. В 1963 году к посольству было пристроено здание попроще, в котором разместились рабочие помещения торгового представительства СССР, а также бюро Интуриста и «Аэрофлота».

Берлинское посольство – единственное построенное при жизни Сталина здание загранпредставительства СССР – выдержано строго в стиле «советского ампира». Если верить рассказам современников, Сталин лично утверждал архитектурные планы и контролировал ход строительства. Беспримерная роскошь внутренней отделки подтверждает эту версию (утверждают, что для нее были использованы стройматериалы, заготовленные нацистами для запланированного нового здания рейхсканцелярии). Форпост Советского Союза в сердце поверженной Германии должен был соответствовать и соответствовал величию одержанной Победы. Еще летом 1956 года посольство было единственным функционирующим комплексом зданий в радиусе нескольких сот метров вокруг него. С довоенных времен по соседству сохранились лишь чудом уцелевшие Бранденбургские ворота и сильно поврежденное здание рейхстага, которое находилось уже в Западном Берлине (секторальная граница проходила в 300 метрах от посольства СССР). Окружающая посольство территория еще только расчищалась от развалин и подготавливалась под застройку. Движение по улице Унтер-ден-Линден было уже восстановлено, хотя сами липы отсутствовали. Строительство новых зданий в районе посольства завершилось в основном в 1966 году. Тогда же появились и деревья.

Со старым зданием посольства связан исторический эпизод, не лишенный символического значения. Вечером 30 января 1933 года – дня, когда тогдашний президент Германии генерал-фельдмаршал Пауль фон Бенкендорф унд фон Гинденбург назначил рейхсканцлером Адольфа Гитлера – мимо советского полпредства пролегал маршрут следования факельного шествия штурмовиков, двигавшихся от Бранденбургских ворот к

гостинице «Кайзерхоф», где перед переселением в рейхсканцелярию квартировал нацистский фюрер. Штурмовики молча продефилировали перед «большевистским гнездом», представлявшим, как их учила нацистская пропаганда, «смертельного врага Германии». Кровавые отблески факелов как будто наполнили кабинеты сотрудников заревом надвигающегося пожара. Казалось, пламя нарастает, охватывая всю Германию, нависая огненным смерчем над Европой. Из берлинского полпредства в Москву шли все более тревожные сообщения. Советская дипломатия своевременно призвала все страны континента объединиться для предотвращения нацистской агрессии. К сожалению, предостережения не были услышаны вовремя.

В истории вновь отстроенного здания тоже хватает драматических моментов. 8 июня 1987 года на Унтер-ден-Линден, как раз напротив посольства, состоялась демонстрация граждан ГДР с требованиями открыть Берлинскую стену. Подобное массовое выступление оппозиционного характера случилось впервые после волнений 17 июня 1953 года. События вечера и ночи 9 ноября 1989 года, когда пала Берлинская стена, обошли здание посольства стороной. Мимо него по обычно пустынной в вечернее и ночное время Унтер-ден-Линден толпы людей направлялись к Бранденбургским воротам и там разделялись на два потока, двигавшихся к ближайшим контрольно-пропускным пунктам справа и слева от них. Зато открытие Бранденбургских ворот для свободного прохода в Западный Берлин и из него 22 декабря 1989 года стало поводом для организации народного празднества практически у стен посольства. Гельмут Коль хотел пригласить на эту церемонию Джорджа Буша-старшего и М.С. Горбачева, однако президент США не смог (или не захотел) приехать в Берлин, и советский руководитель последовал его примеру. Первыми через ворота прошли канцлер Гельмут Коль, председатель Совета министров ГДР Ханс Модров, правящий бургомистр Западного Берлина Вальтер Момпер и обер-бургомистр Восточного Берлина Эрхард Крак.

Всенародными торжествами в Берлине сопровождалась встреча нового 1990 года. Центр торжеств находился снова в районе Бранденбургских ворот. Гремели десятки оркестров, собралась необозримая толпа, под тяжестью любопытствующих зрителей рухнули некоторые из временных мачт для прожекторов и телевизионных установок. Были даже покалеченные. Но этого никто не заметил, как не заметили и предприимчивых «скалолазов», забравшихся на Бранденбургские ворота и демонтировавших части венчающей их квадриги для

изготовления сувениров из «подлинного материала» (у меня до сих пор сохранилась подаренная кем-то из немцев маленькая модель ворот из позеленевшей бронзы квадриги). Группа молодых парней и девушек оказалась после полуночи на карнизах выходивших на Унтер-ден-Линден окон жилого крыла посольства. Они взобрались на второй этаж в поисках лучшей точки обзора по веткам хилого деревца, стоявшего перед домом, и вежливо попросили у нас с женой попить воды. Никаких дурных мыслей у них не было: они и не заметили, что нарушили экстерриториальность иностранного дипломатического представительства. Гуляния закончились лишь к утру. На следующий день оказалось, что вся территория между Бранденбургскими воротами и посольством была покрыта толстым слоем пустых бутылок и алюминиевых банок. Ходить по тротуарам и самой аллее было невозможно до тех пор, пока городские службы не произвели уборку.

На всех этапах эволюции российско-германских отношений посольство в Берлине оставалось надежным наблюдательным пунктом и эффективным генератором идей в сфере их развития.

Работавшие в нем дипломаты заслужили, чтобы к их рекомендациям относились более уважительно, чем это, к сожалению, имело место. И сейчас, в сложных условиях начала XXI века, посольство на Унтер-ден-Линден с полной отдачей сил работает над тем, чтобы реализовать остающиеся немалые возможности создания подлинно партнерских отношений между Германией и Россией, между немцами и русскими. Российское посольство стало одним из наиболее примечательных центров культурной жизни столицы ФРГ. В его великолепном концертном зале проходят выступления ведущих деятелей искусств России. В торжественных залах устраиваются художественные выставки. В замечательном по планировке летнем саду посольства отмечаются шумные праздники по «красным дням» календаря. От приглашения на обед или даже просто на чашку кофе «к русским» не отказывается никто.

Анализируя появившиеся в последние годы новые формы межгосударственного общения (в частности, встречи на высшем уровне в галстуках и без них), Максим Соколов призывает не отказываться от преимуществ «старой» дипломатии, «когда посол – действительно ключевая фигура в отношениях между государствами. Когда от его ума, такта, влияния, способности находить общий язык с разными политиками страны пребывания зависит состояние отношений между странами»[212]. Надо сказать, что в области развития германо-российских связей послы и их ближайшие сотрудники продолжают играть именно такую

роль.

Многотрудная деятельность наших дипломатов отнюдь не исчерпывается приемами и празднествами (хотя и на них работники посольства остаются при исполнении обязанностей). Именно сложность работы дипломата стала на определенном этапе отпугивающим моментом для подрастающей смены, которая часто считала предпочтительной банковскую сферу. Радует, что сейчас молодежь снова стала тянуться к дипломатической профессии. Без дипломатии государственная политика строительства Большой Европы будет пробуксовывать. Работы здесь непочатый край – ее надолго хватит на всех.

Приложение I

В период подготовки и реализации германского единства у нас в Берлине сложилось впечатление, что «дома» нет четкого представления о том, что происходит в Германии. Это явствовало как из бесед с приезжающими из СССР людьми, так и из публикаций советских средств массовой информации, за которыми мы внимательно следили. Помимо всего прочего, бурные события внутри страны совершенно понятным образом отвлекали внимание от заграничных дел. Между тем понимание ситуации в важнейшей для нас европейской стране было совершенно необходимо для выправления проводившейся Москвой политики в отношении Германии. Поэтому я охотно откликнулся на предложение главного редактора журнала «Международная жизнь» Б.Д. Пядышева (кстати, моего однокурсника) подготовить несколько статей о значении для нас германских событий. В течение 1990-1992 гг. в этом журнале была опубликована серия моих материалов по Германии. Воспроизводимая ниже дословно статья, появившаяся в августе 1991 года, представляется мне показательной с точки зрения начавшегося процесса осмысления произошедшего. Ее обличительный пафос был, однако, избирательным. Мой тогдашний официальный статус не позволял указывать пальцем на действующих руководителей, но я рассчитывал, что читатель поймет сарказм моих рассуждений о «триумфах» и «чудесах» в применении к череде капитуляций, сопровождавших деятельность адептов «нового мышления». Я надеялся способствовать формированию такой политики, которая учитывала бы национальные интересы нашей страны. Иллюзии были характерной чертой того времени.

«Международная жизнь» № 8, август 1991 г.

И. Максимычев, советник-посланник посольства СССР в ФРГ, отделение в Берлине, кандидат исторических наук

Германия и мы

В период мирной революции в ГДР, да и после нее, самым цитируемым – в политическом контексте – поэтом страны опять стал Генрих Гейне. Чаще других приводились известные строчки его поэмы «Германия. Зимняя сказка»: «Только вспомню ночью о Германии – тотчас, как рукой, снимает сон». Ни для кого, в самом деле, не секрет, что воссоздание немецкого гиганта в сердце европейского континента вызывало и продолжает вызывать

отнюдь не однозначные эмоции – от надежды на то, что Европа сможет употребить во благо своим интересам возросшую энергию немцев, вплоть до панического страха перед новой гегемонией Германии.

Буквально в каждом повороте событий на немецкой земле, в каждом политическом решении германских руководителей многие ищут потаенный смысл – знак того, куда пойдут немцы в дальнейшем, с кем они будут сближаться, от кого отдаляться, кому германское объединение принесет выгоды, а кому – ущерб. Подобно генералам, «полностью готовым к минувшей войне», политологи ничтоже сумняшеся также готовы проецировать в будущее реалии прошлых лет. Между тем новый этап развития потому и новый, что отличается от прежнего по ряду существенных моментов.

Ход истории подтвердил правильность стратегического решения Советского Союза в пользу скорейшего преодоления глобальной конфронтации. Вместе с тем в начале движения невозможно предвидеть все его зигзаги и повороты. И поэтому нельзя согласиться с теми, кто по каким бы то ни было причинам теперь утверждает, будто исчезновение ГДР с самого начала входило в расчеты инициаторов политики нового мышления. Это абсурд. Ликвидация ГДР никогда не входила и не могла входить в нашу внешнеполитическую стратегию.

Просто немыслимо себе представить, чтобы кому-то из внешнеполитических лидеров Советского Союза пришло в голову способствовать упразднению социалистического содружества – одной из несущих опор формировавшейся в Европе коллективной системы безопасности, которой мы так долго добивались. Ведь ГДР наряду с СССР была краеугольным камнем содружества. Новое мышление дало нашей политике необходимый запас гибкости, чтобы она была в состоянии признавать существующие реальности и мириться с тем, что является неизбежным. Мы стали подходить к тому, чтобы по достоинству оценить всю значимость фактора времени при принятии и проведении в жизнь внешнеполитических решений. Но по собственной воле подрывать свои позиции – к этому новое мышление не звало и никоим образом не могло звать.

Если и можно в чем-то упрекнуть нашу прошлую «германскую политику» (то есть политику в отношении германских дел), то скорее в неподвижности, заскорузлом консерватизме, чем в стремлении к каким-либо коренным переменам в центре Европы. Разумеется, мы хотели развития мирного, добрососедского и взаимовыгодного сотрудничества с ФРГ, но никто и не помышлял идти к этой цели за счет наших отношений с ГДР. Наша политика

и на германском направлении состояла главным образом в том, чтобы добавлять к уже имевшейся основе (весьма пестрой по своим исторически сложившимся составным частям) все новые политические слои в соответствии с новейшими веяниями.

Притом никого, казалось, не заботило, а не вступают ли в непримиримое противоречие друг с другом отдельные элементы получившегося слоеного пирога и не может ли привести это к неожиданному эффекту. В прошлом из-за такой манеры вести дело получалось, что при искреннем желании руководства страны жить в условиях мира, спокойствия и разрядки мы посылали танки в Прагу в августе 1968-го и в Кабул в декабре 1979 года. Хотя катастрофические итоги этого общеизвестны, с концом застоя вовсе не исчезли укоренившиеся при нем методы формирования политики.

В сфере германских дел создавалось такое впечатление, будто советская внешняя политика всерьез уверовала в то, что историческое развитие в центре Европы завершилось на веки вечные. После экономического спасения восточной зоны оккупации Германии в 1948-1949 годах в результате «берлинской блокады», после военного спасения ГДР в ходе народных волнений в июне 1953 года, после политического спасения республики ценой возведения злополучной «стены» в августе 1961 года Советский Союз словно утратил интерес к возможности активно воздействовать на обстановку в германском регионе.

Последний всплеск творческих усилий в этом направлении относился к началу 70-х годов и был связан с инициативами правительства В. Брандта – В. Шееля, энергично избавлявшегося от груза аденауэровских клише, чтобы вывести ФРГ в свободное плавание в политическом мировом океане. После заключения Московского договора с ФРГ и Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину германская политика СССР впала в своего рода «зимнюю спячку», что впрочем полностью соответствовало общей атмосфере застоя у нас в стране.

Вместо необходимой целеустремленной линии с расстановкой конкретных задач в кратко-, средне- и долгосрочном плане и адаптацией к изменяющейся обстановке в мире все поглотила трясина рутинных действий, реагирование (более или менее адекватное, но всегда запоздалое) на внешние раздражители. Одновременное и параллельное проведение нескольких политических линий никогда не способствовало выработке единой политики. Тесное сотрудничество с ГДР (не исключавшее подчас острых внутренних разногласий в толковании марксистских догм, по части которых руководство СЕПГ считало себя большим докой), сближение с ФРГ наряду с

обличением ее реваншизма и тайных посягательств на ГДР, предложения по углублению разрядки и наращивание своего военного потенциала «на всякий случай» – все это существовало бок о бок, мешало друг другу, вызывало за рубежом представление о «коварности» распланированной на целую эпоху внешнеполитической стратегии распространения советской системы на весь земной шар. На самом деле такой стратегии и даже просто единой тактики не было. Система, несостоятельная внутри страны, не могла быть надолго эффективной и вовне.

На германском направлении советской внешней политики особенно тяжело сказывался дуализм в разработке и принятии решений, когда МИД и аппарат ЦК нередко вступали в обоюдные межведомственные распри по многим существенным вопросам. Если в отношении ФРГ как капиталистического государства «головной» инстанцией считался все же МИД, то для СЕПГ, а, следовательно, и для ГДР в целом моменты принципиального порядка должны были регулироваться в первую очередь ЦК. На практике это, как правило, выливалось в иммобилизм, поскольку либо одно ведомство, либо другое, а иногда и оба вместе выступали в защиту популярного еще со времен Аденауэра принципа: «Никаких экспериментов!»

В обстановке недоверия ко всему, что хоть немного выходило за рамки привычного, как правило, брала верх сторона, остававшаяся в таких рамках. Если же какая-то свежая идея и попадала «наверх», то ее тут же прихлопывало неукоснительно соблюдавшееся правило единогласия. Известно, что морской конвой движется со скоростью самого тихоходного из входящих в него судов. А поскольку быстромыслие и вольнодумство не были в большом почете в рассматриваемую эпоху, то чаще всего побеждала самая консервативная точка зрения.

Но этот обзор причин бесплодности нашей германской политики в последние десятилетия был бы неполным, если бы мы обошли молчанием косность наших партнеров из ГДР.

Она впечатляла даже на нашем достаточно внушительном фоне. Принцип единогласия распространялся и на согласование намечавшихся внешнеполитических шагов с руководством соответствующих братских стран. (При этом наша точка зрения навязывалась исключительно редко, практически никогда; зато случалось, что партнеры сами подхватывали идеи, исходившие из Москвы, если такие идеи появлялись). Иллюзии по поводу прочности и популярности режима СЕПГ, закрепившиеся в Москве, были взращены и взлелеяны Берлином.

Одним из самых важных элементов, вконец парализовавших и без того не слишком энергично бившуюся творческую жилку

наших внешнеполитических плановиков, было явное стремление руководства ГДР отстранить нас от контроля над отношениями ГДР и ФРГ – наиболее динамичной составляющей развития германских дел. Проводившиеся время от времени двусторонние консультации по общим моментам обстановки в Европе не могли заменить отсутствия общей стратегии и устранить растущую взаимную подозрительность. До нас иногда доходили отрывочные сведения о том, что, по мнению Э.Хонеккера или его ближайшего окружения, Москва, стремясь-де добиться разрядки в Европе, будет все в большей степени жертвовать интересами ГДР, в частности в отношении Западного Берлина (хотя как раз по этому пункту между нами не было и не могло быть никаких расхождений просто в силу объективных обстоятельств). С величайшим недоверием относились в руководстве ГДР к выработке в рамках СБСЕ документов в области обеспечения прав человека, усматривая в них прямую угрозу существованию республики.

С другой стороны, Москву настораживала явная неохота ГДР делиться сведениями о планах дальнейшего сотрудничества с ФРГ, в частности о находившихся на грани законности гешефтах статс-секретаря в министерстве экономики А. Шальк-Голодковского, которому Хонеккер просто-напросто запретил всякие контакты с советскими представителями. Впрочем, как выяснилось уже после октября 1989 года, о делах Голодковского полной информации не имел никто, даже, видимо, и сам Хонеккер. Судя по тому, как бережно обошлась с ним западногерманская Фемида после его бегства в ФРГ через два месяца после начала революции, Голодковский выполнял задания не только Хонеккера и МГБ ГДР.

Тем не менее по сравнению с другими странами и направлениями внешней политики СССР в наших отношениях с обоими германскими государствами сохранялась достаточно благополучная обстановка. У нас были очень неплохие отношения с ФРГ, особенно в экономической области (по объему связей она стояла на первом месте среди наших западных контрагентов). ГДР оставалась нашим самым близким партнером почти по всем параметрам (на нее приходилось 10-12 процентов нашего общего товарооборота в середине 80-х годов), причем отношения с ней не отягощались острыми внутренними проблемами, характерными для тогдашнего положения, скажем, в Польше или Румынии. Скорее всего по этой причине начавшаяся перестройка международных отношений СССР в известной степени как бы обошла стороной германское направление.

Разумеется, принципы нового мышления действовали и

применительно к немцам, будь то на Западе или на Востоке. Отношения с немецкими государствами неизбежно трансформировались под воздействием наших инициатив в мировых и европейских рамках, в области разоружения и углубления хельсинкского процесса. Но специфика германского региона, обусловленная разделением некогда единой нации на государства с противоположными общественно-политическими системами (причем одно из них явно проигрывало соревнование), оказалась не в фокусе, вернее – в одном из фокусов новой политики СССР, ибо, как и внутри страны, приходилось делать все одновременно.

Германская специфика не покрывалась полностью ни одной из концепций, выдвинутых внешнеполитической перестройкой. Возможно, тезис о приоритетном характере наших отношений с социалистическими странами, выдвинутый на XXVII съезде КПСС, мог бы в случае реализации изменить ход событий в ГДР или, по крайней мере, смягчить его. Но этот тезис так и не получил конкретного наполнения, и на практике всегда находились проблемы и направления (отношения с США, вопросы разоружения), вытеснявшие социалистические страны, в том числе и ГДР, на периферию забот советского руководства.

Да и что мог означать в реальной жизни лозунг приоритетности кроме того, чтобы взвалить на и без того расшатанный хозяйственный механизм СССР дополнительное бремя заполнения все более многочисленных прорех в экономике наших союзников? Вряд ли мы с этим справились бы. Структурная же перестройка в МИД СССР, выделившая социалистические страны Европы и Азии в отдельные управления, скорее осложнила, чем упростила формирование нашей политики на германском направлении, так как отныне ФРГ и ГДР входили в компетенцию различных подразделений министерства, что на деле еще больше усложнило попытки разработать единую стратегию в германских делах.

Возникший вакуум стали заполнять кликуши с учеными званиями и без оных, всерьез доказывавшие во «внутренних дискуссиях», будто существование ГДР является непреодолимым препятствием на пути новой внешней политики Советского Союза. Утверждалось, в частности: пока существует ГДР, ФРГ будет, мол, саботировать строительство общеевропейского дома, сохранятся военное присутствие США в Европе и НАТО, не затихнут раздоры в социалистическом содружестве. Подобные тезисы не только не облегчали неотложную задачу определиться по германским делам, но и затрудняли ее, вызывая естественные обеспокоенность и недоверие в ГДР. Здоровым зерном здесь было,

пожалуй, лишь то, что надолго сохранить статус-кво действительно было невозможно и потому усилия в этом направлении в конечном счете неминуемо оказались бы контрпродуктивными.

Однако рационально и морально приемлемой программы действий не предлагалось: принесение в жертву своих союзников – цена абсолютно безнравственная и недостойная великой державы, принявшей на себя груз спасения человечества от неминуемой при старом мышлении ядерной катастрофы. Таким путем, естественно, мы не могли пойти. Но ведь были и другие пути. И наиболее логичным из них были бы внутренние преобразования в ГДР в направлении, которое подсказывалось советской перестройкой. Именно на это рассчитывали левые, прогрессивные, социалистические силы страны, для которых лозунги «Горби, помоги нам!» и «Долой стену!» сливались в единый лозунг спасения социалистического отечества.

Невмешательство во внутренние дела – принцип священный и обязательный к исполнению. Однако высказывать свое мнение – не только с глазу на глаз, но и во всеуслышание – отнюдь не значит нарушать этот принцип. Из чрезмерных опасений быть неправильно понятыми мы не решились даже членораздельно осудить решение Э. Хонеккера о запрещении распространения в ГДР советского дайджеста «Спутник» и блокировании других наших изданий на немецком языке.

Спору нет, в этой утрированной сдержанности был свой политический резон. Партийно-государственное руководство ГДР постоянно уверяло нас, что только оно в состоянии сохранить положение в республике под контролем и что любые «эксперименты» в духе советской перестройки положат начало таким процессам, которые неминуемо приведут к гибели социализма (понимаемого только как «реальный социализм») на немецкой земле и, следовательно, к исчезновению ГДР как государства. Руководители ГДР категорически отказывались понять, что завершение периода конфронтации требует по-новому обосновать целесообразность самостоятельного существования республики. Их главной заботой было убедить всех, что без них исчезнет и ГДР.

Официальную поддержку получила доктрина «системной обусловленности немецкой двугосударственности», согласно которой изменения в общественно-политическом строе любого из двух государств Германии вызовут их объединение. Безальтернативная, лишенная нюансов, исполненная самолюбования и не способная к учету реальностей линия политического руководства ГДР, построенная на принципе «или

пан, или пропал», вела к тому, что любой совет немецким товарищам неизбежно воспринимался бы ими как попытка подорвать их позиции и тем самым вызвать внутриполитический кризис в республике.

Вот почему приходилось постоянно обращать внимание даже искренних сторонников нашей перестройки на то, что судьба социализма как модели общественного устройства решается главным образом в Советском Союзе и что основной вклад, какой ГДР может внести в успешный исход преобразований в нашей стране – это сохранять устойчивость и стабильность республики хотя бы на переходный период, в который мы вступили в 1985 году. В принципе так оно и было. Проблемы начинались лишь там, где надо было определять, какие способы в наибольшей степени могли обеспечить стабильность обстановки в республике. Впоследствии оказалось, что иммобилизм руководства способствовал расшатыванию устоев ГДР.

Подобное состояние дел можно четко проследить на примере так называемой «берлинской инициативы» в 1987-1990 годах, в рамках обсуждения которой отчетливо выявились особенности позиций всех заинтересованных сторон. Об этом стоит, видимо, рассказать поподробнее.

Первыми почувствовали подземные толчки надвигающихся тектонических сдвигов американцы. К середине 1987 года их ведущие политики стали все чаще упоминать о необходимости ликвидации Берлинской стены. Причем делалось это в кричащих пропагандистских тонах, характерных для первой части президентства Р. Рейгана. Но, судя по всему, руководство США преследовало при этом не только цели саморекламы.

Разумеется, в организованной как отличное театральное шоу речи американского президента перед Бранденбургскими воротами 12 июня 1987 года в центр внимания был поставлен призыв «Уберите стену!». Его злободневность подчеркивалась состоявшимися за неделю до приезда Рейгана в Берлин демонстрациями молодежи ГДР с аналогичным лозунгом, но только с противоположной стороны Бранденбургских ворот (эти демонстрации сопровождались столкновениями с полицией). В то же время президент США выдвинул довольно обширный перечень вопросов улучшения обстановки в Берлине и вокруг него для обсуждения в кругу четырех держав – СССР, США, Великобритании и Франции. Ряд из них – проведение международных конференций, встреч молодежи и спортивных мероприятий в обеих частях Берлина, усиление сотрудничества между ними – не могли относиться к этим державам. Согласно общей для нас и ГДР точке зрения, они входили в

исключительную компетенцию ее властей.

Но один пункт, несомненно, затрагивал компетенцию четырех держав. Это идея Рейгана о создании «Берлинского воздушного перекрестка», то есть о разработке нового международного урегулирования авиасообщения с Берлином (в интерпретации западных держав) или с Западным Берлином (в интерпретации СССР и ГДР). В любом случае и при любой интерпретации Советский Союз нес свою долю ответственности за безопасность воздушного сообщения с Западным Берлином (это была одна из обязанностей, доставшихся нам после установления в 1945 году оккупационного режима трех держав в западных секторах города, из которых позже сложился Западный Берлин). Это означало, что даже если бы мы очень захотели, то не имели бы права просто отмахнуться от обсуждения проекта «Берлинского воздушного перекрестка».

Проблема воздушного сообщения с Западным Берлином ввиду ее чрезвычайной сложности была сознательно оставлена за рамками Четырехстороннего соглашения 1971 года. В результате сохранялись договоренности и практика первых послевоенных лет, которые, естественно, вряд ли можно было считать соответствующими условиям постконфронтационного периода истории Европы. В Западный Берлин по-прежнему летали самолеты авиакомпаний лишь трех западных держав (за «Аэрофлотом» в принципе тоже признавалось такое право). Как правило, не было прямых линий воздушного сообщения между Западным Берлином и и крупными центрами не только Центральной и Восточной Европы, но также и Западной Европы.

К тому же с приближением момента, когда возможности расширения использования западноберлинских аэропортов оказались бы исчерпанными (их ограничивало не только запрещение ночных полетов, но и катастрофическое воздействие на окружающую среду), следовало искать общеберлинские решения на будущее. Все эти соображения помогли американцам преодолеть первоначальные сомнения и опасения своих союзников, включая западных немцев. ФРГ, правда, была лишена права включить свою «Люфтганзу» в число авиакомпаний, осуществляющих полеты в Западный Берлин, но она стояла в первых рядах тех, кто заботился о дальнейшем процветании города, который оставался витриной западногерманских достижений и пропагандистской централью в сердце второго немецкого государства.

В декабре 1987 года официальное предложение западных держав начать переговоры четверки по вопросам, затронутым в выступлении Рейгана, было передано в МИД СССР. Оформленная

таким образом «Берлинская инициатива» Запада стала политической реальностью, на которую нам следовало реагировать. Хотя у нас было полгода на подготовку, к моменту вручения западной памятной записки имелись лишь предварительные наметки позиции, не согласованные с ГДР и не «обговоренные» даже с руководством министерства.

Для политики США «Берлинская инициатива» была практически беспроигрышной акцией. Если бы Советский Союз отказался вести переговоры, предложенные тремя западными державами, то он сразу навлек бы на себя упреки в неконструктивности, в нежелании улучшать обстановку в одной из наиболее чувствительных точек европейской и мировой политики. Соответственно США, а также Великобритания и Франция заработали бы совершенно бесплатно очки в глазах международного общественного мнения. В случае же советского согласия появлялась бы реальная возможность сконструировать что-то вроде четырехстороннего органа для обсуждения немецких дел (на худой конец – регулярно собирающегося форума четырех держав).

Не следует забывать, что в последний раз представители четырех держав, несущих особую ответственность за Германию в целом, собирались за одним столом в 1971 году, при завершении разработки Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину, отлично выдержавшего испытание временем и ставшего одной из несущих опор мира в Европе. Соединенные Штаты в гораздо меньшей степени, чем другие, испытывали опасения в связи с перспективой возможного германского объединения – при одном условии: оно должно осуществляться без потрясений и взрывов, которые могли бы поставить под вопрос европейскую стабильность и разрядку. Как раз в этом последнем аспекте были заинтересованы и остальные члены «большой четверки», и в конечном счете ФРГ, для которой любой общеевропейский конфликт нес с собой угрозу физического уничтожения. Против оказалась лишь одна ГДР.

Для советской дипломатии с самого начала было ясно, что давать отрицательный ответ на предложение трех западных держав нецелесообразно, да и нежелательно: концепция перестройки международных отношений в духе нового мышления требовала готовности к поискам взаимоприемлемых решений даже в тех областях, где противостояние позиций было особенно драматичным. Естественно, предстояло отсечь три элемента из предложенных Западом четырех, ибо контакты между столицей ГДР и Западным Берлином входили в компетенцию властей республики. В этой реальности ничего не могли изменить

юридические оговорки западных держав, упорно поддерживавших фикцию четырехсторонней ответственности за весь Берлин. Однако в том, что касалось проекта «воздушного перекрестка», мы собирались дать согласие на предварительные контакты с тремя западными державами с целью прояснить их конкретные представления о возможном новом урегулировании.

Правда, перспектива объединения обоих германских государств в обозримом будущем относилась в нашем представлении скорее к области чистой фантазии. Но мы не собирались отвергать с порога идею возникновения в процессе намечавшихся контактов, так сказать в естественном порядке, какой-то формы коллективного обсуждения проблем, затрагивающих права и ответственность основных держав антигитлеровской коалиции. Определенная институциализация такого диалога («на техническом уровне» – чтобы излишне не политизировать его) не противоречила ни нашим интересам, ни интересам ГДР. При определенных обстоятельствах было вполне вероятно, что он может сыграть положительную роль в предотвращении нежелательных обострений ситуации в центре континента.

Но еще до того, как советская сторона обратилась к ГДР с предложением провести консультации для выработки единой позиции по поставленному западными державами вопросу (это было нормальной процедурой – нельзя было просто помыслить о том, чтобы докладывать свои соображения «наверх» без точного изложения мнения на сей счет руководства Германской Демократической Республики), Берлин поспешил «застолбить» свое на 100 процентов отрицательное отношение ко всей «Берлинской инициативе».

Даже не выслушав наших аргументов, не зная точных формулировок нашего предполагаемого ответа, не испытав и тени сомнения в отношении своего права лишать и нас, и самих себя, возможно, решающего инструмента на будущее, политбюро ЦК СЕПГ постановило на своем заседании 5 января 1988 года «отклонить предложения США, Великобритании и Франции, поскольку они подрывают суверенитет ГДР. Отвергнуть претензию вести переговоры о «Берлине». Информировать советскую сторону об этой нашей позиции».

Инициатором подобной постановки вопроса, насколько можно судить, выступил член политборо ЦК СЕПГ, первый секретарь Берлинского окружкома СЕПГ Г. Шабовский. Зная о настроениях Э. Хонеккера, он перевел все дело в плоскость эмоций, заявив, что раз Рейган, формулируя «Берлинскую инициативу», подверг нападкам ГДР и даже потребовал сноса

стены, то ответом на обращение западных держав может быть лишь оглушительное «нет». О путанице в головах людей, решавших судьбу ГДР и вместе с ней в значительной степени всего социалистического содружества, наглядно свидетельствует тот факт, что в следующем пункте решения политбюро ЦК СЕПГ говорилось о недопустимости нарушения постановлений Четырехстороннего соглашения. Между тем в предложениях западных держав в их интерпретации не было посягательств на это соглашение.

Вотум от 5 января 1988 года связал руки дипломатам ГДР, вынужденным действовать в соответствии с ним вопреки своим сомнениям в его правильности. Результатом стала непростительная потеря времени. В конечном счете нам было дано согласие на такой ответ западным державам, который нельзя было однозначно квалифицировать как негативный, но при условии, что в любом случае не будут обсуждаться аспекты, которые затрагивали бы воздушное пространство ГДР – без уточнения, что именно в него входит. Таким образом, конструктивный характер советского меморандума, полученного западными державами в сентябре 1988 года, можно было уяснить лишь при значительном напряжении внимания. Мы по существу отклонили обсуждение не только контактов между столицей ГДР и Западным Берлином (что было естественным), но и воздушного сообщения с Западным Берлином. В отношении последнего мы подтверждали ту теоретически существовавшую и ранее позицию, что все ненормальности в этой области проистекают из наличия находящихся под четырехсторонним управлением «Берлинских воздушных коридоров» и «Берлинской контрольной зоны» и что их все надо как можно скорее ликвидировать и передать под суверенитет ГДР.

Единственно, о чем мы выражали готовность говорить, – это о той полноте и точности, с которыми Четырехстороннее соглашение выполняется его участниками и другими заинтересованными сторонами. Круг вопросов, подлежащих рассмотрению в указанных рамках, предлагалось уточнить в ходе имевшихся в Берлине четырехсторонних контактов. Никаких практических шагов в данной связи предпринято не было.

Несмотря на явное нежелание советской стороны, западные державы продолжали пытаться реализовать свою идею, подтвердив свой интерес к данному вопросу в новом меморандуме, направленном нам в декабре 1988 года. В июне и июле 1989 года, под воздействием нараставшей внутриполитической напряженности в ГДР, они внесли предложение начать предварительные неформальные переговоры

по «Берлинской инициативе» (ставить в центр обсуждения выполнение Четырехстороннего соглашения они не хотели, небезосновательно опасаясь стать объектом концентрированной критики с нашей стороны). Свое благоприятное отношение к идее трех держав мы высказали только в декабре 1989 года, на встрече в Берлине четырех послов (об этом подробнее чуть позже), когда кризис ГДР был в полном разгаре. Но и после этого конкретных действий с нашей стороны не последовало.

В начале мая 1990 года (до конца ГДР оставалось пять месяцев!) представители трех держав в ФРГ вновь предложили приступить к обсуждению вопросов воздушного сообщения с Берлином – в ходе мирной революции в ГДР вся остальная проблематика «Берлинской инициативы» оказалась уже беспредметной. В конце мая мы сообщили западным державам, что их недавнее обращение изучается в Москве, где все более склоняются к мнению, что эти вопросы следует рассматривать в рамках переговорного механизма «два плюс четыре». 21 июня западные державы внесли предложение начать до конца месяца переговоры по воздушному сообщению с участием представителей ФРГ и ГДР. Не получив ответа от нас, они в конце июля возобновили свое предложение, на сей раз совершенно точно назвав дату начала и место проведения переговоров – 6 августа 1990 года, берлинский аэропорт Темпельгоф. И только после этого – по прошествии более трех лет после первоначального выдвижения рейгановского проекта – началось обсуждение той его части, которая сохранила свое значение после столь радикальных сдвигов в германском регионе.

Впрочем, в вихре германского объединения встречи экспертов шести стран в Темпельгофе быстро потеряли свой смысл и завершились формальной договоренностью о передаче управления всеми полетами в воздушном пространстве ГДР немецким властям, которые должны были осуществлять свои права в тесной координации с командованием Западной группы войск. Интересы советской военной авиации и интересы новой Германии оказались вполне совместимыми. Однако потенциалом возможностей, заложенных в первоначальной идее американцев, мы так и не сумели воспользоваться.

Между тем потенциал этот был внушительным. Несмотря ни на что, «Берлинская инициатива» позволила провести в декабре 1989 года уже упоминавшуюся четырехстороннюю акцию, которая сыграла немаловажную роль в утихомиривании страстей, разыгравшихся к тому времени в ГДР. К началу декабря обстановка в республике характеризовалась нараставшей дестабилизацией. С уходом в отставку генсека ЦК СЕПГ Э.

Кренца, всего состава политбюро, а затем и ЦК зашаталась основная опора режима. Пошли вразнос остальные партии «демократического блока». ХДС под руководством будущего премьер-министра Л. де Мезьера вышел из блока и потребовал ухода Кренца также с поста председателя Госсовета ГДР.

Осложнилось положение правительства Х. Модрова, просуществовавшего к тому времени меньше месяца и еще не успевшего укрепить свои позиции. На многочисленных митингах и демонстрациях нарастали требования персонального обновления на всех центральных постах в республике. Усилились нападки на министерство государственной безопасности, появилась реальная опасность нападения толпы на административные здания МГБ, на его центральные учреждения в Берлине, стихийно возникшие «гражданские комитеты» стали закрывать и брать под свой контроль окружные и районные отделения службы госбезопасности. На традиционном шествии по понедельникам в Лейпциге разом появились многочисленные лозунги скорейшего присоединения к ФРГ (при этом широко использовалась строка из гимна ГДР «Германия – единое отечество»). Полиция и органы МВД в целом были деморализованы. В таком же состоянии находилась и армия. К признакам начавшегося распада государственных и общественных структур добавились явления экономического кризиса в связи с продолжавшимся бегством населения в ФРГ.

В обстановке, когда в ГДР, казалось, могло случиться все что угодно, советская сторона предложила провести в Берлине, в здании бывшего Контрольного Совета для Германии встречу послов четырех держав для обсуждения ситуации, складывающейся в германском регионе, включая проблематику «Берлинской инициативы». Здание это все еще сохранялось за четырьмя державами, в нем поддерживался полный порядок, в одном из крыльев функционировал Берлинский центр воздушной безопасности – последний четырехсторонний орган, сохранившийся с послевоенных времен. Положительный ответ был получен на удивление быстро. Запад согласился на проведение встречи 11 декабря – для обмена мнениями по предложениям трех держав, касавшихся Берлина.

Главным во встрече были сам факт проведения и ее демонстративный характер, благодаря которому значение этого события вышло далеко за рамки того, что на нем обсуждалось (а обсуждались главным образом различные аспекты «Берлинской инициативы»). Повсеместно в коллективной акции четырех держав была усмотрена готовность не пускать развитие в Германии на самотек. Когда в середине января 1990 года один из

самых крупных в прошлом американских дипломатов Дж. Кеннан заявил в комиссии сената США, что в случае дальнейшего обострения ситуации в ГДР возможно поддержание порядка на ее территории силами четырех держав, его слова никто не счел за пустую болтовню.

Акция 11 декабря стала, вне всякого сомнения, одним из важнейших условий, позволившей революции в ГДР остаться бескровной. Она послужила также отправной точкой для создания механизма «два плюс четыре». Но если бы ей было дано получить дальнейшее развитие, возможно, что сущность переговорного механизма была бы ближе к формуле «четыре плюс два» и вести переговоры в таких условиях было бы значительно проще.

Обстоятельствам, связанным с «Берлинской инициативой», уделено здесь столь большое место прежде всего потому, что они раскрывают роль и значение «правильной» дипломатии в современном мире. Дипломатии (и более широко – внешней политике вообще) не дано менять ход мировой истории, отменять ее повороты, возвращать ее вспять. Это следовало бы хорошенько запомнить тем критикам, которые подчас требуют от нее невозможного. Но хорошо продуманная, опирающаяся на реальности и умело соркестрованная дипломатия может ускорить или замедлить, облегчить или затруднить, обострить или смягчить течение событий, помочь определить свои действительно жизненные интересы на каждом очередном витке спирали развития и подсказать формы и методы их обеспечения.

На германском направлении (как, наверное, и на других) наша дипломатия допустила погрешности, однако эти погрешности и упущения совсем не те, за которые ее столь сурово, сколь и некомпетентно, подчас бранят. «Отстоять» ГДР – не от внешних врагов, а от своего собственного народа – оказалось невозможным делом: болезнь зашла, к сожалению, слишком далеко. Больше того, народ, как выяснилось, не захотел даже немного подождать с полным слиянием с ФРГ. Еще прошлой весной многие политики в обоих немецких государствах питали иллюзии насчет возможности сохранения самостоятельности ГДР до 1993-1995 годов, что было бы, кстати, только полезно, ибо, по мнению специалистов, позволило бы избежать немедленного краха восточногерманской экономики, совершенно не подготовленной к условиям рынка. Однако от выборов к выборам на протяжении 1990 года становился все более четким вотум избирателей ГДР в пользу скорейшего, практически молниеносного присоединения к «большому брату». Новая, действительно демократическая ГДР не просуществовала и года. Можно сказать: если бы ФРГ не пришла в ГДР, то ГДР (то есть ее

население) ушла бы в ФРГ. После открытия границ 9 ноября 1989 года предотвратить практически мгновенное исчезновение ГДР было невозможно.

К лету 1990 года США, а за ними Англия и Франция заняли недвусмысленную позицию поддержки скорейшего присоединения ГДР к ФРГ на условиях НАТО, то есть в форме фактического поглощения. Определенные зигзаги в высказываниях и поступках отдельных французских и английских политиков отражали не только реальные страхи перед лицом германского объединения, но и желание поглубже втянуть нас в распри с немцами, чтобы воспрепятствовать «возрождению Рапалло», то есть прямого сотрудничества между Советским Союзом и Германией.

Практическое начало аншлюса ГДР, отмеченное введением в республике с 1 июля 1990 года западногерманской марки в качестве единственного платежного средства, проходило в обстановке, когда почти вес участники СБСЕ выразили согласие с боннской программой форсированного достижения единства Германии, разработанной в тесном контакте с правительством ГДР. Особое внимание привлекла линия нового руководства бывших социалистических стран, сделавшего ставку на политическую и экономическую помощь Запада, в первую очередь ФРГ. В своем стремлении «опередить» СССР эти страны шли на заигрывание с западными немцами даже в тех областях, в которых по классическим канонам затрагивались, по существу, их национальные интересы.

Перспектива внешнеполитической изоляции Советского Союза усугублялась обозначившейся возможностью такого развития, при котором германское объединение опередило бы разработку международного урегулирования в отношении Германии. В этом случае возникло бы нетерпимое положение вокруг дислоцированной на территории ГДР Западной группы войск (ЗГВ), которая оказалась бы в «подвешенном состоянии» (уже введение в ГДР марки ФРГ продемонстрировало крайнюю степень зависимости положения ЗГВ от доброй воли правительства ФРГ).

Надвигавшийся кризис, угрожавший перечеркнуть все плоды разрядки в Европе и в мире, был предотвращен компромиссом, найденным М.С. Горбачевым и Г. Колем в ходе визита канцлера ФРГ в СССР 15-16 июля 1990 года. Смелость и верность решения, принятого в те дни советским внешнеполитическим руководством, можно будет в полной мере оценить лишь впоследствии. Благодаря новому мышлению удалось превратить казавшееся неминуемым поражение нашей дипломатии в ее

триумф. Вместо ослаблений позиций СССР в центре Европы в результате исчезновения ГДР удалось заложить прочную основу всестороннего сотрудничества с единым германским государством, то есть для укрепления наших связей с Европой и нашего влияния на континенте.

«Северокавказское чудо» воссоздало общность судеб немцев и русских, почти разрушенную XX веком, дважды столкнувшим наши народы в самых губительных войнах за всю историю человечества. Несущей опорой германо-советской дружбы, служившей основой и содержанием нашего союза с ГДР, стал весь германский народ. Впервые за последние сто лет создана ситуация, которая позволяет мирное и в мирных целях сложение экономических потенциалов двух самых мощных держав континента на благо их народов и всей Европы в целом. Значение этого факта невозможно переоценить. Но автоматически реализовать такую возможность нельзя, это потребует целеустремленных политических действий с обеих сторон.

Обстановка в Западной Европе не может оставаться статичной – так сказать, «старой», за минусом раскола Германии и Варшавского договора. Мы только что на собственном опыте убедились, что надежды на вечность статус-кво несбыточны. Объединенной Германии не отсидеться в стороне от грядущих международных бурь, каким бы естественным такое стремление ни было. Нежелание немцев участвовать в войнах достойно всяческого уважения и поддержки с учетом их исторического опыта. Однако дело неуклонно идет к тому, что Германия будет вынуждена принять на себя долю ответственности за положение дел в мире, соответствующую ее политическому и экономическому весу.

И нам совершенно необходимо определиться, какой мы хотели бы видеть будущую Германию – до сих пор мы ограничивались, так сказать, «отрицательным образом», подчеркивая качества, которые мы не хотели бы у нее видеть, – агрессивность, реваншизм и т.д. Не просто наивным, но и фатальным было бы представлять себе «идеальную» Германию в виде этакой «дойной коровы». Немцы готовы помогать, но помогать с толком и результативно. Наше дело определить, какая помощь нам нужна, и позаботиться о том, чтобы она не уходила в песок, а создавала ценности, опираясь на которые мы могли бы действовать по принципу «долг платежом красен». В любом случае нам нужна активная, точно просчитанная, учитывающая реальности и тенденции их развития «германская политика». Спорадические всплески суетливой хлопотливости, сменяемые долгими промежутками летаргического безразличия и

отрешенности от нужд момента – этого мы никак не можем себе позволить на направлении, ставшем одним из решающих в нашей внешней политике, по крайней мере в том, что касается Европы.

Советско-германские отношения должны получить у нас статус, сопоставимый с советско-американскими. Их сферу следует надежно защитить от любых неквалифицированных сентенций, откуда бы они ни исходили. Размах и самопроизвольный характер гуманитарной помощи, оказывавшейся Советскому Союзу на рубеже 1990-1991 годов населением и старых, и новых земель ФРГ, воочию продемонстрировал наличие в Германии мощного потенциала доброй воли по отношению к нашей стране. Он образует прочную основу для сохранения, развития и расширения плотной сети взаимовыгодных связей во всех областях. От нас зависит, сможем ли воспользоваться вытекающими из этого потенциала возможностями – другими словами, сможем ли спать спокойно (даже вспомнив ненароком во сне о Германии).

Думается, что для европейской политики СССР кардинально важно, что объединенная Германия не только может, но и хочет пойти на широкие капиталовложения в советскую, прежде всего российскую, экономику. Не менее важна готовность к сотрудничеству с нами и со стороны германского частного капитала. В Советском Союзе он видит практически неограниченный рынок сбыта, гарантирующий на многие десятилетия вперед благоприятную конъюнктуру экономического развития Германии, и ждет лишь создания в нашей стране условий, сводящих к разумному минимуму риск капиталовложений. При этом и официальные круги, и частный капитал Германии объективно заинтересованы в сохранении СССР как единой федерации и предотвращении в нем внутриполитических «взрывов».

Позитивный фон наших двусторонних отношений с Германией определяется отсутствием каких-либо серьезных политических антагонизмов сейчас и на обозримое будущее. К концу XX века европейская история замкнула круг, обнажив после столетнего перерыва жизненную важность тесного сотрудничества между Германией и нашей страной. Объективная необходимость заставила политиков соответственно действовать, оттеснив в сторону тех, кто не понял или не захотел понять веление времени. Ради будущего наших народов, ради процветания Европы, ради мира на планете мы не имеем права отклоняться от найденного, наконец, верного пути.

Приложение II

В январе 2010 года Эгон Бар, с которым мы знакомы еще со времен моей работы в посольстве в Бонне и поддерживаем контакт до сих пор, прислал мне текст своего выступления в академии бундесвера в Гамбурге. Предпринятый им анализ ситуации в области европейской безопасности интересен тем, что он с безупречной логикой доказывает не только желательность, но и необходимость для ФРГ тесного российско-германского взаимодействия. С начала 60-х годов, когда Бар призвал Бонн осознать бесперспективность попыток «отбрасывания» СССР и сформулировал принцип «изменения через сближение» (именно следуя этому принципу, ФРГ добилась в конечном счете объединения Германии), он остается одним из ведущих внешнеполитических теоретиков ФРГ. После завершения политической карьеры «канцлера единства» Гельмута Коля, который привык обращаться с советским и российским руководством, как с обитателями приюта для даунов, именно идеи Бара вновь задают тон в политике ФРГ по отношению к нашей стране. Ни смена канцлеров, ни назначение новых министров иностранных дел не изменили принципиального решения ФРГ в пользу равноправного партнерства с Россией. Мнение Бара о целесообразности создания «европейской армии» остается на его совести. Однако его оценки отношений с Россией позволяют надеяться на прочность российско-германского курса на взаимодействие в международных делах.

Перевод с немецкого Доклад Эгона Бара, министра федерального правительства в отставке в университете бундесвера в Гамбурге 19 января 2010 года (*рукопись*)

Стратегическое партнерство с Российской Федерацией

Наш важнейший и мощнейший союзник – США – предпринимает основополагающую смену курса своей политики. С момента окончания Второй мировой войны США сознательно пытались сделать недосягаемым свое превосходство. Политика по отношению к Советскому Союзу стала конфронтационной с 1945 года. После утраты монополии на атомное оружие и приобретения Советским Союзом способности нанести удар по Америке с помощью стратегических ядерных ракет пришлось отказаться от стратегии массивного возмездия и заменить ее стратегией гибкого реагирования. Пришлось вести переговоры с

Москвой об ограничении стратегических вооружений, хотя сохранялась конфронтационная цель вновь стать недосягаемыми путем вынесения оружия в космическое пространство. После роспуска Варшавского договора стало излишним передовое базирование ракет среднего и ближнего радиуса действия, так называемого ядерного оружия театра боевых действий, с целью ограничить масштабы общей ядерной войны территорией Европы. Оба самых могущественных в мире политика ликвидировали их. Однако конфронтация осталась и достигла своего апогея при принятии гигантской программы перевооружения президента Буша-младшего.

Эта программа, при отсутствии новых угроз, должна была обеспечить недосягаемость мощи Америки благодаря новым наземным, морским, воздушным и космическим системам, включая новое ядерное оружие. Она была внесена на рассмотрение сената за три месяца до 11 сентября и принята практически без обсуждения. Ее апогеем стала стратегия безопасности, провозгласившая право на превентивную войну и нашедшее свое выражение в принципе: «Кто не за меня, тот против меня».

Вспомнить об этом тотальном наследии полезно, чтобы осознать ту фундаментальную смену курса, которую начал президент Обама: от конфронтации к кооперации, от однополюсности к многополюсности, от мирового господства к глобальности, где Америка – первая среди равных. Эта смена курса базируется на понимании, что военной силы Соединенных Штатов уже не хватает для продолжения политики его предшественника, хотя США в военном отношении остаются сильнейшей державой и их потенциал продолжает расти. Здесь сказался растущий вес Китая и Индии, а также осознание того факта, что с опасностями для климата, нехваткой энергии и воды, ростом народонаселения и голодом можно справиться только через сотрудничество.

Фундаментальная смена курса потребует больше времени, чем два президентских срока, которые по максимуму есть у Обамы. Однако она оказывает стимулирующее действие на Германию, поскольку включает в себя новое отношение к нашему стратегическому партнеру России. Ведь речь идет об обоих государствах, которые только и обладают готовым к применению стратегическим оружием и способностью к нанесению ответного удара. Во всяком случае Европа остается под зонтиком устрашения, раскрытым Вашингтоном и Москвой.

Возможности действий для каждой из этих стран складываются на основе анализа реальностей ситуации, на

который у нас нет непосредственного влияния. Данный тезис базируется на моем опыте, согласно которому безопасность остается, как и прежде, определяющим элементом поведения государств. В нашей стране этот фактор недооценивается. Это не удивительно, если обратиться к нашей истории, которая привела от упоения силой к забвению силы и подарила объединенной Германии суверенитет и вместе с ним непривычную ответственность исключительно через последовательное использование нашей собственной слабости. Я повторяю: мы не должны ни недооценивать, ни забывать мягкую силу, но восполнять пробелы нам нужно в области полузабытой жесткой силы.

При рассмотрении этой классической разницы не учитывался до сих пор один фактор – речь идет о деньгах, точнее жадности к деньгам. Первой и самой неотложной заботой Обамы было предотвратить экономический коллапс, что он выполнил путем выделения авантюрно больших государственных средств. Отдельные люди не виноваты ни в возникновении, ни в крахе финансовых пирамид. Алчность не является американской монополией. Она преодолевает границы государств, континентов, союзов и разницу в политических системах. Перспективе легкого обогащения не могут противостоять ни банки или правительства, ни сверхбогачи или середняки. В этом смысле можно говорить о всемирном бесклассовом обществе, объединенном жаждой наживы. Финансовые пирамиды и их крах продемонстрировали на практике большинству людей на планете масштабы глобальности, причем убедительнее, чем предостережения о том, что нельзя допускать потепления нашего климата более чем на два градуса к концу столетия. Московское руководство испытало в ноябре 2008 года шок, убедившись в том, что впервые за 400-летнюю историю России не может более суверенно принимать решения о ценах на нефть и газ[213].

Остается открытым вопрос о том, удастся ли воспрепятствовать появлению новых финансовых пирамид? Сможет ли Обама получить необходимую для этого поддержку республиканцев, решающим образом покажет, какими силами он располагает для реализации своего эпохального намерения перейти к глобальному сотрудничеству. Если денежный фактор не будет контролироваться глобальными правилами, миру предстоит хаотическое, во всяком случае непредсказуемое, будущее. На этот фон с многочисленными вопросительными знаками мы должны проецировать наш интерес к стратегическому партнерству с Россией.

Ни одна страна в Европе не добилась за истекшие 40 лет

ничего похожего на отношения сотрудничества с Москвой, какие выстроили Бонн и Берлин. Имена таких разных политиков, как Брандт, Шмидт, Коль, Шредер и Меркель, а также равным образом таких несопоставимых руководителей, как Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Путин и Медведев, подчеркивают преемственность интересов представляемых ими государств. Эта преемственность оказалась сильнее, чем личные симпатии и антипатии, внутриполитические трудности, осложнения вследствие германского единства и системной смены при дезинтеграции Советского Союза. При взгляде на центр Европы смягчались даже антагонизмы обеих великих держав, и в моменты, когда между Потомаком и Москвой-рекой грозили рецидивы холодной войны, с обеих сторон проявлялось терпение в отношении усилий двух германских государств сохранить выгоды, полученные ими от разрядки. Вечером накануне подписания Московского договора один из советских друзей сказал мне: «Я не знаю, достигнете ли вы когда-нибудь германского единства, но если достигнете, то, поставив завтра подпись под нашим договором, вы сделаете первый шаг к нему». Брандт знал, что Москва будет решающим фактором для германского единства. В американской поддержке он был уверен. Когда Коль не стал ломать здание Восточных договоров, включая договор о границе по Одеру/Нейссе, и подкрепил его предоставлением ГДР несвязанных кредитов, а затем даже заговорил о «дружбе» в отношении СССР (Брандт не решился на это), Горбачев мог быть уверенным в прикрытии с тыла для своей политики в центре Европы и для центра Европы, для своей исторической миссии разоружения как ядерного, так и обычного.

В итоге возникла идеальная комбинация безопасности для Германии и безопасности от Германии. Эта комбинация стала основой для статуса безопасности, разработанного президентами Бушем и Горбачевым без участия Миттерана, Тэтчер и Коля и остающегося в силе по сегодняшний день – без иностранных войск и атомного оружия в Восточной Германии. Согласие в отношении жесткой силы стало основой достижения единства по договору «два плюс четыре». Шредер заявил о стратегическом партнерстве, это повторила и подкрепила его преемница. Данная формулировка оказалась полностью оправданной.

Итак, была достигнута цель всех наших соседей – чтобы от Германии не исходила более угроза и чтобы Россия не была более опасной в области обычных вооружений, а ядерный сектор оставался де-факто, как и в прошедшие десятилетия, в компетенции Вашингтона и Москвы.

Стратегическое партнерство выражает совместное убеждение

в том, что интересы обоих государств на длительную перспективу, независимо от временных расхождений во мнениях, направлены не угрожающим их соседям образом на достижение такого состояния в Европе, при котором континенту при участии Америки обеспечивается совместная безопасность от Лиссабона до Владивостока, надежно гарантированная для каждого его члена в соответствии с Парижской хартией 1990 года.

В целом надо признать, что цель стратегического партнерства еще не достигнута. Горбачев говорил о Европейском доме. Были и другие соображения в общеевропейском плане. Обама размышлял об общеевропейских структурах. Медведев выступил (не случайно, как и его предшественник, в Германии) с инициативой, оставшейся до сих пор без широкого отклика. Теперь он предложил проект договора, охватывающего территорию от Ванкувера до Владивостока. Это предложение носит крупномасштабный характер, и я не располагаю авторизованным переводом на немецкий язык, который позволял бы его комментировать, но следует приветствовать тот факт, что по обе стороны Атлантики наличествуют представления об общеевропейской стабильности, направленные на создание надежных структур безопасности для старого континента. Достигнув этого, обе великие державы смогли бы обратиться к действительно опасным регионам в Азии, для которой до сих пор нет никаких договоров об укреплении доверия, ограничении вооружений или соглашений, опирающихся на опыт Совещания по безопасности и сотрудничеству (СБСЕ).

Политический и временной приоритет принадлежит переговорам об ограничении стратегических вооружений, о контроле за выполнениме договора о нераспространении и о конгломерате связанных с ними проблем. От их успеха зависит, каким будет комплекс общеевропейских структур.

НАТО занята параллельно выработкой своей новой стратегии. Гельмут Шмидг сказал однажды: «НАТО не является собственностью Америки». В международно-правовом плане этот тезис так же бесспорен, как и знаменитая фраза из романа Джорджа Орвелла «Ферма животных»: все звери равны, но некоторые более равны, чем остальные. Прорыва в направлении структуры безопасности для объединенной Германии добился старший Буш, который разъяснил Горбачеву, что, выведя войска из ГДР, он утратит контроль над Германией – это под силу только Америке с инструментальной помощью НАТО. Данная формулировка точно отражает роль Атлантического альянса, который рассматривается и воспринимается во всем мире как инструмент американской политики, хотя и является союзом

суверенных государств и функционирует как таковой.

По-прежнему сохраняет силу определение де Голля, согласно которому в решении о применении атомного оружия, от которого зависит судьба собственной нации, не может участвовать даже самый близкий друг. Это определение, которое, между прочим, исключает появление атомного оружия у Евросоюза, действует также и для Америки. НАТО является организацией, у членов которой есть интересы, но нет компетенции в атомной сфере. Исключительный характер американского права принимать соответствующие решения обеспечен конструкцией, при которой самый высокопоставленный генерал США в Европе напрямую подчиняется своему президенту, информируя одновременно союзников о концепциях и планировании и даже участвуя в примирении их расходящихся интересов. НАТО может советовать, но не решать. Например, она не может наложить вето, если Вашингтон сочтет необходимым переступить атомный порог. Генеральный секретарь НАТО не может также переместить остающиеся в Германии 20 ядерных боезарядов, скажем, в Данию. Ликвидации атомного минного пояса вдоль зональной границы во времена раскола Германии федеральный канцлер Шмидт добился в двустороннем порядке, точно так же, как Вашингтон в двустороннем порядке договорился о размещении атомных ракет в Польше, а затем отменил этот план по согласованию с Россией.

Совещательные механизмы в ядерной сфере именуются в альянсе «участием». Это «участие» исключает полномочие принимать решения как в положительном, так и в отрицательном плане. Таков однозначный итог происходившего на протяжении десятилетий развития. Само собой разумеется, это относится и к находящимся еще у нас 20 ядерным боезарядам, являющимся пережитками холодной войны. Если бы Америка сочла необходимым их применение силами предназначенной для этого авиаэскадрильи германских ВВС, то немцам оставалось бы только дать указание о невыполнении приказа. Немецкое «участие» также не включает в себя право решающего голоса.

Поставленная Обамой цель безъядерного мира привнесла успокоение в обсуждении этой темы. Надпартийная группа в составе Генри Киссинджера, Джорджа Шульца, Уильяма Перри и Сэма Нанна рекомендовала подобную переориентацию политики США еще за год до того, как Обама приступил к исполнению своих обязанностей. Аналогичная немецкая группа, состоящая из Рихарда фон Вайцзеккера, Гельмута Шмидта, Ганса-Дитриха Геншера и Эгона Бара, поддержала эту рекомендацию и предложила вывести 20 оставшихся ядерных боезарядов. Такую позицию заняло и новое федеральное правительство. Обе группы

впервые встречаются в начале февраля в Берлине для обсуждения возможностей придания эффективного характера растущей международной поддержке, шагнувшей за пределы Европы[214].

Переориентация американской политики от конфронтации к сотрудничеству облегчает углубление стратегического партнерства с Россией. Сотрудничество является ключевым понятием функционирования Европейского союза с момента его возникновения. Его целью является обеспечение способности действовать в условиях многополярного мира. Оно провозглашено более 40 лет тому назад и неоднократно подтверждалось. Как старый политик (что не означает «старик»), я хочу рассказать об одном эпизоде. В начале февраля 1970 года советский министр иностранных дел Громыко впервые посетил резиденцию посла ФРГ для участия в обеде. За послеобеденным кофе он задал мне вопрос: «Когда следует ожидать, что Европа заговорит одним голосом?» Я ответил: «Спросите об этом через 20 лет». Он засомневался: «Вы действительно так думаете?» Я подтвердил. Когда я сообщил об этом в Бонне, реакцией Брандта было: «Да ты пораженец!» Этот эпизод любопытен по двум причинам. Во-первых, Брандт не мог себе представить, чтобы европейское единство потребовало больше времени, чем германское единство. Во-вторых, вместо названных мною 20 лет прошло уже 40 лет, но никто не может всерьез назвать дату или сроки, когда расширившийся тем временем Евросоюз заговорит одним голосом и станет дееспособным полюсом в глобализированном мире. При обсуждении повестки дня 2020-го этот момент на ближайшие 10 лет не предусматривается.

Во всяком случае, структура, после стольких усилий вступившая, наконец, в строй и назначившая себе президента и министра иностранных дел, не сможет этого сделать. Вопреки привычке воздерживаться от громких слов я хочу сказать, что европейский прогресс – это улитка, на скорость движения которой остальной мир не обращает внимания. Послевоенное развитие Европы является беспримерной историей успеха. Сначала под крылышком Америки, а потом самостоятельно она выросла в политически значимый организм, ориентированный на мировой рынок. Большего при помощи мягкой силы не добиться. Суверенная жесткая сила, за исключением валюты, осталась в Вашингтоне.

Англия с упорством придерживается своего отказа необратимо и полностью связать себя с Европейским континентом, как это и предсказывал Джордж Кеннан в 1949 году. «Особые отношения» с США остались определяющими на протяжении более шести десятилетий, независимо от того, *кто*

возглавлял правительство в Лондоне. Английский историк Гартон Эш умолял европейцев в одной из своих книг: «Не требуйте от нас отказаться от особых отношений с Америкой; это прикончит нас». Эту точку зрения можно понять. С другой стороны, пока она доминирует, Англия делает беспредметной цель достижения Европой способности к глобальным действиям. Тони Блэр и Гордон Браун в качестве премьер-министров официально подтвердили, что по жизненным вопросам своих национальных интересов Великобритания не чувствует себя связанной тем документом, который только что вступил в силу. Что является национальным интересом, решается в Лондоне, а не в Брюсселе. О введении евро нет и речи. В слегка упрощенной форме это означает следующее: Англия остается в комфортной ситуации, когда она пользуется всеми преимуществами общего рынка и правом решающего голоса в нем, но отказывается стать частью Европы, самоопределившейся в сфере внешней политики и политики безопасности. Мягкой силе – да, жесткой силе – нет.

Пока не будет изменений, останутся в силе выводы Збигнева Бжезинского, сделанные в книге «Америка как единственная мировая держава»: в сфере политики безопасности Европа остается протекторатом Америки. Требуется создание европейской армии. Она стала бы естественным продолжением «европеизации Европы», о необходимости чего заговорили еще тогда, когда существовали две сверхдержавы. Сегодня одной из них нет. Теперь самоопределение должно быть достигнуто лишь в отношениях с Америкой. Это возможно только без Англии. До сих пор для этого не хватало ни воли, ни силы. Возможно, задача упростится, если вероятное следующее консервативное правительство Камерона посредством референдума добьется подтверждения национального самоопределения.

Европейская армия соответствовала бы концепции, предложенной президентом Бушем-старшим после освобождения Кувейта: «Мир, в котором господство права сменит господство джунглей; мир, в котором сильные уважают права слабых». По существу такая концепция объявляет политику насилия отрицанием права.

Европейская армия должна быть оснащена современным оружием, обучена по единым стандартам и обладать собственным командованием. Ее нельзя будет использовать без мандата Объединенных Наций. Как оснащенный обычным вооружением инструмент, не затрагивающий ядерных реалий, она должна быть в состоянии гарантировать выполнение обязательств по поддержанию стабильности в критических регионах, то есть предотвратить переход кризиса в военную стадию или выиграть

время для установления мира. Европейская армия не будет никому угрожать. Она будет служить стремлению Европы стать глобальным полюсом, без которого мир не может обойтись.

Такая армия укрепит Объединенные Нации, не затрагивая НАТО и усилия Брюсселя по совершенствованию существующих механизмов в преддверии расширения с 27 до 30 членов. Она была бы логическим следствием притязания на глобальную роль, которое было заявлено уже появлением евро, и необходимым шагом для того, чтобы организация с претенциозным наименованием «союз» смогла превратиться в настоящий Европейский союз.

В европейскую армию должны входить как минимум Франция, Польша и Германия. Первые шаги с привлечением государств Бенилюкса уже делались. В Восточной Европе пробивает себе дорогу понимание, что благосостояние и политический вес зависят не столько от НАТО, сколько от Евросоюза. Будет приветствоваться участие любого государства, готового и способного принять правила постепенно возникающей самоопределяющейся Европы, которая не является антиамериканской и не препятствует реализации представлений об общеевропейской стабильности.

Я подвожу итог. Ясно, что стратегическое партнерство с Россией должно рассматриваться в международном контексте. Чем лучше отношения между Америкой и Россией, тем лучше для него. Чем более мужественно Европа добивается цели своего самоопределения, тем более полезным станет это партнерство.

Определение Германии как срединной державы Европы правильно и весомо, но у нее нет достаточно сильных рычагов, чтобы в одиночку добиваться принятия определяющих решений. Если закончатся неудачей усилия, которые мы можем поддержать как на одном, так и на другом уровне, мы будем отброшены на национальный уровень.

В своем поздравительном послании по случаю Нового года Ангела Меркель не упомянула Америку, Россию, Европу и Афганистан. Можно понять концентрацию ее внимания на собственной стране. Однако по меньшей мере Афганистан потребует от Германии решений на протяжении начавшегося легислатурного периода. Речь идет об уникальном комплексе проблем, выходящих за рамки классического деления на мягкую и жесткую силу. Нет меча, которым можно было бы разрубить этот поистине гордиев узел. Наряду с этическими и моральными вопросами, правовыми, историческими и географическими факторами и границами объективно достижимого и недостижимого налицо в конечном счете основополагающая

ответственность за наших солдат и гражданский персонал миссий помощи. Никто не снимет ее с нашего парламента и федерального правительства – ни ООН, ни НАТО, ни Обама.

Сколько бы веса за истекшие десятилетия глобализации ни потеряли государства – в теин числе более мощные, чем Германия, – они остаются незаменимыми при принятии фундаментальных решений о жизни и смерти своих граждан. Мы стали свидетелями драматических масштабов приливов и отливов глобального развития и войн. При этом стратегическое партнерство с Россией остается солидной и успокаивающей опорой.

notes

Примечания

1

Небольшой баварский городок к югу от Мюнхена, на берегу Штарнбергского озера. В Тутцинге располагается также Евангелическая академия, известная тем, что в ее стенах прозвучало немало политических заявлений, повлиявших на дальнейшую политику ФРГ

2

«Германия – единое отечество» – строчка из бывшего государственного гимна ГДР; так назывался и план поэтапного объединения Германии, предложенный Модровым 1 февраля 1990 года (тогда вопросительный знак, естественно, отсутствовал).

3

Мы знакомы с Райнхардом Хепнером, одним из деятелей евангелической церкви ГДР, вошедшим в число руководителей протестного движения, с мая 1990 года, когда он в качестве заместителя председателя Народной палаты ГДР нового созыва обратился ко мне с просьбой выяснить мнение Москвы о плане провести совместное заседание парламентов ГДР и ФРГ 17 июня в Восточном Берлине. Разумеется, я обещал сообщить о просьбе Хепнера в МИД СССР, но со своей стороны посоветовал провести такое заседание во Франкфурте-на-Майне, который еще с революции 1848 года считается колыбелью германских парламентских традиций. Москвой не было заявлено возражений против заседания Народной палаты и бундестага в Восточном Берлине. 17 июня 1990 года парламенты обеих стран собрались вместе и единогласно высказались за немедленное присоединение ГДР к ФРГ. Премьер-министру ГДР Лотару де Мезьеру стоило огромного труда убедить парламентариев сначала передать этот вопрос на рассмотрение специальной комиссии, чтобы не ставить четыре державы перед свершившимися фактами.

Höppner R. Ministerpräsident a.D., Referat «Wie sind die Unterschiede erklärbar?», Konferenz «Deutschland einig Vaterland?», Akademie für politische Bildung Tutzing, 6. bis 8. November 2009.

D'Ormesson J. De l'Academie fran9aise, 1989: Victoire de la liberte, «Le Figaro», 8 novembre 2009

Газета является политически нейтральной и предоставляет свои страницы для всех существующих в Германии общественных течений, за исключением неонацистов

7

Государственный флаг ГДР отличался от государственного флага ФРГ тем, что в его центр был помещен государственный герб – венок из колосьев вокруг молотка и строительного циркуля.

В частности, власти ФРГ до сих пор не признают «действительными» дипломы о высшем образовании, полученные гражданами ГДР в вузах СССР.

9

Имеется в виду НДП – партия крайне националистического толка в ФРГ.

10

На Западе считается «документальным доказательством» явно постановочная фотография, сделанная одним из американских фотографов летом 1945 года и изображающая советского солдата, «отнимающего» у одной из проходящих немок велосипед; все участники сцены весело смеются, так что факт постановки не внушает сомнений.

«Весси» (от West, т.е. Запад) – «западник».

12

Бильская Светлана. Человек прошел сквозь стену? // «Русская Германия», 16-22.11.2009.

13

Editorial «Outre-Rhin», «Le Monde», 12 novembre 2009.

Нарочницкая Наталия. Россия и русские в современном мире. М., 2009, с. 129.

15

Примаков Евгений. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М., 2009, с. 131.

16

Соколов Максим. Нельзя дважды перезагрузиться в одну и ту же реку. «Известия», 7 июля 2009.

17

Коль и не подумал извиняться за нанесенное Горбачеву публичное оскорбление (см.: Rafael Biermann. Zwishen Kreml und Kanzleramt. Wie Moskau mit der deutschen Frage rang, Paderborn–Munchen–Wien–Zurich, 1998. S. 101).

Третьяков В. Бесхребетная Россия 2002-2006. М., 2006, с. 376-377.

19

Гриневский О. Крутой перелом в объединении Германии // «Россия XXI» № 6, ноябрь-декабрь 2008, с. 34.

20

Видимо, автор имел в виду Группу советских войск в Германии (ГСВГ).

21

Большаков В. Тот самый август. Заметки очевидца событий 1968 года в Чехословакии // «Литературная газета», 30 июля – 5 августа 2008.

22

Фурсов А. «Неизвестный 68-й. 40 лет назад в разгар Пражской весны войска пяти стран – членов Организации Варшавского договора вошли в Чехословацкую Социалистическую Республику // «Литературная газета», 6-12 августа 2008.

23

Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах, т. I: Курс русской истории, часть I. М., 1987, с. 62.

Третьяков В. Фальсификация есть – истории нет // «Известия», 23 июля 2009.

25

В те времена Институт международных отношений еще не был «элитным вузом», хотя в нем и тогда учились отпрыски высокопоставленных деятелей (в частности, дочь В.М. Молотова). Подавляющее большинство моих сокурсников были нормальные дети нормальных родителей; многие, как и я, из провинции. Среди студентов были также участники Великой Отечественной войны, благодаря которым мы многое узнали о суровых реальностях ратного подвига советских людей.

26

Среди западногерманских экономистов существует мнение, что слабость народного хозяйства ГДР была изначально связана с тем, что ей пришлось целиком принять на себя бремя репараций с Германии в пользу СССР и Польши, в то время как ФРГ сумела «отсидеться в сторонке». По подсчетам бременского экономиста Арно Петерса, на 31 декабря 1953 года (когда СССР и Польша отказались от взимания репараций) сумма выплаченных большой и сильной ФРГ репараций достигла 2,1 миллиарда немецких марок, в то время как репарационные платежи слабой и маленькой ГДР за тот же период составили 99,1 миллиарда немецких марок, то есть в 50 раз больше (см.: *Klaus von Dohnanyi.* Das deutsche Wagnis. Uber die wirtschaftlichen und sozialen Folgen der Einheit. Berlin. 1991, S. 63).

27

Первый берлинский кризис (так называемая «блокада Берлина»), возникший вследствие сепаратной денежной реформы в западных зонах оккупации, состоялся в 1948-1949 годах. Тогда Советский Союз в очередной раз попытался предотвратить раскол Германии.

28

Тогда в Женеве СССР в последний раз представил развернутые предложения относительно содержания мирного договора с Германией, а также путей германского объединения. Москва продолжала настаивать на внеблоковом характере единой Германии, но допускала, что после создания германской конфедерации ФРГ и ГДР могли бы на какой-то период оставаться членами, соответственно, НАТО и ОВД

29

С 29 сентября 1961 года началось оборудование разделительной («мертвой») полосы вдоль всей границы между ГДР и ФРГ.

30

Taylor F. Die Mauer. 13. August 1961 bis 9. November 1989, Berlin, 2009; «Suddeutsche Zeitung», 4. Februar 2009.

31

Точный перевод этого названия должен был бы звучать как «контрольно-пропускной пункт № 3», так как «Чарли» – принятое в армии США обозначение буквы «С», третьей в английском алфавите. Американские военные КПП «А» («Альфа»), то есть № 1, и «В» («Браво»), то есть № 2, стояли при въезде из бывшей американской зоны оккупации Германии на территорию ГДР (Мариенборн) и при выезде с этой территории в Западный Берлин (Драйлинден).

Более подробно по этому вопросу см. далее, с. 81-90.

33

Поляков Ю. Гипсовый трубач, или Конец фильма. М., 2008, с. 22.

См. *Trotnow Weifi R (Hrgb.)*. Tear down this wall. Berlin, 2007. S. 24, 208.

Так неисправимые западногерманские реваншисты именовали ГДР; «Восточной Германией» были для них территории, отошедшие к Польше и СССР по Потсдамским соглашениям. Естественно, никаких опросов мнения среди молодежи ГДР советские службы любого рода никогда не проводили.

36

Все-таки очень неточная была у «Вельт» информация: в частности, я родился в 1932 году; в Лейпциге работал до направления в Бонн, а не после; в те годы в Лейпциге было просто консульство, генеральным оно стало позже; техника и технология и уж подавно танковые гусеницы (!) меня никогда не интересовали; на авиасалонах в Бурже я бывал только в порядке профсоюзных «культпоходов» сотрудников посольства; в 1976 году был командирован в Бонн на должность советника по культуре, но посол В.М. Фалин счел более целесообразным поручить мне анализ отношений ФРГ с западными державами, оставив за мной только связи в области образования, науки и, главное, спорта – тогда шла подготовка Московской Олимпиады 1980 года; после отъезда Фалина я, наконец, смог заняться всеми проблемами, входящими в круг обязанностей атташе по культуре, как к тому времени стала называться моя должность; я никогда не был связан с Генштабом, мои достижения в военной карьере ограничились воинским званием лейтенанта запаса, уже поэтому «доверенным лицом военных» я никак не мог быть.

37

Городок на левом берегу Рейна, где в здании бывшей гостиницы первоначально размещалось посольство СССР в ФРГ.

38

Я сменил в Берлине В.А. Коптельцева, приглашенного в Международный отдел ЦК КПСС, которым руководил Фалин.

«Die Welt», 24. Juni 1987.

40

Все арестованные 17 января 1988 года были освобождены, никто не был отдан под суд.

41

Традиционная весенняя Лейпцигская ярмарка с широким иностранным участием.

42

Тогдашний премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ.

«Neues Deutschland», 19. November 1988.

См. *Helmut Trotnow, Florian Weifi* (Hrgb.., Tear down this wall. Berlin, 2007. S. 224-226.

Lehmann Hans Georg. Chronik der DDR 1945/49 bis heute. Munchen, 1987. S. 32.

В ходе переговоров западные державы по формальным соображениям настаивали на том, что сферой действия соглашения является «весь Берлин», в то время как СССР придерживался той позиции, что оно касается только Западного Берлина; в результате ни в наименовании соглашения, ни в его тексте не уточнялся географический район, на который распространялись постановления соглашения, и каждая сторона могла считать, что ее интерпретация победила. Впрочем, это никому не помешало соблюдать условия соглашения на практике.

Претензия Хонеккера на роль «главного толкователя» марксистских догм на том основании, что марксизм пришел в Россию из Германии, также сильно раздражала Москву.

Похоже, что они не удосужились прояснить для себя даже точное местоположение Берлина. В своей вышедшей в свет в 1987 году книге Горбачев писал о том «факте», что «ФРГ и ГДР разделены международной границей, проходящей, в частности, через Берлин» (*Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М, 1987, с. 209). Такая формулировка «отдавала» Западный Берлин Бонну, против чего возражали не только СССР и ГДР, но и западные державы. Хонеккер заявил негласный, но яростный протест, а посольству пришлось выслушать в связи с этим множество едких замечаний о недостаточной компетентности высшего руководства Советского Союза.

В.И. Кочемасов так излагал нам указания Горбачева на совещании с послами СССР в социалистических странах в середине марта 1989 года: «1) Полное равноправие с друзьями, ничего им не навязывать; будем делиться опытом, но не будем брать на себя ответственность за то, что они должны решать сами; не допускать дерганья по мелочам; 2) по принципиальным вопросам руководствоваться интересами социализма, интересами нашей страны; тогда открытый разговор с друзьями; 3) в приемлемой форме поднимать авторитет [нашей] перестройки – это задача всех послов».

50

Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. М, 2006, с. 41.

51

Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. М, 2006, с. 43.

Wolle S. Die heile Welt der Diktatur. Alltag und Herrschaft in der DDR 1971-1989. Bonn, 1998, S. 85.

53

Впечатление от внезапного братания руководителей ГДР и ФРГ было очень сильным. В беседе со мной 10 сентября советник посольства Франции в ГДР Филипп Босьер признал, что ГДР «неожиданно много уступила в [совместном итоговом] коммюнике: там практически все, на чем настаивал Бонн. Кроме того, удивляет структура коммюнике – на первом месте двусторонние отношения, а вопросы мира, на которые напирала ГДР, отодвинуты на второй план». Босьер заметил также: «Политики ФРГ ведут себя по отношению к Хонеккеру слишком подобострастно» и «Дело начинает заходить слишком далеко». Француз сразу согласился, когда я заметил, что «пора спасать ГДР». Не знаю, в каком духе он докладывал в Париж, но Франсуа Миттеран явно запоздал с визитом в ГДР – французский президент посетил Берлин лишь в декабре 1989 года, когда все уже стало рушиться.

См.: http//www.einestages.spiegel.de/extemal/ShowAJbumBackgroundPrint/a3514.html

Исключением была лишь долина Эльбы у Дрездена, где рельеф местности мешал надежному приему телевизионного сигнала ретрансляционных станций в Западном Берлине. Фольклор ГДР присвоил этому региону название «долины ни о чем не подозревающих».

56

19 октября 1987 года в отсутствие посла протесты по поводу этого телемоста были заявлены мне членом политбюро ЦК СЕПГ Иоахимом Германом и министром иностранных дел ГДР Оскаром Фишером. Фишер даже передал мне «поп paper» (документ не на бланке и без подписи), заключительный абзац которого звучал так: «Просьба к советской стороне повлиять в духе нашей совместной позиции на то, чтобы в высказываниях советских представителей для западных средств массовой информации учитывались эти аспекты [ненанесения ущерба интересам Варшавского договора и особенно ГДР]».

57

На утреннем совещании дипломатического состава 14 февраля посол заявил: «Некоторые товарищи из посольства затевают контакты, которые можно представить как вмешательство во внутренние дела. При первом же знакомстве берется недопустимый тон. Выводы: 1) не свертывать работу; 2) вести работу умно, готовиться к беседам тщательно; 3) осознать свою ответственность; 4) если повторится, будет поставлен вопрос о служебном несоответствии и откомандировании; 5) внимательно разобраться с контактами, тактикой и методами ведения бесед, кругом вопросов, которые нас интересуют».

Формула о «национальных цветах» ГДР, которой так гордились теоретики СЕПГ и которая должна была подчеркивать самостоятельность и независимость республики, носила на самом деле крайне неудачный и вводящий в заблуждение характер. Цвета национального флага ГДР были идентичны цветам национального флага ФРГ. Единственная разница состояла в том, что на флаге ГДР был изображен государственный герб республики – циркуль и молоток в обрамлении венка из колосьев.

Рейнгольд О. Курс XII съезда СЕПГ – преемственность и обновление в развитии нашего общества // Социализм национальных цветов ГДР. Сборник статей. М, 1989, с.74-75.

60

См. Советские войска в Германии. Памятный альбом. М., 1994, с. 80-81.

61

Как сообщает О.А. Гриневский, в августе 1989 года в ФРГ состоялась секретная встреча канцлера Коля с главой венгерского правительства Неметом, по результатам которой ВНР, получив сигнал из Москвы, что советское руководство не будет возражать, дала согласие на выезд туристов из ГДР в Западную Германию. Уже к 25 сентября число граждан ГДР, пересекших открытую австро-венгерскую границу, перевалило за 20 000 человек (*Гриневский О.А.* Как начиналось объединение Германии // «Россия XXI», 2007, № 3, с. 66).

62

При обмене дипломатическими представительствами в начале 70-х годов ФРГ настояла на том, чтобы посольство ГДР в Бонне и посольство ФРГ в Берлине именовались «постоянными представительствами» и были аккредитованы не при МИД другой страны, а при аппарате правительства. Этим преследовалась цель задокументировать «особый характер» отношений германских государств друг с другом. Иных отличий от «обычных» дипломатов не было.

http//www.einestages.spiegel.de/extemal/ShowAlbumBackgroundPrint/a4415.html

В тот момент Штоф возглавлял, по существу, ГДР, так как 18 августа Хонеккеру была сделана операция по удалению желчного камня и он находился в больнице.

65

Ханс Модров, бывший в то время 1-м секретарем дрезденского окружкома СЕПГ, рассказывал мне полгода спустя, в мае 1990 года: «Революция в ГДР была сделана в Дрездене, а не в Лейпциге или 9 ноября в Берлине. Надо понять мою ситуацию 3 октября, когда поезда с «выездниками» из Праги вновь двинули через Дрезден. Когда я узнал об этом, я попытался через министра путей сообщения (моего приятеля) предотвратить такое развитие событий. Он ответил: «Ничего сделать нельзя – если остановить поезда (в них было 10 тысяч человек), будет катастрофа». Однако еще хуже была бы катастрофа, если бы демонстрантам в Дрездене удалось занять вокзал и остановить поезда. Поэтому пришлось применить силу. [Иного] выхода не было».

См. также: *фон Плато А.* Объединение Германии – борьба за Европу. М, 2007, с. 60.

Эти слова были сказаны Брехтом после событий 17 июня 1953 года.

Как выяснилось немного позже, этот лозунг был точным переводом текста плакатов, с которыми в США выходили на демонстрации нелегальные иммигранты из Мексики: «We are America!».

69

В основе политической системы ГДР лежал Демократический блок, в который входили четыре дружественные СЕПГ партии (Христианско-демократический союз, Либерально-демократическая партия, Национально-демократическая партия, Демократическая крестьянская партия), а также около 80 общественных организаций. Дружественные партии были представлены в органах государственной власти на всех уровнях. Они рассматривали себя в качестве союзников СЕПГ; в их уставы было включено положение о ее руководящей роли.

Горбачев М. А. Жизнь и реформы. Книга 2. М., 1995, с.410-411.

71

Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. М., 2006, с. 204.

Первая половина стихотворения Тютчева, не вошедшая в текст речи Горбачева, гласила:

> Из переполненной Господним гневом чаши
> Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
> Кровь хлынет и на нас, друзья и братья наши! –
> Славянский мир, сомкнись тесней…

Из нее явствует, что Тютчев предвидел опасности для России, проистекающие из объединения Германии, и обращался с призывом достичь «спаянного любовью единства» к разобщенным славянам.

73

Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. М., 2006, с. 210-211. Немцы знают это высказывание в следующей редакции: «Того, кто опаздывает, наказывает жизнь». К 15-летию падения Берлинской стены сотрудница редакции «Франкфуртер алльгемайне» Улла Плог провела расследование с целью установить, когда и где Горбачев произнес свою знаменитую фразу. Выяснилось, что в беседе с журналистами 6 октября, на которую обычно ссылаются, он сказал: «Опасности грозят лишь тем, кто не реагирует на требования жизни». И только вечером 7 октября, уже после отлета Горбачева из Берлина, журналисты получили «классическую» формулировку из уст заведующего отделом печати МИД СССР Г.И. Герасимова, комментировавшего итоги визита – кстати, на английском языке: «Those who are late will be punished by life itself» (Cm. Ulla Plog, Wer zu spat kommt, den bestraft das Leben. Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung, 3. Oktober 2004).

Бонн действительно принялся ковать железо пока горячо. Поскольку все для ФРГ прошло удачно, германские политики с восторгом вспоминают эту горбачевскую фразу и сегодня.

Действительно, уровень жизни в ГДР был выше, чем в СССР, но восточные немцы сравнивали свое положение не с Советским Союзом, а с ФРГ, чей уровень жизни был самым высоким в Европе (тягаться в этом плане с ФРГ могла разве что Швеция).

76

Сообщение М. Платцека на конференции «Объединенная и разделенная. Германия двадцать лет спустя», организованной «Форумом Восток-Запад» в Зеддинерзее 6-8 марта 2009 года.

77

Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. М., 2006, с. 228-229.

Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. М., 2006, с. 237-240.

В частности, использованы следующие публикации: Daniel Kuchenmeister, Detlef Nakath, Gerd-Riidiger Stephan (Hrsg.), «… sofort, unverzuglich». Der Fall der Mauer am 9. November 1989, Potsdam, 2000; Hans-Herrmann Hertle, Kathrin Eisner, Mein 9. November. Der Tag, an dem die Mauer fiel, Berlin, 1999; Horst Teltschik, 329 Tage. Innenansichten der Einigung, Berlin, 1991; Walter Momper, Grenzfall. Berlin im Brennpunkt deutscher Geschichte, Munchen, 1991; Hans Modrow, Ich wollte ein neues Deutschland, Berlin, 1998; Markus Wolf, In eigenem Auftrag. Bekenntnisse und Einsichten, Berlin, 1999; Rafael Biermann, Zwischen Kreml und Kanzleramt. Wie Moskau mit der deutschen Einheit rang, Paderborn, 1998; Dieter B. Schroder, Von Politik und dummen Fragen. Beobachtungen in Deutschland, Rostock, 2002; Выступления экс-президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера и премьер-министра земли Бранденбург Матиаса Платцека на конференции «Объединенная и разделенная. Германия двадцать лет спустя», организованной «Форумом Восток-Запад» в Зеддинерзее, Потсдам, 6-8 марта 2009 года; *Кузьмин И.Н.* Крушение ГДР. Заметки очевидца. М., 1993; Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. Москва, 2006.

80

Этот ежедневник у меня сохранился до сих пор; именно благодаря ему я могу перепроверять точность своих воспоминаний.

На этом заседании было решено созвать Народную палату 13 ноября для избрания нового председателя совета министров ГДР взамен ушедшего в отставку Вилли Штофа; по состоянию на 9 ноября республика оставалась без полноценного правительства.

82

В обзор прессы ГДР почему-то не попала состоявшаяся 9 ноября публикация в центральном органе ЦК СЕПГ «Нойес Дойчланд» поддержанного деятелями искусств и гражданскими инициативами обращения писательницы Кристы Вольф к гражданам республики с призывом не эмигрировать: «Мы просим вас – оставайтесь на вашей родине, оставайтесь с нами!».

Хорст Долюс (р. 1925) – член ПБ, секретарь ЦК СЕПГ; Герхард Мюллер (р. 1928) – кандидат в члены ПБ ЦК, 1-й секретарь Эрфуртского окружкома СЕПГ; Гюнтер Кляйбер (р. 1931) – член ПБ ЦК СЕПГ, постоянный представитель ГДР в СЭВ; Гюнтер Зибер (р. 1930) – зав. отделом международных связей ЦК СЕПГ, член ЦК СЕПГ; Ханс-Йоахим Виллердинг (р. 1952) – секретарь, член Совета ССНМ, член ЦК СЕПГ; Герман Аксен (р. 1916) – член ПБ, секретарь ЦК СЕПГ, председатель комитета по международным делам Народной палаты; Йоханнес Кемницер (р. 1929) – член ЦК, 1-й секретарь Нойбранденбургского окружкома СЕПГ, на X пленуме ЦК СЕПГ избран кандидатом в члены ПБ и секретарем ЦК СЕПГ; Ханс-Йоахим Беме (р. 1929) – член ПБ ЦК и 1-й секретарь Галльского окружкома СЕПГ; Эгон Кренц (р. 1937) – генеральный секретарь ЦК СЕПГ, председатель государственного совета ГДР; Вольфганг Хергер (р. 1935) – зав. отделом безопасности ЦК СЕПГ; Ингебург Ланге (р. 1927) – член ЦК, председатель комиссии по делам женщин при ПБ СЕПГ; Зигфрид Лоренц (р. 1930) – член ЦК, 1-й секретарь Карл-Маркс-штадтского окружкома СЕПГ; Понтер Шабовский (р. 1929) – член ПБ, секретарь ЦК, 1-й секретарь Берлинского окружкома СЕПГ; Клаус Хепке (р. 1933) – зам. министра культуры ГДР; Грегор Ширмер (р. 1932) – зав. отделом образования ЦК СЕПГ.

84

Заменивший 18 октября Эриха Хонеккера на посту генерального секретаря ЦК СЕПГ Эгон Кренц посетил Москву 1 ноября, где был принят М.С. Горбачевым, обещавшим ему полную поддержку.

85

Лаутер свидетельствовал позже, что 7 ноября 1989 года политбюро ЦК СЕПГ поручило МВД в срочном порядке, к 9 ноября, совместно с МГБ подготовить проект такого урегулирования порядка выезда граждан ГДР на постоянное место жительства в ФРГ, которое избавляло бы их от необходимости использовать территорию третьих стран. Лаутер получил соответствующее указание от министра внутренних дел утром 8 ноября.

Позже они ссылались в свое «оправдание» на два момента: а) желание избежать того, чтобы упрощение условий выезда только для лиц, желающих покинуть ГДР навсегда, ставило тех в более привилегированное положение по отношению к людям, собирающимся вернуться; б) имевшиеся сведения из окружения Эгона Кренца о том, что «свободу поездок» планируется ввести не позже Рождества (то есть до 24 декабря) 1989 года.

Правящим бургомистром стал именоваться глава западноберлинской администрации после раскола города в 1948 году на западную и восточную части; глава восточноберлинской администрации сохранил традиционный титул обер-бургомистра.

В принципе Вальтер Момпер был подготовлен к такому повороту событий – еще 29 октября Понтер Шабовский доверительно сообщил ему о намерении руководства ГДР до Рождества 1989 года ввести «свободу поездок» для граждан республики. Посольство СССР не было информировано об этой беседе.

Предварительно, во время перерыва заседаний пленума на обед, текст постановления был утвержден членами политбюро. Единственный вопрос, который был тогда задан, касался того, знает ли Москва о шаге, который собирается предпринять ГДР. Кренц ответил утвердительно.

Опубликованный 6 ноября проект закона о выездах был несомненным шагом вперед, но содержал некоторые ограничения, которые вызвали шквал критики и недовольства (он предусматривал возможность отрицательного решения властей по ходатайствам о выезде без указания причин такого отказа; длительность поездок ограничивалась 30 днями в год; «за кадром» оставалась финансовая сторона поездок).

Шабовскому задается также вопрос о дальнейшей судьбе стены, которая в результате принятого ГДР решения превращается, так сказать, в «бесцельную бетонную перегородку». В ответ он, ссылаясь на доклад Кренца, говорит, что в контексте урегулирования вопроса о стене ГДР рассчитывает на новые инициативы ФРГ в области поддержания мира, а также на новые шаги ФРГ и НАТО в области разоружения.

92

Охрана стены была организована следующим образом: предотвращение нарушения границы извне и изнутри обеспечивалось регулярными частями Национальной народной армии; паспортный и иной контроль на границе осуществлялся сотрудниками министерства госбезопасности ГДР; они не отличались друг от друга ни униформой, ни знаками отличия, но подчинялись разным ведомствам; и те и другие вместе именовались пограничниками. Гешке представлял ННА. Пограничный участок Центр отвечал за всю 156-километровую стену вокруг Западного Берлина и ее КПП; командующему участком подчинялись 7 пограничных полков и 2 учебных пограничных полка общей численностью 12 000 человек.

93

Министерство обороны ГДР было расположено в городке Штраусберг к северу от Берлина.

7 ноября долголетний председатель Совета министров ГДР Вилли Штоф подал в отставку.

То есть с Эгоном Кренцем.

Пользоваться берлинскими воздушными коридорами имели право только военные самолеты и гражданские авиакомпании трех западных держав, а также ВВС Группы советских войск в Германии.

97

«Траби» – ласкательное наименование малолитражки «трабант», самой популярной среди жителей ГДР автомашины. В период с 1957 по 1991 год автозавод в Цвикау произвел около трех миллионов «трабантов» (в переводе «спутник»). Автомобиль сохранил свою популярность и после закрытия завода. В 2007 году у уменьшенной копии «трабанта» на Международной автомобильной выставке в Берлине состоялся опрос 12 000 посетителей, более 90% которых выразили пожелание приобрести машину этой марки. К 2009 году консорциум фирм из Саксонии и Франконии разработал проект возобновления выпуска любимой машины восточных немцев, на этот раз с электромотором. В случае реализации проекта новые «трабанты» появятся на дорогах Германии уже в 2012 году.

«Приветственные деньги» выплачивались каждому приезжающему в ФРГ жителю ГДР, включая детей. Их размер составлял с августа 1987 года 100 немецких марок на человека один раз в год.

Пограничник был прав в том смысле, что объявленная Шабовским либерализация режима перехода границы относилась лишь к направлению с Востока на Запад, но не наоборот.

100

Фешенебельная улица Курфюрстендамм расположена на другом краю Западного Берлина.

101

Стена стояла не на самой секторальной границе, а немного отступив от нее в глубь Восточного Берлина. ГДР и СССР всегда настаивали на том, чтобы эта полоса вдоль границы оставалась неприкосновенной. Со своей стороны, власти трех держав в Западном Берлине требовали, чтобы западноберлинские официальные лица строго соблюдали запрет вступать на территорию ГДР или Восточного Берлина.

102

Берлинская комендатура была четырехсторонней до выхода из нее советского представителя в 1948 году в знак протеста против западной политики раскола Германии. Западные державы заботливо поддерживали фикцию «четырехсторонности» этого органа: ежемесячные заседания трех комендантов начинались каждый раз с 15-минутной задержкой, чтобы «опаздывающий» советский представитель успел присоединиться к коллегам.

103

Карлсхорст – район Берлина, где 9 мая 1945 года был подписан Акт о капитуляции фашистской Германии, а затем традиционно располагались советские учреждения – штаб-квартира Советской военной администрации в Германии, Советской контрольной комиссии и т.д. В здании, в котором подписывался Акт о капитуляции, ныне находится работающий на паритетных началах Российско-Германский музей Берлин-Карлсхорст.

Ранее подобные посты занимали лишь представители СЕПГ.

105

Митинг не состоялся; одолевали другие заботы.

106

Вернер Вальде (р. 1926) – 1-й секретарь окружкома СЕПГ Котбус, кандидат в члены политбюро ЦК СЕПГ; Понтер Миттаг (р. 1926) – член политбюро, секретарь ЦК СЕПГ по экономике; Ханс Модров (р. 1928) – 1-й секретарь Дрезденского окружкома СЕПГ, с 13.11.1989 председатель Совета министров ГДР; Герхард Байль (р. 1926) – член ЦК СЕПГ, министр внешней торговли ГДР.

107

Как выяснилось позже, Гилмор уже ночью дал согласие на переход белой линии западноберлинской полицией; его вопрос был своего рода «перестраховкой».

108

Неясно, почему «падение» Хонеккера датируется здесь 9 ноября: на самом деле он, как уже отмечалось, лишился поста генерального секретаря ЦК СЕПГ 18 октября 1989 года.

109

Мне и сегодня непонятно, чем можно было восхищаться в тот драматический момент.

Приобретавшиеся на конвертируемую валюту чеки, дававшие возможность закупать западные товары в специальных магазинах.

111

Состав правительства Ханса Модрова и его правительственную программу Народная палата утвердила 18 ноября.

112

Надо полагать, что указание Шеварднадзе было вызвано путаницей, вызванной утренним сообщением посла о «вводе войск в район Бранденбургских ворот», которое дошло до Москвы без необходимого уточнения, что речь могла идти лишь об армии ГДР. Западная группа войск (прежнее наименование «Группа советских войск в Германии» было изменено летом 1989 года по настоянию Хонеккера) с 6 ноября 1989 года находилась на казарменном положении: был запрещен всякий выход в город для всех военнослужащих. Такой порядок действовал из предосторожности во время крупных праздников СССР и ГДР («Как бы чего не вышло!»). Таким образом, в ЗГВ никаких «шевелений» не было и не могло быть. Командование группы, как и все представители СССР, находилось в своих рабочих кабинентах и пыталось лишь издали разобраться в том, что же происходит в ГДР.

113

В частности, участники совещания докладывали, что число беженцев из ГДР заметно сокращается и появилась надежда справиться с этой проблемой, причем ее решение представляется для ФРГ «более легким делом, чем для ГДР». Они говорили далее, что в ФРГ переселенцы из ГДР принимаются еще с симпатией, иногда даже с энтузиазмом, но если их количество будет расти, то из-за недостатка квартир возможен перелом в настроениях: «От западных немцев сейчас требуется такая готовность идти на жертвы, какой уже давно не наблюдается».

По сложившейся традиции обсуждение вопросов, касающихся Берлина и Германии в целом, входило в компетенцию посольства СССР в ГДР и посольств США, Великобритании и Франции в ФРГ. Однако упомянутого Скоукрофтом указания советское посольство в Берлине не получало. Возможно, американцы хотели этой «неточной» информацией оправдать визит к В.И. Кочемасову посла США в Бонне Вернона Уолтерса, состоявшийся в воскресенье 12 ноября по инициативе американцев.

«Frankfurter Allgemeine», 29. September 2000.

116

Это было красочное шоу под заглавием «Вокруг света за 80 лет».

117

Программа телевидения ГДР «Актуэлле камера-2»; я этой передачи не видел и, естественно, ссылаться на нее никак не мог.

«National Zeitung», 8. Dezember 1989.

119

Aspen Institute; этот формально частный американский институт активно используется администрацией США для расширения сети зарубежных контактов и изучения общественного мнения страны пребывания.

120

Списки товаров и услуг, запрещенных НАТО для обменов с социалистическими странами.

121

Герхард Шюрер – председатель Госплана ГДР.

122

Понтер Миттаг – член политбюро, секретарь ЦК СЕПГ по вопросам экономики.

123

Эрих Мильке – член политбюро ЦК СЕПГ, министр государственной безопасности ГДР.

Соответствующий пассаж в правительственном заявлении гласил: «Правительство ГДР готово всемерно расширять сотрудничество с ФРГ и поднять его на новую ступень. Это относится ко всем вопросам: обеспечение мира, разоружение, экономика, наука и техника, охрана окружающей среды, транспорт, почта и телефон, культура, туризм и огромная гуманитарная сфера. Мы за то, чтобы подкрепить сообщество ответственности обоих немецких государств договорным сообществом, которое выйдет далеко за рамки договора об основах отношений и договоров и соглашений, заключенных до сегодняшнего дня обоими государствами. Данное правительство готово к переговорам на эту тему».

125

Термин «сообщество ответственности» был изобретен Хонеккером и Колем после начала размещения на территории Западной Германии американских ядерных ракет «Першинг-2». Отсутствие четкого содержания у этого понятия дало Хонеккеру возможность под благовидным предлогом уклониться от присоединения к ответным мерам СССР, решение о которых было принято Ю.В. Андроповым.

126

Португалов передал Тельнику письменный документ с изложением своих «личных соображений», который он составил от руки в гостинице. Вручение документа, даже рукописного, придавало демаршу Португалова почти официальный характер, хотя остается неясным, с кем он согласовал его содержание (более подробно см. статью А.М. Филитова «Советская политика и объединение Германии (1989-1990 гг.)», «Отечественная история» № 6, 2004, с. 47-49, а также Александр фон Плато. Объединение Германии – борьба за Европу. М., 2007, с. 101-103). Как сообщил на круглом столе в Институте экономики РАН «Российско-германские отношения в контексте европейской безопасности» 4 декабря 2008 года В.М. Фалин, являвшийся тогда непосредственным начальником Португалова, тот был направлен в Бонн с единственным заданием – предупредить Коля, что возможные недружественные акции против ЗГВ вызовут соответствующие ответные меры; перед отъездом у Португалова была длительная беседа с помощником генсека ЦК КПСС А.С. Черняевым, о содержании которой Фалина не информировали.

127

Teltschik H. 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991, S. 44.

Сами по себе «10 пунктов» Коля не представляли собой чего-то сверхъестественного. Они содержали следующие положения: 1) немедленная конкретная помощь ГДР, в частности, в форме создания валютного фонда, при условии, что ГДР откажется от обязательного обмена валюты при въезде граждан ФРГ на ее территорию; 2) продолжение сотрудничества с ГДР, прежде всего в гуманитарной области; 3) расширение сотрудничества, если ГДР откажется от планового хозяйства; 4) реализация договорного сообщества; 5) создание в Германии конфедеративных структур в качестве перехода к федеративному устройству; 6) состыковка продвижения во внутригерманских отношениях с общеевропейским развитием; 7) заключение договора о торговле и кооперации между ГДР и Европейским сообществом как первый шаг к ассоциации между ними; 8) продолжение процесса СБСЕ; 9) существенное разоружение и контроль над вооружениями; 10) в качестве конечной цели – «восстановление государственного единства Германии». Значение «пунктов» заключалось прежде всего в демонстративном переводе курса на присоединение ГДР из области теории в практическую плоскость.

129

Modrow H. Ich wollte ein neues Deutschland. Munchen, 1999. S. 348.

130

Немецкий термин «Katzentisch» для обозначения стола с более низким уровнем обслуживания, чем за главным столом.

131

Neue Chronik DDR. Berichte, Fotos, Dokumente, recherchiert und zu-sammengestellt von Zeno und Sabine Zimmerling, 4./5. Folge, 23. Dezember 1989-18. Marz 1990. Berlin, 1990. S. 70.

132

Конрад Вайс – один из руководителей объединения «Демократия сейчас», Ибрагим Беме – управляющий делами СДП ГДР.

133

Modrow H. Ich wollte ein neues Deutschland. Miinchen, 1999. S. 407-409.

«Berliner Zeitung», 19. Januar 1990.

«Berliner Zeitung», 26. Januar 1990.

Имелась в виду западногерманская партия «республиканцев» крайне правого толка.

137

Имеется в виду обстоятельный доклад Ханса Модрова на заседании круглого стола 15 января 1990 года, в котором затрагивались вопросы расследования деятельности МГБ.

138

Александр Шальк-Голодковский, с 1966 года руководитель отдела коммерческой координации министерства внешней торговли, с 1975 года заместитель министра внешней торговли ГДР, полковник госбезопасности, член ЦК СЕПГ, исключен из партии 3 декабря 1989 года, 6 декабря бежал в Западный Берлин, получил политическое убежище в ФРГ. Одна из самых загадочных фигур политической истории ГДР.

139

Всемирно известный дирижер, возглавлявший лейпцигский оркестр Гевандхаус, один из наиболее авторитетных представителей оппозиции в ГДР.

Яркий пример того, как опасны прогнозы в политике: ПДС преодолела кризис и является сейчас второй по влиянию партией в «новых землях» (после ХДС).

141

Благодаря особым отношениям с ФРГ восточногерманская республика пользовалась статусом «неофициального» члена Европейских сообществ.

142

Посольство СССР в Берлине по понятным соображениям настаивало на том, чтобы Модров и Гизи были приняты Горбачевым раньше, чем Коль.

143

Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993, с. 346-347. Численность ЗГВ превышала 400 тысяч человек. Требований о выводе группы с немецкой стороны не поступало. В ходе государственного распада ГДР бывали случаи предъявления претензий к отдельным соединениям ЗГВ, в основном к частям ВВС (из-за повышенного уровня шума вблизи аэродромов). Но конфликты удавалось быстро гасить путем изменения графиков полетов или введения новых трасс в обход населенных пунктов. Знаю об этом не понаслышке. 10 февраля 1990 года мне довелось вести переговоры на эту тему с представителями жителей города Пренцлау, устроивших демонстрацию перед зданием посольства СССР в Берлине. Вопрос о выводе ЗГВ ни тогда, ни позже демонстрантами не поднимался. Споры по поводу неудобств от аэродромов и сейчас постоянно возникают в ФРГ и в военном, и в цивильном секторах.

144

В правительственном заявлении де Мезьера выражалась надежда на то, что удастся выставить единую германскую команду на Олимпийских играх в Барселоне в 1992 году. После объединения де Мезьер оправдывал свой «пессимизм» ссылкой на то, что реализация «десяти пунктов» Коля была рассчитана на срок от 8 до 10 лет (Lothar de Maiziere, Anwalt der Ein-heit. Berlin. 1996, S. 78).

Предложения посольства предусматривали согласие на создание конфедерации как первой стадии объединения германских государств, которые должны продолжительное время сосуществовать, хотя отношения между ними не могут не носить «особого характера». Главную роль в определении рамок и темпов этого процесса должны играть четыре державы, несущие согласно послевоенным договорам «ответственность за Германию в целом».

146

См. также: *Lehmann H.G.* Deutschland-Chronik 1945 bis 1995, Bonn. 1996. S. 393.

147

Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. М., 2006, с. 340-353, 356.

«Правда», 11 февраля 1990.

149

Teltschik H. 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991. S. 138-141.

Modmw Hans. Ich wollte ein neues Deutschland. Munchen, 1999. S.418.

151

Steinitz K. Wirtschaft bankrott? Die DDR-Okonomie Ende der achtziger Jahre, in: Stefan Bollinger(Hrsg.). Das letzte Jahrder DDR. Zwischen Revolution und Selbstaufgabe. Berlin, 2004. S. 95.

152

Статья 23 конституции ФРГ предусматривала присоединение к ней частей рейха в границах 1937 года без каких бы то ни было переговоров о создании нового объединенного германского государства. Именно таким образом и состоялось объединение Германии 3 октября 1990 года.

153

Валюта ГДР также называлась маркой, но без какой-либо дополнительной характеристики.

Михаил Горбачев и германский вопрос. Сборник документов 1986-1991 гг. М., 2006. с. 399-408.

155

Doppelmitgliedschaft – двойное членство.

РМСД – ракеты средней и малой дальности.

Thatcher Л/. The Downing Street Years. London-New York, 1993. S. 793.

«Wall Street Journal», January 27, 1990.

159

Cm. *Kaeselitz H.* Deutschland – wieder europuische GroBmacht. Die Angste der Maggi Thatcher, in: Stefan Bollinger (Hrsg.), Das letzte Jahr der DDR. Zwischen Revoluton und Selbstaufgabe. Berlin, 2004. S. 402.

Gortemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von der Griindung bis zur Gegenwart. Frankfurt/Main, 2004. S. 756.

«Frankfurter Allgemeine Zeitung», 14. Dezember 1989.

Gerlach M Mitverantwortlich. Als Liberaler im SED-Staat. Berlin, 1991. S. 372.

163

В начале декабря 1989 года хорошо организованные демонстранты под лозунгом предотвращения уничтожения архивов Штази заняли окружные управления госбезопасности; это привело к прекращению их деятельности. Считается, однако, что окончательно органы госбезопасности были распущены в январе 1990 года, когда толпа взяла штурмом уже бездействующее центральное здание МГБ на Норманненштрассе.

Umbruch in Europa. Die Ereignisse im 2. Halbjahr 1989. Eine Dokumen-tation, hrgb. vom Auswurtigen Amt. Bonn, 1990. S. 125-127

165

Имелся в виду «план Модрова» от 1 февраля 1990 года.

166

Ханс Райхельт, член правления Демократической крестьянской партии Германии; до 1989 года неоднократно был министром сельского хозяйства ГДР; с ноября 1989 по январь 1990 г. министр по охране природы, окружающей среды и водного хозяйства; подал в отставку 9 января.

«Neues Deutschland», 576. Mai 1990.

168

См. *Biermann R.* Zwischen Kreml und Kanzleramt. Wie Moskau mit der deutschen Einheitrang. Paderborn–Munchen–Wien–Zurich, 1998, S. 315-317, 512-514.

169

См. *Kiessler R.* Frank Elbe, Der diplomatische Weg zur deutschen Ein-heit. Baden-Baden, 1993. S. 80; *фон Плато Александр.* Объединение Германии – борьба за Европу. М., 2007, с. 268-269.

Gortemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von der Grundung bis zur Gegenwart, Frankfurt/Main, 2004, S. 758.

171

Министр иностранных дел ГДР Маркус Меккель совершенно справедливо заявил на встрече министров иностранных дел по формуле «два плюс четыре» 17 июля в Париже протест против того, что ФРГ и СССР принимали в Архызе решения по ГДР в отсутствие ее представителя. Он тогда также потребовал запретить распространение структур НАТО на Восточную Германию и на период после вывода ЗГВ, а также зафиксировать отказ от размещения ядерного оружия на всей германской территории (См. *Вгиск Е., Wagner РЖ* Wege zum 2+4-Vertrag. Munchen, 1994. S. 201). Реакцию Бонна легко себе представить. Вскоре после Парижской встречи Меккель был отправлен в отставку. Пост министра иностранных дел де Мезьер оставил за собой.

Teltschik Horst. 329 Tage. Innenansichten der Einigung. Berlin, 1991. S. 323-324.

173

Гельмут Коль обещал оказать многомиллиардную финансовую помощь в деле строительства жилья для офицерского состава выводимых из Германии частей ЗГВ, но не выполнил своего обещания. В мемуарах канцлера по этому поводу говорится: «Все было хорошо запланировано и пущено в ход, и все же ненадежность турецких субподрядчиков, которые должны были построить новые жилища, привела к возникновению неожиданных проблем. План не выполнялся, и русские стали выдвигать новые денежные претензии. В беседе с глазу на глаз с Ельциным […] я мог лишь с сожалением сообщить ему, что не в состоянии выделить больше ни пфеннига на дополнительные требования. Мы однозначно стали нарушителем договора, так как наш немецкий генеральный подрядчик жилищного строительства в России не мог ссылаться на несостоятельность субподрядчика. С пустыми руками и с четким сознанием нашего провала я мог лишь просить моего друга Бориса о снисхождении. И что же сделал этот властный человек после возбужденной дискуссии между экспертами с обеих сторон? К всеобщему изумлению, в первую очередь для своих собственных людей, Ельцин сказал: «Россия не выдвинет требований к Федеративной Республике. Я не причиню затруднений федеральному канцлеру». Тем самым для германской стороны с этой проблемой было покончено. А ведь у России были все основания затянуть вывод войск на годы». Коль добавляет: «Как [русские] справились с ситуацией, несмотря на отсутствие жилья, я не могу себе представить. Пострадавшими были, бесспорно, солдаты…» (*Kohl Helmut.* Erinnerungen. 1990-1994. Munchen, 2007. S. 717-718). Добавим – как всегда.

174

См. *Lehmann H.G.* Deutschland-Chronik 1945 bis 1995. Bonn, 1996. S. 430.

Иванов А. Message: Чусовая., СПб., 2007, с. 316-317.

В конечном счете в соответствии со специальным межправительственным соглашением музею был придан билатеральный статус; под названием Германо-российский музей Берлин-Карлсхорст он функционирует по сей день; его руководящими органами являются работающие на паритетных началах Совет учредителей и Научный совет.

177

Опасения ГДР не были беспочвенными – договор был действительно аннулирован задним числом; соответствующее постановление Верховного Совета СССР, датированное 2 октября, было опубликовано лишь 4 октября.

В дальнейшем термин «филиал» был заменен на «отделение».

179

После выборов 18 марта Народная палата ГДР постановила вернуть Карл-Маркс-штадту его прежнее название Хемниц.

«Spiegel», 29. Juni 2009.

См. «Berliner Zeitung», 26. Juni 2009.

См. «Suddeutsche Zeitung», 21. Juli 2009.

См. «Suddeutsche Zeitung», 18. Mai 2009.

Solms-Laubach F. Ost- und Westdeutsche entfernten sich voneinander. «Die Welt», 22. Mai 2009.

«Welt am Sonntag», 19. Juli 2009.

Напротив, восточные немцы довольны прогрессом в области потребления, жилья, туризма и свободы.

187

См. «Die Welt», 21. Juli 2009.

См. «Die Welt», 2. Januar 2009.

189

По результатам опросов, 24% жителей «старой» ФРГ хотели бы вернуть стену на старое место (среди восточных немцев доля сторонников подобного шага составляет 12%) – см. «Die Welt», 28. Marz 2005.

190

См. «Die Welt», 22. August 2009. По данным германской статистики, ежегодно в экономику «новых земель» вкладывается около 100 миллиардов евро и так будет продолжаться как минимум еще 20 лет.

191

См. «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 10. Oktober 2004.

192

Министр Тифензее (СДПГ) заявил в связи с публикацией этого доклада, что политика ФРГ никогда не признает существования «потерянных регионов». Однако что делать в этой ситуации, не знает и он.

Mayer T. «Wendekind Sarah verlusst die schrumpfende Stadt». «Spiegel», 27. Juli 2009.

См. «Die Welt», 12. Juli 2009.

«Die Welt», 22. August 2009.

196

См. «Empdrung uber ZDF-Reporter wuchst», «Suddeutsche Zeitung», 24. August 2009.

Merles W. «Wir sind kein Volk». «Die Welt», 3. Oktober 2004.

www.einestages.spiegel.de/external/
ShowAlbumBackgroundPrint/ a4748.html

Muller U. «Der Aufbau Ost schaffi keine Arbeitsplutze und reiBt den Westen in den Abgrund», «Welt am Sonntag», 6. Murz 2005.

200

Scholl-Latour P. Zwischen den Fronten. Erlebte Weltgeschichte. Berlin, 200., S. 283-284.

201

См. «Suddeutsche Zeitung», 21. Juli 2009.

Klefimann C. Die doppelte Staatsgriindung. Deutsche Geschichte 1945-1955. Bonn, 1991. S. 302.

Momper Wr. Grenzfall. Berlin im Brennpunkt deutscher Geschichte. Munchen, 1991.S. 151.

См. *Torben W*, «Ostalgie aus dem Regal». «Spiegel», 18. Mai 2009.

205

Сообщение бывшего премьер-министра ГДР Лотара де Мезьера на научной конференции «Объединение Германии. История и уроки» в Дипломатической академии МИД РФ. Москва, 20 декабря 2004.

206

СССР и германский вопрос 1941-1949. Документы из архива внешней политики Российской Федерации, т. III. СССР и германский вопрос 6 октября 1946 г. – 15 июня 1948 г.,М, 2003, с. 357.

207

Визит канцлера Аденауэра в Москву 14 сентября 1955 г. Документы и материалы. М, 2005, с. 70.

Некоторые комментаторы объясняли уважительное отношение немцев к России летом 2009 года их желанием продемонстрировать высокий уровень российско-германского сотрудничества накануне важных выборов в бундестаг в сентябре. Если это так, то можно только порадоваться тому, что добрые отношения с нашей страной стали весомым фактором внутриполитической обстановки в ФРГ

www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Reden/2009/090610-BM

Косачев К. «Восточно-западное партнерство» // «Известия», 26 мая 2009.

211

Первоначально существовало строгое различие между рангами дипломатических представителей в зависимости от статуса государства, где они аккредитовывались. Послы назначались в наиболее важные зарубежные государства: в германском регионе у Петербурга был только один посол – в Вене, при дворе кайзера Священной Римской империи германской нации. В государствах менее значительных (например, при дворах прусского и баварского королей) Российскую империю представляли посланники. После провозглашения в 1871 году Германской империи в Берлин был назначен посол.

Соколов М. Забытая профессия // «Известия», 20 августа 2009.

213

Можно было бы принять эту сентенцию за шутку (четыреста лет назад мы экспортировали не нефть и газ, а зерно и пушнину), но она показывает, насколько глубоко засели в немецких головах русофобские тезисы германской историографии, которая не признает за нашей страной более чем тысячелетнюю историю, датируя ее возникновение созданием Московского княжества.

В отношении итогов состоявшейся 3 февраля американо-германской встречи Бар сообщил мне позже, что ее участники поддержали предложение о выводе ядерных боезарядов с территории ФРГ и выразили заинтересованность в участии аналогичной группы представителей России в подобных дискуссиях, тем более что в пользу безъядерного мира уже выступают бывшие высокопоставленные политики Франции, Норвегии, Польши, Италии, Испании и Великобритании. В ходе продолжившегося 5 февраля в Мюнхене обсуждения данной тематики подчеркивалось центральное значение американо-российских переговоров о заключении договора СНВ-2 также для предстоящей конференции по выполнению договора о нераспространении.